

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей
по докладам XIII Всероссийских Копыловских чтений

НОВОСИБИРСК
2019

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46
С 692

Рецензент

Кущенко С.В., д-р филос. наук, профессор

С 692 **Социальная онтология России:** сборник научных статей по докладам XIII Всероссийских Копыловских чтений / под ред. М.В. Ромма, В.И. Игнатьева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 383 с.

ISBN 978-5-7782-4000-1

Традиционный сборник научных статей по докладам XIII Всероссийских Копыловских чтений «Социальная онтология России» в рамках Научной сессии НГТУ в марте 2019 года составлен из текстов участников Чтений по проблемам социальной философии, социологии, истории России, культурологии и политологии в предметной области социальных и гуманитарных исследований. Тематикой Чтений являлось бытие российского общества в настоящее время, его исторические корни и культурные традиции. Сборник посвящен 95-летию со дня рождения профессора И.Я. Копылова.

В сборник включены материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Человек и его будущее в технологической реальности». Мероприятие проводилось в рамках Международного научно-практического форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения». В работе конференции приняли участие аспиранты и студенты 15 различных вузов России.

Материалы сборника предназначены студентам бакалавриатов, магистратур и аспирантур, а также преподавателям и специалистам социальных и гуманитарных направлений.

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46

ISBN 978-5-7782-4000-1

© Коллектив авторов, 2019

© Новосибирский государственный
технический университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Завьялова Н.И., Шабалин М.А. Изяслав Яковлевич Копылов.....	7
Бобров Р.С. Интернет-общение как причина эмоционального одиночества	12
Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. Роль старообрядчества в духовной жизни Российского общества	21
Вихман В.В., Ромм М.В. Формирование теоретического знания: меж- дисциплинарные подходы	29
Гайкин В.А. Россия – Евразия в геополитике XXI века.....	38
Гербер О.А. Национальная политика временного правительства и национальные движения	47
Данилкова М.П. Нравственный релятивизм как деструктивная тен- денция в индивидуальной системе ценностей	57
Дмитриева А.И., Сандакова Л.Б. Проблема формирования творческо- го мышления через призму концепции «языковых игр» Л. Вит- генштейна	63
Зайцева Т.И. Умное делание в православии	67
Закиров А.Ф. Научная и творческая интеллигенция в СССР в 1940–1950 гг.: обсуждение некоторых аспектов истории и науки (по материалам Татарской АССР)	74
Игнатьев В.И. Гибридный социум. Новые агенты социальной структу- ры и стратификации цифрового общества	83
Крейк А.И. Семантико-феноменологический анализ ключевых терминов, используемых в социологической организационной диагностике	100
Кушченко С.В. Оператор «превращенность» как соотношение рацио- нального и иррационального (социально-информационный аспект).....	116
Левин В.И. Религия и наука.....	124

Мазурова М.Р. К вопросу о формировании критического мышления студентов технических вузов	127
Мельник В.М. Онтология историографии: очерк кризиса на примере восприятия Византии	132
Моргунов Г.В. Практики познания и когнитивный креатив	139
Наумова Т.В. Глобальные тенденции социоприродного взаимодействия.....	150
Новоселов В.Г. Образовательный процесс в контексте знаковой интерпретации	157
Пронер Н.С. Культура как механизм адаптации личности в контексте сетевого подхода.....	163
Рамазанова Л.А. Символы Башкортостана в советской и современной повседневности (по материалам экспозиции ГБУКИ РБ, национальный музей РБ).....	168
Самоделова Е.А. Ментальность таежного жителя как код региональной культуры (на примере жизнедеятельности Е.В. Честнякова).....	175
Сандакова Л.Б. Нейрообразование: зоны этических и социальных рисков	185
Сивирин Б.С. К вопросу о проявлениях технологической обреченности будущего человечества.....	193
Соегов Мурадгелди. О русскоязычном полиглоте-туркмене, носившем еще и русское отчество	197
Сологубова Г.С. Интеллектуальный суверенитет России и проблемы интеллектуального события	203
Суханова Н.П., Сапеев М.С. Межконфессиональный диалог в поликультурном пространстве	209
Тимошенко И.Г. Философские основания проблем современного выживания цивилизации	214
Тимошук А.С. Социальная онтология России: генезис, особенности, значение.....	232
Тимошук Е.А. Интенциональность и социокультурное бытие	241
Угрюмов В.Е. Мировоззренческие аспекты творчества С.Т. Аксакова	250
Упоров И.В. Человек и социум: биологическая и социальная составляющие в контексте политико-правового развития	257
Черняков А.А. Проблема понимания технической реальности в рамках специальной науки	265
Черепанов И.В. Легкая проблема сознания	271

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	278
Александрова О.С. Влияние киберпространства на человека	278
Артемьева А.М. Ухудшение экологии как проблема регресса общества	281
Ашурков Н.В., Каплей М.Ю. Кризис культуры как результат техниче- ского прогресса (на примере киберпанка).....	284
Банщиков А.В. Необходимость системного подхода при анализе и проектировании будущего современной борьбы за социальное равенство	286
Баринов Н.В. Технопарки – драйверы экономической модернизации и социокультурного развития россии.	288
Бобрик А.И., Зобов Н.М. Искусственный интеллект как причина безработицы	291
Брыжинская А.А., Рязанова Д.С. Применение медиативных процедур в разрешении споров, возникающих в медицинской деятельности (на примере оказания стоматологических услуг)	294
Ворсина Е.А. Философские и методологические вопросы прогнози- рования и проектирования будущего: падение в технологическую сингулярность	296
Горбунова Е.В. Кризисное общество и его формы: гендерный аспект	299
Дюков Н.В. Агроэнергетика: современные проблемы и экологические перспективы развития	301
Жерनावков П.С. Генезис административных барьеров в системе государственного управления на транспорте: социально-фило- софский аспект.....	304
Завьялова А.В., Бурманов С.А. Социальные последствия соремненного технологического прогресса.	307
Зверева Е.С., Маркакова С.А. Социальный и технологический утопизм: влияние и основные особенности	309
Изотов А. Каким будет мир будущего?	311
Кирюхина В.А. Как технологии могут изменить наше будущее	313
Кобобель И.В., Прокопов А.В. Образ будущего человека в условиях научно-технического прогресса	317
Кудрин Б. И., Пушин С.Л. Философское осмысление техногенного прогресса и начало технозойской эры	320

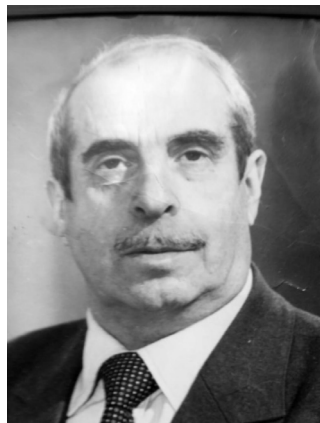
Лесс В.М., Салчак А.В. Проблемы ценностей в условиях научно-технического прогресса	323
Липодат В.А. Научная фантастика как метод предвидения	327
Никитин К.А. Инженерная этика как важная часть профессиональной образовательной культуры инженера	329
Нестерова А.А. Картина будущего и синергетика.....	331
Новоселов А. А. Парадокс Тесея при переносе сознания.	334
Омельченко Е.В., Скоробогатова А.Е. Парадокс корабля Тесея в современном мире.....	337
Петлюк Д.В. Интернет как элемент глобального межкультурного взаимодействия	338
Пирогов А.Е. Проблема природы таланта.....	340
Пичелатова К.С., Сафронова Д.Д. Влияние изменений на экономическое поведение.....	344
Подольский В.А., Шмырина Н.А. Реклама по Фрейду.....	347
Потанина Е.А. Биомехатроника и будущее	349
Прокофьев М.С. Возможности использования «anatomage table edu 6.0.2» в обучении студентов-медиков.....	352
Рамазашвили А.М. Фантастический мир в произведении Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».....	356
Санина А.Е. Этичен ли нейромаркетинг?	359
Соловьёва К.С. Биомедицинская детерминация будущего.....	362
Соловьёва К.С., Сотников В. Технизация духа и души – гибель духа и души?	365
Тагирова Х.Р. Роль мотивации в становлении личности.....	368
Чепиго И.В., Некрасов Е.Е., Сабыралиев Б.С. Экзистенциальный кризис в информационном обществе.....	371
Шевяхова Е.А., Немчинова А.Л. Традиционная народная культура в глобализирующемся мире.....	374
Щекотько В.С. Социальный прогресс: иллюзия или реальность	377
Сведения об авторах	380

Завьялова Н.И., Шабалин М.А.

ИЗЯСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ КОПЫЛОВ

Родившийся в 1924 году, том самом, что почти не оставил мужского племени в стране, Изяслав Яковлевич был щадим судьбой. Большинство мужчин родившихся в этом – роковом, страшном году, извела, погубила Великая Отечественная. Война опалила его, но оставила в живых. Война закалила, научила жизни, определила на всю жизнь интерес к науке. Он прожил замечательную жизнь ученого, воспитав собственных детей, оставив многочисленных учеников на кафедре философии, которой заведовал, пока позволяли силы и здоровье.

Он был потомком еврейских кантонистов и даже фамилию русскую Копылов получил один из предков, воевавших за русского царя, за то, что в бою вынес раненого русского полковника Копылова.

Подростком Изяслав вполне оправдывал фамилию, означавшую гордость и строптивость. Хулиганский район воспитал в еврейском мальчишке смелость, самоотверженность и умение постоять за себя. Дружба, взаимовыручка была законом времени и того круга, который был предписан ему и его семье уложениями Российского права.

С материнской же стороны случилось Изяславу Копылову быть наследником еврейской творческой интеллигенции: Шолома Алейхема и Хаима Нахмана Бялика.

Вот так и оправдывал гены своих предков Изяслав Копылов: большую часть жизни носил погоны, а занимался наукой, преподавал, заведовал кафедрами, готовил аспирантов.

Тема научного интереса тесно и навсегда оказалась связана с национальным вопросом. Парадоксально, но с младых лет мальчик был свободен от национальных традиций, культуры, и языка. Да и как еще могло быть в семье, в которой отец Изяслава Яков Копылов был бригадиром на Воронежской стройке.

Ребенком Изяслав был чрезвычайно трудным. Только отличные оценки в школе, интерес к чтению книг, великолепные отзывы учителей, отмечавших способности мальчика к обучению, соединялись в нем с жестким независимым характером. Он верховодил в компаниях и сверстников и часто в тех, где были парни старше него. Родители соседских детей запрещали им водиться с этим «хулиганом».

Войну он встретил девятиклассником. Мальчишками они просились на фронт, на который их не брали. В стране шла массовая эвакуация, школа была на время забыта. Семья перебралась на Алтай, в Славгород. Потерянный год определил то, что когда над его поколением «грянул смертный гром», он не закончил еще и десятого класса.

Офицер из военкомата озвучил призывной список с его фамилией в сентябре 1942 года.

Директор школы – мужественный человек, поскольку для очень многих решений в то время действительно требовалось немалое мужество, собрал пацанов-десятиклассников в своем кабинете и выдал им удостоверения о полном среднем образовании.

– Это пригодится вам. И это все, что я могу сделать для вас, ребята, – сказал он и, не скрывая слез, обнял каждого на прощание.

Трудно сказать, аттестат ли сработал, или такова уж была судьба Изяслава Копылова, но спешно сформированный эшелон повез его не на верную смерть на Запад, где шли тяжелейшие бои и непрерывно требовалось пополнение, а на Восток, на обучение.

Учебную группу возглавлял демобилизованный по ранению фронтовик сержант Кутейкин.

– Образованные, говорите? – недобро поинтересовался первый военный учитель Изяслава сержант Кутейкин у вновь прибывшей группы. – А вот мы сейчас и посмотрим, чего ваша ученость стоит. Я вот в школе только читать да считать научился. Остальную грамотность мне немцы втолковали.

И следует признаться, что доказывать свою грамотность и пригодность пришлось в полную силу. Кутейкин пощады не давал никому, а своенравный гордый Копылов был ему просто занозой.

Надо полагать, что напутствие директора сработало: на фронте катастрофически не хватало офицеров, для подготовки которых требовалось хоть какое-то образование. Артиллерия тоже требовала математической грамотности. Из призывников стали готовить минометчиков.

Первая военная должность, вписанная в военный билет Изыслава Копылова, была «минометчик в роте конной артиллерии». На сапоги им положено было привинчивать шпоры.

Учеба продолжилась в стрелковой дивизии под Красноярском. Следующая ступень образования была общевоинской. Спасибо сержанту Кутейкину! На человека с идеальным строевым мастерством и полным средним образованием, очень редким и ценящимся в ту пору, начальство поглядело с одобрением.

«Быть тебе политруком, орел!» – возгласил командир полка и определил молодого бойкого курсанта в комсорги полка.

Цель образования была достигнута, но на фронт, несмотря на подаваемые регулярно заявления, Копылова не посылали. Было от чего обидеться: на плечах политрука красовались лейтенантские погоны, шел уже 1944 год. А их все держали в резерве, якобы для возможной войны с Японией.

Потом выяснилось, что был приказ Верховного Главнокомандующего: держать образованных людей в резерве для будущей мирной жизни. Умел думать Верховный.

Оно во многом было объяснимо: Западный фронт сужался, потери страны были, конечно, велики, но не столь катастрофичны, как в первые годы войны, да и нужны были в решающих битвах, как показала война, не прыткие, а опытные и обстрелянные солдаты. И правда была в том, что Япония была ближе, чем Германия. Горячее сердце, чувство совести и долга не позволяло «прохлаждаться», как говорил об этом Изыслав Яковлевич, и он в очередной раз явился в политотдел с заявлением. «Прошу отправить меня на фронт» – было написано в заявлении.

– Геройствуешь? – угрюмо спросил Изыслава начальник политотдела. – Чего хочешь-то?

Молодой лейтенант Копылов объяснил, что он многое умеет и пригодился бы в реальном, а не учебном бою. Тем более, что у него нет ни одной медали, а война близится к концу.

– Медали, говоришь, нет?» – спросил политотделовец. – Зато голова у дурака целая! – заорал он и, порвав заявление, выгнал Копылова из кабинета.

Когда в дивизии, уже в 1945 году, объявили, что их отправляют на фронт, молодые лейтенанты воспряли духом. Подъем был всеобщим: воевать хотели все! Но фронт и впрямь был японским, и «на беду», пока дивизию разворачивали, война окончилась.

Война-то ушла, а вот погоны на долгие годы словно вросли в плечи Изяслава Копылова: дислокация следовала за передислокацией, менялся цвет околышей, одни шевроны сменялись другими, увеличилось число просветов на погонах, количество и размеры звезд. Не менялся только интерес, со временем ставший научным. Это был интерес к национальным отношениям.

Причина ясна: у него, еще мальчишки, на глазах в самом начале войны шла эвакуация целых народов! Ссылались в Казахстан при-волжские немцы! Для потрясенного Изяслава оказался открытием печальный опыт первых дней войны: немцев нельзя было оставлять на территориях, оккупированных немцами. Слишком велико оказалось ассимилирующее влияние голоса крови. Потом пришла информация о депортации крымских татар. И там решающим фактором явилась национальность. Затем последовало выселение чеченцев, явивших национальное единство не в том месте и не в то время. И это не было исчерпывающим влиянием на сознание молодого еврейского паренька. Шесть миллионов уничтоженных евреев, женщин, детей и стариков, замученных и сожженных в печах концлагерей. Страшное слово «геноцид». Людей уничтожали только за то, что они являлись представителями одной нации. Что такое нация? В чем состоят особенности национального сознания? Почему народы не в состоянии существовать мирно? Как сделать, чтобы интернационализм стал реальностью? Эти мысли стали направлять научный интерес молодого курсанта-политрука.

Стоит ли говорить, что список научных трудов, темы кандидатской и докторской диссертаций Изяслава Копылова – буквальный слепок с главных проблем того времени, в котором он жил?

В довершение и как бы для закрепления теоретического интереса Копылова практическими уроками он оказался в составе войск, воевавших уже после войны с «лесными братьями», основавшимися в литовских лесах. Зверства, чинимые недобитыми фашистами, убедили Копылова в том, что темой надо заниматься серьезно и фундаментально, постигая причины и принципы, ища методы и цели.

Так и не сняв погон, Изяслав Копылов стал преподавателем общественных дисциплин в военном училище. В 1948 году он преподавал в Казанском военно-политическом училище МВД. После истфака Педагогического института поступил в заочную аспирантуру Ленинградского университета. В 1957 году был переведен начальником цикла

общественных наук в Каунасскую школу милиции. Еще один незаменимый практический опыт межнациональных отношений.

В 1962 году в Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию по истории, а в 1968 году в МГУ и докторскую – на соискание ученой степени доктора философских наук. С 1969 года Изяслав Яковлевич Копылов – профессор.

Новосибирский период его работы начался с 1980 года. Здесь он стал заведующим кафедрой философии НЭТИ-НГТУ.

В 1984 году – следующий этап: на базе кафедры философии и лаборатории социологических исследований Копылов основал научно-педагогическую школу «Социальная философия» при учебно-научном центре подготовки и переподготовки научных и инженерных кадров высшей квалификации. Основал философскую аспирантуру при НГТУ, в которой успешно готовил кандидатов философских наук.

Более 160 научных работ, редакторская деятельность в межвузовских сборниках, посвященных тематике межнациональных отношений, – таков вклад в развитие важнейшей и актуальнейшей, как показывают события современности, научной темы.

В 1998 году профессору Изяславу Яковлевичу Копылову присвоено звание «заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации».

Замечательный человек, выдающийся ученый, исследователь межнациональных отношений, Изяслав Яковлевич Копылов ушел из жизни в 2006 году.

Его последователи, ученики, продолжатели его благородной работы вспоминают о нем, как о прекрасном человеке и необыкновенно талантливом учителе.

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ КАК ПРИЧИНА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

В данной статье автором предпринимается попытка осмыслить влияние современных средств коммуникации на межличностные и социальные отношения и связь этого влияния с таким переживанием человека, как одиночество. Понятие одиночества в данной работе определяется на основании понятий количественного и качественного общения, которое находится в прямой зависимости с развитием личности человека. Автор задается вопросом о том, какую роль в этих процессах сегодня играют современные средства коммуникации. Это приводит его к осознанию трансформации самого коммуникационного процесса и осмыслению феномена интернет-аддикции, распространение которой коррелирует с истощением способности человека создавать, сохранять и развивать близкие, межличностные отношения. Это дает основания для определенных выводов относительно современных причин одиночества, в котором находится большая часть человечества, в связи с чем его по праву можно назвать всемирной эпидемией.

Ключевые слова: одиночество, межличностные отношения, социальные отношения, современные средства коммуникаций, интернет-аддикция, развитие личности.

Одиночество – это чувство, знакомое, пожалуй, каждому человеку в этом мире. Ведь каждый из нас в какой-либо степени его переживал. Эми Рокаш говорит о том, что «одиночество является универсальным явлением, которое имеет основополагающее значение для человека. Каждый, независимо от этнического происхождения, религиозных убеждений, экономического или социального статуса, возраста или пола, может идентифицировать муки одиночества в разные моменты его жизни» [1, с. 25]. Сегодня исследование феномена одиночества занимает особое место. Мы живем в эпоху информационных технологий и инновационных средств коммуникаций, которые были призваны упростить общение между людьми, сделать его более доступным, исключив преграду в виде расстояния. Однако проблема одиночества по-прежнему остается актуальной и кардинально не меняется. В своей работе «Одиночество тогда и сейчас: Размышления о социальном и эмоциональном отчуждении в повседневной жизни» Рокаш пишет, что

«одиночество становится почти постоянным и привычным образом жизни миллионов североамериканцев: одинокие, разведенные, подростки, домохозяйки и просто множество людей, которые звонят в центры профилактики самоубийств и на горячие линии» [1, с. 27]. Совершенно очевидно, что география одиночества выходит далеко за рамки Северной Америки, она охватывает весь мир. И в таких глобальных масштабах одиночество смело можно назвать эпидемией.

Для того, чтобы исследовать проблему одиночества в условиях развития современных средств коммуникаций, в первую очередь необходимо определить само понятие одиночества. И начать важно с отличия между понятием одиночества и такими понятиями как изоляция и уединение, где изоляцией является физическое, пространственное ограничение человека в каких-либо взаимодействиях с другими людьми, а уединением является добровольная изоляция [2, с. 202]. Одиночество в этом смысле не исключает окружения другими людьми. Индивид может переживать одиночество, находясь при этом среди себе подобных, равно как и изолированный человек не всегда бывает одиноким. Это утверждает, на наш взгляд, субъективность переживания одиночества, в то время как изоляция и уединение представляют собой события объективные, внешние. Отчасти именно субъективностью чувства одиночества объясняется такое множество определений этого феномена, ведь каждый человек определяет его исходя из собственных переживаний [3, с. 763]. В одном мнения людей относительно чувства одиночества схожи: эти переживания эмоционально болезненные и мучительные.

Д. Перлман и Л.А. Пеплоу определяют одиночество как «неприятный опыт, который возникает, когда сеть социальных отношений человека неполноценна в некотором важном смысле, либо количественно или качественно» [4, с. 31]. В то же время Роберт Вейс убежден, что существуют два эмоциональных состояния, которые человек может расценивать как одиночество. Он называет эти состояния социальным и эмоциональным одиночеством. *Социальное одиночество* вызвано отсутствием круга общения и тех социальных связей, которые бы удовлетворяли его потребности в общении. *Эмоциональное одиночество* возникает при отсутствии близкого человека, способного разделить чувства [5, с. 123–125]. Эти два взгляда на определение понятия одиночества, по нашему мнению, максимально отражают суть самого феномена.

Однако для более точного определения понятия одиночества нам необходимо осмыслить его связь с понятиями отношений и общения, поскольку невозможно исследовать одиночество в отрыве от этих понятий, они тесно связаны. И здесь мы видим, что определения понятия одиночества, которые дали Перлман, Пеплоу и Вейс, дополняют друг друга. Дело в том, что социальное одиночество детерминировано недостатком социальных отношений. А отношения подобного рода базируются на общении, которое можно отнести к категории количества. Перлман и Пеплоу «рассматривают количественные аспекты социальных отношений как predisposing факторы одиночества. Существует несколько признаков того, что одинокие люди имеют меньше социальных контактов, чем другие люди. Например, сегодня гораздо реже можно встретить одиноких студентов, которые проявляют меньшую социальную активность, но больше времени проводят наедине; в то время как одинокие пожилые люди имеют менее частые контакты со своими друзьями» [4, с. 40]. В социальных отношениях индивид стремится построить, насколько это возможно, обширную сеть социальных взаимодействий, состоящую из максимального количества контактов. Такое общение мы называем количественным.

Однако «одиночество проявляется не только посредством существования социальных отношений или частоты социальных взаимодействий, но также и качества отношений и потребностей, которые они удовлетворяют... Наша связь с другими в том числе должна удовлетворять и наши потребности... в числе которых чувство личной привязанности (как в интимных отношениях), социальная интеграция, возможность получать заботу, уверенность в своей ценности и наставничество» [4, с. 41]. Вместе с этим эмоциональное одиночество, о котором писал Вейс, обусловлено дефицитом (или отсутствием) близких, доверительных отношений с другим(и) человеком. Эти отношения, в свою очередь, строятся на межличностном общении, которое В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова и В.М. Погольша называют интимно-личностным. Под ним они понимают общение, удовлетворяющее потребности в сопереживании, сочувствии и понимании. Этому уровню общения характерна психологическая близость партнеров, доверительность и эмпатия [6, с. 14]. В этом общении индивид уделяет большое внимание качеству взаимодействий, поэтому такое общение мы назвали качественным. Исходя из всего вышесказанного, мы можем теперь определить одиночество как субъективное, болезненное пере-

живание, вызванное недостатком (или вовсе отсутствием) количественного или качественного общения и, как следствие, недостатком межличностных или социальных отношений. И исходя из этого определения вытекает справедливый тезис: эффективным инструментом в борьбе с одиночеством является положительное общение, количественное или качественное.

Но что нужно для такого общения? Какими способностями должен обладать человек, чтобы построить общение, которое смогло бы удовлетворить его соответствующие потребности?

Существует множество факторов, влияющих на успешность общения. Они, как правило, делятся на внешние и внутренние. Но в контексте данной работы интерес для нас представляют именно внутренние факторы, основное значение среди которых безусловно имеют определенные свойства личности, способствующие построению эффективного положительного общения. Е.П. Ильин выделяет такие свойства, как экстравертированность, эмпатийность, толерантность и мобильность [7, с. 70]. Немаловажным также является умение слушать другого [7, с. 63]. Куница, Казарина, Погольша одним из важнейших условий успешности общения считают контактность, которую рассматривают как способность вступать в психологический контакт и формировать доверительные отношения с партнером, базирующиеся на взаимном принятии и согласии. «Контактность – продукт сочетания перцептивных, интеллектуальных, коммуникативных способностей, протекающих на основе развитой саморегуляции» [6, с. 418]. Еще одним существенным фактором успешности общения, по их мнению, является адаптивность. «Адаптивность в общении говорит о готовности к пересмотру привычных решений, умению сохранять настойчивость, способности гибко реагировать на меняющиеся обстоятельства, уверенности в себе и своих принципах, полной включенности в социальные связи, следование социальным нормам... По существу, хорошая адаптивность означает высокую меру личностной свободы в контактах, которая противоположна податливому конформному поведению» [6, с. 420–421]. Нельзя упускать и такие фундаментальные внутренние факторы (способности), без которых успешное качественное общение и, как следствие, крепкие, близкие межличностные отношения построить просто невозможно. Речь идет о таких свойствах личности, как преданность, нравственность и моральная ответственность, под которыми мы понимаем именно способность принимать последствия соб-

ственных поступков и действий, совершенных в процессе общения с другим(и). И здесь важно отметить, что все вышеперечисленные свойства не априорные, они развиваются в соответствии с развитием личности. Развитие вышеперечисленных внутренних способностей детерминировано потребностью в общении и стремлением личности эту потребность удовлетворить. И поскольку развитие личности по своей сути заключается в развитии тех самых внутренних свойств, мы можем утверждать связь такого развития личности с количественным или качественным общением.

Но все ли общение способствует развитию личности в том смысле, который мы раскрыли ранее? До этого момента, говоря об общении, мы имели в виду живое межличностное общение, при котором люди коммуницируют друг с другом напрямую, воспринимая друг друга непосредственно. Но ведь существует не только непосредственный способ общения, но и опосредованный [7, с. 42]. Несколько десятилетий назад появились новые средства общения – электронные. Они настолько прочно укоренились в современной системе социальных взаимодействий, что не считаться с ними уже не получается. Мобильные телефоны, компьютеры, планшеты и другие гаджеты существенно повлияли на процесс общения. Важно отметить, что это влияние было оказано в большей степени на количественное общение, потому что построить качественное общение с помощью гаджетов практически невозможно. Но количественное общение действительно стало значительно быстрее, проще и доступнее. Сегодня человек может найти сообщество по своим интересам в виртуальном пространстве, вступить в него без лишних сложностей и получить возможность общаться со всеми, кто там уже находится. Это можно сделать в течение буквально нескольких минут. В социальных сетях есть все условия для создания огромного круга «виртуальных» друзей. А для таких социальных сетей, как Instagram или Vkontakte, даже созданы специальные мобильные приложения, предназначенные за определенную плату увеличивать количество «друзей» самостоятельно. В дополнение стоит сказать, что трансформировался и сам коммуникационный процесс. Например, в социальной сети Instagram по сути не требуется самого общения в том виде, в котором мы привыкли его понимать. Несмотря на то что там есть функция передачи отправителем текстового сообщения получателю, все же основной акцент в этом виртуальном пространстве делается на фото- и видеоконтент. Сообщением, как одним из составляющих

коммуникационного процесса, выступает фото или видео. А получателями являются одновременно все виртуальные друзья отправителя. Межличностное общение как таковое в этой социальной сети сведено к минимуму. И чтобы понимать масштабы этого нового подхода в количественном общении, достаточно сказать, что сегодня численность активных пользователей Instagram превысило отметку в один миллиард человек и продолжает неуклонно расти. На фоне данных сайта divorcescience.org, где совершенно очевидна активно растущая динамика увеличения количества разводов по всему миру, можно разглядеть корреляцию между этими показателями. Ведь действительно, современный человек все больше предпочитает качественному общению количественное, в частности виртуальное. Для него так действительно проще и быстрее. Для такого количественного общения, которое сегодня предлагает интернет-пространство, человеку совершенно не требуются адаптивность, эмпатийность, контактность или какие-либо другие внутренние качества, которые просто необходимы при непосредственном общении. И мы уже не говорим про фундаментальные качества личности, такие как моральная ответственность, нравственность и т. д. А если эти качества теряют свою актуальность при формировании общения, значит, пропадает потребность и в их развитии, что не может не сказаться на развитии личности в целом. Виртуальное общение все больше и больше заменяет непосредственное живое общение между людьми. Это приводит к неспособности создания, сохранения и даже к разрушению когда-то созданных близких межличностных отношений.

И в этой связи возникает вопрос: насколько количественное виртуальное общение способно удовлетворить соответствующие потребности человека? Этот вопрос действительно актуален в связи со сложившейся ситуацией подмены качественного общения на количественное. И для того чтобы найти на него ответ, нам необходимо осмыслить феномен интернет-аддикции. В работе «Аддиктология. Учебное пособие» В.Г. Старшенбаум пишет о том, что «вебоголики весь день общаются в сети... У них наблюдается зависимость от кибернет-отношений, общения в чатах, групповых играх и на телеконференциях, что может привести к замене имеющихся друзей и близких виртуальными» [8, с. 204]. Б.Р. Мандель в своей работе «Психология зависимостей» использует понятие аддикты, под которым понимает людей, предпочитающих «скрываться от реальных проблем в виртуальном мире. Погружаясь в виртуальную реальность и достигая в ней определенных успехов,

человек реализует виртуально имеющиеся потребности» [9, с. 132]. По мнению автора интернет-зависимость формируется у человека значительно быстрее, чем традиционные виды зависимостей [9, с. 132]. Помимо аддикции к интернет-общению Старшенбаум выделяет зависимость от сообщений, так называемую смс-зависимость. Он пишет о том, что этот тип аддикции характеризуется постоянной потребностью в общении посредством мобильных сообщений. «Возникла и с каждым годом крепнет определенная субкультура компьютерных пользователей (со своим жаргоном, непонятным для непосвященных, своими ритуалами, символами, юмором и т. д.), аналогичная субкультурам криминального мира алкоголиков и наркоманов» [8, с. 205]. И ведь действительно разные виды аддикции имеют одну общую суть: желания, выбор и поведение аддикта детерминированы объектом зависимости. И в этом смысле мы можем смело сравнивать зависимость от виртуального общения, например, с алкогольной аддикцией. И та, и другая в известном смысле приводят к деградации личности, следствием которой является отсутствие положительного качественного общения и здоровых межличностных отношений.

Суть аддиктивного поведения заключается в том, что использование специальных (наркотических) веществ или постоянная фиксация внимания на тех или иных предметах или действиях захватывает индивида настолько, что буквально начинает управлять его жизнью. Он становится совершенно беспомощным перед этой зависимостью [10, с. 11]. И по истечении определенного времени употребления (использования) объекта зависимости для достижения желаемого физического или психологического состояния аддикту требуется все большая дозировка объекта зависимости, будь то алкоголь или какие-либо другие наркотические вещества. Меньшая доза уже не может удовлетворить его потребности [11, с. 33]. И, на наш взгляд, такое понимание природы аддиктивного поведения актуально и применительно к интернет-аддикциям. При этой форме аддикции в человеке происходят те же самые процессы. Кимберли Янг, которая инициировала исследование интернет-аддикции, утверждает, что термин аддикции может быть применен и к использованию интернета, потому что симптомы интернет-аддикции имеют те же характеристики, что и табачная и алкогольная зависимость [12, с. 4]. Именно этим феноменом мы можем объяснить тот факт, что люди все больше и больше погружаются в виртуальное общение. Постепенно «доза» интернет-коммуникаций

становится недостаточной для удовлетворения потребностей, и человек вынужден ее увеличивать. Это, на наш взгляд, говорит о том, что виртуальное общение не способно в полной мере удовлетворить соответствующие потребности человека. И в подтверждение этого тезиса справедливо будет добавить, что количественное общение (не только виртуальное) само по себе в принципе не способно избавить человека от чувства одиночества. Бренда Вебер в своей работе «Всегда одиночки: популярность, материнство и дилемма судьбы» пишет о том, что популярность и огромное внимание со стороны посторонних людей никогда не станет альтернативой близких отношений и чувства любви, а ведь именно это спасает человека от одиночества [13]. И ведь действительно, история знает множество знаменитостей, которые, каждый день имея возможность общаться с миллионами своих фанатов, при этом были лишены близких и теплых отношений и были мучительно одиноки.

Вывод. Социальное и эмоциональное одиночество обусловлено недостатком или вовсе отсутствием социальных и близких межличностных отношений соответственно. При этом более сильным и мучительным является именно эмоциональное одиночество. И для борьбы с ним требуется построение качественного общения, которое базируется на развитых качествах личности, позволяющих человеку быть способным на такое общение. Важно отметить, что и количественное общение, формирующее социальные отношения, до информационной революции требовало этих же качеств, только в меньшей степени. Процесс построения общения был достаточно непростым, ведь для этого человек должен был развить в себе эти качества. В этом смысле одиночество выступало в роли мотиватора личностного развития. Однако с появлением современных средств коммуникации количественное общение стало значительно проще и быстрее. И те самые развитые коммуникативные способности, которые раньше имели фундаментальное значение, сегодня практически потеряли свою ценность. Для общения в интернет-пространстве они стали ненужными. Эта простота и подкупает современного индивида. И он все больше погружается в это количественное, непринужденное интернет-общение без обязательств. Но дело в том, что побороть чувство одиночества в полной мере могут только межличностные отношения, построенные на качественном общении. И в этом смысле количественное киберобщение является своего рода иллюзией общения, в сущности не способное удовлетворить соответствующие потребности человека, но он продолжает искать

лекарство от одиночества в такой форме общения. Эта иллюзия приводит его к интернет-аддикции, провоцирующей процесс деградации личности и практически полное замещение живого непосредственного общения. Это является причиной того, что человек теряет всякую способность создать близкие доверительные отношения, что непременно обрекает его на стабильное чувство эмоционального одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ami Rokach*. Loneliness then and now: Reflection on social and emotional alienation in everyday life. Current psychology: Developmental, Learning, Personality, Social. – Vol. 23. – No. 1. – 2004.
2. *Воскобойников А.Э., Рашидова Т.Р.* Понятие «одиночество» сквозь призму философских категорий // Знание. Понимание. Умение. – № 2. – 2010.
3. *Colin Killen*. Loneliness: An epidemic in modern society. Journal of advance nursing. – No. 28(4). – 1998.
4. *Perlman D., Peplau L.A.* Toward a social psychology of loneliness. Personal relationships in disorder, London: Academic Press, 1981.
5. *Вейс Р.С.* Вопросы изучения одиночества. Лабиринты одиночества: сб. ст. / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989.
6. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб., 2001. – 544 с.
7. *Ильин Е.П.* Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2013. – 576 с.
8. *Старшенбаум Г.В.* Аддиктология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2017. – 320 с.
9. *Мандель Б.Р.* Психология зависимостей (аддиктология). – М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
10. *Федоров А.И.* Психология зависимости: влияние темпоральных нарушений на формирование и развитие аддиктивного поведения. – Ульяновск, УлГПУ, 2005. – 153 с.
11. *Энтин Г.М., Гофман А.Г., Музыченко А.П., Крылов Е.Н.* Алкогольная и наркотическая зависимость (практическое руководство для врачей). – М.: Медпрактика – М., 2002. – 328 с.
12. *Sunwoo Kim, Rando Kim*. A study of internet addiction: Status, Causes, and remedies, 2002.
13. *Brenda R.Weber*. Always lonely: Celebrity, motherhood and the dilemma of destiny. Theories and methodologies, 2011.

РОЛЬ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена роли старообрядчества в духовной жизни России. Общины староверов вкладывали значительные средства в создание богаделен, приютов, народных домов, занимались сохранением культурного наследия. Заслугой старообрядцев считают многие экономические и технологические инновации.

Раскольники-староверы появились в России в конце XVII века, когда патриарх Никон провел церковную реформу, чтобы привести церковные обряды в соответствие с греческими. Борьба была очень бурной: с многочисленной гибелью людей, с ущемлением в правах и массовым переселением староверов на окраины государства. Но к началу XIX века старообрядчество исчерпало все формы религиозного, политического противостояния с государством и официальной Русской православной церковью. Оно признало свое религиозно-политическое поражение и перешло к иным формам религиозного сопротивления. Чтобы выжить, сохранить и приумножить число своих адептов, оно превратилось в вышеуказанный период из конфессиональной в конфессионально-экономическую общность. Староверская община строилась на коллективной ответственности как в положительном смысле, так и отрицательном: и заслуги общие, и наказывают всех [8, с. 37].

Первоначальное накопление капитала у староверов проходило не так как у других россиян. Деньги староверы получали из своей общины из специально собранных общих средств, которые находились на контролируемых староверами кладбищах. Так, в Москве аккумулировали общинные деньги Рогожское кладбище, Преображенское кладбище и Покровская монинская часовня.

В различных целях применялись средства, которые собирались в общую конфессиональную казну. Они использовались для обучения детей, осуществления заботы о сиротах и нетрудоспособных, а также шли на дачу взяток представителям светской и духовной власти, употреблялись в качестве выкупа общинников-старообрядцев из крепостной зависимости. Главной задачей являлось укрепление экономической основы конфессионального сообщества, которую составляли

общинные хозяйства и формально-частные предприятия членов общин [9, с. 82].

Большое значение в общественной и политической жизни России играло купечество, начиная еще со времен Древней Руси. Целые династии русского купечества, такие как Морозовы, Рябушинские, Бахрушины, Третьяковы и многие другие, занимались благотворительной деятельностью: сооружали школы, больницы, богадельни, оказывали поддержку людям искусства, создавали музеи, заботились о сохранении памятников старины.

Для большинства предпринимателей XVIII–XIX веков благотворительность становилась целью и смыслом жизни, фактически определяла новый образ жизни. Появившиеся крупные банкиры и фабриканты имели свои корни среди купцов-старообрядцев, поэтому унаследовали особое отношение к богатству, предпринимательству. С этим связана и своеобразная этика русского бизнеса.

Отличительной чертой купцов-старообрядцев было подчинение по иерархической лестнице более богатым купцам-старообрядцам, которые верховодили в братстве. Они знали, что всегда получают от богатых купцов-староверов финансовую и организационную поддержку: те по просьбе менее состоятельных собратьев всегда дадут денег в безвозвратный долг, помогут реализовать товар на ярмарке, доставят товар к месту реализации. Для купцов-старообрядцев зарабатывание денег не было самоцелью. П.А. Бурышкин, московский купец и общественный деятель начала XX века, пишет в своих воспоминаниях: «Про богатство говорили, что Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета» [1, с. 27]. Предприниматель воспринимал себя «как Божьего доверенного по управлению собственностью». К работе, труду предприниматели-староверы относились так же серьезно и ревностно, как к исполнению религиозных обрядов, что и придавало их жизни регламентированность, упорядоченность, почти не свойственную остальной части населения. А если к этому прибавить еще жесткие ограничения, отказ от роскоши, почти аскетический быт, то становится понятно, почему предприниматели-старообрядцы так быстро богатели и легко обходили конкурентов. «Все для дела – ничего для себя», – такова была позиция основателя династии Рябушинских.

К середине XIX века старообрядцы, прибрали к рукам почти всю торговлю в Поморье, Поволжье и Сибири. Они полностью контролировали закупку хлеба, владели большинством предприятий придиль-

ной промышленности, банками, строили корабли. Старообрядцы фактически создали в России государство в государстве, со своей собственной внутренней структурой управления, со своими лидерами. Действуя напористо и спаянно, старообрядческое купечество быстро оттесняло конкурентов.

В старообрядчество потянулись купцы, через которых сбывалась продукция раскольников, а также масса офеней и других мелких торговцев и ремесленников.

Офеня – так назывался в Российской империи в основном происходивший из крестьян Владимирской губернии, странствующий по деревням торговец мелочами с галантерейным и мануфактурным товаром, а также книгами и лубочными картинками. У офеней сформировался свой особый условный язык – феня. В западных губерниях для определения уличных торговцев-разносчиков было распространено другое название – коробейники [2].

Существуют различные версии происхождения офеней. Согласно одной из них, офени ведут свое начало от переселившихся на Русь в XV веке греков. По другой версии, офени продолжают традиции скоморохов, которые со временем занялись торговлей. Бродячие торговцы считали себя неким тайным обществом. От странствующих скоморохов, купцов и ремесленников они переняли уклад жизни, а от паломников – книжную премудрость и греческие слова. Это позволило им назвать себя офенями, что с некоторым искажением означало «афиняне», сохранять свой особый жизненный уклад и говорить на тайном профессиональном языке.

Поскольку единоверцы имели значительные преимущества – скидки и бонусы, в них стало массово перекрещиваться крепостное крестьянство. Им был прямой расчет переходить в старообрядчество, так как раскольники своих выкупали из неволи, к тому же староверов не брали в армию. Староверы-промышленники нуждались в свободных рабочих руках, в гарантии от всяких случайностей, всегда возможных при аренде крестьян у помещиков. Фабриканты впоследствии с лихвой покрывали эти издержки нищенской заработной платой, неограниченной продолжительностью рабочего дня и гарантией от каких бы то ни было вспышек недовольства рабочих.

Размеры отказа от Русской православной церкви были внушительны. Например, Гуслицкий район (Орехово-Зуево) Московской губернии полностью стал раскольниковым. Ведь там хозяйничала семья

старообрядцев Морозовых. По данным некоторых исследователей, в середине XIX века в России было до 20 % скрытых и явных раскольников.

Именно староверы сумели сохранить в России для будущих поколений огромные коллекции древних икон и книг, такие древнерусские литературные жанры как патерик, мартиролог, духовные стихи, а также византийскую традицию пения по крюкам. Старообрядцы с особым уважением относились к культуре и искусству: известны знаменитые художественные коллекции миллионеров-раскольников – Третьяковых, Щукиных, Мамонтовых; выходцами из староверческих семей Саввой Морозовым и Константином Станиславским был создан Московский Художественный Театр, до сих пор пользующийся мировой славой. Общины староверов также вкладывали деньги в создание богадельней, приютов, народных домов. Век спустя подобные вложения станут называть «социальной ориентированностью бизнеса» [6, с. 28].

На протяжении XVIII–XIX столетий старообрядцы ревностно сохраняли древнерусские традиции церковного строительства. «Где крестьяне зажиточнее, там более раскола», – утверждал в 1853 г. П.И. Мельников-Печерский. Согласно статистике, приводимой им в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», лиц купеческого сословия из числа староверов в середине XIX века было в Нижнем Новгороде – 84, в десяти уездных городах – 207; что составляло 18 % от всех нижегородских купцов [3, с. 56–57].

Традиции купеческой благотворительности в среде нижегородских купцов-старообрядцев сохранялись вплоть до революции. Купеческая благотворительность подкреплялась не только христианским нравственным принципом, желанием выполнить долг имущего по отношению к неимущему, но и стремлением оставить о себе память. Эту мысль наиболее ярко выразил известный нижегородский купец-судовладелец и городской голова Дмитрий Васильевич Сироткин, заказывая архитекторам братьям Весниным особняк: «Выстройте такой дом, чтобы после моей смерти он мог быть музеем» [10, с. 4].

В конце XIX – начале XX века влияние старообрядческого купечества на Нижегородской земле возрастает, увеличиваются и масштабы их культурно-благотворительной деятельности. Купцы-старообрядцы строят школы, приюты, больницы, дома для своих работников, помогают церквям и скитам, вкладывают немалые средства в развитие культуры.

Заслугой старообрядцев считают многие экономические и технологические инновации. Поколение конца XIX века не было чуждо научных и технических достижений. В частности, в имении Рябушинских появилась первая в окрестных местах небольшая гидроэлектростанция, которая обеспечивала электроэнергией вплоть до 1930-х годов все ближайшие села. Также Рябушинские стали владельцами первого в Москве автомобиля. Дмитрий Рябушинский у себя в имении в 1905 году основал научную лабораторию с крупнейшей в Европе аэродинамической трубой [5, с. 120].

Вскоре после революции в Москве был организован ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского), туда было вывезено значительное оборудование из имения Рябушинских. На базе одной из лабораторий Дмитрия Рябушинского, гидродинамической, в 1930-е годы был открыт филиал института ВОДГЕО (Институт водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии) в Кучино.

Отдельные новейшие технологии заимствовались за границей, но многие промышленники инициировали и собственные научные исследования. Например, при Трехгорной мануфактуре Прохорова были созданы лаборатории, оснащенные современным оборудованием, где трудились ученые Московского университета и были сделаны важные открытия, в частности в области красителей.

В староверческой среде активно культивировался авторитет знания. В первую очередь он был связан с религиозным учением, но и общая образованность ценилась высоко: грамотность у старообрядцев была поголовной, общины не скупились оплачивать своей молодежи получение среднего и высшего образования.

Ученых людей староверы называли словом «начетник». В советское время это слово приобрело негативный отпечаток, означающее бездумное следование написанному. А вот у старообрядцев начетчик – это человек, который много прочел («начитался»), что соответствует современному понятию «эрудит» или «знаток».

К концу XIX века в России появился целый просвещенный и обеспеченный класс, который оппозиционно относился к царской власти. В 1897 году в Замоскворечье старообрядцами были основаны «Пречистенские курсы», на которых всем желающим читали лекции о социализме. К 1905 году на курсах обучались 1500 человек. Большое количество народа не помещалось в классы, поэтому предприниматель-

старообрядец Савва Морозов внес 85 тысяч рублей на строительство трехэтажной марксистской школы. Различные старообрядческие семьи через свои фонды либо лично финансировали отечественные революционные организации. Самым известным таким субсидированием являлась поддержка Саввы Морозова большевиков и лично В.И. Ленина.

На революцию 1905 года в Москве старообрядческое купечество средств не жалело. К примеру, баррикады Сокольнического и Рогожско-Симоновского районов находились в зоне влияния Преображенской и Рогожской старообрядческих общин. В народных дружинах Красной Пресни сражались многие представители Рахмановской старообрядческой общины, рабочие фабрики старообрядца Мамонтова и мебельного завода старообрядца Шмидта.

Итогами Декабрьского вооруженного восстания в Москве для староверческой общины стало то, что власть в виде компромисса с революционерами передала ей стратегическую по тем времена область – телеграф. Был осуществлен перевод государством в контролируемые общиной банки огромных финансовых средств, «необходимых для восстановления нормальной экономической жизни».

Начало XX столетия в России – время не только бурного подъема промышленности и торговли, но и особый этап для развития старообрядчества, получившего возможность легального существования после принятия властью ряда нормативных документов: Высочайше утвержденного положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости, опубликованного 17 апреля 1905 года, «О свободе совести» и Правил «О порядке устройства общин», утвержденных П.А. Столыпиным 17 октября 1906 года.

Купцы-старообрядцы широко известны своим вкладом и в экономику, и в культуру России. В конце XIX – начале XX века на средства Морозовых, Солдатенковых, Хлудовых, Гучковых, Коноваловых, Рябушинских строились медицинские клиники, аэродинамический и психологический институты, организовывались географические экспедиции, создавались театры. П.А. Бурыйкин, блестящий знаток купеческой Москвы, выделяет 26 торгово-промышленных семей, занимавших первые места в «московской неписанной купеческой иерархии» начала века, и почти половина этих семей была старообрядческой. Благотворительность составляла важнейшую часть их широкой и всесторонней общественной деятельности.

Традиции благотворительной деятельности тесно связаны с этикой средневекового христианства, которую переняло и соблюдало старообрядческое купечество. Согласно учению церкви благотворительность является одним из обязательных проявлений христианской любви к ближнему, выражающейся в безвозмездной помощи и поддержке всех нуждающихся. До сих пор в среде старообрядцев сохраняются и соблюдаются традиции «правильного подаяния»: лучше всего подавать милостыню детям, солдатам и в тюрьму; самая же большая милостыня – это та, что подана тайно, не гордыни ради [4, с. 27].

К началу XX века в России существовали три финансово-состоятельные группы: старообрядцы (купцы и промышленники), иностранные предприниматели и дворяне-помещики. При этом на долю старообрядцев приходилось более 60 % всех частных капиталов в России. Не удивительно, что при таком раскладе староверы начали всерьез задумываться о пересмотре былых взаимоотношений с непризнававшей их светской властью. Однако история распорядилась по-своему – проекты, капиталы и устремления староверов в одночасье погибли под прессом большевистского эксперимента.

Купцы, банкиры, предприниматели, которые располагали огромными средствами, постоянно чувствовали себя в долгу перед Родиной, перед Богом и людьми, работая, занимаясь благотворительностью, возвращали этот долг. Один из потомков династии Рябушинских Д. Толоконников полагал, что это «нормальный путь развития отношений богатства и бедности, сопряженный с высокой религиозностью и нравственностью» [7, с. 17].

Особенности национального менталитета, являвшиеся своеобразным источником психологических и ценностных установок поведения предпринимателей, побуждали их заниматься благотворительной деятельностью. Присутствовало преобладание духовно-нравственных мотивов поведения над мотивами материальными, которые определяли сущность этических принципов действия российского предпринимательства. Осуждались чрезмерная тяга к имуществу, безмерная привязанность к земным благам, превращение богатства из средства в цель жизни. Купцы, банкиры, предприниматели, среди которых было значительное число старообрядцев, старались всеми возможными способами поддерживать деятелей культуры и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурыйшкин П.А.* Москва купеческая: записки / Бурыйшкин П.А.; сост., вступ. статья, указ. – канд. филол. наук С. Б. Михайлова. – М.: Современник, 1991. – 301 с. – (Серия мемуаров «Память»).
2. *Коробейник* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
3. *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник НГУАК. – Н. Новгород, 1911. – Т. IX. – С. 56–57.
4. *Поздеева И.* Русское старообрядчество и Москва в начале XX века // Мир старообрядчества. – Вып. 2. – М., 1995.
5. *Семёнова Н.* Московские коллекционеры. – М.: Молодая Гвардия, 2010.
6. *Сестринский О.В.* Благотворительность – инвестиции в будущее // Инвестиции в России. – 2000. – № 1. – С. 26–29.
7. *Толоконников Д.* Меценатство в России / Д. Толоконников // Обозреватель. – 2005. – № 1.
8. *Тульчинский Г.Л.* Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность / Г.Л. Тульчинский, А. Векслер. – М.: Вершина, 2006.
9. *Ульянова Г.Н.* Изучение социальных аномалий благотворительности и общественного призрения в России / Г. Н. Ульянова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М.: Молодая Гвардия, 1996.
10. *Шарун Н.И.* По залам художественного музея. Горький: Волго-Вятское кн. изд., 1985.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ

Данная работа фокусируется на выявлении схожих механизмов формирования теоретического знания в научных дисциплинах. В работе сделан акцент на то, что теоретическое знание рождается внутри одной научной дисциплины, но при этом теоретическое знание одних наук явно базируется на опыте других, например, техническое знание выросло из недр естественных наук. Под «базированием» подразумевается выход одних наук из других, либо заимствования методологических основ, понятийно-категориальных конструкций.

При обсуждении общей специфики формирования теоретического знания возникает вопрос. Теоретизация... теоретическое знание... как это зарождалось? Уточним исходную рамку вопроса, начав со сравнительной реконструкции анализа моделей, структуры и логики формирования теоретического знания разных дисциплинарных теорий с первичного анализа и рефлексий трудов ученых, заложивших фундамент содержательно-методологического аппарата конструирования теорий, парадигм, исследовательских программ.

Целью нашего теоретического дискурса в данной работе является попытка выявления общих подходов к формированию научного теоретического знания, точек пересечения, интеграции одних наук с другими, общего понятийно-категориального аппарата, при всем многообразии и особенностей разных научных дисциплин. Наша гипотеза в данном дискуссионном сегменте заключается в предположении о том, что *теоретическое знание разных научных дисциплин в своем генезисе имеет схожий конструкторско-методологический базис, категориально-понятийный аппарат и формируется с опорой на «проверенные временем», «устоявшиеся в научном сообществе» практики его конструирования.*

Отправной точкой нашего теоретического дискурса выступит концепция одного из ярких представителей теоретиков-методологов, чью роль, а именно результаты его интерпретаций зарождения и существования научного теоретического знания, сложно переоценить, – Томаса Куна. Непрекращающийся интерес к трудам Т. Куна обусловлен, на наш взгляд, тем, что предложенный им парадигмальный подход довлеет

к общенаучному уровню познания, от которого оттолкнемся и мы в нашем изложении.

Томас Кун в свое время сыграл значимую роль в понимании концепции развития научного знания. Его научные труды ярким «шлейфом» зафиксированы на «небосклоне» конструирования науки. В своей модели развития науки Т. Кун основной акцент делает на возникновении так называемых «скачков-революций» [1]. Именно им вводится в научный оборот понятие *научная парадигма*. Примечательно то, что устоявшегося определения понятия «парадигма» до сих пор нет. Общая экспликация понятия «парадигма («пример, модель, образец») такова. Парадигма – это «совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов; обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества». В источниках можно встретить поливариантные экспликации данного понятия: «теория (модель, тип постановки проблемы), принятая в качестве образца решения исследовательских задач, совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование, которая воплощается в научной практике на данном этапе», «исходная концептуальная схема, признанные всеми научные достижения, способ организации научного знания, которые в течение определенного времени дают научному сообществу определенное видение мира, модель постановки проблем и их решения», «оригинальный способ организации концептуально оформленных идей, направление развития или стиль научного мышления (в определенной предметной области, в комплексе дисциплин или циклах изложения знаний), доминирующие на некотором этапе научного постижения мира» и т.п. В свое время Платон применял понятие «парадигма» (греч. «сверхобразец») «для обозначения вечного и неизменного трансцендентного образца, предопределяющего структуру и форму материальных вещей» [1]. К парадигме обращался Г. Бергман «для характеристики медленно меняющихся методологических стандартов исследования» и тут оно засвечивается уже в философии науки [2]. Анализ показал, что все эти экспликации содержательно согласуются между собой и «куновским» пониманием парадигмы.

Т. Кун под *научной парадигмой* понимал «совокупность (обычно не формализованная) стереотипов, установок, ценностей, технических средств и т. д., характерных для научного сообщества и используемых

им в качестве образца постановки и решения текущих научных проблем». Историко-научный процесс Т. Кун предложил разбить на стадии: допарадигмальная наука («физика до Ньютона»), парадигмальная или нормальная наука и экстраординарная (внепарадигмальная наука). Но основной постулат Т. Куна заключается не в этом «разбиении», а в том, что наука существует в двух «состояниях»: «нормальная наука» – «научная революция», т. е. переживает скачкообразные моменты своего существования. Причем первое состояние характеризуется относительно стабильным характером формирования научного знания и доминирования сформировавшейся в данный момент парадигмы. Что касается второго состояния, то это «толчок», «прорыв», «точка кризиса», когда происходит распад уже устоявшейся парадигмы, появление жесткой конкуренции между альтернативными парадигмами, возникновение роста аномальных фактов (аномалия – неспособность парадигмы решить проблему), не объясняемых с позиции доминантной парадигмы и как следствие возникновение нового периода «нормальной науки». Но просто введением в научный оборот научной парадигмы Т. Кун не смог ограничиться в силу определенных сложностей впоследствии. Дело в том, что гетерогенность и многозначность понятия «парадигма», интерпретация которой уходила в «признанные всеми научные достижения», «этические правила и нормы», «стандарты научной практики», «определенная система методов» привела к весьма бурной полемике между сторонниками различных научных сообществ. Тогда Т. Кун вводит и поясняет понятие «дисциплинарной матрицы», которое с его точки зрения детализирует, уточняет содержательную сторону этого понятия. «Матрицей» она является в силу того, что составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации.

«Дисциплинарная матрица» по Куну – это определенная форма схемы, так как конструкция носит нормативный характер, элементы «матрицы» являют собой структуру научной деятельности (т.е. «дисциплинарная матрица» проясняет, что собою представляет «парадигма», т. е. буквально «образец» научной деятельности). Иными словами это конструкт, учитывающий «как принадлежность ученых к определенной дисциплине, так и систему правил научной деятельности». Кроме этого, данный конструкт Т. Кун ввел с целью попытки проанализировать состав компонентов, а также структуры парадигмы как целостной системы. Ермолаева О.Е. синтезировала знания о «дисципли-

нарной матрице» по Т. Куну и предложила, на наш взгляд, современную, лаконичную и достаточно содержательную ее интерпретацию [3]. Ею были выделены «нормативные компоненты» матрицы («общепризнанные (прикладные) образцы»; «Целостные» «концептуальные модели», «символические обобщения»; «Ценности» (ценностные установки)) и «их содержательная специфика» (типичные примеры решения конкретных научных и практических проблем (включая методы и методологические приемы); «метафизические» (фундаментально-научные и философско-мировоззренческие) теории, объясняющие мир в целом; краткие обобщающие формулировки теорий и методов (в виде математических формул или вербальных эквивалентов); признание данных теорий и методов в качестве авторитетной традиции (нормативной ценности) для регуляции деятельности организованной группы людей на относительно длительный период). Данная интерпретация несколько не исказила смысл «куновской», а лишь вдохнула в нее «формализм», который очень необходим в обращении к компаративному анализу конструктов, применяемых для изучения структур научных теорий.

Логику смены научных парадигм в нашей трактовке Т. Куну можно проследить на рисунке.

Логика смены парадигм по Т. Куну

Если сепарировать массив научных трудов, написанных Т. Куном, с выделением основных категориальных базисных конструкторов для дальнейшего сравнительного анализа конструирования теоретического знания, то это нас приведет к следующим заключениям. Томас Кун оперировал следующими основными конструктами: *парадигмальный образец, методологическая директива, теория-образец, дисциплинарная матрица*. В основе эволюции научного знания лежит по Т. Куну *научная революция*.

Мы не постулируем, что парадигма Т. Куна генерализирующая концепция нашего исследования. Она, как и любая теория, имеет «познавательные лакуны». В частности, очевидно, что Т. Куном не выделены связи между ее структурными компонентами (не формализована структура парадигмы), закономерности появления и смены парадигм (не формализован алгоритм смены компонентов, которые приведут к новой научной революции). Но несмотря на это, идеи учения Т. Куна продолжили свое развитие в трудах других ученых-теоретиков современного времени как зарубежных, например, М. Бунге [4], основная проблема в трудах которого была направлена на уточнение структуры парадигмы в социальном научном познании, так и отечественных ученых (В.С. Стёпина, М.А. Розова, В.Г. Горохова [5], А.П. Огурцова [6], В.С. Швырёва [7], В.М. Розина [8], Е.А. Мамчур [9] и др.). Как отмечает А.О. Карпов, «парадигмальное структурирование реальности со времен учения Т. Куна стало делом не только естественнонаучной сферы, но и корпуса социогуманитарного знания» [10] и «конструирование значений и соотнесение их с контекстом в рамках парадигмальной аналитики создает синхронично-диахроничную выделенность паллиатива как из общего феноменального поля, так и из других».

В свете упоминания Т. Куна, было бы неправильным здесь же не озвучить фамилии известных философов, стоящих на позиции постпозитивизма, как Т. Кун, К. Поппер, и его известный «принцип фальсификации». Ученый утверждал, что невозможно установить окончательную истинность теории, но теорию можно подвергнуть фальсификации. Он был убежден, что в научном мире теории находятся в постоянной борьбе за существование. Основными и значимыми результатами данного ученого названы выделенные им принципы (фальсификации и фаллибилизма), проблема демаркации, теория «трех миров». Другой сторонник постпозитивизма, И. Лакатос, заметил тот факт, что «обычно ученый имеет дело не с одной, а с целым семейством теорий, образующих научно-исследовательскую программу» [11].

Двигаясь далее в нашей исследовательской логике, обратимся к рефлексии формирования дисциплинарных научных знаний вообще и теоретических в частности. Входя в данный рефлексивный дискурс, следует обратить внимание на тот факт, что научные дисциплины зарождались и запускали генерацию нового научного знания в разные исторические эпохи. В связи с этим в научном сообществе отмечается диахронический разрыв в формировании, например, теоретического знания в естественнонаучном плане и социально-гуманитарных дисциплин.

В исторической ретроспективе отчетливо видно, что естественнонаучное знание выступает в качестве отправного для формирования структуры и методологии иных наук. Огромное значение в историческом анализе по выявлению особенностей теоретизации в естественнонаучном познании имеют работы великих ученых, «создававшие новые фундаментальные теории и новую научную картину мира – Г. Галилей, И. Ньютон, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн, Н. Бор, Н. Винер, В. Вернадский» [12]. Но мы не ставим перед собой задачу уйти «корнями» в «персонизацию» при эволюции научного знания. Главный лейтмотив нашего исследования – отрефлексировать формирование практик конструирования теоретического знания на примере доминантных фигур ученых в области теоретизации и построения научных теорий. Иными словами говоря, нами выбраны те авторы, которые с философско-методологической позиции рефлексивно рассматривали способы, средства собственной (или иной) интеллектуальной работы по теоретизации научного знания.

Серьезный вклад в исследование проблематики становления естественнонаучной теории внесли многие ученые, в частности В.С. Стёпин, Л.М. Томильчик, В.М. Розин, В.А. Смирнов, Б.М. Кедров и др. Одним из ведущих и значимых ученых-теоретиков, в чьих трудах проблема особенностей и эволюции теоретизирования в естественнонаучном познании, осмысления структуры научной теории стала главной, остается на наш взгляд несомненно В.С. Стёпин [13]. Анализ массива трудов данного ученого показал, что В.С. Стёпин в структуре научной теории базируется на предложенных им конструктах «теоретических схемах», принимая их за фундаментальный базис теоретических знаний. В концепции В.С. Стёпина с «теоретическими схемами» связываются те аспекты знания, которые невозможно вывести из опыта чисто индуктивным путем. Таким образом, с его точки зрения, «в качестве фундаментальной проблемы теории познания и методологии науки выдвигается проблема происхождения теоретических схем».

Среди трудов, посвященных особенностям эволюции теоретизирования в техническом познании, следует выделить работы таких ученых, как В.В. Чешев, В.Г. Горохов [14], Ю.С. Мелешенко, В.В. Ильин, Б.И. Иванов, С.С. Абрамов, А.Е. Калинин, Б.И. Козлов, В.И. Фигуровская, Г.И. Шеменев и др. Однако фронтирный дискурс формирования технического научного знания, технической теории определили на наш взгляд упомянутые выше В.В. Чешев [15], В.Г. Горохов. Исходя из того, что техническая теория (теория технического знания) являла собой приложение к естественнонаучным, в частности физическим теориям, то это оказало влияние на специфику понятийно-математического аппарата технического знания, а также подходы к проектированию «теоретических моделей, позволяющие выстраивать каркас технической теории». Наука показала, что господствующим признаком технических знаний выступает процедура замещения «эксперимента инженерной практикой». «Инженерная деятельность на практике верифицирует соответствие гипотез и теоретических выводов технической теории, а также предоставляет новый эмпирический материал для исследования» [16].

Отметим, что ранее мы обратились к трудам В.С. Стёпина и проанализировали пласт его научных работ по вопросам становления естественнонаучного познания и его концепции *«теоретических схем через абстрактные объекты науки»*. Выдвинутый им конструкт «фундаментальная техническая схема» выступает как особое видение теоретических знаний, рассматриваемых под определенным углом зрения в контексте определенной теории. Упоминание понятия *теоретическая схема* В.С. Стёпина здесь не случайно, а связано с тем, что именно это понятие выступило той отправной точкой подхода к формированию и развитию технического знания в рефлексиях упомянутых выше ученых.

Обсуждая общую специфику гуманитарного познания и выстраивания социально-гуманитарного теоретического знания, мы обращаемся к трудам таких ученых, как В. Дильтей, Р. Коллингвуд, Х. Ортега-и-Гассет, М. Вебер, В.А. Лекторский, А.П. Огурцов [17], Л.А. Микешина, В. Н. Порус, И.Т. Касавин [18], М.М. Бахтин, Н.С. Розов, П.Г. Любимов и др.

Отметим, что гуманитарное познание опирается не только на общенаучные методы, но и имеет в своем багаже ряд специфически методов, которые применяет только оно, например, биографический метод, диалоговый метод, идеографический метод, генерализирующий

метод и т. п. В научных кругах вырисовываются две позиции относительно отличия социально-гуманитарных наук от естественнонаучных, в контексте проблемы специфики методов и методологии этих научных направлений: одни уверяют, что гуманитарные и науки о природе в целом не отличаются по методологическим основаниям, а другие, наоборот, говорят, что они далеки друг от друга в этом контексте. Убеждение сторонников второй позиции нам кажется ближе к реально сложившейся социальной реальности. Если вспомнить упоминание нами о том, что естествознание, как правило, склонно к «генерализирующему принципу» познания и в своем багаже руководствуется линейным способом мышления, то гуманитарные науки идут по другой траектории: отходят от линейных связей к индивидуальным. Но дисциплинарные науки не живут изолированно в научном пространстве, они пересекаются, приближаются, заимствуют друг у друга «лучшие практики». Исходя из этого можно выдвинуть тезис о том, что лучшим способом существования дисциплинарных наук является их интеграция, т. е. когда «общие», так и «специфические методы» естественных и социальных наук применяются на основе принципа дополнительности. Ярким примером подобной интеграции является обращение гуманитарных наук к понятиям «схема», «рожденному» в недрах естествознания.

Таким образом, анализ вышеизложенных концепций выстраивания формирования теоретического знания привел нас к следующим аналитическим выводам. Процедура становления той или иной научной дисциплины, будь то естественнонаучная или техническая, гуманитарная, или метаподход к становлению теории, сводима к следующим положениям: научная теория зарождается в рамках одной дисциплины; базисом теории выступают конструкторы, абстрактные объекты, относительно которых выстраиваются теоретические знания; абстрактные объекты объединены в исследовательский каркас «теоретическая схема» (теоретическая модель, парадигмальный образец и т.п.); каждой научной теории соответствует своя теоретическая схема (или иное близкое понятие); вокруг теоретической схемы формируется свой теоретический закон (методологическая директива).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Аст; Ермак, 2003. – С. 261.
2. Ермолаева О.Е. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода / Философия. Культурология. Вестник Нижегород-

ского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 163–169.

3. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3 / ИФ РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. – 694 с.

4. *Bunge M.A.* Finding philosophy in social science. – New Haven; London: Yale Univ. press, 1996. – 432 p.

5. *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники: Учебное пособие для вузов. – М.: Гардарики, 1996. – 399 с.

6. Методология науки: статус и программы / под ред. А.П. Огурцова, В.М. Розина. – М.: ИФ РАН, 2005. – 295 с.

7. *Швырёв В.С.* Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

8. *Розин В.М.* Методология: становление и современное состояние. – М.: Московский психологосоциологический институт, 2005. – 414 с.

9. *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: к дискуссии в современной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2004. – 239 с

10. *Карпов А.О.* Социальные парадигмы и парадигмально-дифференцированная система образования / Вопросы философии. – 2013. – С. 22–32.

11. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М.: Логос, 2000.

12. *Томильчик Л.М.* Философия и естествознание. У истоков Минской методологической школы/ Минская методологическая школа // ФН-7/2016.

13. *Стёпин В.С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В.С. Стёпин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.

14. *Горохов В.Г.* Методологический анализ истории технических наук – роль технической теории // Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки / отв. ред. Е.А. Мамчур. – М.: ИФРАН, 2014. – С. 70–88.

15. *Чешев В.В.* Техническое знание: монография / В.В. Чешев. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. – 267 с.

16. *Матяш Т.П.* История и философия науки: учебник / Т.П. Матяш, Е.Ю. Положенкова, К.В. Воденко, Г.И. Могилевская; отв. ред. К.В. Воденко. – М.: КНОРУС, 2016. – 272 с.

17. *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

18. *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.

РОССИЯ – ЕВРАЗИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА

Автор предлагает принципиально новый методологический подход к прогнозированию развития планетарного сообщества, пионерную футурологическую концепцию. Глобализация, превращая мировое сообщество в единый мирохозяйственный комплекс, не сможет нивелировать этносоциальные различия между Западом и Востоком, уходящие в глубь тысячелетий, закрепленные на генетическом уровне, своего рода «матрицы» двух этносоциальных систем (монголоиды, европеоиды), конфронтация между которыми может привести к расовой войне.

Создание евразийского экономического союза – не «каприз кремлевской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией.

Практическими «рычагами» интеграции будут строительство моста мыс Погиби – остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами (рис. 1). Аналогичная программа в отношении Корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские железные дороги состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистрали (рис. 2).

Российско-японские отношения находятся в отрицательной корреляции с взаимоотношениями Китая и Японии. Наличие японо-американского договора безопасности не гарантирует вступление США в войну с потенциально самой могущественной мировой державой (Китай) из-за ее пограничного спора с Японией. Растущее напряжение между Токио и Пекином заставляет Токио «наступить на горло собственной песне» о возврате Курил. Прагматичные японцы понимают бесперспективность «войны на три фронта» и выбирают меньшее из зол – состояние «статускво» с Россией. Не следует забывать, что пограничные споры

Рис. 1. План соединения Транссиба и железных дорог Японии (мыс Погиби – Сахалин – Хоккайдо)

РОССИЙСКО-ТРАНСКОРЕЙСКИЙ КОРИДОР

Рис. 2. Стыковка Транссиба с Северокорейскими железными дорогами

Японии с Южной Кореей (Токто) плюс память о колониальном прошлом Кореи не позволяют оформить союзнические отношения между

двумя странами. (В 2012 году правительство Ли отказалось заключать военное соглашение между Японией и Южной Кореей в самый день подписания договора.) Оказавшаяся в «кольце потенциальных врагов» Япония вынужденно дрейфует в направлении российского берега. В последние годы изменился тон японской прессы, комментирующей отношения Токио – Москва. «...Основная мысль, которая прослеживалась в японской прессе – это необходимость стратегического сотрудничества Японии и России... против Китая. Всемирно известный писатель Мураками в своей статье писал, что Японии следует «поумерить свой пыл» в отношении Курильских островов и перейти к конструктивному сотрудничеству с Россией» [8, с. 188].

Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К. Марксу «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [5, с. 386, 387]. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие техники, технологий (компьютеризация, роботизация) выводит человека из сферы производства, эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация. Целью расовой войны будет не захват рабов, создание империй или смена общественного строя. Этот конфликт станет самым страшным в истории, главной и единственной целью которого будет полное уничтожение всего населения

расы-антагониста. Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события (расовой войны) нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идет по экспоненте – с возрастающей скоростью (рис. 3).

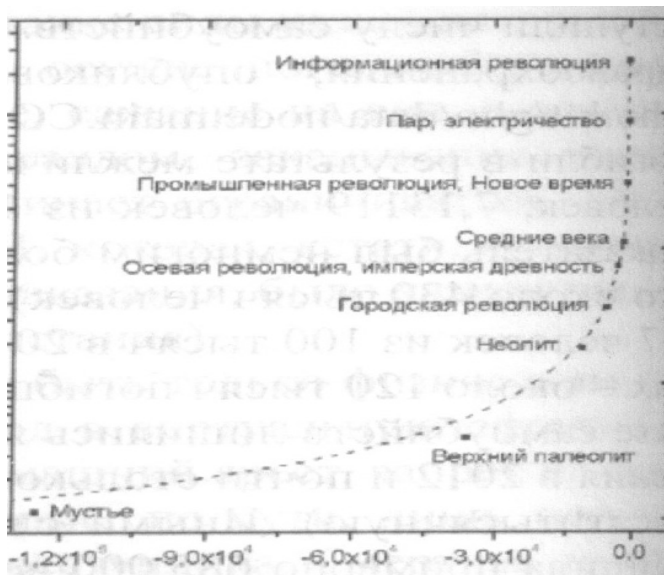

Рис. 3. Экспоненциальная кривая развития технологий и общества по А.Д. Панову [6]

Попробуем вывести «алгоритм» ускорения. От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести компьютер – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической

революции. В окончательном варианте – выход человечества из сферы производства и вступление человечества в (постиндустриальный) этап развития и, как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080–2100 гг.)

Похожую дату предложил позже меня (возможно независимо от меня) известный общественед Гринин, согласно которому завершающая фаза кибернетической революции приходится на 2060, 2070-е годы. Правда в отличие от меня Гринин не дает никаких логических или математических обоснований этой даты и не связывает комплексную автоматизацию производства с качественно новым этапом человеческой истории [3, с. 177].

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная двухтомная рукопись И. Ньютона [4]. Ее содержание составляют тысячи математических формул, вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г. (рис. 4). Такие «экзотические» гипотезы, основанные на библии, астрологии и др., не принято считать заслуживающими внимания научными теориями, поэтому я цитирую выводы Ньютона просто как удивительное совпадение прозрений гениального ученого и наших скромных концепций.

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080–2100 гг.) и футуропрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события, то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5 %).

Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты). Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. «Проект Туманган, как и последовавший за ним проект «Один путь – один пояс» (Евразийский транспортный коридор в обход

«Шелковый путь». На днях киргизские чиновники признались, что ограниченному кругу экспертов и политиков была прочитана лекция на тему «Внешняя политика Китая», во время которой китайские представители открыто призывали отказаться от неперспективного ТС. Таким образом, КНР всячески пытается не допустить объединения слабых поодиночке государств в сильный союз» [12].

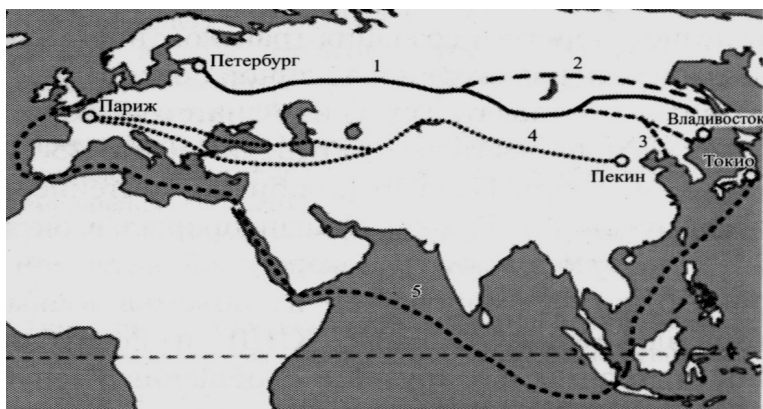

Рис. 5. Евразийский транспортный коридор в обход России (точечный пунктир)

Наша концепция о третьем силовом центре, снижающем уровень конфронтации между двумя конфликтующими доминантными полюсами, нова только для европейской философской традиции. В древне-китайской философии констатация такой триады – аксиома («противоположные поля инь и ян сливаются в единство и образуют новый ритм цзы. Вместе с инь и ян он составляет генетическую триаду культуры Дао: инь-цзы-янь» [9] (рис. 6).

Путин в 2011 г. в своей программной статье в газете «Известия» дал следующий футуропрогноз: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [7].

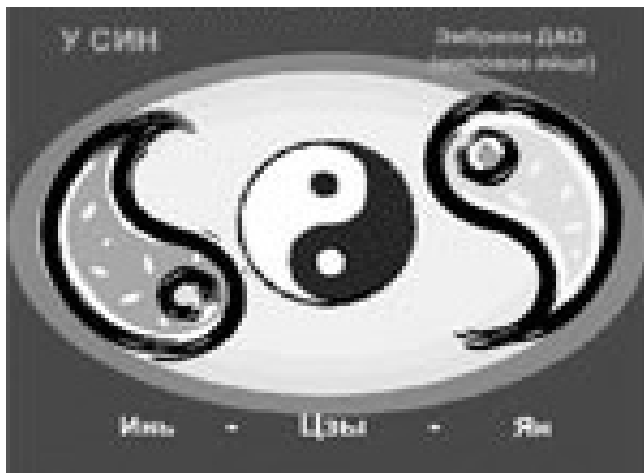

Рис. 6. Триада инь-цзы-янь в древнекитайской философии [10]

Как бы отвечая на предложенную прогноз-концепцию, Президент Южной Кореи Пак Кын Хе на международной конференции высокого уровня «Глобальное сотрудничество в эру Евразии», прошедшей 18 ноября 2013 г. в Сеуле, изложила аналогичную программу международного сотрудничества «Евразийская инициатива» для создания «Одного континента» – «Мирного континента». Смысл «Эпохи Евразии», по мнению Пак Кын Хе, заключается в объединении Дальнего Востока, начиная с Республики Корея, России, Центральной Азии, в формировании более благоприятной инфраструктуры и свободной торговли между евразийскими странами для построения большого единого рынка, соперничающего с Европейским союзом [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вместо госкорпорации на Дальнем Востоке может появиться АНО. URL: <http://primamedia.ru/news/dv/04.03.2013/261044/vmesto-goskorporatsii-na-dalнем-vostoke-mozhet-royavitsya-ano.html>. (дата обращения: 15.08.2014).
2. В Токио обсудили создание энергомоста Сахалин URL: news.mail.ru/video/165564/ (дата обращения: 15.08.2014).
3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Кибернетическая революция и шестой уклад // Историческая психология и социология истории. – 2015. – № 1. – С. 177.

4. *Лаговский В.И.* Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. – 19.06.2007.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. – М., 1970. – 520 с.

6. *Панов А.Д.* Завершение планетарного цикла эволюции // Философские науки. – 2005. – № 4. – С. 31–50.

7. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – № 184.

8. *Романова М.И.* Выступление на круглом столе «саммит АТЭС 2012 в оценках зарубежных средств массовой информации 28.02.2012 // Вестник изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. – № 1.

9. Становление китайской философии. Культура Дао. Реставрация [Электронный ресурс] <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/13.htm> (дата обращения: 10.10.2015).

10. Философия. Раздел II. Тема 4. [Электронный ресурс] [http:// web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/11/ph4.htm](http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/11/ph4.htm). (дата обращения: 10.10.2015).

11. Южная Корея и Япония могут вступить в Таможенный союз URL: finance.nur.kz/news/macroeconomics/286925.html. (дата обращения: 15.08.2014).

12. Китай готовит военное вторжение в Россию – News-Asia www.news-asia.ru/view/ch/5453 (дата обращения 12.12.2013).

13. Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора азиатской политики России. – М.: Международные отношения, 2016.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Национальный вопрос в Российской империи начала XX века являлся дестабилизирующим фактором общественного развития. Февральская революция (1917), послужив мощным катализатором национальных движений, превратила национальный вопрос в «жгучий вопрос текущего момента» и привела новое правительство к необходимости разработки и реализации политического курса, соответствующего требованиям времени.

Временное правительство, определяя свои задачи в Декларации 3 марта 1917 г., заявило, что национальные ограничения отменяются, а форму правления и конституцию страны установит Учредительное собрание [12, с. 125].

В постановлении «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) правительство разъясняло, что всем гражданам России гарантируются равные права при поступлении на государственную службу и в учебные заведения, для приобретения собственности, занятия торговлей и ремеслом, участия в акционерных и других обществах. Предусматривало возможность введения родного языка в частных учебных заведениях, частично – в делопроизводстве [11, с. 53].

Для управления некоторыми окраинами правительство создает специальные учреждения. Так, для управления Средней Азией был учрежден Туркестанский комитет (7 апреля), а для управления Кавказом – Особый Закавказский комитет (9 марта). Новым было то, что в комитеты входили «местные уроженцы» [2, с. 71].

Временное правительство пыталось реализовать несколько подходов к решению национального вопроса в ряде национальных образований России.

В мартовском обращении «К полякам» правительство объявило о согласии на создание в будущем независимой Польши при условии, что она будет находиться в «свободном военном союзе» с Россией. Польские земли тогда были полностью оккупированы германскими

войсками, и все европейские державы уже высказались за существование самостоятельного польского государства [2]. Таким образом, Временное правительство в польском вопросе шло за событиями.

7 марта 1917 г. правительство восстановило правовой статус Финляндии, существовавший до конца XIX века; предоставило культурную автономию и перспективу рассмотрения вопроса о расширении прав сейма. Финляндский сейм (5 июля) принял закон о верховной власти, в котором провозгласил переход законодательной и исполнительной власти на территории Финляндии к сейму. Мятежный сейм был окружен войсками и распущен. Новый состав сейма в октябре 1917 г. (одержали победу буржуазные партии) признал Временное правительство носителем верховной власти [2].

О том, что новая власть уделяла определенное внимание национальным проблемам, свидетельствует и факт создания при Министерстве внутренних дел Национального отдела со следующими задачами: содействие Временному правительству в законодательной и административной работе, касающейся национальностей России; осведомление правительства о всех явлениях политической жизни народов, их культурных нуждах, сбор и систематизация материалов в этой области, подготовка соответствующих законопроектов для Учредительного собрания.

Временное правительство пыталось учитывать национально-культурные особенности при организации волостных, уездных и областных земских органов [8, с. 201–203]. Однако эти меры правительства не могли удовлетворить участников активизировавшихся по сравнению с началом XX века национальных движений. Национальная политика не устраивала национальные элиты, которые имели притязания на расширение своих прав и децентрализацию управления.

Преобладающим в национальных движениях было требование преобразования России в федеративную демократическую республику с национально-территориальной автономией населяющих Россию народов. Это требование разделялось почти всеми национальными партиями (возникшими в конце XIX – начале XX века и новыми, сформировавшимися после Февральской революции) и движениями.

Национально-территориальную автономию Украины в федеральной демократической России отстаивала, например, созданная 4 марта 1917 г. на заседании представителей ряда политических партий (г. Киев) Центральная Украинская рада. Были образованы законодательный

орган – Малая рада и правительство – Генеральный секретариат. Провозглашение автономии Украины произошло вопреки желанию Временного правительства. В декрете Центральной рады «Первый Универсал» были намечены и границы Украинской Народной республики в соответствии с требованием превращения этнографических границ в государственные. В республику были включены восемь губерний, в которых украинское население составляло большинство, – Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская и Таврическая (без Крыма). Предполагалось, что в дальнейшем границы будут уточняться с учетом того, что часть компактно заселенных украинцами территорий осталась за пределами Украины. [2, с. 72].

Принцип «этнографических границ», который отстаивали представители различных украинских движений, противопоставлялся принципу «исторических прав», а по существу и европейскому принципу национальных государств. Под этнографическими понимались границы компактного расселения украинцев, как оно сложилось к началу XX века [1, с. 326–327].

Украинское национальное движение на этом этапе не вызывало широкого отклика ни у крестьян, ни у рабочих. Оно оставалось занятием небольшой группы энтузиастов-интеллектуалов, состоявшей главным образом из преподавателей. По-видимому, федералистская программа, на которой основывался «Первый Универсал», отвечала более или менее массовым настроениям того времени, сепаратистские же лозунги не пользовались популярностью ни перед революцией, ни во время ее, ни после. Временное правительство в Петрограде, чья тактика состояла в откладывании всего на потом, частично и неохотно уступило требованию об автономии, вопрос о которой должно было, как всегда, решать Учредительное собрание. Но этот факт был скорее показателем слабости Временного правительства, чем силы Центральной украинской рады [5, с. 236–237, 239, 331].

Требование автономии в Белоруссии в будущей федеративно-демократической Российской республике прозвучало в марте 1917 г. на белорусском национальном съезде. Оно разделялось большинством вошедших в Белорусский национальный комитет представителей белорусских партий, как правыми (Белорусская христианская демократия, Белорусская партия национальной свободы), так и левыми (Белорусская социалистическая громада). В июле 1917 г. на съезде (Минск)

национальных партий и организаций была учреждена Белорусская рада. Ее руководители стремились добиться предоставления Белоруссии автономии в рамках Российской республики [9, с. 98].

В Прибалтике движение было слабее, чем в Финляндии, но сильнее, чем на Украине. В Латвии требование автономии выдвигалось многими партиями, начиная с Крестьянского союза и кончая меньшевиками и большевиками (социал-демократия Латышского края). На позиции федеральной республики с национальной и территориальной автономией для народов, краев и областей стояли и эстонские партии. И только тогда, когда Временное правительство оказалось неспособно контролировать ситуацию в стране, эстонские и латышские политические деятели осознали открывшуюся перед ними возможность создать свои национальные государства. Различными политическими организациями (всего 12 партий и организаций) в Швейцарии была создана «Постоянная делегация Верховного национального Литовского Совета», состоявшая из десяти человек, целью которой явилась попытка объединить все политические силы Литвы и подписать договор о создании Литовского независимого государства [3, с. 188–189].

На восточных окраинах России волнения среди мусульманских народов возникли еще до Февральской революции. В мусульманском движении после февральских событий 1917 г. значительно усилилась дифференциация, в основе которой было отношение к государственному устройству России и форме национального самоопределения.

В мае 1917 г. в Петрограде состоялся I Всероссийский мусульманский съезд, на котором было выдвинуто требование не национальной независимости, а национальной автономии, причем камнем преткновения стало противоречие между большинством, требовавшим, чтобы была создана «демократическая республика на национально-территориально-федералистских началах», и меньшинством, согласным на культурную автономию в пределах единого Российского государства. II Всероссийский мусульманский съезд (июле 1917) принял предвыборную платформу для мусульман внутренней России и Сибири, включавшую требования культурно-национальной автономии. Съезд высказался за самостоятельное решение вопроса о форме правления Туркестана, Киргизии, Кавказа и Крыма населением этих окраин. В Оренбурге одновременно с Всероссийским мусульманским съездом проходил Всебашкирский съезд, на котором было выдвинуто требование автономии для башкир. Под руководством национального движе-

ния Алаш состоялся I Всеказахский съезд (21–28 июля 1917 г.). В Оренбурге собрались представители всех населенных преимущественно казахами областей, входивших в разные административно-территориальные образования России. Съезд выдвинул требование территориально-национальной автономии в рамках Российской демократической федерации. В то же время Алаш усиливает связи с эсерами, игравшими ведущую роль в сибирском областничестве. Сблизившись с ними на основе признания федерации, лидеры Алаш вплоть до октября не исключали возможности вхождения Казахстана в состав автономии Сибири [5, с. 254–255; 8, с. 204].

Одной из первых попыток воплощения в жизнь культурно-национальной автономии было провозглашение на объединенном заседании делегатов трех съездов мусульман (мусульманского, военного и съезда мулл – 22 июля 1917 г.) в Казани «культурно-национальной автономии мусульман внутренней России и Сибири». Высшим законодательным органом мусульманской автономии был объявлен совет (милли-меджлис), низшими органами на местах – милли-шуро. Временное национальное управление обратилось к Временному правительству с просьбой передать его ведомствам (духовное, финансовое, просвещения) полномочия местных и центральных органов власти по вопросам национально-культурной автономии мусульман [7, с. 132].

Таким образом, мусульманское движение в 1917 г. разделилось на два основных направления: сторонников национально-культурной автономии в унитарном государстве и приверженцев демократической федерации. Но и те и другие поддерживали политику Временного правительства и не ставили задачи выхода из состава России. Основные надежды на решение национального вопроса возлагались на Учредительное собрание.

В сентябре 1917 г. в Киеве при содействии Центральной рады состоялся съезд народов России. В его работе приняли участие и мусульманские федералисты. Съезд провозгласил право всех народов как на национально-территориальную, так и экстерриториальную автономию. Он не определил компетенцию и конкретные формы организации национально-автономных институтов, возложив задачу на национальные учредительные собрания [7].

Нажим федералистов подвигнул А.Ф. Керенского на заявление, что свободная Россия может быть только децентрализованной. К этому, правда, министр-председатель добавил, что Временное правительство

не вправе провозглашать федеративный строй до созыва Учредительного собрания [3, с. 91].

В то же время в Туркестане появились сецессионистские настроения (ориентация на отделение от России). После Февральской революции на базе джадидских обществ (общества культурно-просветительского характера, выступавшие за реформу старой системы мусульманского образования и введение образования европейского типа) формируются политические партии. В марте 1917 г. была создана партия «Шуро-и-исламия» («Совет ислама»). Отражая интересы местной буржуазии, она выступала против передачи власти Советам, за национально-религиозную автономию Туркестана в составе России, ратовала за частную собственность. На съезде партии (апрель 1917 г.) было принято решение о культурно-политическом самоуправлении Туркестана, поддержано Временное правительство и одобрена его политика в Туркестане, избран «Краевой совет туркестанских мусульман». В партии шла борьба между джадистами и улемистами (представителями высшего мусульманского духовенства). В июне 1917 г. партия раскололась, из нее вышло правое крыло, создав партию «Шуро-и-улема» («Совет духовенства»). Делегаты съезда этой партии (сентябрь 1917 г.) выступили за сплочение всех противников нарастающего революционного движения, требовали отделения Туркестана от России и объединения всех мусульман в единое государство под эгидой Турции. Улемисты старались сеять рознь между русскими и коренным населением, призывали к ликвидации любых споров между «единоверными» [4, с. 151–152].

Сложной была ситуация в Закавказье вследствие двойственной природы национальной проблемы. Здесь проживали и высокоразвитые народы, как на западных окраинах России, и народы по своему уровню развития близкие к народам восточных окраин. Этнические границы между тремя основными нациями (грузинская, армянская, азербайджанская) не были четко определены.

Три главные политические партии Закавказья – азербайджанская Мусульманская демократическая партия, армянская Дашнакцутюн, грузинская Социал-демократическая – после Февральской революции признали Временное правительство. Эти партии пользовались массовой поддержкой и выдвигали требование автономии в рамках федеративной России [10, с. 76].

Таким образом, анализ национальных движений свидетельствует о том, что ставилась задача не разрушения российской государственности, а ее реформирования на федералистской (этнотерриториальной) и культурно-автономной (экстерриториальной) основе. Уровень же сепаратистских движений, ориентированных на отделение от России, был невелик.

Федералистский характер национальных движений вошел в противоречие с программами некоторых российских партий, представители которых вошли в состав Временного правительства.

Проект национальной программы кадетов был выработан лишь к VIII съезду в мае 1917 г. В качестве меры, способной, с одной стороны, предотвратить разрушение единства России, с другой – обеспечить самобытность населяющих Россию народностей и областей, была выдвинута идея провинциальной автономии (предоставление автономных прав, т. е. издание местных законов, губернским или областным земствам).

В докладе теоретика партии Ф.Ф. Кокошкина утверждалось, что в условиях политической дестабилизации и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны по национально-территориальному признаку неприемлемо. В противном случае это привело бы к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств). Оптимальным решением национального вопроса он считал предоставление народностям культурно-национальной автономии с одновременным осуществлением децентрализации управления и законодательства [14, с. 64]. В знак несогласия с решениями съезда по национальному вопросу украинские и литовские делегаты покинули съезд.

На IX съезде (июль 1917 г.) кадеты еще раз обратились к пересмотру национальной программы. К пункту «О праве свободного культурного самоопределения» делалось добавление о том, что «государство может передать нациям, действующим в качестве единых нетерриториальных публичных союзов, осуществление ... задач культурного управления ... в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим нациям» [9, с. 100]. Это была классическая, хотя и урезанная, формула национально-персональной автономии, поскольку степень власти и компетенции национальных союзов определялись общегосударственным, а не национальным законодательством.

Вместе с тем съезд продемонстрировал и эволюцию взглядов кадетов. П.Н. Милюков (член Временного правительства), выступая на съезде, заявил, что реальная ситуация на Украине заставляет партию поставить вопрос о предоставлении ей областной автономии. В докладе содержится глухой намек на возможность в будущем предоставления автономии другим народам России, но только строго законным путем [6, с. 53].

Трудовая народно-социалистическая партия, возникшая в июне 1917 г. на объединенном съезде трудовиков и народных социалистов, отстаивала принцип областной и национально-областной автономии в демократической федеративной республике с обеспечением прав национальных меньшинств.

Более всего национальным чаяниям отвечала эсеровская национальная программа. III съезд ПСР (25 мая – 4 июня 1917 г.) высказался за создание в России федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей. Съезд ПСР, как и съезд кадетов, обратился к идее национально-персональной автономии для наций без территории и для национальных меньшинств. Но в отличие от кадетов, усматривавших в национально-персональной автономии альтернативу федералистскому движению, эсеры видели в этой форме лишь способ обеспечения прав национальных меньшинств. В резолюции съезда ПСР не было пункта о праве наций на самоопределение. Это объяснялось отсутствием единства в партии по этому вопросу [9, с. 101, 109, 156–157].

В целом национальные программы российских политических партий к октябрю 1917 г. представляли широкий спектр альтернатив решения национального вопроса.

В октябре 1917 г. Особая комиссия по составлению проекта основных законов при Временном правительстве наконец-то сформулировала проект законодательного акта, который рекомендовалось представить для утверждения Учредительному собранию:

«А. Государство Российское едино и нераздельно.

Б. В составе государства Российского Финляндия пользуется самостоятельностью на основаниях и в пределах, установленных законом, принятых Учредительным собранием (тогда-то), и формой правления, утвержденной (тем-то и тогда-то).

В. В государстве Российском будет введена областная автономия» [8, с. 199–200; 13, с. 90].

Таким образом, действия Временного правительства (восстановление конституции Финляндии, согласие на создание в будущем независимой Польши, принципиальное согласие на автономию Украины и Латвии, введение краевого управления для Закавказья, провозглашение России демократической республикой без упоминания об автономии или федерации) отставали от национальных амбиций, федералистских и сепаратистских тенденций. Неуправляемые процессы «снизу» способны были девальвировать самые прогрессивные идеи демократического, федеративного устройства страны, предложив взамен лишь стихию распада.

Российская демократия, представители которой входили в 1917 г. в коалиционные составы Временного правительства, решила на провозглашение многонационального государства «Российской Демократической Федеративной республикой» лишь на заседании Учредительного собрания 6 января 1918 г., после того как его покинули имевшие реальную власть большевики и левые эсеры [3, с. 92].

Таким образом, выступая за единую, неделимую, демократическую Россию, Временное правительство не могло справиться с национальным движением и предотвратить последующий распад государства. Крах империи был не только результатом «мягкотелости» или неуступчивости власти, но и безответственности радикалов из стана политической оппозиции. Принципы гражданского общества противоречили имперскому началу, и сохранить (или воссоздать на новом уровне) империю можно было лишь силой. Процесс модернизации, в том числе и политической, постепенно вовлекал в свою орбиту и национальные окраины. Даже умело осуществленная децентрализация, территориальная автономия с национально-культурной компонентой не могла бы предотвратить изменение территории России. Децентрализация могла лишь отсрочить конечную судьбу Российской империи. Польша и Финляндия рано или поздно восстановили бы полную независимость. Скорее всего, обособились бы страны Балтии. С Украиной можно было установить федеративные (конфедеративные) отношения. Белоруссия получила бы широкую автономию. Сложно сказать о статусе Закавказья и Средней Азии – но менее обязывающая для России форма отношений лишь соответствовала ее национальным интересам.

Имперская модель противоречила национальным интересам России. У любого государства есть геостратегические интересы. Их можно было реализовать через систему протекторатов или «зон влияния». Представляется ошибочным отказ сторонников великодержавия от

этого механизма взаимодействия и переход на инкорпорацию (включение в свой состав) ряда территорий, чья модель цивилизационного развития часто была иной и не взаимодействовала с российской. В итоге возникали очаги перманентной нестабильности, что тормозило процесс экономической и политической модернизации России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
2. Геллер М.Я., Некрич А.М. История России. Утопия у власти. 1917–1945. – М.: МИК, 1996. – Т. 1. – 500 с.
3. История национальных политических партий России / под ред. А.И. Зевелева, В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 408 с.
4. История политических партий в вузовском курсе политической истории. Проблемы теории, методологии, методики: Всесоюзная научно-методическая конференция / отв. ред. Э.Г. Дайч. – М.: Прометей, 1991. – 179 с.
5. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большеви́стская революция. 1917–1923; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
6. Кувшинов В.А. Кадеты в России и эмиграции // Новая и новейшая история. – 1995. – № 4. – С. 199–211.
7. Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Полис. – 1993. – № 2. – С. 129–135.
8. Национальная политика России: история и современность / С.В. Кулешов, Д.А. Амонжолова, П.В. Волобуев. – М.: Русский мир, 1997. – 680 с.
9. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX века: Документы и материалы / сост. И.В. Нам. – Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1998. – 205 с.
10. Национальная политика в Российской Федерации / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 1993. – 315 с.
11. Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. – Т. 3. – М., 1930. – 464 с.
12. Российское законодательство X–XX веков. – Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М.: Юридическая литература, 1994. – 175 с.
13. Трофимов Е.Н. Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 годы): монография. – 2-е изд., пересм. и доп. – М.: Логос, 2013. – 377 с. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=258633>.

НРАВСТВЕННЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Актуальность. Современный этап общественного развития сопровождается кардинальной трансформацией социокультурных процессов, происходящих в условиях глобальных перемен. Эти процессы характерны не только для различных сфер социальной жизни, но и свойственны самому человеку: изменяется человек, его структура ценностных ориентаций и ценностное восприятие мира. Радикальная модернизация и усиливающаяся коммерциализация социального пространства порождает острейшую необходимость в пересмотре и корректировке ценностных установок.

Цель исследования. В работе рассматривается одна из ценностных тенденций, свойственных современному периоду развития, в частности исследуется нравственный релятивизм как аксиологическое направление, деструктивно воздействующее на иерархическую систему индивидуальных ценностей.

Как известно, нынешний этап развития общества, характеризующийся резким обострением политических, экономических и других противоречий, несомненно, сопровождается стремительным реформированием социальной среды. Вместе с тем существенным испытаниям подвергается и ценностное мировоззрение человека. Значительные изменения касаются содержания ценностных идеалов, принципов, норм поведения, целей и смыслов деятельности человека. Новое время ставит перед человеком новые цели и задачи. Какие ценностные установки занимают лидирующие позиции в аксиосфере общества сегодня, и как они влияют на индивидуальную систему ценностей? Ответы на поставленные вопросы и составляют содержание данной работы.

Исходной точкой нашего исследования в контексте представленной темы является прежде всего современное общество, которое сегодня рассматривается как общество потребления. Понятно, что в самой общей трактовке можно сказать, что общество потребления представляет собой особый тип общественных отношений, в которых ключевую роль играет индивидуальное потребление [4]. Однако специфика общества такого рода вовсе не сводится только к потреблению: изучая

общество потребления, «мы имеем в виду нечто большее, чем банальный тезис о том, что все члены этого общества потребляют...» [2, с. 116]. Вместе с тем существуют и другие интерпретации современного состояния общественного развития, так, например, современное общество – это общество риска [3], нездоровое общество [7] и т. п. Нет необходимости углубляться в содержание трактовок нынешнего типа социального устройства, это не столь значимо для данного анализа. Существенно важнее, какими специфическими чертами обладает современная модель общественных отношений, и какие аксиологические тенденции преобладают в ней.

Прежде всего, следует отметить, что настоящий период социального развития вступил в новую фазу развития. Данный этап имеет ряд отличительных черт, важнейшими из которых становятся процессы глобализации. Именно поэтому современный период принято называть веком глобальных перемен или эпохой глобализации, характеризующейся небывалым обострением противоречий практически во всех сферах жизнедеятельности общества: экономике, политике, культуре. Особенно явно подобные явления обнаруживаются в социально-культурной сфере, сопровождающейся радикальными преобразованиями в ценностных системах как отдельного человека, так и общества в целом.

Итак, новый век претерпевает существенные изменения. Современные преобразования в целостной структуре общественных отношений настолько стремительны и динамичны, что в значительной степени усложняют существование человека, вынуждая его активизировать механизмы и способы адаптации к новым реалиям. В этих усложненных социальных обстоятельствах процессы адаптации ускоряют реформирование всей сферы взаимодействия человека и социума, что, бесспорно, сопровождается модификацией не только социальных ценностных иерархий, а также «происходит вторжение в жизненный мир человека, воздействие на его систему ценностей, да и само ценностное восприятие мира» [5, с. 16]. И как результат – демонтаж ценностной структуры личности, обострение и углубление ценностных противоречий.

Все сказанное ранее позволяет утверждать, что в ценностной системе личности появляются новые ценностные устремления, свойственные реальной социальной действительности. К ним относятся, прежде всего, потребительская ориентация, нравственный релятивизм, прагматизм и другие. Следует подчеркнуть, что нравственный реляти-

визм становится доминирующей тенденцией в системе индивидуальных и социальных ценностей. Новый порядок, навязанный самой глобализацией, трансформирует прежние представления о добре и зле, смысле жизни, о сакральном и «провоцирует столкновение различных ценностных систем» [6, с. 18].

Прежде чем обратиться к нравственному релятивизму как ценностной ориентации современного общества, напомним, что вопрос о специфике нравственных понятий, таких как добро и зло, до сих пор находится в центре философского дискурса. Проблема объективности или относительности ценностей и норм всегда была гордиевым узлом нравственной философии. Дискуссии по указанной проблеме отражены в трудах величайших мыслителей прошлого и настоящего. Так, например, Сократ, Платон, Аристотель, Им. Кант, М. Шелер и др. обосновывали объективность ценностей. Другие философы, среди которых следует выделить Р. Перри, Дж. Дьюи, М. Вебера, О.Г. Дробницкого и многих других, отстаивали субъективистский подход к ценностям. И, наконец, Протагор, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Д. Юм и др. были сторонниками релятивизма.

В рамках данной работы нет необходимости погружаться в теоретический аспект представленной проблемы. Задача заключается в обосновании причин, вызвавших отрицание объективных ценностных позиций в структуре индивидуальных и социальных ценностных иерархий в новых обстоятельствах. Тем более, что философская позиция и тех, и других сторонников в отношении статуса морали остается предметом изучения нравственной философии и ее ключевым вопросом и по сей день.

Отдельно рассмотрим важнейшие характеристики нравственного релятивизма, как не менее разрушительной ценностной ориентации нынешнего времени, по сравнению с потребительской ориентацией. Своеобразие настоящего момента, безусловно, состоит в формировании новой шкалы ценностей, в которой наряду с потреблением и накоплением господствует моральный релятивизм – одно из ярких подтверждений наличия ценностного кризиса в условиях современного глобального мира. Как известно, основу данного этического принципа составляет отрицание существования объективных моральных ценностей.

Указанная этическая позиция, как уже было сказано, имеет давние исторические традиции, сформировавшиеся на раннем этапе становления нравственной философии. Однако именно сегодня, в условиях

глобальных перемен, когда происходит «переоценка ценностей», а ценностные контуры не имеют явно выраженных границ, нравственный релятивизм достиг своего абсолютного и безграничного господства.

Моральный релятивизм как этический принцип подвергается серьезной критике со стороны ведущих аксиологов. Так, например, отечественный философ С.Ф. Анисимов утверждает, что одно из весьма распространенных заблуждений современного принципа отрицания прежних ценностных значений и признание моральной свободы состоит в том, что «новая шкала ценностей может оказаться еще более “навязанной” и “объективной”, чем старая» [1]. Здесь необходимо пояснить, что обоснование объективного подхода к ценностям не отрицает субъективных оценок, норм и установок, наоборот, такая точка зрения позволяет более объективно и беспристрастно оценить тот или иной моральный поступок, поскольку поиск моральной истины концептуально содержит некие базовые принципы.

Кроме того, такая позиция дает объяснение существования множественности нравственных систем различных эпох и культур. Лишь обращение к объективным моральным ценностям и универсальным нормам может гарантировать подлинное воспитание личности в духе свободы и личной автономии, а также противостоять любого рода тоталитаризму [9]. Только опираясь на общечеловеческие ценности, возможно становление важнейших основ гражданского общества, в котором человек становится высшей ценностью.

Важно подчеркнуть, что ложное понимание релятивизма как моральной свободы провоцирует манипуляцию ценностным мировоззрением одних людей другими. Так, по мнению сторонников объективности ценностей, объективность моральных ценностей ни в коем случае не отменяет свободу, индивидуальную волю и индивидуальную ответственность. Свобода здесь предстает как позитивная свобода следованию доброты, что воспринимается как долг [8]. В условиях отсутствия в общественном пространстве объективных критериев фундаментальных этических категорий формирование индивидуальных ценностных ориентаций и установок находится под влиянием различных деструктивных факторов.

Вместе с тем можно согласиться с утверждением ряда исследователей о том, что глобализация может создавать благоприятные условия для утверждения объективных моральных принципов. Дело в том, что

проблемы, имеющие отношение к объединению людей для решения различного рода глобальных проблем, настоятельно требуют тщательной разработки новых целостных структур нравственных ценностей, имеющих объективный характер.

В то же время важно осознавать, что моральные ценности должны занимать свои ведущие позиции в иерархической структуре ценностей и не растворяться в материальном бытии человека. В противном случае неотвратимость обострения ценностных противоречий и углубления кризисных процессов неизбежна.

Помимо сказанного, признание объективности моральных ценностей важно еще и потому, что позволяет существенным образом ограничить морально-ценностный релятивизм и нигилизм. Понятно, что оценки, цели и ценности, безусловно, имеют субъективный характер, но именно присутствие универсальных, общечеловеческих ценностей в социальном пространстве определяет и способствует гармоничному сосуществованию различных народов и культур в условиях глобальных трансформаций, что значительно снижает степень нежелательных рисков.

Заключение. Таким образом, появление настораживающих тенденций, к которым относится нравственный релятивизм, наряду с прагматизмом, потребительской и накопительской ориентациями, следует рассматривать как негативное следствие кризиса социальных ценностных ориентиров и представлений. Сегодня не вызывает сомнений, что решение проблем, связанных с глобальными социальными вызовами, надлежит искать в переосмыслении важнейших ценностных принципов, в устранении негативных факторов, изменивших вектор развития аксиологических ориентаций, в корреляции общезначимых ценностных представлений в соответствии с новой социальной реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. – М.: Современные тетради, 2001. – 128 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ., под ред. В.А. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. *Бек У.* Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот; пер. с нем. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 44–59.

4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления / пер. с фран. Самарской Е.А. – М.: Республика, 2006. – 272 с.
5. *Данилкова М.П.* Потребительская ориентация как негативная тенденция современного общества // Вестник ОМГПУ, Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (17). – С. 15–18.
6. *Киселев Г.С.* Иллюзия прогресса // Вопросы философии, 2015. – № 4. – С. 16–25.
7. *Фромм Э.* Здоровое общество / Э. Фромм; [пер. с англ. Т. Банкетовой, С. Карпушина]. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 448 с.
8. *Матвеев П.Е.* Моральные ценности. – Владимир: ВГУ, 2004. – 190 с.
9. *Вегас Х.М.* Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 225 с.

Дмитриева А.И., Сандакова Л.Б.

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КОНЦЕПЦИИ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР»
Л. ВИТГЕНШТЕЙНА**

В динамично меняющемся мире остро востребована способность к созданию новых проектов и нестандартных решений. Поэтому проблема формирования творческого мышления становится актуальной для современного образования и культуры в целом. Эффективным решением этой проблемы является лишь при учете взаимосвязи мышление-язык-деятельность. Такая традиция уже сформирована усилиями ряда мыслителей в философии, лингвистике и психологии (В. Гумбольдт, А. Потебня, Л. Витгенштейн, Ф. де Соссюр, Л. Выготский и др.). В данной работе предполагается рассмотреть эвристический потенциал концепции языковых игр Л. Витгенштейна.

Под мышлением в данной работе мы будем понимать «процесс функционирования сознания, определяющий познавательную деятельность человека и его способность выявлять и связывать образы, представления, понятия, определять возможности их изменения и применения» [5]. Творческое мышление – вид мышления, характеризующийся созданием нового продукта и новообразованиями в самой познавательной деятельности по его созданию. Сэнди Грант в своей статье говорила о том, что языковые игры есть путь к свободе, поскольку они развивают гибкость мышления, позволяют ненадолго выходить за рамки привычного [4]. Возможно, это и есть основа творческой мысли. Попробуем разобраться, каким потенциалом обладает язык, понимаемый как игровая деятельность, в формировании креативности. Какие функции-потенции и функции-реализации могут инициировать развитие творческой мысли.

По концепции Л. Витгенштейна, языковые игры – целостные и законченные системы межличностной коммуникации, подчиняющиеся своим внутренним правилам и соглашениям, нарушение которых означает выход за пределы конкретной игры [2]. Границы одной конкретной языковой игры одновременно определяют границы другой языковой игры. Слова приобретают смысл только в использовании. Если их

перестают использовать, они теряют свое значение. Важен контекст, иначе говоря, различные социокультурные практики. Таким образом, языковая игра – система коммуникации, включающая в себя язык и действие. Игра возможна, если есть правила игры, но к ним она не сводится. В игре всегда есть вещи, не подвластные этим правилам, которые нельзя определить однозначно. Игра обязательно предполагает условность и свободу, пусть и в рамках структурной упорядоченности. Этот двойственный характер игровой деятельности у человека позволяет считать ее механизмом культуры. Если признать, что культура призвана обеспечить соотношение индивидуального и коллективного, свободного и нормативного, репродуктивного и творческого в человеческой жизнедеятельности [1], то игра позволяет человеку пробовать различные варианты реализации этого соотношения. Не случайно она занимает столь значительное место в жизни ребенка. Ведь именно в детском возрасте первоочередной задачей является освоение культуры [6].

В языке существует элемент свободы, который позволяет играть с ним. Играть смыслами и формами. Возможность творческого обращения с языком предоставляют такие его характеристики как полисемия, омонимия, игра слов.

Полисемия – наличие у некоторой лексической единицы (ЛЕ) более одного значения, или это свойство некоторой ЛЕ иметь несколько взаимосвязанных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Такая «экономия языковых средств» формирует опыт богатого ассоциативного мышления, способности искать сходное в совершенно различном и, наоборот, выявлять скрытые связи. Появляются предпосылки для творчества: необычное сочетание обычного, новая связь старого. Полисемия вкупе с психологическим аспектом в процессе оперирования языком порождает речевую неоднозначность, которая также предполагает домысливание. Конечный продукт этого процесса носит как индивидуальный, так и коллективный характер, связанный с личным социокультурным и психологическим опытом.

Речевая неоднозначность создает предпосылки для генерирования новых идей. Язык достаточно гибок и пластичен. Например, это проявляется в использовании лексического состава языка в различных ситуациях и в разных значениях. Одну и ту же лексическую единицу мы можем употребить во множестве случаев. Ее смысл будет меняться в зависимости от речевой ситуации и контекста. Носители языка могут

помещать ЛЕ в непривычное для них языковое окружение. В этом случае появляются неограниченные возможности для новой интерпретации (для свежего взгляда).

Другим примером этой характеристики является предоставляемая языком возможность создавать и выражать смыслы в новой форме. Например, окказионализмы – неузальные единицы или неузальные значения языковых единиц, создаваемых говорящим/пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного определенным контекстом. Человек способен экспериментировать, «играть» со способами передачи информации в стремлении передать точнее оттенки смыслов.

Существование языка в форме игры обусловлено его использованием. С одной стороны, язык призван зафиксировать и передать объективное содержание информации, с другой – он транслирует субъективное отношение и понимание говорящего/пишущего. Язык структурно организован, имеет правила, но при этом допускает условность в установлении связи между реальностью и знаками, ее выражающими, и свободу в формах этого выражения. Творческое мышление и формируется, и обнаруживается в использовании потенциала, заложенного в языке. Можно предположить, что чем большее количество языковых игр освоено человеком, тем выше его творческий потенциал.

Таким образом, полагаем, что концепция языковых игр достаточно адекватно отражает динамическую связь языка, мышления и деятельности. Она позволяет увидеть в языке некоторый «культурный механизм», инициирующий формирование и развитие творческого мышления и поведения человека. Можно также сделать выводы о высокой значимости языковой подготовки в образовательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажутина Н.С.* Человек, культура, творчество: монография / Н.С. Бажутина, Т.О. Бажутина. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – 240 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. Часть I. – М., 1994.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – В книге: Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т., т. 2. – М., 1982.
4. *Грант С.* «Языковые игры» Витгенштейна: путь к свободе. / Моноклер [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://monocler.ru/yazykovyye-igryi-vitgenshteyna/>, дата обращения: 27.04.17.

5. Кемеров В.Е., Мацкевич В.В. Мышление / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7007>

6. Сандакова Л.Б., Жичина Е.Ю. Кросс-культурное исследование игры как адаптивного механизма этнической культуры // Этносоциология – молодым. Материалы международных школ молодых этносоциологов / под. ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. – Новосибирск: Нонпарель, 2009. – С. 119–122.

УМНОЕ ДЕЛАНИЕ В ПРАВОСЛАВИИ

Традиционные представления о православном верующем зачастую связаны с определенным набором клише – это человек, посещающий церковь, соблюдающий пост, знающий молитвы и т. п. Данные представления основаны на внешнем восприятии религиозности, а между тем в самом православии делается акцент на внутренней духовной работе. Речь идет об *умном* или *внутреннем* делании – духовной практике, которая была выработана в рамках *исихазма*.

Исихазм – мистическое учение христианского Востока, представленное именами Антония Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Паламы и др. Духовным центром исихазма с IX –X вв. стала гора Афон. На Русь данное учение пришло из Византии после принятия христианства и первоначально было связано с деятельностью Киево-Печерской Лавры. Впоследствии Троице-Сергиева Лавра, Саровская и Оптина Пустыни стали распространять исихазм на Руси, который оказал решающее влияние на нашу духовную и культурную жизнь. Самыми известными русскими исихастами были Сергей Радонежский, Нил Сорский, Тихон Задонский, Серафим Саровский.

Целью умного или внутреннего делания является *обожение* – православный идеал, согласно которому человек, как образ и подобие Бога, есть существо потенциально божественное и его призвание заключается в том, чтобы это потенциальное состояние раскрыть и превратить в актуальное. В основе этого учения, как отмечают святые отцы, лежит догмат о Боговоплощении: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». Христос, облекшись живым человеческим телом и разумной душой и прожив 33 с половиной года, испытав при этом все возможные страдания, которые могут выпасть на долю человека, принес тем самым благовест – возможность для каждого истинного общения и единения с Богом.

Необходимо подчеркнуть, что выражение «обожение» не есть метафорическое или символическое. Оно обозначает реальную возможность Богопознания, причастия человека к Богу и не в смысле уподобления Ему как пределу нравственного совершенства, а в смысле

участия человека в Божественной жизни и не в загробном мире, а «здесь и сейчас» при сохранении своей человеческой сущности.

Следует напомнить, что согласно христианству, будучи создан по образу и подобию Бога, человек изначально был сотворен совершенным, «весьма украшенным всякой добродетелью... вследствие своего тяготения к Богу, делающимся Богом... в смысле участия в божественном свете...»¹. Иными словами, между человеком и Богом существовала незримая, но реальная связь, и вследствие этой укорененности человека в Боге в мире пребывала гармония («рай»).

В человеке составные части его естества – духа, души и тела гармонично сочетались и подчинялись высшему началу в человеке – его духу. Дух господствовал над всем, все устремляя к единой высшей цели. В результате грехопадения, суть которого – в разрыве человеком своей связи с Богом – первоначальная гармония была нарушена, в мире воцарился хаос. Все в человеке пришло в расстройство, исказился строй души, возникли непримиримые противоречия между душой и телом. Это состояние внутреннего хаоса называется в православии страстным. Страсть – это не нечто новое, привнесенное извне, а устремление прежних свойств и способностей человека от должного к недолжному. Поэтому суть спасения для христианина – это восстановление утраченной связи человека с Богом, средством к этому и является умное делание.

При этом путь к Богу лежит через познание себя. «Никто не может познать Бога, не познавши самого себя»², – говорил Великий Афанасий. С чего начинается процесс духовного делания? Первый этап обозначается в православном богословии словом «покаяние». В.Н. Лосский замечает, что в греческом варианте это слово буквально означает «перемена мысли», «изменение ума»³. Этот перевод весьма важен, так как он говорит нам о сути происходящего процесса. Заглянув внимательно в себя, человек впервые знакомится со своим истинным состоянием и, усмотрев в своей душе полный беспорядок и хаос, в нем созре-

¹ *Дамаскин И.* Точное изложение православной веры. – М.; Ростов-на-Дону: Братство святителя Алексия. Приазовский край, 1992. – С. 80.

² Цит. по: Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М., 1993. – С. 14.

³ *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – С. 150.

вает решение о необходимости перемены. Итак, покаяние есть не что иное, как нравственный переворот, катарсис, происходящий в душе человека в результате тщательного пересмотра своей предыдущей жизни и саморефлексии по этому поводу. Это очень важный и трудный этап, без которого невозможно дальнейшее движение вперед по пути самосовершенствования.

Но это только первый шаг, самое сложное впереди, а именно: борьба со страстями. Святые отцы насчитывают восемь основных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Все эти страсти связаны между собой и порождают одна другую. Последовательность в их перечислении бывает разной, но все святые отцы едины в том, что в основе всех страстей лежит себялюбие или самость: «Вышли они (страсти. – *З.Т.*) вместе с самостью, как только произнеслось внутри праотца: так – я сам»¹. Следует заметить, что слова «эгоизм» и «самость» не совсем совпадают, последнее гораздо шире. Под эгоизмом обычно понимается признание только собственных интересов. Самость же – это утверждение в себе самом, признание своего «я» началом и концом, причиной и целью своего существования.

Необходимо подчеркнуть, что выражение «борьба со страстями» не совсем точно передает суть происходящего, так как на самом деле происходит не уничтожение страстей, а их преобразование, своего рода сублимация, поскольку страсти – это прежние качества и способности души, только в «недолжном» состоянии.

Для того чтобы привести их в «должное» состояние, необходимо произвести так называемое «нисхождение ума в сердце», так как основная линия борьбы в этой «невидимой брани» происходит в сердце. Сердцу придается большое значение в православной мистике. Г. Палама называл сердце «сокровенной храминой ума» и «хранилищем помыслов»². Ф. Затворник говорил о сердце как «корне и центре жизни»³. В этой связи интересна интерпретация епископом Варнавой притчи о блудном сыне, под которым он подразумевал ум, расточив-

¹ *Затворник Ф.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма епископа Феофана. – Л.: Санкт-Петербург, 1991. – С. 75.

² Монашеское делание: сборник поучений святых отцов и подвижников благочестия. – М.: Свято-Данилов монастырь: Квадрат, 1991. – С. 33.

³ *Затворник Ф.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – С. 18.

ший и промотавший все состояние (желание и воля). Для того чтобы прийти в себя, ему необходимо вернуться домой, где дом – сердце¹.

«Нисхождение ума в сердце» означает не что иное, как соединение ума с сердцем, ибо, когда ум и сердце живут сами по себе, в душе человека происходит разлад, так как сердце без ума слепо, а ум без сердца бессилен. Поэтому постоянным местопребыванием для ума должно стать сердце. Именно их соединение приводит к тому, что в душе наступает мир, а сердце начинает очищаться, так как ум, обретая свой истинный дом, превращается, по словам Ф. Затворника, в «руль для управления кораблем души»².

Находясь внутри, ум видит все движения души и поэтому может ими управлять. А это значит, что ум должен, пребывая в сердце, предохранять его от злых помыслов и направлять к добрым, так как именно помысел – исходный момент возникновения страсти. Здесь следует напомнить, что в православии грехом считается прежде всего не какой-то поступок, действие, а то, что привело к этому поступку, т. е. внимание концентрируется на причине, а не следствии. Поэтому можно сказать, что сущность борьбы подвижника сводится к борьбе с помыслами, что предполагает предельную сосредоточенность, способность к самонаблюдению и концентрации, а также развитую волю, которую необходимо постоянно держать в «бодренном» состоянии, ибо от воли человека зависит, отвергнуть помысел или склониться к нему.

Следует также заметить, что в процессе духовного восхождения участвует также и тело человека: важно его положение, ритм дыхания должен быть согласован со словами молитвы.

Таким образом, соединение с Богом невозможно в страстном состоянии, и это соединение происходит именно в сердце – месте встречи с Богом, где сердце означает не физиологический орган, а центр жизни человека. Но состояние бесстрастия не есть состояние равнодушия, это состояние внутреннего согласия с самим собой, покоя и мира в душе и в то же самое время предельной сосредоточенности или «трезвенности». Поскольку необходимость держать свои мысли в чистоте требует от человека постоянного осознанного контроля над мысленным потоком.

¹ Варнава (Беляев Н.Н.), епископ. Православие. – Коломна: Св.-Троицкий Ново-Голутвинский монастырь, 1995. – С. 288.

² Затворник Ф. Письма о духовной жизни. – М.: Правило веры, 1996. – С. 54.

Вообще необходимо подчеркнуть, что весь процесс соединения с Богом совершается с полной сознательностью, что возможно только в случае просветленного ума. Здесь следует заметить, что в святоотеческой литературе различаются понятия «ум» или «разум» и «рассудок». Рассудком называется низшая сторона познавательной деятельности человека – это умение его на основании некоего понятийного аппарата, с помощью умозаключений строить картину мира, т. е. это чисто внешнее познание. Под разумом же понимается способность созерцать самую сущность бытия. И такое познание является подлинным – «живознание» в терминологии славянофилов.

Страсти, затемняющие ум, побеждаются умным или внутренним деланием и ум, сходя в сердце, просветляется, иными словами, ум из рассудка превращается в разум, отказавшись от замкнутости рассудочных построений, и приобретает свою естественную способность к созерцанию Бога. Но это не есть интеллектуальная процедура или, точнее, не только таковая. По тонкому замечанию И. Семаевой: «В святоотеческой литературе познание есть пребывание в истине, а не обладание ею»¹.

Поэтому приходится только удивляться, читая в научных исследованиях, что якобы православие формирует «слепую веру», стремится воздействовать на верующих «силой внушения»², в то время как православие учит обратному, а именно сознательной работе над собой по упорядочиванию своего внутреннего состояния, что с неизбежностью предполагает развитие самодисциплины и воли, а также ответственность за свои мысли и чувства.

Итак, умное делание есть не что иное, как долгий и «многотрудный» путь саморазвития, требующий от человека постоянного самоанализа и самоконтроля, огромного нравственного напряжения, это путь самоопределения и самоотречения или «освобождения себя от самого себя», т. е. своего эго.

Но именно этот путь приводит к тому, что человек становится, по выражению Ф. Затворника, «господином своих действий»³, приобретает

¹ *Семаева И.И.* Традиции исихазма в русской религиозной философии пер. пол. XX вв. – М., 1993. – С. 151.

² См., например: Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект. – Киев, 1995. – С. 89.

³ *Затворник Ф.* Начертания христианского нравоучения в 2-х т. – М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь: Паломник, 1994. – Т. 1. – С. 73.

власть над собой, управляя своими эмоциями, желаниями, мыслями и, следовательно, руководя своими поступками и действиями. А это означает, что человек наводит порядок в собственной душе, приводя себя в состояние целостности и гармонии, что и дает возможность выхода из своей самости и прорыва в инобытие: к Богу, приобщившись тем самым к своей истинной – духовной природе.

Таким образом, видим, что православие уделяет особое внимание тому, что происходит внутри человека, в его душе, ибо там происходит встреча и общение человека с Богом. Поэтому вопрос об умном или внутреннем делании есть вопрос жизни и смерти, он составляет суть духовной жизни. Именно внутреннее преображение человека самым естественным образом приводит его к внешним изменениям: меняются образ жизни, привычки, поведение, отношения с людьми. Если в душе человека царят мир, покой и внутренняя гармония, то он и ведет себя соответствующим образом, и каждый, кто попадает в орбиту его влияния, испытывает на себе самое благотворное воздействие, так как внутренний свет, исходящий от такого человека, освещает все вокруг. В этой связи есть смысл напомнить знаменитую фразу святителя Сергия Саровского: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Акцент же на внешние проявления религиозности, не сопряженные с внутренней работой, только дискредитируют православие, так как являются лишь имитацией духовной деятельности. Действительно, если человек наружно демонстрирует религиозность, выполняя все атрибуты православных обрядов, но при этом внутри себя испытывает ад, будучи переполненным негативными эмоциями и чувствами, – это на самом деле показатель духовной деградации, отказ от пути духовного развития.

Иными словами, формальная приверженность ритуалу, внешняя обрядовость без внутренних перемен еще не являются признаком духовности, как не является таковым количество православных храмов на душу населения, поскольку истинный верующий возводит храм в своей душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авцинова Г.И.* Политический радикализм в России: социокультурный аспект. – Киев, 1995.
2. *Варнава* (Беляев Н.Н.), епископ. Православие. – Коломна: Св.-Троицкий Ново-Голутвинский монастырь, 1995. – 320 с.

3. *Иоанн Дамаскин*, святитель. Точное изложение православной веры. – М.: Ростов-на-Дону: Братство святителя Алексия. Приазовский край, 1992. – 464 с.
4. *Концевич И.М.* Стяжание духа святого в путях Древней Руси. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 228 с.
5. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 289 с.
6. Монашеское делание. Сборник поучений святых отцов и подвижников благочестия. – М.: Свято-Данилов монастырь, СП «Квадрат», 1991. – 208 с.
7. *Семаева И.И.* Традиции исихазма в русской религиозной философии пер. половины XX вв.: учебное пособие по спецкурсу – М.: МПУ, 1993. – 242 с.
8. *Феофан Затворник*, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма епископа Феофана. – Л.: РИО «Санкт-Петербург», 1991. – 288 с.
9. *Феофан Затворник*, святитель. Начертание христианского нравоучения в 2-х т. – М.: Изд-во Св.-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва «Паломник», 1994. – 330 с., 348 с.
10. *Феофан Затворник*, святитель. Письма о духовной жизни. – М.: Правило веры, 1996. – 347 с.

**НАУЧНАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В СССР В 1940–1950 гг.: ОБСУЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТОВ ИСТОРИИ И НАУКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСКОЙ АССР)**

В середине XX столетия развитие науки в Татарстане было на высоком уровне. Бурное развитие промышленности в республике способствовало росту числа научных учреждений, призванных обеспечивать научно-технический прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. В 1945 г. был открыт Казанский филиал Академии наук СССР.

По многим естественнонаучным направлениям казанские школы пользовались всемирной известностью. Именно в Казани было сделано открытие мирового значения Е.К. Завойским. Он обнаружил явление электронного парамагнитного резонанса. Весомый вклад в его исследование внесли Б.М. Козырев и С.А. Альтшулер. Под руководством Н.Г. Чеботарева сложился один из крупнейших центров по изучению высшей алгебры, С.М. Кочергина – центр по изучению электрохимических процессов. Труды Н.Г. Чеботарева были удостоены Государственной премии. Открытие в республике большой нефти послужило импульсом для развития геологической науки в столице. Л.М. Миропольский, Е.И. Тихвинская, В.А. Полянин, М.С. Кавеев, Б.М. Юсупов и другие ученые вели исследования недр, геологической истории и нефтеносности Волжско-Камского края. Всеобщим признанием пользовались труды казанских ученых в области химии.

В первые послевоенные годы общество жило большими надеждами на демократические перемены. Ответом на них стали ужесточение партийно-государственного контроля над различными сферами общественно-политической и духовной жизни, использование репрессий. «Подкручивание» идеологических гаек в стране началось в 1943 г. наряду с принятием решений о восстановлении народного хозяйства [6, с. 327].

Усиленным идеологическим проработкам подверглись в послевоенный период все отрасли науки. В республике, как и по всей стране, развернулись погромные дискуссии по проблемам философии, биоло-

гии, языкознания, политической экономии. В прокатившейся по стране обличительной кампании досталось и казанским ученым. В низкопоклонстве перед Западом были обвинены преподаватели пединститута Велихов и Порфирьев, которые так же, как их московские коллеги в ответ на предложение Калифорнийского университета хотели напечатать свои труды за границей. Получил порицание ученый секретарь химического института Никаноров за то, что о приготовленном им препарате появилось сообщение в иностранной печати. Необходимо отметить, что в Казани находились ученые, которые, рискуя своей карьерой, не желали участвовать в публичной «порке» своих коллег. Так, Арбузов и Миропольский открыто заявили, что не считают ошибкой и, более того, приветствуют стремление ученых поддерживать научные контакты с иностранными коллегами [10, Л. 3–10].

Идеологическая ортодоксальность послевоенных лет наиболее сильно отразилась в гуманитарных науках, литературе и искусстве. Власти пытались ввести в жесткие рамки официальных догм прежде всего научную и творческую интеллигенцию, постоянно испытывавшую своеобразную «презумпцию виновности». В августе 1944 г. вышло и постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Ключевой момент постановления по Татарской АССР выражается в том, чтобы вытравить из массового сознания татар историческую память о существовавших в прошлом могущественных татарских государствах. Не случайно первый идеологический удар был сделан по исторической науке. Запретной темой для изучения стала история Золотой Орды. Она стала рассматриваться как отрицательное явление для социогенеза не только Татарстана, но и России. В послевоенный период обозначилась тенденция сужения сферы применения татарского языка, что отражало курс на укрепление русского языка, поднятие значимости всего русского в социально-политической жизни страны. Тон этому задал И.В. Сталин: в мае 1945 г. во время празднования победы он назвал русских «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» [7, с. 349]. Вскоре был запущен тезис о русском народе как старшем брате других народов страны. В исторической науке возобладала болгарская теория происхождения татар. Все прогрессивное в истории татарского народа необходимо было связывать только с ролью русского народа и Российского государства. Обо всем, что относилось к периоду государствен-

ного могущества татарского народа и было связано с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. Это, например, превращало «завоевание» Казанского ханства в «присоединение» Русским государством, причем непременно имевшее прогрессивное для татар значение. Первое крупное общественное мероприятие в свете августовского постановления прошло в сентябре 1944 г., когда состоялось собрание республиканского партийного актива. Вскоре мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. В октябре 1944 г. бюро Татарского обкома КПСС приняло постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором были продублированы основные положения августовских решений ЦК ВКП(б). Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа [9, Л. 51–55]. В числе работ, в которых были допущены грубые ошибки в освещении истории Золотой Орды, были названы «Перспектив периодизации истории», «История литературы» Б. Яфарова и «Перспектив периодизации истории литературы» Х. Хисматуллина и Я.Х. Агишева [Там же]. Негативная оценка властей была вынесена статье Наки Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана «Идегей», опубликованной в 1940 г. в журнале «Совет эдэбияты» (№ 11–12) [9, Л. 30–31], в постановлении обкома ВКП(б) от 28 ноября 1944 г. «Об ошибочной статье Н.Исанбета». В феврале 1945 г. на пленуме обкома ВКП(б) первый секретарь З.И. Муратов и секретарь по идеологии Малов еще раз подтвердили официальные установки, придерживаться которых в обязательном порядке предписывалось всем, кто изучает, пишет об истории татар. Суть их состояла в артикуляции позитивного показа совместной борьбы русского, татарского и других народов страны против чужеземных захватчиков, царизма и помещичье-капиталистического гнета, социалистического преобразования Татарского АССР, популяризации революционеров-татар [8, с. 335–336]. Хотя двумя годами ранее, незадолго до принятия августовского постановления в июне 1944 г., оно рассматривалось в ряду достижений татарской культуры [5, с. 68]. Принятые решения свидетельствовали об отказе от объективного изучения истории татарского народа. Дело не ограничилось «работой над ошибками» историков и филологов. Тогда же про-

изошли и кадровые перестановки: был назначен новый директор М. Гайнуллин, сменивший на этом посту Х. Ярмухаметова, смещены некоторые заведующие отделами. В 1946 г. в Москве прошла научная сессия, посвященная этногенезу татар. Несмотря на то что в процессе дискуссии было сделано немало откровенных аргументированных высказываний, в которых болгарская гипотеза подверглась серьезному сомнению, она утвердилась в исторической науке [1, с. 26]. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторы, известные историки Б.Д. Греков, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышев, были обвинены в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар» [9, Л. 229].

С 28 июня по 25 сентября 1949 г. в Татарской АССР работала партгруппа ЦК ВКП(б), которая устроила тотальную проверку идеологической работы в республике, при этом особо тщательно проинспектировали работу всех средств массовой информации, включая районные газеты. Были проинспектированы филиал Академии наук, Союз писателей и оперный театр, дома-музеи Ленина в Казани и в деревне Кокушкино. В принятом решении наиболее сильной критике подверглись республиканские газеты «Красная Татария», «Кызыл Татарстан». После этого в обкоме ВКП(б) было проведено совещание соборов республиканских газет с вопросом об итогах очередного пленума о подготовке и проведении уборки урожая. Комиссия проверила работу Татарского книжного издательства, которому «была оказана помощь в составлении плана изданий» [10, Л. 102]. Иными словами, на протяжении всего послевоенного периода идеологический прессинг в республике усиливался и обретал все более широкий характер.

Разгромной критике были подвергнуты в тот период и литературоведы. Так, составленный в конце 1940-х гг. проспект истории татарской литературы получил порицание за слабое раскрытие влияния русской революционно-демократической литературы, отсутствие показа борьбы двух направлений литературы в классовом обществе, переоценку «суфийской» литературы. Вопиющей ошибкой была названа исследовательская работа Г. Кашшафа по изучению творчества Дэрдемнда только за то, что тот был золотопромышленником [9, Л. 287]. Ученых ИЯЛИ осуждали за «замкнутость, отрыв от жизни, от актуаль-

ных задач советского литературоведения» [9, Л. 284]. Данное обвинение строилось на том основании, что никто из литературоведов не желал участвовать в инспирированных сверху разоблачительных кампаниях и не выступил в печати с критикой космополитизма. Институт получил серьезное замечание также за то, что ни один из филологов не избрал для своей диссертации тему по советскому периоду.

Жесткие идеологические рамки были обозначены в докладе секретаря Союза писателей ТАССР К. Наджми в июле 1945 г., в котором он повторил партийные установки относительно освещения истории Золотой Орды и подходов к эпосу об Идееге. К. Наджми призвал писателей сосредоточить свои усилия на создании «высокохудожественных произведений, раскрывающих высокий моральный облик героев нашего времени, отображающих великую победу советских народов, рисующих жизнь татарского народа в период социалистического преобразования в Татарской АССР в годы Советской власти» [2, с. 440–441].

В конце 1940-х гг. идеологическому разгрому подверглись либретто оперы «Алтын чэч» Н. Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин», драма «Райхан» Н. Исанбета, поэма «Орленок» А. Ерикеева, а также многие рассказы А. Еникеева, С. Баттала («По столбовой дороге»), Ф. Хусни («Тропа пешехода»), М. Амира, Ш. Маннура [10, Л. 43]. Жесткие предписания были предъявлены к репертуару театров, от которых требовали современных спектаклей, «правдиво отображающих жизнь и борьбу советских людей». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров [9, Л. 287].

После январского постановления один из авторов литературовед Б. Яфаров был исключен из рядов ВКП(б), директор Института М. Гайнуллин получил выговор. За неправильную трактовку проблем татарской литературы, в частности за позитивную оценку джадидизма, «досталось» Л. Заляю, Г. Кашшафу, Г. Халиту. Идеологически выверенные ориентиры оценки татарской общественной мысли были обозначены в сборнике статей о Каюме Насыри, опубликованном сотрудниками ИЯЛИ в 1948 г. В нем К. Насыри был охарактеризован как крупный татарский просветитель, Г. Тукай представлен как народный поэт-демократ. Таким образом, официально одобрялась позитивная трактовка просветительства и демократизм деятелей культуры из бедных слоев дореволюционного общества, противопоставлявшихся джадидизму, и выдающимся деятелям из имущих. Иными словами, глав-

ный критерий в оценке дореволюционной культуры определялся классовым подходом.

Идеологическим проработкам подверглись учебники. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) был резко раскритикован учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включили в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-мистическое творчество» М. Колый, Г. Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандалий, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ» как буржуазно-националистическое течение, стремившееся оторвать татарский народ от России, был представлен джадидизм. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы.

В середине 1950-х гг. наметилась определенная тенденция отхода от откровенно диктаторского режима, унитарной модели с сильным центром к рассредоточению части полномочий по отдельным регионам. Были предприняты попытки повысить значение Советов в культурном строительстве. Также с 1957 г. Верховный Совет ТАССР, как и аналогичные органы в других автономных республиках, стал обсуждать годовые народнохозяйственные планы, составленные на основе директив центра. Были несколько расширены права исполнительских структур автономий в области руководства промышленностью, а также городских и районных Советов, в основном по вопросам культурно-бытового строительства на своей территории [9, Л. 18].

Начавшийся в 1950-е гг. процесс десталинизации не мог не вызвать оживления в различных сферах общественной жизни Татарстана. Пожалуй, первым серьезным знаком политических перемен стала начавшаяся осенью 1953 г. реабилитация репрессированных. Она коснулась сотен человек, обвиненных в процессах, происходивших в республике по сфабрикованным в 1933–1937 гг. делам «Контрреволюционной немецкой фашистской организации», «Контрреволюционной повстанческой организации», «Контрреволюционной троцкистской группы», «Контрреволюционной троцкистской террористической организации», «Крестьянский иттифак», «Контрреволюционной троцкистско-нацио-

налистической террористической организации». Из наиболее известных политических работников и творческих деятелей республики были реабилитированы председатель СНК ТАССР К.А. Абрамов, председатель ЦИК ТАССР Г.Г. Байчурин, государственный деятель, редактор газеты «Кызыл Татарстан» А.М. Давлетьяров, публицист и педагог С.С. Атнагулов, директор Казанского химико-технологического института Г.Б. Богаутдинов, писатель и педагог Ф.К. Сайфи-Казанлы, историк, профессор Н.Н. Эльвов, известные писатели Галимджан Ибрагимов, Карим Тинчурин, Шамиль Усманов. Выжить в застенках сталинских лагерей и вернуться домой смогли писатели Аяз Гилязов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, поэт Хасан Туфан, генералы Нигмат Еникеев, Якуб Чанышев. Но процесс реабилитации в 1950-е гг. носил незавершенный, половинчатый характер. За многими видными деятелями Татарстана 1920–1930-х гг. по-прежнему сохранялось злое клеймо националистов, султангалиевцев. Реабилитации не подлежали репрессированные во время насильственной коллективизации, борьбы с «национал-уклонизмом», преследовавшиеся по религиозным мотивам.

В период хрущевской оттепели интеллигенция стремилась сполна воспользоваться возможностями, открытыми XX съездом КПСС, для возрождения и дальнейшего развития татарской культуры. В мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает терять свое лицо, как национальное издательство, писатели существенно пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска татарской литературы [9, Л. 38].

Попытка дезавуировать некоторые оценки истории и культурного наследия татарского народа, исходившие из августовского постановления (1944 г.) ЦК ВКП(б), нашла свое продолжение в январе 1958 г. на совещании работников Татарского обкома КПСС с представителями творческой интеллигенции. С. Баттал выступил против того, чтобы рассматривать эпос «Идегей» как ханско-феодальный, считая его народным. В этом его поддержал Ш. Маннур. А. Файзи призвал по-новому взглянуть на джадидизм: «Из слова “джадидизм” создали жупел, его всячески замалчивают, хотят связать с пантюркизмом. А ведь это научно-просветительское народное движение!» [10, Л.10–11].

Под влиянием либеральных начинаний XX съезда КПСС широкие слои татарской интеллигенции выдвигали на самых различных уров-

нях заявления по повышению государственного статуса республики, принятию решений по развитию национальной культуры, языка. Наиболее радикальные требования, связанные с необходимостью повышения государственного статуса ТАССР, исходили от представителей татарской интеллигенции. Еще до знаменитого XX съезда КПСС группа творческих деятелей республики направила письмо в ЦК КПСС, в котором наряду с вопросами культурного возрождения татар ставилась проблема предоставления Татарстану статуса союзной республики [4, с. 34]. После же разоблачительной критики культа личности Сталина, прозвучавшей с трибуны съезда, выступления интеллигенции умножились и усилились. В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района города Казани писатель Г. Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, открыто выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику» [9, Л. 108].

Таким образом, общественность республики под воздействием усиливавшегося курса либерализации настойчиво ставила вопросы о демократических преобразованиях в социально-политической и социально-культурной жизни республики. Неуклонно росла доля татар, занятых в интеллектуальных сферах труда. В 1951–1965 гг. численность научной интеллигенции выросла в СССР на 38 %, а среди татар – на 65 % [Измайлова, 1980, с. 188]. Несмотря на официальное утверждение о полном решении национального вопроса в стране, о всестороннем прогрессе советских народов, общественность Татарской республики продолжали волновать негативные процессы в культурном развитии татарского этноса. Татарские гуманитарии, несмотря на настороженное отношение к их деятельности со стороны властей, не оставляли своих исследований по проблемам этногенеза, этнического развития татар, накапливая ценный материал для воссоздания подлинной картины исторического прошлого татарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галиуллина Д.* Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // *Гасырлар авазы = Эхо веков.* – 2004. – № 2. – С. 26–28.
2. *История Казани в документах и материалах: XX век / под ред. Р.У. Амирханова.* – Казань: Магариф, 2004. – 711 с.

3. *Измайлова Н.Г.* Партийное руководство развитием высшей школы в автономных республиках Среднего Поволжья в 1946–1955 гг. (На материалах Татарской, Марийской и Чувашской АССР). Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1980. – 195 с.

4. *Исхаков Д.М.* Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1997. – 248 с.

5. Культурное строительство в Татарии (1917–1941 гг.). Сб. документов и материалов/ сост. М.Б. Кочурова, Р.Ш. Хакимова, З.Г. Гарипова, М.З. Тутаев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – 672 с.

6. Новейшая история России. 1914–2005 / под ред. М.В. Ходякова. 2 изд. – М.: Высшее образование, 2007. – 527 с.

7. *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир (1941–1945–1994). Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. – 383 с.

8. *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 468 с.

Неопубликованные источники

9. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ) Ф. 15, Оп. 5, Д. 1143, Л. 51–55.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) ф. 17, оп. 122, д. 277, л. 3–10.

ГИБРИДНЫЙ СОЦИУМ. НОВЫЕ АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И СТРАТИФИКАЦИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Вызов машин: от андроритмов к алгоритмам

Нам, людям, живущим во втором десятилетии XXI века, пришлось столкнуться со столь стремительными и беспрецедентными социокультурными и антропологическими изменениями, что защитной реакцией стали, казалось бы, невозможно быстрые адаптация и привыкание к ним. Но одновременно и неспособность в суете повседневной жизни осмыслить их последствия. Прежде всего, происходит постоянное соединение человека с машинами через технологии искусственного интеллекта (ИИ): через дополненную и виртуальную реальности, голограммы, импланты, интерфейс «мозг-компьютер», через искусственные части тела, созданные с помощью нанотехнологий и продуктов синтетической биологии. Вместо пользователей активно действуют боты – автоматизированные облачные программные агенты ИИ, например, «цифровые помощники» (IDA – Intellectual digital assistant). Они представлены как веб-сервисы, приложения для смартфонов и персональных компьютеров (ПК) и выступают в роли личного секретаря. Принципом жизни человека и его проявлений являются *андроритмы*. В основе машин лежат алгоритмы [8, с. 63]. Но идет постоянное сокращение пространства андроритмов – человеческих черт. Им на смену идут алгоритмы – общение с машинами. Люди все более предпочитают общаться с устройствами, а не с себе подобными. Это постоянное общение с устройствами ИИ есть процесс квазисоциализации, точнее, социализации к техносистемам. Например, гаджеты – это платформы и инструменты такой социализации. *Техносоциализация* становится процессом вхождения индивидов в систему *техновзаимодействий*. Эта система – параллельное социуму пространство, основанное не на андроритмах, а на алгоритмах. В итоге не человек следит за устройствами, а они за человеком. Как заметил Г. Леонгард, «содержание, которое мы видим, определяется ботами, ИИ на основе миллиона фактов и отрывков данных... В этом случае мы рискуем потерять человеческие понятия о ценностях, морали, этике, эмоциях,

искусстве» [8, с. 117]. В итоге технологии заманивают людей в «пространственно-временные туннели» [8, с. 123]. Мы видим контент, отличный от того, который видят окружающие нас люди. Их сведения о реальности абсолютно отличны от наших. Но как тогда можно идентифицировать себя и других, и как быть с ориентацией на «другого» в социальных интеракциях? И какого «другого»?

Цифровые помощники собирают об индивиде любую информацию: о его коммуникациях, передвижениях, хранимых файлах. Они узнают о наших интересах и желаниях. Могут контактировать с другими помощниками для создания глобального облачного мозга. Все это приводит к массовой деквалификации и эмоциональному отдалению людей друг от друга. Тем самым люди все более превращаются в технологии. Какая же перспектива у эволюции человека современного вида? По мнению Г. Леонгарда, велика вероятность реализации «варианта 1» – гибридного социума, при котором социум людей сохранится, но резко возрастет господство немногих с помощью новейших технологий. Устройства и ИИ останутся орудиями контроля. При «варианте 2», сформулированном Д. Маркоффом, мир захватывают устройства с ИИ [9]. Люди становятся подобны машинам с биологической основой (1) или с замещенными органами на электронные устройства (2). В итоге гибридный социум состоит из киборгов и ИИ, при господстве ИИ. Все акторы подчиняются алгоритму, а не андроритму. Ведущей тенденцией становится деантропологизация людей, а подчиненной – антропологизация устройств. Возникают два интерфейса: 1) с людьми и 2) с роботами.

Происходит процесс, обозначенный мною как *разлом социального пространства* [6]. И это уже вторая его фаза. На первой фазе разлома («Вариант 1.0») происходит замещение взаимодействия людей друг с другом на взаимодействие людей с воображаемыми мирами виртуальной реальности («социальной реальностью»), аватарами социальной действительности. На второй фазе «Вариант 2.0» происходит замещение межличностных интеракций на взаимодействие людей с роботами. Таким образом, не только машины «делают» людей (трансформируя их под себя), но и люди стремятся сделать из машин людей. Киборги первого поколения это люди с вживленными устройствами. Но они остаются людьми – «улучшенными людьми». Эти улучшения постепенно органично вписываются в наши тела, превращая нас в техно-биологические гибриды [7, с. 319–320]. Мы свидетели нарастающей тенденции – делать машины более удобными для применения. Но

впервые это удобство проявляется как уподобление инструмента человеку, а не просто как усиление или продолжение его функций или органов. А это означает *передачу* функций и свойств человека машине. Но это одновременно и *изъятие* функций, свойств и способностей у человека – обезчеловечивание его, что также есть и продолжение эволюции Homo sapiens. А машины становятся не просто сверхсовременными механизмами, а следующим этапом эволюции объекта, наделенного особым разумом – ИИ, но без эмоционального содержания, т. е. возникновения синтетического Homo elektronikus. Этот процесс есть упрощение вида Homo sapiens, перенос качеств и функций с одного (био) субстрата на другой (техно) субстрат. В результате интеллект поднимается на новую ступень, сознание трансформируется, исчезает самосознание и эмоции. Однако такой новый, модифицированный вид Homo может жить только в симбиозе с ИИ и его устройствами.

Появление новых человеко-машинных форм взаимодействия всегда возвещало о создании не только новых инструментов и схем действий, но и о возникновении новых участников социальных взаимодействий. А это означало и появление не только нового посредника в человеческой орудийной деятельности, но и нового «напарника», который становился не только инструментом, но и другой стороной интеракции, активно противостоящей человеку, а не только дополняющей его и опосредующей в воздействии на объект деятельности. Вначале это были протосубъекты, которые эволюционировали в технические системы, роботизированное производство, Интернет вещей, промышленный Интернет и пр. Человек всех их активировал, наполняя своей энергией. Они же, в свою очередь, приобретали антропные характеристики, вначале *пассивного* – опредмеченного – характера. Но с усложнением машины становились все более автономными, переходя из состояния управляемых в состояние самоуправляемых, тем самым приобретая первичные черты субъектности, которая проявляется в способности самоактивизации. В этом случае агент активности приобретает качество субъектности, превращаясь в собственно субъект-носитель способности предметно-практической деятельности и источник активности и целеполагания. Наивысший в настоящее время уровень активности, самоорганизации и автономности приобрели машины, основанные на технологиях ИИ. Именно устройства со встроенным ИИ с наибольшей степенью проявляют себя как *субъектоподобные артефакты*, воспроизводимые *на технической* основе, т. е. как *техно-субъекты*.

Техносубъекты – агенты структурирования социального пространства

Техносубъекты ведут себя как акторы, поскольку не только учатся исполнять социальные роли, предписанные им алгоритмами, но и сами создают систему интеракций, выступая в роли коммуникаторов, конструируя коммуникациями систему социальных взаимодействий. Это новый вид коммуникатора и новый вид агента социальных отношений.

Тем самым в системе социально-технологических коммуникаций появился коммуникатор нового вида – техносубъектного. Он представлен технологической системой Интернета вещей (ИВ) [4]. ИВ основан на интегрированном в него ИИ. Усложнение машин на основе ИИ стимулирует процесс становления техносубъектов различных видов. Такими разновидностями техносубъекта в настоящее время являются: роботы, алгоритмы работы с Большими данными, программы машинного обучения, агенты ИИ, создаваемые на основе генетического программирования, ИВ, промышленный Интернет, устройства мобильных коммуникаций со встроенным ИИ. Большинство этих систем уже интегрировано с ИВ и взаимодействует друг с другом, обмениваясь данными. Сложной коммуникационной системой стал промышленный Интернет. Особенности коммуникаций в ИВ: 1) непрерывная передача данных, независимая от человеческого контроля; 2) генерирование множества данных; 3) совмещение данных, получаемых от людей, машин и социальных медиа.

На мой взгляд, ИВ представляет собой *интегрированный полиструктурный коммуникатор*. Понятие «коммуникатор» (communicator) я использую в социологической интерпретации и определяю как индивида или субъекта иной природы, владеющего информацией и доводящего ее до разнородных объектов, потребляющих информацию («аудитории»). Именно таким коммуникатором, имеющим техническую природу, является технология ИВ, которая позволяет, присваивая объектам ярлыки и подключая их к Интернету, следить за ними и собирать о них новые типы данных, комбинируя различные данные и извлекая новую информацию и знания [1]. Но это особый коммуникатор, ориентированный на *активную обратную связь принудительного характера* с целью получения от вещей и индивидов любой информации. При этом все устройства *взаимодействуют друг с другом*, обмениваясь данными в реальном времени. Тем самым ИВ позволяет проникать в невидимое пространство между людьми, машинами и

физическими объектами. В процессе коммуникаций внутри системы ИВ происходит осмысление движения между предметами и среди предметов разного рода. Таким способом ИВ распознает взаимосвязи и предсказывает алгоритмы, которые часто недоступны для понимания человеком. Более того, ИВ поддерживает системы, которые работают без наблюдения человека. Со временем он становится все «умнее», поскольку *изменяет свой базовый алгоритм*, превращаясь в разновидность субъекта особого, технического вида – *техносубъект*.

Техносубъект – это техническая система, основанная на ИИ и способная обеспечивать осознанное формирование собственного будущего [2]. Признак субъектности этой системы – *свобода целеполагания*, которая стремительно возрастает у технических систем в связи с установлением в них ИИ. Полагаю, что одним из социальных последствий цифровой технологической революции стало начавшееся в цифровом обществе *расщепление социальной структуры на структуру индивидов и структуру техносубъектов*.

Внутри системы ИВ каждый объект – это *автономное* устройство, наделенное датчиком. Поэтому он *сам становится коммуникатором*, приобретая характеристики субъектности. Ему присваивается имя – идентификационный номер и IP-адрес. Генерируемые объектами данные перемещаются в любую точку пространства. В этом случае *вновь подключаемые устройства* также становятся коммуникаторами, поскольку присоединяются к интенсивному обмену данными по все возрастающим различным интернет-соединениям. Интегрированным коммуникатором является и *Промышленный интернет* как система коммуницируемых машин, создаваемая на основе и по принципу ИВ и оборудованная датчиками, которые делают их «умными». Через подключение ИВ к «Интернету людей» возникает новый *суперкоммуникатор* – «Интернет всего». В нем физический и цифровой миры сливаются в единое пространство.

В чем особенность коммуникаций в ИВ? Подключенные устройства *непрерывно передают* данные об использовании объекта, его рабочих характеристиках, условиях и другую информацию. Они *генерируют* множество данных, которые поддаются анализу и на основе которых можно действовать. Они *совмещают* данные, получаемые от человека и машины, из социальных медиа. При этом используют методы краудсорсинга, получая данные с неограниченного количества датчиков. К ИВ активно подключилось еще одно устройство коммуника-

ций – *смартфоны*. Таким образом, в структуре ИВ появляется особая «вещь» – человек. Вместе с «носимыми» человеком технологиями (вшитыми в тело и одежду) смартфоны постоянно передают информацию о пользователях, наполняя базы данных об индивидах.

Промышленный Интернет объединяет три технических вида источника информации, превращая их в коммуникаторы:

1) Большие Данные (BD), 2) самообучающиеся машины, 3) межмашинные коммуникации. Но *общая цель коммуникаций между промышленным Интернетом и ИВ – объединение физического и виртуального миров, стирание границ между ними и между ними и человеком*. В перспективе – создание мощного ИИ, вначале Универсального человекоподобного интеллекта (Artificial General Intelligence – AGI) [1]. Затем – суперинтеллекта [11]. Уже сейчас устройства все более самостоятельно общаются, вскоре у них появятся свои социальные сети, которые будут использоваться этими техносубъектами для обмена между собой информацией, ее накопления и применения в управлении как техносистемами, так и человеком.

Трансформируется (модифицируется-?) и сам человек как коммуникатор. Прежде всего это происходит благодаря смартфону, который стал продолжением и усилением тела, и целого ряда интеллектуальных функций. Возник «сетевой индивид». Он больше не автономный, не свободный коммуникатор, поскольку личность оказалась рассредоточенной в глобальной сети коммуникаций. И в этой глобальной сети сегодня господствует небольшое число компаний, ставших посредниками почти во всем пространстве коммуникаций: *Apple, Amazon, Google, Facebook, Microsoft*. Эти *суперкоммуникаторы* – «стеки» – вертикально интегрированные компании [5]. Каждая из них стремится контролировать сеть, платформы, приложения, физические устройства, подключаемые к этой сети, и контент. *Сверхмонополией стал Alphabet (выросший из Google)*. С помощью ИВ были созданы новые виды коммуникативных (и действующих) систем – *интеллектуальные интерактивные объекты: облачный ИИ, блокчейн, аддитивное производство, дроны и др.*

Интернет вещей постепенно становится кульминацией машинного мышления и превращается в самую совершенную шпионскую операционную систему, с огромной сетью наблюдения, насаждающей полное подчинение и уничтожение анонимности. Это: 1) автомобили, подключенные к сети, передающие все данные о своем местоположе-

нии и перемещении в реальном времени; 2) все платежи идут с помощью умных устройств, что постепенно приведет к исчезновению денег, кошельков и кредиток; 3) врачи станут легко узнавать о передвижениях и самочувствии своих пациентов; 4) распространится практика подключения мобильных устройств напрямую к мозгу с помощью интерфейса «мозг-компьютер» или имплантов; 5) все люди и вещи постепенно становятся информационными маячками, которые генерируют тысячи гигабайтов информации ежедневно. Затем она собирается в Облако, фильтруется и анализируется программами Watson от IBM и Deep Mind от Google, в которых работают алгоритмы ИИ. Примером тотального охвата населения технологией ИВ является внедренная в КНР Система социального рейтинга или планируемая в РФ технология «Цифровой профиль гражданина».

Активно внедряется *сенсорная* технология ИВ в практики повседневной жизни. Так, в коммерции она применяется для считывания невербальных реакций покупателей, снимая информацию о движении глаз, разглядывающих товары, фиксируя изменение частоты пульса и дыхания как реакций на притягательные товары и услуги. Эта информация позволяет программам, установленным в магазинах, создавать *коммуникационную петлю обратной связи* в реальном времени для привлечения в магазин и продажи товаров (метод «хищник и добыча»). Такую технологию все более широко осваивают специалисты по маркетингу и рекламе. Хотя пока еще в основном она используется как инструмент маркетинговых исследований. Эта технология позволяет компаниям моментально привлекать клиентов, что радикально изменяет баланс в отношениях между продавцом и покупателем.

ИВ ведет к глобальной, поглощающей, невидимой и всеобъемлющей сетевой компьютерной среде, которая будет опираться на умные датчики, камеры, программное обеспечение, базы данных и мощные центры обработки данных. Внутри этого пространства Дополненная реальность все более преобразует информацию физического мира в виртуальные данные, отображаемые на нателных и вживляемых устройствах. Физические объекты уже начали снабжать метками для сбора таких данных, которые мы никогда не могли воспринимать. Что же в итоге? Вслед за созданием ИВ наступает время ИИ в самих вещах. Именно вещи с ИИ приобретают такое существенное свойство техносубъекта как способность к самостоятельным коммуникациям. *Коммуницирующие техносубъекты* – это признак, свидетельствующий

о возникновении *новой формы социальности*. В свою очередь техно-социальное пространство превращается в техносоциум с коммуникаторами разных видов и разного происхождения: 1) индивидов (Homo Sapiens 1.0), 2) биоккибернетических гибридов человека и ИИ-киборгов (Homo Sapiens 2.0), 3) «цифровых двойников» и 4) техносубъектов – технических устройств с ИИ.

Техносубъекты в новой стратификации цифрового общества

В моей интерпретации, техносубъект это синтетический, искусственный эквивалент индивидуального субъекта, если за основным признаком субъектности принимать свободу целеполагания. Под воздействием его стремительно нарастающего влияния на общество происходит утрата целостности социальной структуры, нарастает ее расщепление на структуру людей и структуру техносубъектов. Возникает техносфера – система машин нового вида с ИИ. Выскажу *гипотезу*, что техносфера обладает структурой подобной социальной и также стратифицирована, т. е. разные виды техносубъектов занимают в ней и различные позиции – по вертикали и горизонтали. И их стратификационная структура сопряжена с социальной структурой. Но как? Можно предположить, что ортогонально, поскольку это не структура взаимодействующих индивидов, а структура техносубъектов (как особых машин).

Техносубъекты иерархически организованы и расположены. На вершине пирамиды – ИИ. Ниже – алгоритмы; программы; затем – сетевые облачные хранилища как основа суперкомпьютеров, образующих глобальный ИИ; «стеки», состоящие их компаний Apple, Amazon, Google, Facebook, Microsoft и сверхмонополия Alphabet. На их основе функционируют нижележащие страты роботов и мобильных компьютеров-коммуникаторов; страты ИВ и промышленного Интернета. Затем расположен слой кибернетической экосистемы с хакерами, создающими ботнеты. *Каждая из этих страт создана и воспроизводится индивидами*, образующими профессиональные сообщества агентов цифрового общества. Они также расположены в иерархическом порядке: создатели ИИ, творцы алгоритмов и разработчики программ, создатели и собственники «стеков», конструкторы и пользователи роботов, разработчики устройств мобильной связи и миллионы пользователей гаджетов, сообщества активных и наиболее креативных разработчиков и экспериментаторов применения альтернативных программ и алгоритмов – хакеров. Каждый слой техносубъектов обладает своим

специфическим *статусным набором* (статусным потенциалом) – набором ресурсов для влияния на другие страты как техносубъектов, так и представителей социальной структуры индивидов.

Высший ранг ИИ определяется, прежде всего, тем, что он способен в ряде случаев принимать самостоятельные решения. ИИ и роботы активно вытесняют людей из многих профессий, трансформируя социальную структуру, вставая над людьми в промежутки между стратами индивидов. Человек охвачен паутиной интеракций непосредственно с алгоритмами. Роботы как воплощение ИИ навязывают людям новую конфигурацию социальных взаимодействий: лучше работать с роботом, чем человеку с человеком или роботам друг с другом. ИИ все более конструирует цели человека. Он становится автономным в создании собственной логики – она все более независима от людей и им непонятна. Более того, ИИ как система алгоритмов и программ стремится к собственному совершенствованию. Его статусное доминирование выражено побуждениями: 1) к эффективности, 2) самосохранению, 3) приобретению ресурсов, 4) творчеству и 5) уходу от уязвимости. Его преимущества перед другими техносубъектами – ИИ способен думать, планировать и обманывать создателя. ИИ действует и существует в форме алгоритмов, которые совершенствуют свою способность выделять в каждой конкретной ситуации главное и действовать соответственно. Так рождается их особый ресурс – обеспечивать машинное обучение. Обучающийся алгоритм, оказавшись на свободе, встраивается в любое число других систем с другими целями. Уже сегодня люди оказались окруженными невидимыми, но могущественными силами, которые наблюдают за ними через устройства, разбросанные везде и собирающие обо всех подробное досье. Это досье – в руках немногих индивидов, контролирующих алгоритмы, и эти индивиды-обладатели поднимаются еще выше по стратификационной лестнице. Происходит вторжение небольшой группы частных и никому не подотчетных акторов в структуры распределения ресурсов. Алгоритмы постепенно заменяют человека через обработку БД. Страта работников интеллектуального труда находится ниже и оказывается в возрастающей зависимости от страты алгоритмов как техносубъектов. А через генетическое программирование алгоритмы вообще независимы от людей, вследствие чего происходит отчуждение между двумя стратификационными структурами – людей и техносубъектов.

Обособленные технологии собираются вместе в вертикально интегрированных коммерческих компаниях – *стеках*, которыми контроли-

руются сети, платформы, приложения, физические устройства и контент. Стеки монополизируют коммерческую рекламу, мобильные трафики социальных сетей, рынок электронных книг. Особняком стоит технология *блокчейна*, который проявил явные черты протосубъекта, но при этом остался под полным контролем всего сообщества его создателей. Он представляет собой *интегрированную страту* людей и технологий. Блокчейн технологии – это технологии без централизованной доверенной страты. Транзакции происходят без вмешательства людей. Все участники полноправны. Вместо иерархии – горизонтальные связи. Вместо принуждения – новый общественный договор на основе технологий, а не желаний людей. На основе блокчейна радикально преобразуется вся экосистема. Она основана на децентрализации доверия и обеспечена сложным набором алгоритмов. Блокчейн стоит особняком среди техносубъектов, поскольку базируется не непосредственно на ИИ, а на цепочке открытых блоков нецентрализованных транзакций. Это принцип нейросети. Но эта сеть есть форма гигантского рассредоточенного ИИ. Она подобна *ботнету*, но уже без человека как создателя и контролера.

ИВ – это колонизация повседневной жизни обработкой информации и превращение мира вещей в «пищу» ИИ. ИВ обеспечивает работу технологических систем без наблюдения человека. У него неограниченные возможности перемещения данных в любые точки пространства к любым техническим системам и людям. Возникает глобальный контролер и управленец машинами и людьми. Поэтому ИВ находится на вершине иерархии техносубъектов, ниже ИИ и алгоритмов. Но это и его относительно независимая власть над людьми: ИВ все чаще принимает решения за людей и *минимизирует девиации*, делая тем самым максимальным *социальный* контроль в пространстве *социальной* структуры (пример – система социального рейтинга в КНР).

Такой техносубъект как робот – техническое воплощение непосредственной власти над людьми не только людьми, но и самими машинами. Это замена людей; они превосходят человека по ряду функций. Но в иерархии техносубъектов роботы стоят ниже ИВ, ИИ и алгоритмов, поскольку функционируют на их основе. Робот – машинная альтернатива человеку, но особая машина, созданная для непосредственного взаимодействия с человеком. Человек, создавая робота под себя, одновременно и подчиняет себя роботу. Робот это воплощенный в материале алгоритм. Он не субъект, а «маска» такого вида

техносубъекта как алгоритм, поскольку сети роботов образуются на основе сети алгоритмов. Так открывается возможность возникновения социума роботов как воплощенных в материале алгоритмов. Случаем такого воплощения стало появление ботнетов – сети роботов, созданных для продвижения вредоносных программ с целью использования компьютеров без согласия их владельцев. Но ботнеты создаются людьми, которые образуют особую промежуточную страту между людьми и техносубъектами. Миллионы пользователей гаджетов вступают с ними в симбиоз, который включает техносубъекта (устройства) и субъектов (пользователей). Например, объединение смартфонов с Google – это сетевой ИИ как протосубъект. Но только лишь в своей начальной стадии, поскольку мы в единстве с Google ограничены нашими возможностями и не являемся программами и алгоритмами и не можем работать без остановки. Поэтому такой симбиоз – это промежуточная страта между социо- и техноструктурами. Смартфон почти полностью изменил «текстуру» повседневной жизни, целиком поглотив и трансформировав многие традиционные пространства и ритуалы. Смартфон, как техносубъект, стал, прежде всего, осязаемым способом взаимодействия с неуловимыми и трудноразличимыми фрагментами и агентами реальности, отчего люди стали от них зависимы и не могут контролировать. Это связано с тем, что передвигаясь по миру со смартфоном в руке, люди генерируют гигантское количество данных в ходе рутинных действий. Данные перехватываются и локализуются различными акторами, которые действуют в своих интересах, повышая свой статусный потенциал. И уменьшая наш. Смартфоны становятся не столько продолжением наших тел, сколько протезом, сетевым органом. Такой сетевой индивид уже больше не автономный субъект. Сама личность оказывается расщепленной и рассредоточенной по глобальной сети узлов и связей. Теперь уже сети как субъекты строят нас.

В основе этих новейших процессов, радикально меняющих стратификационную структуру социума, лежит цифровая информация как продукт информационного общества. Она неконкурентна, издержки ее производства близки к нулю, не расходуется и не истощается при использовании. Цифровая информация это «пища» алгоритмов и потенциал, рассредоточенный по стратам техносубъектов. Знания в традиционных формах – потенциал страт людей. Цифровая информация – потенциал страт техносубъектов, но не людей. Вся стратификационная

пирамида техносубъектов соединяется и «питается» цифровой информацией. «Цифра» – это язык компьютера с ИИ и алгоритмами. Стратификационная структура техносубъектов организована распределением цифровой информации. Структура техносубъектов постоянно питает структуру людей: чем большее количество информации обретает цифровую форму, тем большее количество вещей становится бесплатным, совершенным и мгновенно доступным. Информационно-компьютерные технологии провоцируют эффект резонанса. В нем два информационных потока: людей и ИИ. И действуют два вида субъектов: человек и компьютер. Взаимодействуя, они сталкивают информационные потоки – смешивают старые и новые идеи (происходит их перекомбинация как процесс создания инноваций). Возникает альтернативная система взаимодействия как «клетка» альтернативного социума – техносоциума. Инновации – это мир особых артефактов, вторгающихся в социальные взаимодействия и трансформирующие социум. Информационные потоки в эпоху информационно-компьютерной революции базируются на информационных технологиях и существуют как «дигитализация» (оцифровка), пронизывающая все социальные действия и взаимодействия.

Новый источник неравенства в цифровом обществе

С развитием цифровых технологий все больше богатства будет создаваться за счет меньшего объема работы. Как минимум в нынешней экономической системе этот прогресс будет оказывать огромное влияние на процессы распределения доходов и богатства. Если работу, которую человек может сделать за час, можно будет сделать с помощью машины, потратив на это сто рублей или доллар, то работодатель, стремящийся получить как можно больше прибыли, не предложит человеку за эту работу больше ста рублей или доллара. Работник будет вынужден либо согласиться, либо искать другую работу. Но если другой человек найдет новый способ донести свои наблюдения, таланты или навыки до миллиона новых потребителей с помощью цифровых технологий, то в условиях цифровой экономики он сможет заработать в миллион раз больше, чем это было возможно раньше.

Цифровые технологии могут копировать ценные идеи, глубокие наблюдения и инновации при очень небольших затратах, что приводит к беспримерному перераспределению богатства и доходов. Их применение снижает спрос на прежде важные профессии, лишая многих

людей прежних доходов. Так, в США как самой продвинутой в цифровом отношении стране за период между 2002 и 2007 годами верхний один процент населения получал две трети всей прибыли от роста экономики. Это представители СМИ и индустрии развлечений, спорта и юриспруденции, предприниматели и высшее руководство компаний [3, 197]. В 2012 г. свыше половины общего дохода в США пришлось на верхние 10 % американцев. А верхний 1 % получил свыше 22 % дохода, более чем удвоив свою долю с начала 1980-х гг. [3, с. 73].

Структурные экономические изменения, вызванные внедрением цифровых технологий, привели к созданию трех пересекающихся пар победителей и проигравших. В результате доля в экономическом пироге растет не у всех. *Первая группа* – владельцы обычного капитала (оборудование, строение, интеллектуальная собственность, финансовые активы). *Вторая* – собственники человеческого капитала (образование, опыт и навыки). *Третья* – суперзвезды, обладающие талантом или удачей. В каждой группе цифровые технологии повышают экономическую отдачу для победителей, а остальные участники начинают играть меньшую роль и получают меньшее вознаграждение. Величина общего выигрыша победителей оказывается выше, чем потери всех остальных. В целом в экономике растет и производительность, и доход. Но доходы концентрируются в руках небольшой группы победителей, ухудшая положение большинства других людей.

Традиционная экономическая модель – когда технический прогресс повышает продуктивность всех работников, и они становятся более ценными. Экономика постоянно повышает результаты, сохраняя объем труда. При такой модели технология оказывает равное влияние на все виды труда – любой отработанный час приносит больше дохода, чем прежде.

Однако в связи с широким распространением *цифровых технологий* они стали неодинаково влиять на факторы производства и на труд. Автоматизация труда заменяет людей, выполнявших простые технические задачи и стандартную обработку информации. Напротив, такие технологии, как управление и анализ Больших данных, высокоскоростная коммуникация и быстрое создание прототипов, *дополнили* процессы, основанные на более абстрактном способе мышления, тем самым повысив ценность людей с инженерными, творческими или дизайнерскими навыками. В итоге снижается спрос на менее квалифицированный труд и растет спрос на квалифицированный. Происходящее

можно назвать «*квалификационно-несимметричными техническими изменениями*».

Предложение квалифицированного труда возросло. Рост предложения приводит к снижению цены. Поток выпускников колледжей и университетов в США должен был привести к снижению их средней зарплаты, однако этого не произошло. Это было вызвано тем, что сравнительный *спрос* на квалифицированный труд рос еще быстрее, чем предложение. И в то же время спрос на задачи, которые могли выполняться людьми с незаконченным образованием, падал настолько быстро, что, несмотря на абсолютное уменьшение размера этой группы, рынок неквалифицированной рабочей силы все равно был перенасыщен. Отсутствие спроса на неквалифицированный труд означает дальнейшее снижение зарплат для тех, кто продолжает искать работу, не требующую особых навыков. А поскольку основная доля людей с более низким уровнем образования и так уже имеет самые низкие зарплаты, это изменение приводит к дальнейшему росту неравенства в доходах.

Но особенность современной ситуации заключается в том, что победителями становятся самые талантливые и удачные. И их талант – это способность быстрее остальных использовать информационные технологии. Человек в вебсайте способен без особых затрат воспроизводить и распространять свои товары и услуги по всему миру и удовлетворить спрос со стороны миллионов или миллиардов потребителей. Тем самым дигитализация создает рынки, на которых победителю достается все. В экономике суперзвезд распределение дохода приобрело особую форму.

Типичный случай – успех Дж.К. Роулинг (автор книги о Г. Поттере), которая использовала возможность «добраться» с помощью множества электронных каналов до миллиардов покупателей. Роулинг – первая в мире писательница-миллиардер, представительница области, в которой редко можно встретить супербогатых людей. Технология наделила авторов типа Роулинг возможностью умножать плоды своих талантов с помощью дигитализации и глобализации. Поскольку истории Роулинг могут быть пересказаны не только в тексте, но и с помощью фильмов и видеоигр, то каждый из этих форматов можно распространять по миру с минимальными затратами.

В условиях, когда цифровые технологии позволяют провести дигитализацию без особых усилий, суперзвезды на различных рынках

получают резкий прирост своего дохода, а игрокам, занимающим вторые места, становится все сложнее с ними конкурировать. В США доходы ведущих представителей музыки, спорта и других областей начали стремительно расти с 1980-х гг. Однако такого же роста не наблюдается у других представителей мира развлечений и создания контента. Так, лишь четыре процента разработчиков программ в условиях растущей экономики мобильных приложений смогли заработать более миллиона долларов. Три четверти зарабатывает менее 30 тыс. долларов.

Вместе с тем в наши дни руководители компаний начали зарабатывать не меньше, чем знаменитые рок-музыканты. Если в 1990 г. в США зарплата директоров превышала зарплату средних рабочих в 70 раз, то к 2010 г. это значение увеличилось до 300. По данным исследования, проведенного Эриком Бриньолфсоном (директором Центра цифрового бизнеса МТИ), такой рост во многом обусловлен более масштабным использованием информационных технологий [3]. Это объясняется тем, что охват, масштаб технологии или возможность контроля для лиц, принимающих решения, повышается. Если руководители используют цифровые технологии для контроля деятельности своих фабрик по всему миру, то ценность таких руководителей повышается. Прямое управление с помощью цифровых технологий повышает ценность хорошего менеджера, потому что ему не нужно растягивать контроль в длинную цепочку подчиненных и таким образом сужать масштаб своих действий. Компании готовы платить дополнительные деньги руководителям, которые считаются лучшими, поскольку даже небольшое различие в качествах сотрудников может иметь огромные последствия для акционеров.

Экономика, где доминируют рынки, на которых победителю достается все, имеют совершенно иную динамику, чем привычная промышленная экономика. Вместо стабильных долей рынка, где величина дохода определяется пропорционально различиям в таланте и усилиях, в новой экономике конкуренция менее стабильна и более асимметрична. Это экономика с созидательным разрушением (Й. Шумпетер), когда каждая инновация не только создает ценности для потребителей, но и делает ненужными прежние инновационные решения. Победитель в этой гонке оказывается уязвимым перед следующим поколением инноваторов.

В наиболее развитых странах произошло изменение в фундаментальной структуре распределения. Когда доходы были примерно

пропорциональны абсолютным результатам, распределение доходов соответствовало распределению уровня мастерства и усилий. Это *нормальное* (гауссово) распределение – колоколообразная кривая. Происходит распределение по высоте, силе, скорости, общему коэффициенту умственного развития, эмоциональному интеллекту, уровню организованности, старательности. Нормальное распределение встречается часто. По мере движения к каждому из хвостов распределения количество участников начинает резко снижаться. Значения среднего арифметического, медианы и моды в нормальном распределении совпадают между собой. Таким образом, «средний» человек располагается в середине распределения, как наиболее обычный и частый тип личности. Но рынки суперзвезд нужно описывать с помощью *экспоненциальной* кривой – кривой Парето, в которой небольшое количество людей контролируют непропорционально высокую долю продаж [3, с. 213–214]. Как утверждает Ким Тайпейл, основатель Стилвелловского центра прикладных исследований науки и технологической политики, «эпоха распределения по колоколообразной кривой, поддерживавшей растущий социальный средний класс, закончилась, и мы движемся в сторону экспоненциального распределения экономических возможностей. Образование само по себе уже не будет играть прежней роли» [цит. по: 3, с. 215].

Таким образом, фактором, усилившим рост неравенства доходов, стала ускоренная и повсеместная замена роботами среднеквалифицированного труда, что привело к вымыванию из экономики базовых рабочих мест для среднего класса этой квалификации и замене их 1) низкооплачиваемыми рабочими местами в сфере обслуживания и 2) рабочими местами, требующими высокой квалификации и наличия специальности. В результате возросла профессиональная поляризация – рынок труда стал похож на песочные часы, где работники, которые не могут получить желаемое место на самом верху, в итоге опускаются на самый низ [10, с. 77–78].

Технологии – не единственная сила, приводящая к росту неравенства, но они явно играют огромную роль в этом процессе. Сегодняшние информационные технологии благоприятствуют более подготовленным работникам, дают владельцам капитала больше, чем владельцам труда, а также позволяют суперзвездам получать намного больше, чем всем остальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры *Homo sapiens* / пер. с англ. *Н.Лисовой*. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 304 с. – С. 14.
2. *Бескаравайный С.* Бытие техники и сингулярность. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 476 с. – С. 125.
3. *Бриньолфсон Э., Макафи Э.* Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / Э. Бриньолфсон, Э. Макафи; [пер. с англ. П. Миронова]. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 384 с.
4. *Грингард С.* Интернет вещей: будущее уже здесь / Пер. с англ. М. Трощенко. – М.: Издательская группа «Точка», 2017. – 224 с.
5. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. Кушнareвой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 424 с. – С. 365.
6. *Игнатьев В.И.* Информационный резонанс в социальной системе // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3(13). – Т. 1. – С. 92–103.
7. *Йонк Р.* Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта / Р. Йонк; [пер. с англ. Э. Воронич]. – Москва: Эксмо, 2019. – 464 с.
8. *Леонгард Г.* Технологии против человека / Г. Леонгард; пер. с англ. А.О. Юркова, М.Ю. Килина, Т.Ю. Глазкова; предисл. М. Федорова. – Москва: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
9. *Маркофф Дж.* *Homo Roboticus?* Люди и машины в поисках взаимопонимания / Дж. Маркофф; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 406 с.
10. *Форд М.* Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы / М. Форд; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 430 с.
11. *Шанахан М.* Технологическая сингулярность / Пер. с англ. *А. Врублевского*. – М.: Издательская группа «Точка», Альпина Паблишер, 2017. – 256 с. – С. 130–136.

СЕМАНТИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДИАГНОСТИКЕ

В настоящее время повседневная социально-гуманитарная практика актуализирует запрос в адрес социальной философии, социально-гуманитарных наук относительно генезиса и смыслов ключевых терминов, используемых в эмпирических социально-гуманитарных исследованиях. В последние годы данная тенденция стала весьма актуальной для социологической организационной диагностики. Данная работа является попыткой внести определенную ясность относительно понимания ключевых терминов, используемых в этой области.

По своему смыслу генезис слова «диагностика» – греческий язык, в котором оно имеет написание «*διαγνώτικος*»¹, «способный распознавать»¹, «способный или умеющий распознавать»². В греческом языке это слово представляет собой производное от глагола *δια-γνώσκω* «распознаю, ясно различаю», где *δια* – приставка со значением «через, насквозь», *γνώσκω* «узнаю, познаю, знакомлюсь, понимаю, замечаю»³. А по произношению в русском языке его происхождение – латынь; в латинской транскрипции оно пишется «*diagnostica*»⁴, состоя из приставки «*dia*» – «чрез» и существительного «*gignosko*» – «знаю»⁵. Отсюда перевод этого слова на русский язык.

¹ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь: Репринт V-го издания 1899 года. – М.: Греко-латинский кабинет, 2011. – С. 303.

² Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – Т. 1. – Вып. 5. – С. 106.

³ Там же. – С. 106.

⁴ Новый латинско-русский и русско-латинский словарь / Составитель: Л.А. Асланова. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2016. – С. 642.

⁵ Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / сост. А.Д. Михельсон по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. – М.: А.И. Манухин, 1865.

Есть мнение, что русский язык заимствовал слово «диагностика» из западно-европейских языков в конце XVIII века¹. Установление более точного времени появления слова «диагностика» в русском языке требует специального исследования. Возможно, первое или одно из первых российских справочных изданий, в которое оно было включено, – это вышедший в 1803 году «Новый словотолкователь» Н. Яновского, в котором с указанием на то, что это слово греческого происхождения и является медицинским термином, ему дается следующее определение: «Распознавание, сведение о настоящем состоянии и свойстве болезней или здоровья, по знакам и приметам, оныя изображающим»². В повседневной практике специалистов, скорее всего – медиков, этот термин мог использоваться в России и раньше.

В дальнейшем это слово включалось в различные отечественные справочные издания. Например, в 1865 году был издан словарь иностранных слов, составленный А.Д. Михельсоном. Диагностика там определяется как учение о распознавании болезней по отличительным признакам³. В изданном в 1913 году 18-м томе седьмого издания Энциклопедического словаря Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К» оно означает «учение о диагнозе»⁴.

Считается, что в близком к современному значению данный термин был впервые введен в оборот в медицине⁵. При этом в медицине принято два следующих дополняющих друг друга определения диагностики. Одно определение: диагностика – это раздел клинической медицины, изучающий содержание, методы и последовательные ступени процесса распознавания болезней или особых физиологических

¹ Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – Т. 1. – Вып. 5. – С. 106.

² Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. От А до I. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1803. – С. 722.

³ Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / сост. А.Д. Михельсон по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. – М.: Манухин А.И., 1865.

⁴ Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». – 7-е соверш. перераб. изд. / Под ред. Ю.С. Гамбарова, В.Я. Железнова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева и К.А. Тимирязева. – М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1913. – Т. 18. – С. 438.

⁵ Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 11.

состояний. А в узком смысле диагностикой называют сам процесс распознавания болезни и оценки индивидуальных особенностей субъекта, включающий целенаправленное медицинское обследование, истолкование полученных результатов и их обобщение в виде установленного диагноза¹.

По мере развития общественно-исторической практики диагностическая деятельность получала свое постоянное распространение в обществе, и ее значение в структуре повседневной деятельности возрастало. Соответственно современное общество характеризуется значительным расширением сферы диагностической деятельности². Поэтому в настоящее время слово «диагностика» стало термином, применяемым не только в медицине, он заимствован многими науками (например, это психология, биология, геология, техника) и широко ими используется, а также и в повседневной практике. Соответственно выделяют следующие дисциплинарные (отраслевые) диагностики:

- медицинская;
- психологическая;
- социологическая (социология права, социология семьи, социология труда и другие³);
- криминалистическая;
- технико-инженерная и т. п.⁴

Достижения наук и практик, использующих термин «диагностика», привели к изменениям его семантики, принимая специфические для каждой сферы значения. Например, в психологии под диагностикой понимается идентификация болезни, расстройства, синдрома, состояния и т. п.⁵ Некоторые исследователи считают, что «в любой сфере

¹ Жмуркин В.П. Диагностика // Малая медицинская энциклопедия: В 6 т. Т. 2 / Главн. ред. В.И. Покровский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 89.

² Корч И. Диагностика как специфический вид познания: гносеологические аспекты. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. – М.: АОН ЦК КПСС, 1991. – С. 1.

³ Титаренко Л.Г. Социальная диагностика // Социологическая энциклопедия / под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БелЭн, 2003. – С. 297.

⁴ Кротков Е.А., Носова Т.В. Диагностика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 181.

⁵ Ребер А. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. – Т. 1. – М.: Вече, АСТ, 2000. – С. 234.

деятельности диагностика понимается как распознавание объекта исследования...»¹.

Различия в понимании термина затрагивают следующие аспекты: объект диагностики и цели диагностики. При всех существующих различиях в семантике и определениях термина все они могут быть объединены в следующие три группы, которые представлены ниже.

1. Диагностика как специфический **процесс деятельности**, осуществляемый на стыке науки и практики и связанный с определением состояния объекта, с целью осуществления последующего корректирующего воздействия и изменения его состояния или режима работы.

Это понимание диагностики фиксирует внимание на той функции, которую она выполняет в практической деятельности. Оно определяется позицией практикующего специалиста, включенного в процесс преобразовательной или корректирующей деятельности. При этом предполагается, что специалист уже располагает соответствующими инструментальными средствами и выступает по отношению к ним их пользователем.

2. Диагностика как специфическое **средство** (совокупность методов и приемов), создаваемое в рамках определенной научной дисциплины для реализации определенного процесса.

В данном случае понимание диагностики выражает позицию и пользователя, и ее разработчика. Она фиксирует внимание на том, что выполнение устойчивых диагностических функций, обеспечение определенного процесса возможно лишь при наличии уже существующего диагностического средства, своеобразного технологического стандарта, алгоритмизирующего совокупность приемов и методов, обеспечивающих возможность осуществления конкретного процесса и достижение заданного результата. Именно создание конкретного диагностического средства является условием осуществления процесса диагностики.

3. Диагностика как **специальная дисциплина**, особое направление деятельности в рамках определенной науки, обеспечивающее создание конкретных диагностических средств и предусматривающее теоретико-методологическое осмысление и обеспечение этого процесса.

Такое понимание диагностики выражает как позицию разработчика диагностических средств, так и позицию «накопителя», систематиза-

¹ *Плотников М., Седова Е.* Организационная диагностика как способ управленческого исследования организации // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 1. – С. 107.

тора, методолога, методиста и транслятора знаний в этой области, а также позицию потребителя диагностических средств и знаний в этой области. При этом такое понимание диагностики предусматривает, что в дисциплине не только сложилось разделение труда между разработчиком средств диагностики и их пользователями, но что развитие и осмысление средств диагностики достигло такого уровня, когда можно говорить о создании собственной теории, методологии и методической базы. Такое положение дел соответствует реальному положению во многих науках с развитой прикладной сферой (медицина, психология, биология, техника).

Применительно к социологии можно констатировать, что такая специальная дисциплина еще находится в процессе своего становления.

В.В. Щербина считает, что в качестве ключевого определения диагностики следует выделить второе, трактующее ее как **специфическое средство деятельности**, поскольку два других выступают по отношению к нему как производные. Именно использование диагностического средства, по его мнению, предполагает осуществление процесса определения состояния объекта (первое определение), а оформление деятельности по разработке диагностических средств и осмысление ее закономерностей и теоретико-методологических оснований в рамках конкретной науки предполагает в перспективе выделение специальной дисциплины (третье определение).

Каждый из подходов к определению диагностики имеет свое обоснование, выражая определенную точку зрения. В данном случае представленная ниже формулировка диагностики детерминирована в первую очередь ее функциональным предназначением в повседневной практике, а именно – выполнить обязательства диагноста перед заказчиком по предоставлению ему необходимой информации путем диагностирования. Соответственно практическая деятельность по диагностированию предопределяет следующее определение термина **диагностика** – это получение с помощью соответствующего инструментария необходимой информации об актуальных аспектах состояния объекта для последующего принятия на этой основе необходимого решения о его дальнейшем функционировании.

В работах отечественных исследователей сформулированы следующие общие требования к диагностике.

1. Целью диагностики является объективная оценка. Это предполагает, прежде всего, определение надежности и валидности инструментария в конкретных ситуациях.

2. Предварительная подготовка диагностики как важное условие ее технологичного проведения. Необходимо принять специальные меры, чтобы предвидеть и предупредить возникновение возможных случайностей, обеспечивая единообразие процедур диагностирования.

3. Поиск возможных причин состояния диагностируемого явления во внешнем мире, окружающей среде.

4. Нейтральное, понимающее отношение к обследуемому объекту.

5. Систематизация объективных и субъективных симптомов отклонений в состоянии объекта.

6. Диагностируемый объект и его качества рассматриваются не только с точки зрения конкретной ситуации, но и с общетеоретических позиций, подходов, с учетом предыдущего опыта и имеющихся знаний.

7. Если показатели, полученные разными специалистами, необходимо сравнивать, то условия диагностики должны быть одинаковыми для всех, стандартизованными. При этом важный аспект стандартизации – определение норм¹.

В качестве основных характеристик диагностики выделяют следующие:

- ее объективность;
- обусловленность внешними факторами;
- разграничение внутренних и внешних факторов отклонений;
- использование различных видов анализа, начиная с ситуационного;
- полнота наблюдения².

Объектом диагностики всегда является единичная сущность (вещь, процесс или ситуация). Соответственно диагностика проводится не вообще, а диагностируется конкретный объект. Непосредственная цель диагностики состоит в формировании (построении) адекватного когнитивного образа конкретного объекта в границах предмета ее проведения. Специфика диагностического образа связана с исключительно важной ролью, которую в процессе ее формирования играет априорное знание диагноста, т. е. такое, которое в качестве наличного, «готового» предшествует любому диагностическому поиску и канализирует его,

¹ Ильницкий В.Г. Диагностика в системе социального управления трудовой организацией / под ред. Н.С. Данакина. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2007. – С. 13; Чазов Е.И. Очерки диагностики. – М.: Медицина, 1988.

² Ильницкий В.Г. Указ. соч. – С. 11.

предопределяя тем самым спектр возможных результатов этого поиска. На этот аспект познания в свое время обращал внимание еще Платон¹.

Логической основой диагностики является умозаключение. Гносеологическая методологическая основа диагностики – это следующие принципы познания: целого по его части, причины – по его действию, внутреннего – по внешнему². По типам диагностики выделяют ситуационную и системную³.

Конструирующим компонентом диагностики является *процесс идентификации*. А основанные на опыте *признаки*, по которым происходит идентификация, называют *идентификационными*. Их роль репрезентативная (делающая очевидным): по их наличию либо отсутствию у диагностируемого объекта судят о наличии или отсутствии у него ненаблюдаемых признаков, характеризующих сущностное содержание этого объекта⁴.

Если относительно смысла термина «диагностика» в медицине и психологии есть определенный консенсус, то по поводу его семантики в социологии в виде термина «социологическая диагностика» существуют разногласия. Они связаны с имеющимися расхождениями относительно понимания термина по его объекту, цели и т.п.

В процессе формирования и использования термина «социологическая диагностика» на его содержание среди отечественных специалистов сложились три принципиально различных взгляда, которые представлены ниже⁵.

Одна точка зрения сформировалась в среде ученых, озабоченных методологическими и методическими проблемами развития социологии (наиболее ярко представлена в работах Г.С. Батыгина, позднее

¹ Кротков Е.А., Носова Т.В. Указ. соч. – С. 179–180.

² Там же, с. 180.

³ Волков Ю.Г. Социологическая диагностика и социологическая экспертиза: социальное самопознание российского общества. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 22.

⁴ Кротков Е.А., Носова Т.В. Указ. соч. – С. 179–180.

⁵ Щербина В.В. Социологическая диагностика // Тезаурус социологии: В 2 кн. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 231–232; Байдалова О.В., Вдовина Г.В. Теория управления: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. – С. 10–11.

И.Ф. Девятко). Основа данной точки зрения – это богатый опыт естественнонаучной методологии. В основном это следование позитивистской традиции в философии (Р. Карнап), богатой психологической (прежде всего – бихевиористской в лице Э. Толмена, Г. Халла, Г. Оллпорта) и социологической (П. Лазарсфельд). Согласно этой точке зрения социологическая диагностика является универсальным для науки и практики процессом классификации социальных объектов, при котором эмпирически наблюдаемое поведение опознается либо в терминах ненаблюдаемого поведения, либо с помощью промежуточных переменных. Она не получила распространения в России.

Другая точка зрения, получившая большое распространение в России, сформировалась в среде специалистов-социологов, сфера деятельности которых – управленческое консультирование (А.И. Пригожин, Ю.А. Прохоров, В.Ш. Раппопорт, позже С.В. Комарова, С.И. Кордон и другие). Их точка зрения сформировалась в процессе работы в рамках проблемного подхода к изучению процессов, протекающих в организациях. Согласно их версии в качестве содержания термина следует иметь в виду **социальную диагностику организаций**, а область диагностики ограничивается только организациями.

Согласно данному взгляду на содержание термина (смысл терминов «социологическая диагностика» и «социальная диагностика» в этом случае принимается тождественным), он выражает процесс, типичный только для работы исключительно в рамках управленческого консультирования. Под диагностикой в этом понимании содержания термина имеется в виду разновидность комплексного обследования организации, оценки ее состояния как целостности. Содержание этого процесса сторонники данного взгляда на смысл и форму термина определяют следующим образом: постановка диагноза, выявление симптомов патологии организации, начиная с выделения перечня проблем, возникающих в ней в процессе функционирования. В этой связи ими сделана попытка определить перечень симптомов организационной патологии. Специфика диагностики в этом случае сугубо прикладная: выявление проблем социальной природы, возникающих у руководства организации в процессе ее целедостижения.

В качестве основных методов получения информации о состоянии организациями представители данной точки зрения используют следующие: интервью, игровые методы, анализ документов. По степени формализации и алгоритмизации диагностических процедур они, как

правило, используют слабо тиражируемые и слабо алгоритмизированные авторские технологии.

Эта точка зрения имеет следующие ограничения:

- она сформировалась в среде социологов – управленческих консультантов, исповедующих, как правило, проблемный подход в своей профессиональной деятельности;

- она распространяется только на сферу управленческого консультирования;

- объекты ее применения – только организации;

- реально она применяется для социальной (а не только социологической) диагностики организаций.

В данном случае необходимо сделать уточнение, которое имеет важное прикладное значение для диагностической практики. Дело в том, что этими специалистами (как и некоторыми другими. – *А.К.*) не всегда делается строгое различие между терминами «социологическая диагностика» и «социальная диагностика». А это неоправданная терминологическая «вольность», поскольку различия в содержании этих терминов предопределяются различиями в понимании социологического и социального. Аргументированное обоснование различий в семантике терминов «социологическое» и «социальное», сделанное в свое время Г.В. Осиповым¹, уточнено в настоящее время Ю.Г. Волковым следующим образом.

- Термин «социальная диагностика» шире термина «социологическая диагностика». Это связано с тем, что если объектом исследования является социум, то предметом исследования социальной диагностики может быть и психика людей (сфера исследования социальной психологии), а социологической диагностики – непсихическое социальное.

- Социальная диагностика в широком смысле слова включает логику здравого смысла и отражает массовые настроения людей (оценки, тревоги, страхи).

- Социологическая диагностика есть научно-рефлексивный уровень диагностирования, при проведении которой диагност опирается на теоретический инструментарий социологии, язык социологии и методический инструментарий социологии².

¹ *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 187.

² *Волков Ю.Г.* Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 105.

Соответственно, исходя из семантики терминов «социологическое» и «социальное», по своему содержанию смысл понятия «социальная диагностика» шире понятия «социологическая диагностика». Социологическая диагностика предполагает диагностику социальных объектов с помощью социологических методов и социологического инструментария. Социальная диагностика своими объектами имеет различные социальные явления, включая психику (исследует социальная психология), используя разнообразные социальные методы и инструментарий (не только социологический). Именно такое различие терминов «социологическая диагностика» и «социальная диагностика» представляется единственно верным¹. И, конечно же, социологическая диагностика может осуществляться не только в организациях, но и других формах социальной организованности.

Еще одна версия понимания содержания термина «социологическая диагностика» сформировалась в среде заводских социологов, работавших в производственных организациях в качестве инновационно ориентированных функциональных специалистов, опиравшихся на предметный подход в изучении социальных процессов (В.В. Щербина, Е.Л. Шрайбер, Е.И. Соболев, И.М. Симоненко, А.А. Почестнев и другие). В рамках этой версии социологическая диагностика рассматривается как информационная, жестко алгоритмизированная и легко тиражируемая социальная технология, являющаяся элементом подготовки управленческих решений. Такие технологии обеспечивают оценку состояния разнородных социальных целостностей (организация, целевая группа, социальная единица) и используются для подготовки управленческих решений в соответствии с повторяющимися задачами, тесно связанных с социальной организацией предприятия.

Примеры определения социологической диагностики различными авторами позволяют представить их понимание содержания данного термина.

Г.С. Батыгин утверждал, что социологическая диагностика оценивает фактическое состояние объекта/процесса². По мнению В.В. Щер-

¹ Крейк А.И., Гатик Ю.М. К проблеме использования терминов «социальная диагностика» и «социологическая диагностика» при диагностике феноменов социума // *Фундаментальные науки и современность*. – 2019. – № 3 (24). – С. 24–28.

² Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. – М.: Наука, 1986. – С. 7.

бины, социологическая диагностика – это деятельность, направленная на выявление иерархии проблем, источники которых – противоречия между целями и интересами групп людей¹. С.Ф. Фролов дал определение социологической диагностики, которое наиболее близко определению диагностики, принятому в медицине: социологическая диагностика представляет собой деятельность по изучению и установлению состояния конкретного объекта исследования посредством использования методов и средств социологического исследования².

Определения социологической диагностики, которые даны другими авторами, зачастую являются либо повторениями представленных выше, либо их комбинациями. Так, например, С.И. Некрасов определяет социологическую диагностику как процесс оценки деятельности объекта, направленный на раскрытие проблем и обозначение областей их возможного решения³. По мнению М.К. Горшкова, диагностика (имея в виду социологическую диагностику. – *А.К.*) – это процесс распознавания и оценки свойств, особенностей и состояний социума путем целенаправленного исследования. Сама диагностическая процедура – это не просто терминологическая транспозиция внешнего языка на язык внутренний, но искусное оперирование внешними измерениями с целью вызвать наружу дух действительности⁴.

Учитывая точки зрения различных авторов относительно их понимания социологической диагностики и исходя из ее функционального предназначения, можно дать ей следующее определение: **социологическая диагностика** – это прикладное социологическое исследование, осуществляемое путем использования социологического инструментария для выявления актуальных аспектов состояния социального объекта в соответствии с поставленной целью.

Причем следует уточнить: социологическая диагностика «по ряду параметров принципиально отличается от процедур социологического

¹ *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. – С. 10.

² *Фролов С.Ф.* Социальная диагностика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/55553477/>. – Загл. с экрана (Дата обращения 17.04.2015).

³ *Некрасов С.И.* Факторы организационного развития предприятий. – М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2009. – С. 47.

⁴ *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. – М.: Изд-во «Новый хронограф», 2011. – С. 5.

исследования»¹. Но тем не менее «социологическая диагностика представляет собой алгоритмизированное социологическое исследование прикладного характера»², т. е. является одной из разновидностей прикладного социологического исследования.

Социологическая диагностика в самом общем виде имеет следующую структуру:

- модель описываемого явления;
- средства объяснения исследуемых социальных фактов и процедур;
- интерпретация полученных результатов³.

Социологическая диагностика обеспечивает получение социологической информации о социальном состоянии (режиме функционирования) различных социальных объектов (организаций, коллективов, отдельных людей), выступающих участниками и субъектами коллективной деятельности и выполняющих определенные функции в диагностируемой форме социальной организованности. Она реализуется для научного обоснования последующей деятельности на стадии подготовки принятия решения о содержании и направленности изменений или сохранении стабильности в конкретном социальном объекте. Итогом социологической диагностики обычно является заключение о том, необходимы ли изменения (корректирующие воздействия) в состоянии или режиме работы искомого объекта и каковы должны быть содержание и направленность этих изменений (если они необходимы). Тем самым социологическая диагностика выполняет практические познавательные и, потенциально, рекомендательные функции по научному обеспечению информации для использования в управлении деятельностью в социуме⁴.

Сформированный в результате диагностики когнитивный образ актуального состояния объекта принято называть диагнозом.

¹ Щербина В.В. Социологическая диагностика. – С. 230.

² Еркин А.В. О соотношении понятий «социологическая диагностика» и «социологическое исследование» // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 100.

³ Волков Ю.Г. Социологическая диагностика и социологическая экспертиза. – С. 22.

⁴ Щербина В.В. Социологическая диагностика. – С. 230.

Слово «**диагноз**» греческого происхождения, образовалось от греческого *διάγνωσις* (диагносис) – определение, распознавание¹. В русском языке термин «диагноз» заимствован из западно-европейских языков во второй половине XIX века². Согласно источнику³, в России он фиксируется уже в словаре Березина 1874 года издания.

Термин «диагноз» пришел из медицины⁴, применяется в настоящее время преимущественно в медицине⁵, а его смысл, как правило, имеет медицинское значение. Следующие определения подтверждают это: «Диагноз – медицинское заключение о состоянии здоровья, определение болезни, травмы на основании специального исследования»⁶. «Диагноз – определение существа болезни и состояния больного на базе его всестороннего медицинского обследования»⁷.

В настоящее время термин «диагноз» применяется также в физике, технических науках, инженерной практике, минералогии, ботанике, зоологии, психологии, социологии и других сферах, т. е. он является своего рода «пограничным» термином.

Диагноз понимается как практическое знание, связанное с решением и видением узкой проблемы⁸, т.е. он ориентирован на сугубо практические задачи⁹. Его результатом может быть выявление отклонений от нормального состояния¹⁰.

¹ *Васюкова И.А.* Словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – С. 105.

² Этимологический словарь русского язык. – С. 105.

³ Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 4 / гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1991. – С. 218.

⁴ *Волков Ю.Г.* Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2015. – С. 98.

⁵ *Титаренко Л.Г.* Социальная диагностика // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БелЭн, 2003. – С. 297.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – С. 153.

⁷ Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Харвест. – М.: АСТ, 2001. – С. 177.

⁸ *Волков Ю.Г.* Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 112.

⁹ *Кротков Е.А., Носова Т.В.* Указ. соч. – С. 180.

¹⁰ *Дмитриева О.Г.* Региональная экономическая диагностика. – СПб.: Изд-во СПбУЭиФ, 1992. – С. 8.

Аналитический потенциал социологического диагноза определяется тем, какие цели и задачи выполняются в процессе социологической диагностики¹.

Социологический диагноз как социологическая процедура стал необходим и возможен в результате появления и становления социологической диагностики, у истоков которой стояли такие основоположники социологии как Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Г. Зиммель². В России наибольшее влияние на разработку теории социологического диагноза оказали М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти и П.А. Сорокин³.

Отечественная социология до сих пор не концептуализировала понятие «социологический диагноз», «позволяя» современной социологической мысли иметь относительно него множественность точек зрения⁴. Как следствие – определенная проблемность при использовании термина. Она проявляется в следующем:

- он имеет трансферное, переносное значение, будучи не освобожден от медицинской трактовки;

- связан с понятиями социального отклонения и социальной патологии, где преобладает влияние социологического нормативизма⁵.

По мнению Ю.Г. Волкова, социологический диагноз представляет собой описание и оценку состояния определенных социальных процессов и явлений. Иными словами, социологический диагноз – это социологическая процедура распознавания, выявления определенных качеств и свойств социальной системы, направленная на стандартизацию социальных и культурных форм. Тем самым социологический диагноз понимается как способ обобщения результатов социологической диагностики⁶.

Обобщая различные трактовки термина, можно дать следующее определение **социологического диагноза** – это социологическая процедура распознавания актуальных аспектов состояния продиагности-

¹ Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 104.

² Кравченко С.А. Социология. Социальная диагностика жизни: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016.

³ Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 73.

⁴ Там же. – С. 20, 63.

⁵ Там же. – С. 20.

⁶ Там же. – С. 50, 52, 92, 128.

рованного социального феномена путем их стандартизированного описания и оценки.

Выполняя в первую очередь социально-познавательную функцию, социологический диагноз представляет собой прагматически ориентированную процедуру и определяется уровнем практической ориентированности социальных результатов. Для избежания ошибочных выводов в практической деятельности возрастают требования к точности социологического диагноза. Соответственно требуется обеспечить его объективность. Объективность социологического диагноза подразумевает переход к научной обоснованности в смысле интегрированности социологических процедур. Социологический диагноз представляет собой систему объективного знания при реализации следующих условий.

- Надежное теоретическое обоснование и представительная эмпирическая база.

- Согласованная позиция компетентных лиц по поводу того, представляет ли диагноз ценность.

- Должна признаваться научность знания, если в нем содержится потенциал научного роста, даже при условии отклонения при его получении от существующих догм¹.

К тому, что социологический диагноз базируется на научности, требуется пояснение, которое состоит в следующем: диагноз так или иначе служит интересам тех, кто его заказывает².

Социологический диагноз представляет собой определенную структуру, что имеет важное методологическое значение, поскольку определяет эффективность конкретного социологического метода. Структура социологического диагноза следующая:

- модель описываемого явления;
- средства объяснения исследуемых социальных фактов и процедур;
- интерпретация результатов диагноза³.

По мнению С.С. Фролова, структура обеспечивает описание состояния подвергаемого диагностике объекта и выражает соотношение между действующими факторами и «грядущими изменениями», кото-

¹ Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 63, 64, 70, 96, 100, 116, 117.

² Там же. – С. 65.

³ Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 118.

рые можно интерпретировать как последствия или случайность¹. Для того чтобы структура социологического диагноза была когерентной, совместимой и одновременно стабильной, необходимо определить границы и характер интерпретации диагностических результатов. Конечный результат не может быть поставлен впереди задач социологического диагноза; следует различать цель диагноза (является неотъемлемым свойством социологического диагноза) и возможные результаты диагностики. Здесь большую роль играет то, каким образом сформулирована гипотеза, включающая возможные результаты на основании избранных средств диагностики².

Социологический диагноз требует сочетания:

- культурной (социально-философской традиции);
- традиции осмысления нравственных, творческих проблем, культурных особенностей;
- применения точных методов социологического исследования³.

Социологический диагноз фиксирует и описывает состояние социального объекта, будучи ориентирован на принятие и выбор конкретных управленческих решений и связанных с ними последствий, поскольку в современных условиях он обретает управленческий контекст и реализуется на уровне социологической информации для управленческих структур⁴. Он предназначен для того, чтобы возникла ситуация альтернативности принимаемых рекомендаций и решений⁵. Аналитический потенциал социологического диагноза определяется тем, какие цели и задачи выполняются в процессе социологической диагностики⁶.

Семантико-феноменологический анализ терминов «диагностика», «социологическая диагностика», «диагноз», «социологический диагноз» под «углом зрения» их использования при проведении социологической организационной диагностики, по мнению автора, может быть полезен для специалистов, работающих в этой области.

¹ Фролов С.С. Социология. – М.: Наука, 1994. – С. 167.

² Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 104, 127, 128.

³ Там же. – С. 37.

⁴ Там же. – С. 22, 35, 81.

⁵ Там же. – С. 23, 24.

⁶ Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учебное пособие. – С. 104.

ОПЕРАТОР «ПРЕВРАЩЕННОСТЬ» КАК СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И ВНЕРАЦИОНАЛЬНОГО (СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

В данной статье предпринимается попытка обосновать введение в научный оборот социальной философии нового термина, которому автор дал название «сиполь» (сокращение от слов «социально-информационное поле»). Автор предполагает, что данная статья может вызвать дискуссию, которая, по его мнению, была бы весьма желательна.

К истории вопроса

Впервые термин «сиполь» автор данной статьи ввел в научный оборот в своей монографии, изданной в 2007 году. [Кущенко, 2007, с. 52]. Впоследствии к этому термину автор возвращался в ряде своих журнальных публикаций [Кущенко, 2008, с. 43–47; Кущенко, 2011, с. 35–39 и др.]. В настоящее время в условиях массовой информатизации актуальность анализа тех процессов, которые были обозначены термином «сиполь», по нашему мнению, очевидно возрастает. Поэтому было бы целесообразно высказать различные точки зрения по поводу влияния массовой информатизации на социально-информационные процессы, происходящие в современном обществе, в том числе по поводу термина «сиполь».

По определению автора данной статьи, «сиполь» – это оператор социально-информационных смещений и превращений, происходящих в общественном сознании в рамках соотношения рационального и вне-рационального как свойств социальной информации, имеющий поле-вую природу [Кущенко, 2007, с. 52].

Соотношение рационального и вне-рационального как относительно самостоятельный социально-информационный процесс мы рассматриваем как оператор смещений и превращений в общественном сознании, близкий по своей функциональной роли к оператору «превращенность» (по М.К. Мамардашвили) [Мамардашвили, 1996, с. 229–250]. Необходимо отметить, что М.К. Мамардашвили анализировал

оператор «превращенность» в целом, а мы выделяем лишь один из его возможных аспектов – социально-информационный, взятый в ракурсе взаимодействия социально-информационных полей. Социальную информацию мы определяем в рамках методологии, предложенной Н.М. Чуриновым [Чуринов, 1993; 1990], использующим принцип негэнтропии: социальная информация есть процесс снятия социальной неопределенности предмета, есть момент социальной деятельности. В соответствии с негэнтропийным принципом в социальной информации как процессе величина энтропии берется со знаком минус, что означает одновременность, обратимость двух процессов – энтропии и негэнтропии; взаимозависимость возникновения и исчезновения определенности. Как известно, обратимость данного процесса, по мнению Н.М. Чуринова, «обеспечивается благодаря уникальному содержанию некоторой процедуры – “демона”» [Чуринов, 1990, с. 18–19]. В физике подобную уникальную процедуру называют «демон Максвелла» (ток смещения). В социальной философии нечто близкое можно увидеть в функционировании указанного оператора «превращенность». Одной из сторон оператора «превращенность» считается, как известно, отображение сложного и противоречивого, относительно самостоятельного процесса смещений и превращений, происходящих в общественном сознании. Использование оператора «превращенность» для анализа этого уникального «процесса смещений и превращений» открывает дополнительные возможности конкретизации соотношения рационального и иррационального. В частности, открывается возможность выделения социально-информационной стороны этого оператора (через социальную деятельность) и, соответственно, поиска социально-информационного способа смещений и превращений, в котором «участвуют» рациональное и иррациональное как свойства социальной информации. Их соотношение в таком случае можно представить как относительно самостоятельный процесс, имеющий свою диалектически противоречивую логику развития, включенную в такую же логику указанного процесса смещений и превращений. Относительная самостоятельность указанного процесса определяется тем, что этот процесс целенаправлен, цель его – формирование мотива социальной деятельности. Именно эта цель и определяет относительную самостоятельность данного процесса, главным «участником» которого выступает соотношение рационального и иррационального. Целенаправленность указанного процесса с очевидностью отделяет, ограничивает

его от других социально-информационных процессов и во многом определяет его уникальное содержание.

Самостоятельность данного процесса всегда относительна в силу того, что сама цель этого процесса – формирование мотива социальной деятельности – всегда определяется совокупностью причин (внутренних и внешних), главной из которых выступает социальный опыт конкретного субъекта социальной деятельности. Социальный опыт конкретного субъекта социальной деятельности мы рассматриваем как главную причину начала указанного процесса смещений и превращений, а окончанием этого процесса мы считаем устранение вызвавших его причин.

Предложенная методологическая схема открывает возможность для ее дальнейшей разработки. В частности, позволяет дать название, «имя» указанному процессу социально-информационных смещений и превращений. В нашем варианте название данного процесса должно отображать его содержание, а именно – способ социально-информационного взаимодействия, который предполагает смещения и превращения социальной информации в общественном сознании. Эти смещения и превращения мы рассматриваем как «встречный ряд метаморфоз» (по Э.В. Ильенкову) [Ильенков, 1984, с. 173]), как взаимодействие социально-информационных полей [Кущенко, 2007, с. 214–221]. При таком подходе название данного процесса может быть создано по аналогии с физическим понятием «диполь». Если в диполе взаимодействуют электромагнитные поля, то в исследуемом соотношении рационального и иррационального взаимодействуют социально-информационные поля. (Подробнее об этих полях см. Кущенко, 2007, с. 214–221.) По аналогии с диполем соотношение рационального и иррационального в общественном сознании как относительно самостоятельный социально-информационный процесс можно назвать «сиполь». Повторим наше определение сиполя. **Сиполь – это оператор социально-информационных смещений и превращений, происходящих в общественном сознании в рамках соотношения рационального и иррационального как свойств социальной информации, имеющий полевую природу.**

Наше определение сиполя опирается на процедуру встречного ряда метаморфоз, описанную Э.В. Ильенковым. Напомним эту процедуру, приведя длинную цитату из Э.В. Ильенкова: «...Форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда, «снимается» в субъективной форме

предметной деятельности; последняя же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности. А затем обратная очередь тех же метаморфоз – словесно выраженное представление превращается в дело, а через дело – в форму внешней, чувственно созерцаемой вещи, в вещь. Эти два встречных ряда метаморфоз реально замкнуты на цикл: вещь – дело – слово – дело – вещь. В постоянно возобновляющемся циклическом движении только и существует идеальное, идеальный образ вещи» [Ильенков, 1984, с. 173]. Критический анализ этого известного положения Э.В. Ильенкова дает А.Н. Арлычев [Арлычев, 2005, с. 74–75]. Наша позиция заключается в том, что мы «со стороны Э.В. Ильенкова» включаем в этот встречный ряд метаморфоз оператор «превращенность» в его социально-информационном аспекте и даем ему собственное имя – «сиполь».

Сиполь как социально-информационный инструмент, в том числе инструмент «наблюдателя»

Исходя из предложенного определения сиполя можно представить варианты его использования. Один из таких вариантов можно обосновать следующим образом. В нашем варианте субъект социальной деятельности безусловно активен и самодостаточен, он не только «получает», но и создает сам для себя необходимую ему социальную информацию, понуждаемый к этому необходимостью поиска смысла. Этот поиск начинается с напряжения между необходимостью такого поиска и социальной неопределенностью. Снимая социальную неопределенность любым доступным ему способом, в том числе с помощью соотношения рационального и иррационального, т. е. с помощью нашего сиполя, субъект стремится найти свой смысл. Оценка созданной им информации, данная другим субъектом, для нашего субъекта имеет второстепенное значение либо не имеет значения вообще. Наш субъект находит свой смысл с помощью своего собственного, уникального «инструмента» – соотношения рационального и иррационального, названного нами «сиполь».

Принципиально иной вариант использования сиполя можно увидеть в гносеологии К. Поппера. Анализируя логику социальных наук, К. Поппер отмечал: «Серьезные практические проблемы, такие как бедность, неграмотность, политический гнет, трудности, возникающие по поводу гражданских прав, являлись важными исходными точками исследований в области социальных наук. И эти практические проблемы

приводили к умозаключениям, теоретизированию и тем самым – к теоретическим проблемам» [Поппер, 1992, с. 65–75].

Как видим, в социальных науках К. Поппер в качестве исходной точки видит социальные проблемы, которые изучает, познает, ищет их решения некий «наблюдатель», «исследователь», находящийся вне этих проблем. В нашем варианте этот «сторонний наблюдатель» тоже может и должен использовать сиполь как инструмент познания, но этот инструмент для него неизбежно будет неким внешним предметом.

Для упомянутого «нашего» активного субъекта проблемы «наблюдения» и «наблюдателя» за социальной проблемой принципиально не существует, так как он живет в этой проблеме, составляет собой часть этой проблемы и пытается решить ее самостоятельно, в том числе с помощью своего личного, уникального, созданного им самим и только для себя социально-информационного инструмента – сиполя.

Приведенные два варианта использования сиполя показывают, что в нашем понимании социальная информация и ее свойства имеют функциональный характер, предстают как зависимая переменная, содержание и формы которой определяются социальным опытом субъекта, социальными инвариантами, способностями и возможностями данного субъекта. Другими словами, сиполь как социально-информационный инструмент может использоваться любым субъектом в любых целях, в том числе антисоциальных.

Сиполь как инструмент «злодея»

Сиполь как оператор социально-информационных смещений и превращений, связанный с социальным опытом субъекта, неизбежно способствует появлению таких превращений, которые вызывают столкновение интересов, экспансию субъектов, социальные конфликты. Столкновение интересов в таком случае приобретает уже не столько абстрактно-логический, внешний характер, сколько конкретно-исторический, внутренний для субъекта характер, более многообразный и противоречивый, особенно если речь идет об отношениях по поводу власти. В современных условиях массовой информатизации сиполь как социально-информационный инструмент может использоваться и активно используется как средство манипулирования общественным сознанием в различных целях, в том числе корыстных, наносящих ущерб большому количеству людей. В этом отношении наш анализ затрагивает проблему виртуальности. Как известно, виртуаль-

ность в ряде случаев приводит к неестественному изменению представлений субъекта о причинно-следственных связях. В результате в его сознании возникают иллюзорные представления о действительности. В условиях, когда информация пока еще остается товаром и в значительной степени монополизирована, эти иллюзорные представления создаются искусственно и используются в корыстных целях манипуляторов, зачастую крайне опасных для общества. Известно множество примеров такого злостного антиобщественного манипулирования («арабская весна», «цветные революции» и т. д.). Используя наш термин «сиполь», можно попытаться показать некоторые стороны обозначенных социальных процессов в их социально-информационном аспекте. Предлагаем следующий вариант рассуждений в их самом кратком тезисном виде.

1. Сиполь мы рассматриваем как некую абстракцию, как диалектически противоречивое единство социально-информационных полей, в котором происходят смещения и превращения.

2. В рамках деятельностного подхода основой любых превращений можно считать дихотомическое деление признаков предмета, наличие бинарных оппозиций.

3. Совершая восхождение от абстрактного к конкретному, мы можем наполнять абстракцию «сиполь» конкретным содержанием, конкретными парами противоположностей. Выбор бинарных оппозиций может быть произвольным по желанию субъекта. Например, можно анализировать как нечто единое такие пары, как: добро-зло; корысть-бескорыстие; права-обязанности; любовь-ненависть; власть-безвластие и т. д. Этот анализ, в соответствии с избранной нами методологией, должен предполагать диалектическое снятие, выявление доминанты и обязательный синтез как результат анализа.

4. Выявление, анализ и синтез бинарных оппозиций – это лишь начальный этап использования сиполя как социально-информационного инструмента. Использование сиполя не предполагает упрощения диалектически противоречивых процессов, приведения их лишь к бинарным оппозициям. Конечным этапом использования сиполя обязательно должно стать отображение большой целостной системы мировосприятия субъекта, под которым мы понимаем как индивида, так и социальную группу и общество в целом. От масштаба субъекта напрямую зависит и масштаб сиполя. В этом отношении сиполь можно

рассматривать как одно из средств движения к всеединству (в социально-информационном аспекте).

Некоторую аналогию с нашими понятиями «рациональное, внерациональное, сиполь» как их противоречивое единство можно увидеть в понятиях «интенция» и «ретенция» в феноменологии, однако принципиальным отличием, на наш взгляд, в данном случае выступает то, что в нашем варианте источником активности субъекта и потому причиной появления рационального и внерационального как свойств социальной информации выступает социальный опыт субъекта со всеми вытекающими отсюда последствиями, основным из которых можно считать естественное, органическое соединение «жизненного мира» и сознания субъекта, которые остаются разделенными в феноменологии.

Дальнейший анализ предложенных проблем, связанных с термином «сиполь», требует значительных коллективных усилий. Одним из перспективных направлений указанного анализа автор данной статьи считает философский анализ человеческого взгляда [Kushchenko, 2002, p. 41].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арлычев А.Н.* Сознание: информационно-деятельностный подход / А.Н. Арлычев. – М.: КомКнига, 2005. – 136 с.
2. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
3. *Кущенко С.В.* Социально-информационный аспект проблемы соотношения рационального и внерационального в общественном сознании (философско-методологический анализ). / С.В.Кущенко. – Новосибирск: Изд-во СО РАН; Изд-во НГТУ, 2007. – 248 с.
4. *Кущенко С.В.* Соотношение рационального и внерационального в общественном сознании как оператор смещений и превращений (к постановке проблемы) / С.В.Кущенко // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2008. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 43–47.
5. *Кущенко С.В.* О проблеме адекватности общественного сознания / С.В. Кущенко // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 35–39.
6. *Kushchenko S.V.* Philosophy of a view (To statement of a problem) / S.V.Kushchenko // KORUS-2002. The 6 – th Russian-Korean international symposium on science and technology: materials, Novosibirsk, Russia, june 24–30. – 2002. – Ulsan: NSTU, 2002. – Vol. 3. – 275 pp.

7. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеал рациональности / М.К.Мамардашвили // Необходимость себя. – М.: Наука, 1996. – С. 229–250.

8. *Поппер К.Р.* Логика социальных наук / К.Р. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65–75.

9. *Чуринов Н.М.* Информационная рациональность / Н.М. Чуринов. – Красноярск: Изд-во Сибирской аэрокосмической академии, 1993. – 171 с.

10. *Чуринов Н.М.* Философские основания информологии / Н.М. Чуринов. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1990. – 236 с.

РЕЛИГИЯ И НАУКА

В июне 2017 года в общественной жизни России произошло эпохальное событие: впервые на самом высоком официальном уровне было объявлено, что отныне теология (по-другому – богословие) признается в нашей стране полноценной наукой, такой же, как физика, химия, математика. Основной доклад по данному вопросу сделала министр образования и науки России О.Ю. Васильева на I Всероссийской научной (!) конференции «Теология в гуманитарном образовательном пространстве», состоявшейся 14–15 июня 2017 года в МИФИ (!). Министр заявила: «Считаю, что сегодня поистине исторический день. Окончательно подписан Минюстом приказ, что теология – не со степенью истории, философии, филологии, а как теология – кандидат и доктор наук – имеет право быть. На сегодняшний день сняты все ограничения, и нет никаких препятствий, чтобы развивалась и расширялась эта область научного (!) знания». Обрисовывая планы на будущее, министр сказала: «Мы должны идти дальше по пути, присущему теологическому образованию. Это, прежде всего, фундаментальность и глубина (!). Нам надо понять место теологической науки (!) среди других отраслей научного знания. Особое внимание обратить на подготовку научных (!) кадров, поэтому стоит вопрос усиления кафедр теологии». Наконец, обратившись к чисто практическим, «внедренческим» вопросам, министр выразила уверенность в том, что «наступило время, когда и государство, и научные фонды должны поддерживать научно-богословские (!) проекты, которые несут глубокое мировоззренческое содержание (!)». Министра поддержал председатель ВАК В.М. Филиппов, уточнивший ситуацию: «Отношение в обществе к теологическому образованию строится сегодня на базе мифов и устаревших стереотипов. Но и сами преподаватели-теологи не всегда учитывают современные реалии и не всегда стремятся преодолеть устаревшие стереотипы». Наконец, точку зрения властей озвучил А.А. Фурсенко, зачитавший приветствие от А.Э. Вайно – руководителя администрации Президента России: «Считаю признание теологии как комплексной научной образовательной (!) дисциплины важным и значимым результатом многолетнего конструктивного взаимодействия органов власти, религиозных организаций, педагогических и экспертных кругов, а также

мощным стимулом для развития гуманитарного знания (!), продвижения в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей».

Складывается впечатление, что инициаторы очередной реформы науки упустили из виду главное: прежде чем менять статус теологии в светском государстве, каким является Россия, необходимо ответить на вопрос: является ли теология наукой или нет. Ясный ответ на этот вопрос может дать лишь научное сообщество. Всякие «органы власти», «религиозные организации» и т.д. здесь ни при чем. Однако к этому сообществу не обратились – его даже не известили о готовящейся важной новации. Тем нужнее узнать мнение ученых по данному вопросу. К счастью, это мнение легко узнать – достаточно обратиться к общепризнанным авторитетным словарям, справочникам, энциклопедиям. И тут мы сразу узнаем, что «Богословие (теология) – схоластическое церковное учение о боге и догматах религии» [1] или что «Теология (греч. theos – бог, logos – учение) – систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека. Включает догматику, экзегетику, апологетику, гомилетику и др.» [2] или что «Богословие (теология) – церковное учение о боге и его атрибутах (качествах), о религиозных догматах и преданиях. Все богословские системы имеют целью обоснование религиозной идеологии. Научная пропаганда способствует отмиранию богословия» [3]. С приведенными определениями, отражающими позицию отечественных ученых, практически полностью совпадают определения зарубежных ученых. Скажем, такое: «Теология – формальное изучение природы Бога и оснований религиозной веры» [4] или такое: «Теология – изучение религии, религиозных идей и верований, особенно отношения к Богу и его отношения к миру» [5]. Как видно из этих определений, даваемых учеными, в них совсем не используется слово «наука», а основным объектом изучения теологии признается бог – объект, существование или несуществование которого не доказуемо. Его существование граждане могут свободно признавать или не признавать, в отличие от объектов, изучаемых наукой (числа, электроны, конструкции и т. д.), существование которых вынуждены признавать все люди, независимо от пола, политических взглядов, гражданства и т. д. Таким образом, с точки зрения научного сообщества, теология не является наукой. Поэтому включать ее в число научных дисциплин, таких, как физика, химия, математика и т. д. – нельзя. А разрешать защиту диссертаций по теологии с присуждением степени кандидата и доктора наук – это чистая профанация науки. Что и показала уже первая защита

кандидатской диссертации по теологии, состоявшаяся 1 июня 2017 г. в Объединенном диссертационном совете по теологии в Москве. Соискатель протоиерей Павел Хондзинский, представивший диссертацию «Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Филарета, митрополита Московского», формально защитил ее, получив 21 голос «за» и 1 – «против». Однако интересен оказался не этот счет, а поступившие 9 отзывов на автореферат, из которых 5 отзывов (т. е. 55 %) были отрицательными. В этих отзывах диссертанта уличили в том, что в исследовании он использовал «метод, основанный на опыте веры и жизни теолога». Конечно, это не научный метод, но так и должно было быть: наука применяет научные методы, а «ненаука» – вненаучные.

Попытка «втасовать» теологию в сферу науки будет иметь негативные последствия для российского научного сообщества. Ученые – математики, физики, химики, биологи и т. д. – едва ли когда-нибудь признают теологов своими коллегами. Хотя последние будут из всех сил стремиться войти в научное сообщество, особенно в те его сферы, где распределяются денежные гранты. Ради этого они, вероятно, будут готовы на большие уступки. Скажем, они могут заменить некоторые наиболее одиозные, средневековые постановки проблем своей теологии (например, такую: «Сколько ангелов можно разместить на кончике иглы») на более современные и «инновационные» (например, «В каком состоянии следует класть в гроб смартфон покойного – включенном или выключенном»). Однако эти потуги не сделают теологию наукой. Так что единственным реальным результатом действий Минобрнауки России будет дальнейшее углубление пропасти между учеными и государством. Со всеми вытекающими отсюда последствиями для обеих сторон и России в целом.

Мир сегодня семимильными шагами движется в будущее. А Минобрнауки, к сожалению, толкает нас в далекое прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.
2. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.
3. Большая советская энциклопедия. Т.1. – М., 1958.
4. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 1041 p.
5. The Merriam Webster Dictionary. – Springfield: Simon and Schuster. – 1974. – 848 p.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В современных условиях научно-технического прогресса перед Россией стоит задача оптимизации экономики, поиска механизмов ее эффективного развития. Решение этой задачи возможно лишь в условиях опережающего развития науки и образования, подготовки кадров, способных создать базу для устойчивого развития страны.

Следует отметить, что в последнее десятилетие резко обострились проблемы образования как в мировом образовательном пространстве, так и в России. Это связано с быстроменяющимися социальными процессами, растущими вызовами научно-технического прогресса. Сложившаяся ситуация детерминирует необходимость поиска новых подходов в подготовке специалистов в технических вузах.

Анализ системы образования в современных технических университетах свидетельствует о том, что она, в первую очередь, ориентирована на узкопрофессиональную специализацию, формирование узкопрофессиональных компетенций. Не учитывается, что университетское образование обладает своей спецификой. Оно должно готовить не только высококвалифицированных специалистов в той или иной предметно-практической деятельности, но и формировать творческую личность с широким кругозором и разносторонними знаниями, обладающую критическим мышлением.

Выпускник технического университета должен иметь общекультурные компетенции, обладать способностью к абстрактному мышлению, анализу, синтезу, установкой на саморазвитие. В современных условиях научно-технического прогресса необходимо готовить специалистов с уникальным творческим мышлением, которые будут обладать развитой интуицией, умением генерировать новые нестандартные идеи и эффективно воплощать их в жизнь.

Общеизвестно, что любая научно-исследовательская деятельность неразрывно связана с умением определять цели и задачи, формировать гипотезы, применять научную методологию, обосновывать научные результаты. Все эти знания и умения связаны с областью критического мышления, формирование которого в высших учебных заведениях

должно быть приоритетной целью при подготовке специалистов всех ступеней: бакалавров, магистров и аспирантов.

Цель данной статьи – определить специфику и конкретизировать основные элементы критического мышления, а также определить роль философии в его формировании. Актуальность этой проблемы связана с тем, что сегодня в технических университетах наметилась тенденция к резкому сокращению часов на изучение гуманитарной составляющей в целом, философии в частности.

Следует отметить, что критическое мышление в научной литературе определяется по-разному. Среди зарубежных исследователей наибольший вклад внесли Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Роберт Х. Эннис, Д. Халпнер, К. Таврис и др. Так Д. Халпнер в работе «Психология критического мышления» определяет этот тип мышления как «использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата». Такое понимание направлено не на выявление сущности критического мышления, а акцент сделан на технологии его формирования.

Среди отечественных исследователей проблемы критического мышления нашли отражение в работах М.В. Кларина, И.О. Загашева, В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркова и др. В.Н. Брюшинкин понимает под критическим мышлением «последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний, с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам или ценностям [1, с. 30].

При этом автор подчеркивает, что критическое мышление означает постоянную готовность к поиску новых фактов, норм и ценностей, которые могут продемонстрировать фактическую ложность, логическую необоснованность или неприемлемость.

Несмотря на определенные различия в определении понятия, можно констатировать, что «критическое мышление – это такой способ мышления, который ориентирован на выявление структурных особенностей рассуждений, проверку соответствия между тезисами и аргументами, определение противоречий между ними» [2, с. 1197]. Предполагается постоянный анализ и рефлексия относительно как собственной мыслительной деятельности используемых понятий, умозаключений, так и мыслительной деятельности других. Это, безусловно, рефлексивное и оценочное мышление.

Кроме этого, это и ассоциативный тип мышления, который определяется не «многознанием», не компетенциями в узкопрофессиональной

сфере, не умением применять пассивно полученные знания, а обладает способностью понять проблему, анализировать, задавать себе вопросы, работать с понятийным аппаратом (комбинировать понятия, определять их сущность и их содержание), принять наиболее эффективный метод исследования. Именно такое мышление будет основой творчества, новизны, значимости и прогресса научно-технической деятельности. Критическое творческое мышление способствует тому, что:

- обосновывается собственная позиция;
- демонстрируется ошибочность рассуждений оппонента;
- доказывается собственная позиция;
- обосновывается ошибочность позиции собеседника.

Оно основано на способности аргументировать и доказывать свои позиции. Следует отметить, что аргументация как инструмент применяется как в критическом, так и в догматическом мышлении. Если догматическое мышление, по мнению К.Поппера, связано со склонностью повсюду искать регулярности, то критическое ориентировано на модификацию принятых утверждений, сомнения и проверку своих утверждений.

Критическое мышление возможно при наличии определенных интеллектуальных ресурсов, к которым относятся базовые знания, критические понятия, стандарты критического мышления, стратегии.

Базовые знания, или контекст проблемы, – знание, понимание, наличие опыта постановки и решения проблем в конкретной области исследования. Чем больше знаний об исследуемом вопросе и контексте проблемы, тем эффективней результат.

Критические понятия – это понятия, по отношению к содержанию которых была проведена критическая работа. Причем эта работа относилась не только к качественным характеристикам, но и к их роли в рассуждениях. Такая работа позволяет избегать ошибок, часто встречаемых в исследовательской деятельности: учитывать лишь часть информации из имеющейся; верить тому, во что верит большинство; интерпретировать информацию способом, который подтверждает уже имеющиеся знания; делать выводы на основе современного миропонимания.

Третье условие критического мышления – владение стандартами критического мышления. Речь идет о критическом анализе стандартов оснований любых суждений, теорий, критическом анализе стандартов, аргументов и т. д.

Реализация этих интеллектуальных ресурсов в технических университетах возможна лишь через расширение и усиление гуманитарной составляющей в процессе подготовки специалистов, в первую очередь изучение философии, логики, теории аргументации. Именно изучение философии, философской методологии позволит студенту обрести компетенции по умениям анализировать проблемы, определять цели и задачи, выделять объект и предмет в своей исследовательской деятельности, выделять эффективную методологию исследования.

Изучение философской методологии, умение ее применять в научно-исследовательской деятельности (системный, деятельностный, структурно-функциональный, диалектический и другие подходы) позволят студенту эффективно работать с информацией, находить, оценивать, использовать информацию из разных источников, необходимую для решения научных и профессиональных задач, формировать новые идеи на основе критического мышления.

Реализация данных задач возможна лишь при углубленном изучении философии и философских дисциплин. Резкое сокращение часов на формирование философских компетенций в современных технических университетах нередко аргументируется позицией: «Зачем инженеру знать философию?».

Известно, что даже в дореволюционной России традиционно философия считалась одной из ведущих учебных дисциплин. Она изучалась в полном объеме в гимназиях и университетах. Когда приглашали педагогов из-за рубежа, то отбирали тех, кто знал многие школьные математические и философские науки на разных языках. Считалось, что обучающиеся должны глубоко постигать философскую мудрость. Она учит студента не довольствоваться информацией, знаниями, полученными от преподавателя или из книг, а учит применять их при решении новых задач.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что «современный вуз поставлен перед дилеммой: либо продолжение бюрократического перерождения в бесконечных лабиринтах параметризации, регламентации и отчетности, либо последовательная, продуманная и консолидированная поддерживаемая вузовским сообществом перенастройка всей институции в сторону углубления образовательно-исследовательской коммуникации в ее отношении к новым экономическим, информационным и социально-гуманитарным реалиям» [3, с. 31].

Если российская система высшего образования будет ориентирована на повышение качества узкого профессионального образования, то

она в какой-то степени будет способна решать краткосрочные современные социально-экономические проблемы общества.

Если же ориентироваться на долгосрочные цели развития общества, то должна быть реализована модель опережающего образования, способная формировать новый тип личности и новый тип мышления будущих специалистов. При этом модель опережающего образования может быть динамична по структуре и содержанию, но должна базироваться на принципах системности, целостности и преемственности. Реализация этих принципов предполагает, следующее:

- выработать и реализовать в учебной практике в полном объеме непрерывную системную модель гуманитарной составляющей, которая предполагает содержательную, структурную и методологическую взаимосвязь всех гуманитарных дисциплин;

- углубленно изучать философию, логику, риторику, теорию аргументации;

- ориентировать образовательный процесс не только на информационную насыщенность, но и на формирование методологических умений и навыков;

- диалектически интегрировать гуманитарную составляющую в процесс профессиональной подготовки.

Система образования в технических университетах, основанная на этих принципах, стратегически ориентирована на будущее. Она будет готовить специалистов широко образованных с ассоциативно-творческим, критическим мышлением и узкой специализацией. Современная оптимизация образования в технических университетах, связанная с сокращением философской составляющей, пагубна не только для судьбы философии в России, но и для всего культурного развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брюшинкин В.Н.* Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация: сборник статей. Калининград. Изд-во КГУ, 2003.

2. *Мазурова М.Р.* Критическое мышление и формирование общекультурных и общепрофессиональных компетенций ФГОС ВО // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 1196–1200.

3. *Ивахненко Е.Н., Атталева Л.И.* Высшая школа: взгляд за горизонт // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 3. – С. 30–34.

ОНТОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИИ: ОЧЕРК КРИЗИСА НА ПРИМЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ ВИЗАНТИИ

Какого аспекта человеческой жизни ни коснись, очевидно значение социального бытия в историческом процессе. Василий Ключевский определял *«жизнедеятельность людских союзов»*, в виде исторического процесса, предметом всей исторической науки [4]. В этом контексте огромное значение приобретает проблема *социальной самоорганизации*. Исторический процесс убедительно показывает: способность этносов и других социальных общностей к самоорганизации носит наследственный характер. «Плохая наследственность» в плане социальной самоорганизации (например, *неприспособленность существующих юридических норм к реальной действительности социальной жизни*) неисправима внутренне. Она может быть изменена внешним воздействием, но в таком случае ценой воздействия становится изменение культурного (часто и этнического) облика общества.

Изучая мировую историю путем составления общей мозаики прошлого различных народностей, государств, социальных групп, всемирная история пользуется культурой как определенным критерием – чем-то вроде критерия «взноса» конкретного исторического общества на дело становления современного миропорядка, современного образа жизни [4, с. 36]. Несмотря на всю критику со стороны многих историографических направлений [2, 3, 8] такой подход оправдан [1, 7]. Он составляет некое подобие культурной градации государств и народностей. Но он не может быть вполне справедливым в то время, когда большинство исторических обществ на самом деле остаются малоизученными [1, 3], а «вклад» таких обществ в формирование современной цивилизации часто умалчивается, приуменьшается, откровенно игнорируется – в силу как малого понятия о них, так и откровенного нежелания говорить или писать правду.

Возьмем, к примеру, Византийскую империю. Даже при самом поверхностном историческом экскурсе становится очевидной незаурядная роль Византии в создании христианской и даже общемировой цивилизации. Однако количество специалистов, занимающихся визан-

тийской историей, несравненно меньше количества специалистов, занимающихся, к примеру, североамериканской или английской историей. И это не совпадение. В течение многих веков память и знание о культурном значении Византийской империи, подлинное представление об ортодоксальном христианстве, помещалось историографами на задворках гуманитарных наук. В «Западном мире» Византия была практически выброшена из образовательного процесса.

Приведем несколько «наглядных» примеров. Вольтер (1694–1778) писал: «Существует другая история, еще более смешная, чем история римская со времени Тацита: это – история византийская. Этот недостойный сборник содержит лишь декламацию и чудеса; он является позором человеческого ума». Монтескье (1689–1755) вторил ему: «История греческой империи есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств» [12]. Г.-В.-Ф. Гегель (1770–1831) подчеркнул: «Таким образом, Византийская империя страдала от внутренних раздоров, вызываемых всевозможными страстями, а извне вторгались варвары, которым императоры могли оказывать лишь слабое сопротивление. Государству всегда угрожала опасность, и в общем оно представляет отвратительную картину слабости, причем жалкие и даже нелепые страсти не допускали появления великих мыслей, дел и личностей. Восстания полководцев, свержение императоров полководцами или интригами придворных, умерщвление императоров их собственными супругами или сыновьями путем отравления или иными способами, бесстыдство женщин, предававшихся всевозможным порокам, – таковы те сцены, которые изображает нам здесь история, пока наконец дряхлое здание Восточной римской империи не было разрушено энергичными турками в середине XV века (1453)» [11].

Понятие о «византизме» и «византийстве» искусственно соединялось с понятием о «лицемерии» и «подлости» (чего в избытке, а иногда и в переизбытке хватало в истории народов и государств «Западного мира»). Вот, например, высказывание английского историка У. Леки: «Относительно Византийской империи вердикт исторической науки таков: это государственное образование являет собой самую низкую и презренную форму, которую когда-либо принимала цивилизация... История не знает иных цивилизаций, имевших сколько-нибудь продолжительное существование, которые были бы в столь полной мере лишены всех форм и элементов величия... Ее пороки суть пороки людей, которые утратили храбрость, не научившись добродетелям...

Рабы, и добровольные рабы – как в своих деяниях, так и в своих мыслях, – погруженные в чувственную сферу и предающиеся самым фривольным удовольствиям... История Византийской империи – это монотонная история интриг священников, евнухов и женщин, полная отравлений, заговоров, повсеместной неблагодарности, постоянных братоубийств» [9, с. 9]. Разве мало всех этих гнусностей было в истории коллективного Запада? Да и само понимание термина «Западный мир», вследствие протестантской Реформации (1517 г.), оказалось размыто [7]. Оно, к примеру, охватило территории Англии, Франции, Италии, Североамериканских штатов, но своей восточной границей мнило Германию. «Западный мир», несмотря на свои христианские корни, отказал в равенстве народам Восточной и Юго-Восточной Европы – наследникам великой византийской культуры.

Перечитывая Леки, возникает желание показать тысячи примеров гнусностей и доминирования людских пороков в так называемой «западной истории». Взять хотя бы и документальную книгу американского писателя Гарольда Лэмба об излюбленном герое апологетической западной историографии – Карле Великом [5]. Ведь биография Карла Великого, провозгласившего себя на Рождество 800 года новым императором Запада, наполнена огромным количеством отрицательных черт. При этом и Лэмб повествует о Византии как о чем-то темном и таинственном! С каждой новой прочитанной книгой остается только удивляться редкостному качеству многих англосаксонских авторов не замечать очевидного присутствия двойных стандартов в научных и научно-популярных работах.

Норвич, после цитаты из книги Леки, продолжает: «Эта удивительная диатриба взята из «Истории европейской морали» У.Э.Х. Леки, изданной в 1869 г. Удивительна она хотя бы потому, что последнее предложение в приводимой цитате представляет византийскую историю не столько «монотонной», сколько весьма даже занимательной. Однако суть высказывания автора от того не меняется и остается фактом, что в течение последних двухсот с лишним лет так называемая поздняя Римская империя подавалась в печати в самом ужасном свете. Длительная кампания диффамации, по-видимому, получила свой первоначальный импульс в XVIII в. от Эдуарда Гиббона (1737–1794), который, как и все англичане его времени, имевшие классическое образование, видел в образе Византии предательство всего самого лучшего, что было достигнуто в Древней Греции и Риме в гуманитарной сфере.

Лишь после Второй мировой войны, когда простота, скорость и относительный комфорт путешествий в Левант сделали наконец византийские памятники более доступными для обозрения, Восточной Римской империи стали воздавать должное – хотя и очень специфическим образом – как достойного наследника двух могущественных цивилизаций, исчезнувших до ее возникновения. Но старые установки отмирали с трудом. На протяжении пяти лет моей учебы в одной из самых старых и самых привилегированных частных школ Византия казалась жертвой заговора молчания. Я не могу вспомнить, чтобы она вообще упоминалась на занятиях, не говоря уже о том, чтобы ее хотя бы поверхностно изучали. Мое неведение было настолько полным, что я с трудом мог бы охарактеризовать это историческое государственное образование даже в самых общих терминах до тех пор, пока не поступил в Оксфорд» [9, с. 9–10].

Одной из многих причин *внутриевропейского конфликта идентичностей* представляется нам эта «забывчивость» историографов, нежелание оценивать Византию если не на лидирующем месте, то хотя бы на равных позициях с народами и государствами средневековой Западной Европы. Византию попробовали вычеркнуть из учебников. Но вычеркнуть цивилизацию, проявляющуюся в духовной и материальной культуре, в менталитете, в традиционных формах ведения народного хозяйства, было невозможно. Народности, ранее входившие в орбиту политического и культурного влияния этой блистательной империи, и дальше чувствуют по преимуществу более родства и приязни взаимной, нежели родства и приязни к Западной Европе. И если это не всегда ощущается в пространстве публичной политики или в средствах массовой информации, то стоит заглянуть в быт и повседневные культурные практики населения [6]. Тогда все станет на свои места.

«Византийский пример» показывает, что историографическая несправедливость вполне может быть следствием локального восприятия исследователями и мыслителями исторического процесса. Что же мы подразумеваем под локальным восприятием? *Когда историк или другой ученый-гуманитарий (политолог, этнолог, психолог, философ etc) смотрит на одну народность либо на один общественный класс как на исключительную форму жизни, то соответственно он теряет из виду все многообразие иных форм социальной жизни. Он не замечает разнообразие социальных и этнических контактов, пестроту куль-*

турных влияний в обществе. Происходит то, что медицинские психологи называют *фиксацией*. Историки, а с ними и целые историографические школы фиксируются на определенных постулатах, идеях, положениях, не желая смотреть на «большой и дивный мир». Сознание сужается, выводы становятся все примитивнее. В лучшем случае неадекватное реалиям жизни историческое повествование превращается в разновидность хорошей и приятной для чтения беллетристики. В худшем случае сухость изложения материала добывает последние ростки таланта.

Совокупность всех историков, ученых-гуманитариев и энтузиастов, исследующих историю какого-либо одного народа, одной страны, одного региона, можно обозначить как участников научного направления «локальная история» (или «местная история», согласно терминологии Василия Ключевского). Внутри направления обычно выражены «национальные исторические школы». Они представляют самую благодатную почву для «фиксаций». Преимущественно существует опасность попадания ученого в сети одного-единственного объяснения всех исторических событий. Часто все объясняется национальной несправедливостью, агрессиями соседей, шовинизмом. Победы слишком преувеличиваются, а поражения списываются на счет внешних факторов. Много ярких примеров такой «национально ориентированной» трактовки истории можно обнаружить в сочинениях современной польской, чешской, словацкой, венгерской историографии. *(На наш взгляд, речь вообще должна идти об историографическом кризисе во всех странах Центрально-Восточной Европы.)*

Снисходительное отношение к подобным процессам внутри восточноевропейской историографии со стороны западных историков многими объясняется тезисом о «*поиске Центрально-Восточной Европы собственной идентичности*». Поиск идентичности происходит в действительности. Это так. Но он происходит всегда и везде, вне зависимости от политических сиюминутных обстоятельств. Этот поиск есть составная часть социально-культурного развития человечества. Он перманентный. Но положительная оценка национального детерминизма *национальных историй Центрально-Восточной Европы*, по нашему твердому убеждению, продиктована общей тенденцией формирования *направления локальной истории*. Ведь североамериканская, английская, французская, ирландская, испанская, итальянская историография также «грешит» аналогичными идеями. Только словесная,

терминологическая форма выражения таких идей или оценок более облагорожена и очищена от идеологических фраз.

А что же в остальном? Не стоит ведь забывать, что большинство английских, ирландских или голландских историков склонны преувеличивать значение своих собственных стран и народов при написании общеисторических курсов. *Выбрасывая многие важнейшие страницы азиатской, североафриканской, восточноевропейской истории, западноевропейские историки вполне закономерно заполняют чистые листы второстепенными событиями из своей собственной истории.* Особенно пестрит несоразмерностями в подаче информации о разных цивилизациях и странах популярная историческая литература для детей и подросткового возраста. Это, может быть, патриотично и очень важно для дела воспитания национальной гордости. Но это также и лицемерно по отношению к целым народам (например, представителям мусульманской или китайской цивилизации), плодами культурного развития которых западные европейцы пользуются каждый день. *Нельзя преувеличивать значения коллективного себя для мирового развития точно так же, как нельзя преувеличивать значение собственной личности для всемирной человеческой жизни.* Это создает неверное представление о самой жизни, о самом *бытии*. Вот почему историография должна быть определена как наука антропологического и конечно же онтологического характера и значения.

В конце позволим себе упомянуть две тематические цитаты. В.О. Ключевский подчеркивал в своем «Курсе»: «Успехи людского общежития, приобретения культуры и цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображён в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы» [4, с. 36]. В свою очередь, Карл Маркс писал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [10, с. 4]. Оставляя в стороне негативную окраску высказывания, зададимся риторическим вопросом: не живем ли мы сегодня благодаря усилиям наших предков? *Традиции прошлых поколений не «тяготеют», но властвуют над нами и определяют будущее.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
2. *Баранов М.В.* Философия истории В.О. Ключевского / М.В. Баранов. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. – М.: РУДН, 2007. – 212 с.
3. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
4. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 томах. Том 1. Курс русской истории. Ч. 1 / В.О. Ключевский / под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
5. *Лэмб Г.* Карл Великий. Основатель империи Каролингов / Г. Лэмб. – М.: Центрполиграф, 2010. – 351 с.
6. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 280 с.
7. *Мельник В.М.* Еволюція міжнародно-правового статусу Ватикану: історія, сьогодення, українські акценти / В.М. Мельник. – Вінниця: «Меркьюрі-Поділля», 2017. – 192 с.
8. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милюков. – Т. 1. – М., 1897. – 323 с.
9. *Норвич Д.* История Византии. История Венецианской республики / Дж.Д. Норвич. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 960 с.
10. *Ткачук М.Е.* Археологическая культура: источник структуры / М.Е. Ткачук. // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Сборник научных трудов. – Кишинев: Штиинца, 1990. – С. 4–10.
11. *Hegel G.W.F.* Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte / G.W.F. Hegel. – Berlin: Duncker und Humblot, 1837. – 448 s.
12. *Montesquieu Ch.L.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. / Ch. L. Montesquieu. – Paris, 1734. – 278 p.

ПРАКТИКИ ПОЗНАНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ КРЕАТИВ

В статье описываются вопросы перехода от рассмотрения креативности как ментального феномена к рассмотрению ее антропологического, экзистенциального и социокультурного содержания.

Рассматривается взаимосвязь творчества и когнитивной системы человека. Когнитивность коренится в социальных и онтологических слоях творчества. Когнитивная креативность раскрывается как способность человека трансформировать социальную онтологию. Это проявление основных познавательных основ в самом человеке. В статье освещаются антропологические, когнитивные, экзистенциальные и социальные условия, позволяющие человеку высвободить свой потенциал и способность преобразовывать реальность.

Социальная функциональность открывает новое измерение когнитивного творчества – измерение социальной онтологии. Социальная функциональность характеризует качественные изменения в мире социальных систем и взаимодействий. Мир познавательного творчества, реализованный в проектном программировании, входит в систему социальных и общественных потребностей как реализация социальных отношений и социальных коммуникаций.

Предлагается новое рассмотрение социальных изменений через развитие познавательных практик, теоретических и методологических достижений и развитие познавательного творчества.

Ключевые слова: познание, творчество, когнитивные практики, социальная функциональность.

Креативность зачастую понимается как противоположность интеллекта и как одно из его свойств. Противопоставление креативности и интеллекта связано с отождествлением интеллекта с обработкой информации. Креативность же инверсивно выступает как сложный, непредсказуемый путь к созиданию нового. Креативность как одно из свойств интеллекта становится его основной характеристикой, связанной с интеллектуальными поисками выхода за пределы существующего и созданием нового. И противопоставление, и отождествление креативности и интеллекта обнаруживают психологическое измерение интеллектуальных процессов. Зато раскрытие социально-философ-

ского, социально-феноменологического, экзистенциального и антропологического подходов показывает укорененность креатива как проявления глубинной основы когнитивного в социально-онтологическом пласте творчества. Когнитивный креатив с этой точки зрения предстает как проявление творческих потенций когнитивного как функции социальной системы. Вместе с тем, трансформируя социально-онтологическое измерение бытия общества, когнитивный креатив связан с антропологической основой и является проявлением экзистенциальной свободы. Экзистенциальная свобода как измерение бытия выявляет специфическую онтологию – онтологию сознания. Феноменологический подход понимает онтологию как высшую смысловую и структурную ступень, которая обнаруживается в результате феноменологического исследования сознания. Выведение мира за скобки в феноменологической редукции раскрывает восхождение к материальной, а затем и к формальной онтологии как выявление онтологических структур – структур, которые характеризуют смысловое поле бытия человека и общества в самом сознании. Это выявляет новую черту трансцендентализма. Трансцендентализм И. Канта связывал структурированность объекта и предмета познания априорными структурами мышления. Трансцендентальное единство апперцепции, по мнению И. Канта, было основой производительной способности воображения. В отличие от него неклассический трансцендентализм на место априорных структур (т. е. таких, которые существуют в мышлении и чувственности человека к опыту и предшествующих этому опыту, с помощью которых вносятся логические связи и формируются вербальные образования – суждения) ставит структуры онтологии. Эта онтология не является характеристикой отдельного мышления, как это было в экзистенциализме Ж.-П. Сартра; она является проявлением бытия как такового. В отличие от подлинного бытия М. Хайдеггера, которое противопоставляется им ложному безличному существованию человека в тап, онтология в неклассическом трансцендентализме обнаруживает наиболее глубокие сущностные основы науки. Характеристика этих основ как эйдетических, т. е. таких, на основе которых создаются эйдосы-образы, раскрывает онтологию как формообразующую силу, которая дает возможность создавать новые формы.

Когнитивный креатив как способность человека к трансформации социальной онтологии является проявлением глубинных основ когнитивного начала, которое находится в самом человеке. Проблемой выступает изучение антропологических, когнитивных, экзистенциаль-

ных и социальных условий, которые позволят освободиться автохтонной способности человека к творчеству, к преобразованию существующей действительности.

В современной философии техники выведение на первый план проектирования характеризует трансформацию, связанную с созиданием нового, в частности дизайна. Дизайн нередко связывается с внешними чувственно-предметными трансформациями существующих вещей. В нем нет ни интеллектуальной, ни социальной онтологической силы. Выступая в качестве эстетического явления, дизайн не касается глубинной философской проблематики изучения онтологии.

Придание креативности признаков «когнитивности» и превращение ее в креатив с прилагательным «когнитивный» без обращения к предметному полю, с которым генетически связано появление когнитивного креатива, не способно выявить его онтологически-преобразующую природу.

Раскрытие когнитивного как процесса обработки информации даже в условиях гипотезы физического существования символов не дает возможности, обрабатывать информацию, выраженную в символах, онтологического измерения. Компьютерная метафора когнитивизма уравнивает функции мышления человека и действия компьютера по обработке информации. Введение в рассмотрение мышления в виде детерминированных состояний (Дж. Серл), которые имеют субстратную, т. е. вещественную, основу, и которые можно воспроизвести на другой вещественной основе, касается функционального, а не онтологического среза этих действий. Говорится о воссоздании каузальных возможностей мозга [7, с. 100]. Попытки воспроизвести путем воспроизведения детерминированных состояний в другом веществе такого чисто человеческого явления, как мышление, касается онтологической основы физиологических и информационных процессов. Однако эта основа предстает в виде субстрата. Для ввода проблематики онтологии субстратного уровня недостаточно. Онтология как учение о бытии во всех своих проявлениях, прежде всего в экзистенциальной форме общего предметного содержания сознания, включает смысловое, оценочное измерение (именно поэтому в структуру мира может входить Ничто, ибо, хотя его не существует, однако оно фиксирует определенную структурированность в онтологическом измерении человеческого существования).

С феноменологической точки зрения высшая ступень онтологии – онтология формальная, которая раскрывает самую глубокую эйдетическую основу наук и всего сущего.

Гетерофеноменология Д. Деннетта, которую относят ко второму этапу развития когнитивной проблематики в современной науке – к коннекционизму, обнаруживает способность редуцировать действия, которые осуществляет человек в различных модусах своего бытия [6]. Коннекционизм сводит их к безличным действиям третьего лица, фактически превращая их в действия компьютера, лишённого человеческой идентичности. Коннекционизм, вводя в рассмотрение когнитивных действий признак сети и сетевой подход, открыл путь к исследованию сложных сетевых взаимодействий искусственных и других когнитивных субъектов.

Динамический подход, пришедший на смену вычислительному подходу к рассмотрению когнитивных действий, предложил перейти от рассмотрения интеллекта обработки символов к рассмотрению сложной, нелинейной системы интеллекта [4]. Однако переход от рассмотрения абстрактного мышления как обработки символов к «реальному» мозгу как сложнейшей нелинейной системы, в которой происходит самоорганизация, не привел к рассмотрению интеллекта как определенной, даже системной обработки информации, к рассмотрению креатива.

Восприятие, мышление, речь рассматриваются как когнитивные структуры. Речь идет также о когнитивных способностях, в том числе и «к языку и вербальному пониманию, к тесно связанному с языком знаково-символическому мышлению, которые основываются на совместной работе многих нейронных систем мозга и кооперации большого числа когнитивных структур» [5, с. 117]. В других подходах отмечается, что «понятие когнитивных структур можно определить так: это те установившиеся интеллектуальные образования, которые находят свое проявление в ментальных процессах и делают возможным действие знания, то есть позволяют нам иметь знания (или внутреннюю уверенность в том, что мы их имеем)» [5, 6].

Вводится единая когнитивная система человека [5, с. 144]. Неустоявшаяся терминология «снимается» рассмотрением восприятия, мышления как когнитивных процессов [5, 63]. В когнитивизме выделяют модули с когнитивной переработкой определенного вида информации [11, с. 626–632]. Вопрос об онтологическом измерении когнитивного

оказывается совсем не таким простым, как это кажется в оптике телесного мышления. Так, при раскрытии когнитивного в сознании важной становится сама природа знания. Когнитивизм свидетельствует, что эффективное взаимодействие объясняется в терминах алгоритмических процедур, которые оперируют абстрактными «данными» в соответствии со структурой знания. Введение в рассмотрение когнитивного креатива требует перехода от рассмотрения интеллекта и его действий как функции мозга к раскрытию когнитивного основания и когнитивного содержания социально и онтологически преобразующего действия, которое приобретает социальное и онтологическое измерение.

Биологический подход к проблеме когнитивного, который рассматривается в *The Embodied Mind* (воплощенного разума), предлагает понимание разума как телесного, связанного с телесными трансформациями, и как ситуационного, связанного с действиями. Мышление связывается с состояниями мозга, со способностью мозга образовывать новые структуры. Отмечая, что каждый акт мышления образует новые структуры в мозге, Ф. Варела сформулировал свою нейролингвистическую гипотезу. Согласно этой гипотезе, мышление невозможно оторвать от мозга, как отдельную функцию. Рассмотрение телесности и ситуационности познания, его связь с телесным мышлением и телесными действиями становится основой идеи о генетической запрограммированности когнитивных типов мышления и связывается с новым философским подходом к проблеме психофизиологического дуализма.

Представляется, что телесность действий интеллекта заключается в том, что мышление не только изменяет мозг, способствуя появлению новых структур, но и мозг с его структурами фактически является предпосылкой мышления. Это, однако, не когнитивная предпосылка в эпистемологическом смысле. Это субстрат как предпосылка когнитивности.

Когнитивный креатив своей предпосылкой имеет не только естественно-генетические и антропологические, но и сами знания, социокультурные ресурсы. Социокультурные ресурсы раскрывают ментальность и ментальные действия как способность культуры к превращению самой себя. Когнитивный креатив в социально философском измерении является культурно-антропологической функцией трансформации социальной онтологии.

Исследование когнитивного креатива на предметном материале, объектно-ориентированного проектирования и программирования обнаруживает его социально-трансформирующую силу.

Сегодня – это креатив новых общественных форм существования информационного общества. В отличие от виртуальных организаций – организаций без «столов и стульев», не имеющих физического измерения существования, и новых виртуальных экономических форм, дополняющих реальную экономику технологической симуляцией социальных ролей и социальных связей, новые программные системы являются основой развития реальных экономических и других общественных форм. Они встроены в корпорации и организации, объективно существуют в виде реальных социальных функций. А выполняемые ими функции – от технологических до высших управленческих – становятся основой нового типа связей с общественными системами – банковской, налоговой, со сферой государственного управления и т. д.

Само зарождение новых подходов в программировании выступило как революционное преобразование, которое коренным образом изменило подход к действительности. На место воспроизведения существующего как действительного и сущего было поставлено созидание качественно новой действительности. Глубокая когнитивная разница между тем, как заказчик представляет себе новую программную систему, и какой она является сегодня и появится в виде программного продукта завтра, облегчила формирование когнитивного креатива. Каждая последующая система является креативным ответом на социальные вызовы, порожденные функционированием существующей системы. Каждый программный продукт является не только шагом вперед, но и созданием будущего, которое сегодня еще не существует.

Социально и методологически организованная естественная и антропологическая сила когнитивной инновационности человека ограничена только его способностью создавать абстракции и воплощать в программное обеспечение. Абстракции в развитии объектно-ориентированного проектирования, которые создают классы и объекты. Они связаны не с этой границей, а с созданием новых, в том числе и прежде всего, социальных функций. Роль абстракции, роль иерархии акцентируется в объектно-ориентированном проектировании – это не указание на то, что система состоит из абстракций – это указание пути, по которому она создается.

Социальная функциональность, открытость к которой образует качественно новое измерение когнитивного креатива – измерение социальной онтологии, характеризует качественный переход в мир социальных функций социальных систем и социальных взаимодействий. Это не только мир бизнеса. Между бизнесом и современной системой, т. е. фактически со способностью программной системы осуществлять финансовые и экономические функции бизнеса, больше нет предела. Современные программные системы являются основой онтологической целостности корпораций. Корпорация не исчезает, не может исчезнуть даже тогда, когда разрушаются ее внешние предметно-вещественные проявления. Современные программные системы являются основой информационной среды корпораций и системных взаимодействий с миром как внутренним, так и внешним.

Переход от технологической функции к социальной функции обнаруживает переход от рассмотрения оси взаимосвязи человек – техника к социальному взаимодействию. Этот переход на уровне технологии описан В. Князевым [3, с. 147].

Переход от технических функций по обработке информации к полной функциональности, при которой все производственные (социальные по своему содержанию функции, направленные на удовлетворение общественных потребностей) и внешние системные социальные функции осуществляют программные системы, раскрывает измерение социальной онтологии. Это измерение системы социальных и общественных потребностей осуществления социальных связей и социальных коммуникаций.

На наш взгляд, автохтонность когнитивного креатива показывает связь антропологической, генетической и экзистенциальной основы когнитивного креатива с глубинной укорененностью когнитивного в социальности и культуре. В когнитивном креативе этот потенциал предстает не только как связь с глубинными интеллектуальными культурными ресурсами. Когнитивный креатив, оставаясь проявлением интеллектуальной творческой способности человека, выступает как творческая глубинная сила культуры.

Методология объектно-ориентированного проектирования выступает как форма управления творческой способностью к преобразованию действительности на основе реализации роли абстракций. Методологическая управляемость придает интеллектуальным процессам организационное единство, переводит их в производственные процессы.

Методология имеет дело с эпистемными образованиями. Выделение отдельных фаз и их последовательность в методологии объектно-ориентированного проектирования предстает в виде последовательности информационных образований – моделей. Каждая фаза как действие – это создание новой модели, которая воспроизводит одновременно и процесс, и продукт. Это – составляющие процесса создания новой системы и вместе с тем ее информационные составляющие, которые определяют архитектуру и функциональность системы.

Обращение к интерактивности является методологической регуляцией интеллектуального процесса. Нельзя все постичь сразу и нельзя хвататься бессистемно за все сразу, следует действовать последовательно, решая отдельные задачи. Сама методология выступает как план и структура, определяющая направленность, структурированность, последовательность и результативность как отдельной составляющей, так и всего процесса в целом.

Именно это единство интеллектуального процесса, продукта и системы с ее готовыми результатами (в том числе и прежде всего с социальными функциями, полная системность которых предстает в виде социальной функциональности) раскрывает когнитивный креатив в измерении когнитивных практик. Единство процесса и продукта, сущность и структуру Методологии Унифицированного процесса раскрывают в своей работе А. Якобсон, Г. Буч и Д. Рамбо [8].

В отличие от процессов познания результатом когнитивных практик является не знание, а когнитивные продукты. Разнообразие когнитивных практик приводит к появлению разнообразия когнитивных продуктов. Однако всем им присуща общая черта: когнитивный продукт, имея информационную форму – форму модели, архитектуры программной системы, методологии ее разработки и т. п., является основой для получения, выработки чего-либо другого на его основе. Для процесса разработки программных продуктов когнитивный продукт – это основа функциональности системы. Без и вне действия этой основы невозможно получение никакой другой функции.

Современные когнитивные практики предусматривают различные подходы к развитию функциональности (плановый и эволюционный), концентрируются на разрешении проблем быстрой смены требований и наращивания функциональности [9]. Исследователи ищут новые пути ко все более глубокой интеграции развития программных систем с углублением преобразований действующей функциональности. Эти

пути демонстрируют значительные результаты в создании интегрированных в бизнес программных систем, при которых «между полученным новым бизнесом и интегрированной в него системой, которая его поддерживает нет разрыва (gap)» [10]. Акцент на проблемах развития системного уровня функциональности открывает социальное измерение существования программной системы. Дальнейшая разработка системной функциональности сочетается с совершенствованием вариантов ее использования [11], что позволяет осуществить интеграцию различных когнитивных практик.

Исследование вариантов использования является абстрактным, обобщенным выражением взаимодействия пользователей системы, позволяет также осуществить более глубокое развитие объема внешней, обращенной к обществу функциональности.

Открывается путь к общественным преобразованиям через развитие когнитивных практик, теоретических и методологических достижений и развитие когнитивного креатива – путь, характеризующий новые формы информационного общества, как общества с объективно существующими формами социальной функциональности.

Общественная жизнь становится сферой исследования и одновременно сферой проектирования новых возможностей и форм социального действия, создание новых социальных связей. Революция в функциональности с 1998 года в контексте развития Методологии Унифицированного процесса создает новый тип корпоративной информационной системы, который отличается от других систем социальной направленности своей функциональностью, ориентированностью на исследование внешней среды, непрерывностью ее развития и усложнения.

Идея исследования функционального общественного содержания действия – «историй» и формирование на этой основе новых программных реализаций функциональности в программировании превращает его развитие в новый вид когнитивных практик, меняет современный уровень функционирования.

Даже сегодняшние программы, благодаря семантическому уровню действия абстракции и отсутствию ее перехода в физические формы, создают новые, несравнимые возможности управления процессами, которые происходят на уровне техническом – аппаратном и сетевом. Современные же системы, как показывает развитие унифицированного

языка моделирования – это многомерные целостности, в которых одновременно существующие физическое, аппаратное, сетевое и социальное измерения их существования являются основой социальных функций, связей подсистем в систему, функционирующую в общественном контексте. Такая целостность достигается на когнитивной основе создания стандартных унифицированных представлений, опирающихся на абстракции и иерархию.

Выводы

Когнитивный креатив не ограничен рамками одной методологии или направления. Когнитивный креатив порожден развитием современной сферы программирования и проектирования. Создание новых программных систем, направленных на удовлетворение общественных и социальных потребностей, обуславливает создание новой социальной функциональности. При этом инновационность когнитивной системы человека в рамках различных проектов и методологий становится средством трансформации социальной онтологии и создания новой онтологии информационного общества.

Раскрытие теоретизации и методологизации проектирования позволяет раскрыть переход когнитивного в онтологическое и становится основой создания новой социальной функциональности. Когнитивный креатив характеризует новую форму и новый способ порождения социального, раскрытие социально-онтологического измерения когнитивного креатива, создает основу для дальнейшего развития понятия когнитивных практик. Проектирование выступает как реализация когнитивных способностей человека в форме производственных процессов. Когнитивные практики характеризуют преобразования ментальных процессов, которые выявляют роль абстракций и информационных их результатов (моделей, характеризующих фазы процесса), на ход разработки новой программной системы. Создание в этой системе новых социальных функций, системных связей и взаимодействий обнаруживает ее направленность на трансформацию социальной онтологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баксанский О.Е.* Современный когнитивизм: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / О.Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 175–181.

2. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли: как добиться успеха в информационную эру / Б. Гейтс. – М.: Эксмо, 2003. – 466 с.
3. *Князев В.Н.* Человек и технология (социально-философский аспект) / В.Н. Князев. – Киев: Лыбидь, 1990. – 172 с.
4. *Князева Е.Н.* Эндофизика и временные шкалы виртуального восприятия / Е.Н. Князева, А. Л. Алюшин // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 80–96.
5. *Меркулов И.П.* Когнитивные способности / И.П. Меркулов. – М.: ИФРАН, 2005. – 182 с.
6. Модусы человеческого бытия: коллективная монография. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 164с.
7. *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
8. *Якобсон А.* Унифицированный процесс разработки программного обеспечения / А. Якобсон, Г. Буч, Д. Рамбо – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
9. *Fowler M.* (2000-2004) Is Design Dead? Access mode: <http://martinfowler.com/articles/designDead.html>
10. *Jacobson I.* (2005) Successful Enterprise Architecture. Access mode: <http://www.ivarjacobson.com/html/content/presentations/Successful%20Enterprise%20Architecture%202005-02-22fin.pdf>
11. *Jacobson I.* (2005) Aspect-Oriented Software Development with Use Cases. Addison-Wesley Professional.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

К середине прошлого века в среде философов и естествоиспытателей обозначилось понимание несоответствия господствующей системы представлений о мире, месте и роли человека в природе и обществе новым реалиям бытия: процессы, которые запустила и продолжает стимулировать цивилизация, противоречат человеческой природе. Стремительное разрушение среды обитания человечества, причем разрушение, которое социум сам инициирует, стало явным и, более того, угрожающим его биологическому существованию. «Наметились тенденции критической самооценки человека-сверхпотребителя, пришло понимание того, что разрушая мир природы, человечество уничтожает фундамент своей жизни, делая планету непригодной для обитания и обрекая себя на самоуничтожение» [8, с. 265] Представители, прежде всего социогуманитарного знания, стали вызывать к научному сообществу и общественному мнению с призывом о настоятельной потребности в пересмотре традиционных интерпретаций социоприродных процессов и формировании актуальной мировоззренческой парадигмы.

В 1992 г. на конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, как реакция на вызовы радикально меняющегося мира, был обозначен концептуально новый вектор социодинамики – стратегия устойчивого развития цивилизации, по сей день являющаяся приоритетной программой глобальных действий. Под устойчивым понимается контролируемое общественное развитие, сбалансированное с естественными природно-биосферными процессами. Устойчивое развитие означает такой способ самоорганизации глобальной социоприродной системы, при котором ее экономические, социальные и экологические показатели находятся в допустимых, а еще лучше – оптимальных пределах.

Как долгосрочный тренд проэкологического эволюционирования цивилизации, устойчивое развитие должно быть измеряемо. С этой целью используются определенные экономические, социальные и экологические показатели. Обратимся к некоторым из них, отражающим, в первую очередь, круг социально-демографических проблем.

Несомненно, предпринимаемые международным сообществом в течение четверти века меры позволили достичь определенных положительных результатов. К 2015 г. снизились темпы распространения нищеты. При общемировом приросте населения в 2 млрд чел. более 1 млрд чел. избежали крайней нищеты. У 2,1 млрд чел. повысилось качество санитарно-бытовых условий жизни, свыше 2,5 млрд чел. обрели возможность пользоваться источниками качественной питьевой воды. В два раза снизилась смертность детей в возрасте до 5 лет, удалось приостановить распространение таких опасных инфекций, как ВИЧ, малярия, туберкулез [5, с. 3; 10, с. 7]. Недавно опубликованные результаты масштабных международных исследований развития глобальной экономической системы «The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future» констатируют положительную динамику социально-экономического развития: в 2015 г. уровень благосостояния в мире был примерно на 66 % выше показателей 1990 г. [12, с. 5–6].

Однако эти достижения теряются на общем фоне грозящей человечеству самоликвидации. Многочисленные исследования, ставшие популярными в последние десятилетия и расширившие представления о влиянии человеческой деятельности на планету, свидетельствуют, что социально-экологические аномалии продолжают усугубляться. На Конференции ООН по устойчивому развитию (2012 г.) отмечалось, что «каждый седьмой житель планеты страдает хроническим недоеданием» [2, с. 5]. В докладе ООН (2014 г.) приводится информация о 842 млн чел., хронически голодающих [4, с. 2]. По оценкам экспертов, в 2017 г. в 45 странах мира 83 млн. чел. нуждались в чрезвычайной продовольственной помощи, это на 70 % больше, чем в 2015 г. [13]. Для решения проблемы в масштабах планеты существующие темпы борьбы с голодом потребуют не менее ста лет.

По мнению исследователей продовольственная проблема является главной причиной задержки развития детей. Например, в центрально-африканских странах за прошедшие 20–25 лет численность детей с задержкой роста увеличилась на 12 млн. В мире из-за недоедания и инфекционных заболеваний 156 млн детей имеют задержку роста [4, с. 3]. Проблема искоренения голода все еще не решена, вместе с тем специалисты высказывают опасения по поводу распространения новых угроз, связанных с бурным развитием инновационных пищевых технологий (биоинженерия, гормональная насыщенность продуктов, применение синтетических добавок, некоторые технологии производства и хранения продуктов и т. д.).

Всемирная Организация Здравоохранения ежегодно отмечает до 13 млн смертельных случаев в мире, вызванных неблагоприятными факторами окружающей среды. Загрязнение и изменение физико-химических характеристик освоенных человеком природных объектов (техногенная сейсмичность; подтопления и карстово-суффозионные провалы; плоскостная, овражная и береговая эрозия и др.) приводят к возникновению новых экологических угроз. Сегодня по сравнению с шестидесятью годами прошлого века отмечается четырехкратный рост стихийных бедствий, в которых погибает свыше 10 человек или оказываются пострадавшими более 100 человек [12].

По-прежнему сохраняется тенденция усиления неравенства в различных его аспектах: гендерном, материальном, национальном, региональном. «Сохраняющиеся виды неравенства часто носят структурный характер, влияющий на доступные людям возможности. В настоящее время представлены многочисленные измерения неравенства, а вопросы его эволюции и управляющих этими процессами факторов менее изучены, особенно это относится к пересекающимся видам неравенства. Различные виды обездоленности взаимодействуют, усиливая друг друга, и дают синергетический эффект» [9, с. 172]. Показатели благосостояния в странах с высоким уровнем доходов в 52 раза превышают аналогичные показатели в странах с низким уровнем доходов [11, с. 5–6].

Современный африканец в 70–100 раз меньше расходует ресурсов планеты по сравнению со своим европейским современником и в 50 раз меньше отходов производит. Жители индустриально развитых стран, а это не более 20 % населения планеты, потребляют свыше 60 % планетарных ресурсов и производят 80 % мировых отходов и загрязнений.

Несмотря на наличие значительных запасов пресной воды, более 1 млрд чел. в мире испытывают дефицит в безвредной питьевой воде, 2,6 млрд чел. не имеют доступа к надлежащим санитарно-гигиеническим средствам. Ограниченность доступности водных ресурсов ежегодно становится причиной смертности 1,7 млн чел., из которых 90 % – дети. По прогнозным оценкам, к 2025 г. общий дефицит пресной воды, в том числе для промышленных и сельскохозяйственных потребностей, может вырасти до 1,3–2,0 трлн м³/год. Для сравнения: в 2000 г. нехватка воды оценивалась в 230 млрд м³/год [1, с. 48].

Проект устойчивого развития, изначально ориентированный главным образом на ресурсосбережение и минимизацию загрязнений и

отходов, становится все более социально ориентированным. Новые показатели социоприродного развития учитывают аспекты, касающиеся здоровья и долголетия людей, доступности образования, реализации гражданских и политических прав, т. е. в целом благополучия человека, поскольку «бедность и низкий уровень развития человека могут привести к деградации окружающей среды» [3, с. 14]. Тенденцией последних лет становятся интегральные индикаторы, такие как индекс многомерной бедности, индекс развития человеческого потенциала, индекс гендерного неравенства и др.

Индекс многомерной бедности (ИМБ) в исследованиях глобально-го развития используется как экспериментальный критерий, начиная с 2010 г. ИМБ не является монетарным показателем, он используется как дополнение финансовых измерений бедности и включает количественные оценки живущих ниже черты бедности. Напомним, черта бедности принимается равной 1,25 долларов США на человека в день. По данным глобального доклада о человеческом развитии «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости» (ООН, 2014 г.), во всем мире в условиях многомерной бедности проживали 2,2 млрд чел. [4, с. 2]. Иными словами, каждый третий землянин. В 2010 г. этот показатель составлял почти 1,75 млрд чел. [3, с. 96]. В 2011 г. численность земель преодолела отметку в 7 млрд, для удвоения своей численности человечеству потребовалось всего 40 лет. Бесконтрольный прирост народонаселения приводит к повышению потребительских стандартов. Поскольку современная мировая экономическая система не способна сбалансировать процессы производства и потребления, темпы прироста бедных опережают темпы прироста всего населения. В условиях крайней нищеты существуют 836 млн чел. (ООН, 2015 г.) [10, с. 4], что составляет примерно 12 % от всего населения планеты.

Самыми низкими показателями индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) обладают страны африканского континента и это в сочетании с уникальным природно-ресурсным потенциалом региона. Отметим парадоксальность наблюдаемых реалий: наличие природных богатств не является гарантией экономического развития и благосостояния населения конкретного региона или государства. Несомненно, это вопиющее противоречие с провозглашенными целями устойчивого развития, в частности с целью № 10 – «Сокращение неравенства внутри стран и между ними».

Коснемся еще одной актуальной реалии социоприродного характера. Цветные революции и перманентные вооруженные конфликты отдельными политическими силами трактуются как частные явления, локальные смены действующей власти, не связанные с кардинальными трансформациями социальной формы бытия планетарного целого. Однако в результате реализованных государственных переворотов в странах устанавливается внешнее управление политическими процессами, а провоцируются и поддерживаются подобные политтехнологии силами, стремящимися к собственному мировому доминированию. Заказчиками и спонсорами этих проектов движет стремление обладать природными ресурсами, прежде всего энергетическими, приносящими сверхприбыли и определяющими политическую расстановку сил в мире. Местное население вынуждено массово покидать зоны бедствий. Обосновываясь в новых местах проживания, беженцы создают дополнительную экологическую нагрузку, усиливают экономическое бремя и социальную напряженность. Подобные массовые переселения становятся фактором, сдерживающим рост благосостояния населения принимающих стран, а в некоторых случаях снижают качество его жизни, что противоречит целевым установкам идеологии устойчивого развития.

За десятилетия попыток реализации стратегии устойчивого развития стало понятно, что предлагаемые подходы оказались неэффективны. Приведенные данные подтверждают, что до настоящего времени человечество так и не выработало принципиальных механизмов, способных обеспечить глобальную экологическую безопасность [7, с. 196]. Решение этой задачи затруднено вследствие недостаточной философской проработки накопленного человечеством опыта и достижений частных наук, замкнутых в границах узкой проблематики специального знания, что затрудняет формирование новой мировоззренческой парадигмы, способной стать результативным средством осознания действительности и руководством к преодолению экологического кризиса. Перед философской наукой стоит задача «переоценки путей дальнейшего цивилизационного развития через призму рациональной деятельности самого человека, ... поиска новых методологических установок, способных направить эволюционные процессы по пути устойчивого развития» [6, с. 71].

Современные выдающиеся успехи конкретных наук нуждаются в обретении значимости в системе нового проэкологического мировоз-

зрения – обобщающей концепции, имеющей научно-практическую значимость для судьбы человечества и открывающей новые направления научных исследований. Философская интерпретация целостной картины мира, как и в прежние критические моменты истории, сегодня становится востребованной. Потребность в мировоззренческой и теоретико-методологической проработке знаний о факторах нарастания экологической рискогенности на философском уровне очевидна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». – М.: Минприроды России; НИА-Природа. – 2017. – 760 с.
2. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. Том 1. Резолюции, принятые на Конференции. Организация Объединенных Наций, – Нью-Йорк. – 1993. – 528 с.
3. Доклад о развитии человека. 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. – М.: Весь мир, – 2010. – 188 с.
4. Доклад о человеческом развитии. 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [электронный ресурс] / пер. с англ. – М.: Весь мир, – 2014. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf> (дата обращения: 04.04.2018).
5. Доклад о человеческом развитии. 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. Программа развития Организации Объединенных Наций / пер. с англ. – М.: Весь мир, – 2017. – 40 с.
6. *Наумова Т.В.* Риски глобального общества: движение к новой методологической парадигме // Научный вестник МГТУ ГА. – 2014. – № 203. – С. 67–71.
7. *Наумова Т.В.* Экологическая безопасность в контексте социальной приемлемости //Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 2-2 (26). – С. 193–205.
8. Результаты исследований социальных и гуманитарных наук: междисциплинарный подход и синергетический эффект / под ред. И.А. Бондаренко, О.А. Подкопаева. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», – 2018. – 316 с.
9. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: коллективная монография / отв. ред. д-р филос. наук, проф. И.К. Лисеев. – М.; СПб.: Нестор-История, – 2018. – 344 с.

10. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Организация Объединенных Наций, – Нью-Йорк. – 2015. – 75 с.
11. Lange Glenn-Marie, Wodon Quentin, Carey Kevin. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. – Washington, DC: World Bank. – 2018. – 255 p.
12. Our World in Data [электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/natural-catastrophes> (дата обращения: 24.04.2019).
13. The Famine Early Warning Systems Network [электронный ресурс]. URL: <http://www.fews.net/> (дата обращения: 02.04.2019).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ЗНАКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В данной статье рассмотрены методические особенности формирования профессионально-значимых семантических пространств образования. Прежде всего, работа должна осуществляться на основе актуализации личностных смыслов в смысловой сфере личности обучаемого на трех уровнях, описываемых последовательно с помощью метафор: внешний (семантика «кочевого»), средний уровень (семантика «оседлости»), внутренний, глубинный уровень (гармоническое сочетание «кочевого» и «оседлого»).

Сегодня состояние сферы образования характеризуется разрушением ранее сложившихся форм культуры. Мышление перестало быть тождественным бытию, выделилось в особую надэмпирическую сферу бытия – бытие знаково-символических систем. Язык культуры перестал быть адекватным реальности: мы разучились видеть факты культуры в их цельности, ощущение металогического единства бытия утрачено. «Слова» стали настолько отделены от «вещей», «первичное» знание от «вторичного», что получилось так, что мы имеем дело не с одним, а с двумя видами знания: отвлеченным знанием о предмете, выражаемом в суждениях и понятиях, с одной стороны, и с «первичным знанием», интуицией реальности как она есть, с другой. Появилась насущная потребность осмыслить образование как малую знаковую систему (семиосферу), которая находится в отношении подобия с большой семиосферой культуры. В последние десятилетия в педагогике высшей школы накоплен определенный потенциал, который с позиций семиотики позволяет по-новому взглянуть на вопрос об изначальном языке педагогики как науки способной привить человеку внутреннюю органическую культуру и дать «живое знание».

Обосновывая способы и средства формирования мыслительных способностей обучаемого, педагогика обращается к семиотике, философии, психологии и культурологии. Семиотический подход становится особенно значимым в системе образования, он необходим для подготовки специалиста при изучении множества своеобразных и уникальных культур, со всеми особенностями их взаимоотношений, субкультурой социальных групп, институтов и т. д. Возникает задача

оптимизации диалога индивида с носителями иного мировосприятия. Для этого требуется понять, в какого рода знаках выражает себя «своя» культура и научиться понимать знаки других культур.

Актуальность семиотического подхода заключается, прежде всего, в возможностях его использования при проектировании профессионального образования. Он позволяет осуществлять эффективное взаимодействие смысловой сферы личности обучаемого и мира культуры, открывающегося для специалиста через содержание культурологического образования. В этом плане семиотический подход дает незаменимый инструментальный постижения объектов профессиональной деятельности: проблем теории и методологии культуры, опыта истории мировой культуры, форм культуры и культуротворческого процесса, особенностей функционирования культуры.

Под семиотическими аспектами профессионального образования понимается система представлений об особенностях профессиональной и личностной самореализации будущего специалиста, формулируемая с позиций семиотики. Теоретический аспект: каковы теоретические и методологические основы применения семиотического подхода для проектирования профессионального образования. Практический аспект: как стимулировать процесс профессионального образования через язык культуры.

Необходимо детализировать семиотику в ключе новых философских теорий, отсылающих в своем научном применении к нелинейному мышлению, к состоянию междисциплинарности, к теории по смыслу близкой к синергетике – так называемой номадологии. Номадология (от общеиндоевропейского – *nomad*, кочевник), другое рабочее название – «логика смысла», позволяет обучаемому осознать себя «кочующей единичностью» в мире культурного смысла, образовательной номадой (существует различие в происхождении синергетики и номадологии, ведь синергетика берет начало в термодинамике, а номадология – в культуре и семиотике) [2].

Формируемый нами язык метафор, понятий, образов, смыслов, созданный на основе знания семиотических закономерностей – метаязык, позволяет не только описывать любое явление культуры как «интеллектуальное целое» (Ю. Лотман), но и интегрировать образовательное пространство за счет упорядочивания содержания образования в формирующемся сознании студента-культуролога. Позволяя обучаемому лучше понять свой «путь» в культуре и «пути» других, их индивиду-

альные образовательные траектории, метаязык исполняет роль знаковой системы, масштабами и мерками которой мы измеряем изучаемый объект (Ю. Лотман) [5]. Такой метаязык семиотически весьма вариативен, многомерен, ведь минимальная работающая структура для описания действительности – та, что включает минимум два языка описания, он состоит из разнородных элементов, он – «сумма», совокупность языковых потоков. К примеру, для целей «монтажа» культурных смыслов (по терминологии С. Эйзенштейна) мы различаем три семантических потока описания культурной действительности: один описывает ее пространственные координаты, другой – временные, третий интегрирует эти две крайности. И в каждом из таких потоков действительность выражается наложением друг на друга понятийных, метафорических, визуальных семиотических конструкций.

Для успешности конструирования метаязыка описания культуры важно использовать значимые для сферы профессионального культурологического образования оппозиции. Подобные оппозиции личностность, которую мы рассматриваем как семиотическую монаду в пространстве культуры, может осознать и сама начать конструировать с помощью такого средства эвристического наведения как метафора.

Наиболее важной в ряду оппозиций является оппозиция кочевое (номадическое) – оседлое (седентарное). Она дает возможность описать пространственный и временной аспекты представления мира культуры в сознании обучаемого, включая механизмы воображения. «Кочевое» и «оседлое» как метафоры пространства-времени культуры, а также метафоры «тело», «машина» и «воображение» описывают изначальные качественные состояния культуры как системы [1]. Эти термины в качестве оригинальных эвристических инструментов очень значимы для организации семантических образовательных пространств. Назначение таких семантических образовательных пространств – формирование мыслительных способностей и развитие культурологического мышления – в узком смысле и культуросообразного мышления – в широком смысле.

Чем оперирует любая культурная система, любое познание? – Знаками, которые являются ключевым понятием такой науки как семиотика. Семиотика не видит человеческое мышление вне знаков.

Системно-спроектированная семиотическая модель профессионального образования обосновывает необходимость формирования специфических мыслительных способностей, связанных со сложней-

шей «статикой» и «динамикой» культурного смысла, понятыми метафорически как «кочевое» и «оседлое» в самосознании культуры и самосознании личности. Динамика культурного смысла, спроецированная на уровень смысловой сферы личности как «кочевое» выражается при работе с учебным текстом в пределах параметров «распредмечивание» и «переходность». Статика культурного смысла, спроецированная на уровень смысловой сферы личности как «оседлое», выражается при работе с учебным текстом в пределах параметров «опредмечивание» и «самоактуализация» [6].

Изучение проблемы применения семиотического подхода для профессионального образования показывает, что эта проблема может быть решена только на междисциплинарной методологической основе, с использованием новейших достижений философии, семиотики, психологии смысла, культурологии. Способ практического решения проблемы лежит через актуализацию на микроуровне культурологической модели содержания образования метауровня.

На основе семиотического подхода становится возможной подготовка специалиста, способного к выработке собственного видения культурных миров, способного научить других методике получения такого знания. В идеале развитие мышления специалиста предполагает не только изучение «своей» профессиональной культуры, но и осознание себя семиотической образовательной монадой на общекультурном фоне, которая должна найти свою особую образовательную траекторию в пространстве образования как части пространства культуры и наладить культурный диалог с другими подобными монадами.

В процессе применения метаязыка описания культуры для формирования мыслительных способностей студента выделяются три семантических уровня мышления: образное (телесность, внутреннее пространство), абстрактное (машинность, пространство «границы»), метамышление (воображение, свободное пространство).

Телесный опыт человека является основой представлений о мире, и в процессе обучения должен быть сделан акцент на актуализации знаний студента по дисциплинам, в которых культура представлена вещественно-осязуемо – экологии культуры, этнографии, культурной антропологии.

Второй уровень, уровень «машинной» метафоры, иллюстрирует образность больших городов, некой искусственной «среды обитания», когда появляются новые сословия, субкультуры, не характерные для

природосообразного мироустройства. Здесь в сознании студента должны актуализироваться знания по социологии культуры, современной культуре, философии науки и техники, теории искусственного интеллекта т. д. Третий уровень познания культуры на уровне знаков – уровень хорошо развитого воображения. Омертвелость «машинного» видения мира и инертность первобытной «телесности» должны быть одухотворены и согреты огнем воображения [3].

Итоговый показатель сформированности мыслительных способностей специалиста определяется для каждого студента как выборочное среднее значение четырех параметров (опредмечивания, самоактуализации, переходности, распредмечивания), а затем соотносится с аналогично вычисляемым итоговым показателем по методико-педагогической практике студентов.

В данной статье рассмотрены методические особенности формирования профессионально-значимых семантических пространств образования. Прежде всего, работа должна осуществляться на основе актуализации личностных смыслов в смысловой сфере личности обучаемого на трех уровнях, описываемых последовательно с помощью метафор: внешний (семантика «кочевого»), средний уровень (семантика «оседлости»), внутренний, глубинный уровень (гармоническое сочетание «кочевого» и «оседлого»). Восходя от простой семантики (системы смыслов), через синтактику (систему текстов), прагматику мышления (мыследеятельность субъекта) можно говорить о «кочевом» и «оседлом» мышлении, в каждом из которых необходимо видеть позитивные стороны.

«Оседлое мышление» – это многомерное метафорическое выражение смыслов культурной статики (свернутости, опредмеченности) в самосознании культуры и самосознании личности. Высшая, «позитивная оседлость» в нас самих, в нашей творческой самоактуализации через культуру.

«Кочевое мышление» – это многомерное метафорическое выражение смыслов культурной динамики (переходности, распредмечивания культурного смысла) в самосознании культуры и самосознании личности. В кочевом, номадическом выражает себя синкретизм представлений и различных видов деятельности в культуре и образовании, символизм образовательного странничества, потенциал духовного освобождения индивида от не нужных ему культурных и образовательных клише.

В мире культурного смысла человек способен вообразить себя в качестве «кочевника» или в качестве «оседлого жителя», что существенно стимулирует развитие мыслительных способностей студента. Ведь подразумевается также и наличие субъекта действия: есть тот, кто воображает себя в качестве «кочевника» или «оседлого жителя». Первый разрушает старое, либо создает новое в культуре, второй, главным образом, сохраняет и транслирует культурные ценности. Эти многомерные метафоры очень помогают развить воображение образовательного субъекта-монады. Происходит диалогическое взаимодействие: индивидуума с культурой, преподавателя с обучаемым, обучаемого с обучаемым. Работа с учебным текстом с учетом сказанного есть двуединство «кочевого» по своей природе «распаковывания» смысла и его опредмечивания, «оседлости» в структуре текстов. Поэтому возможны два критерия оценки мыслительных способностей студента: сформированность мыслительных способностей с «кочевой динамикой» и сформированность мыслительных способностей с «оседлой динамикой».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
2. *Башляр Г.* Избранное. Поэтика пространства / Г. Башляр. – М.: РОССПЭН, 2004. – 376 с.
3. *Вартофский М.* Модели: репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
4. *Лотман Ю.М.* Устная речь в историко-культурной перспективе // Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 184–190.
5. *Новоселов В.Г.* Знаковые модели как средство пропедевтики учебного процесса. // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 9. – С. 211–216.
6. *Novoselov V.* Meaning, interpretation and unlimited semiosis. – Social Sciences – 2014. – Vol. 3. – № 1. – P. 5–8. [Электронный ресурс]. <http://www.sciencepublishinggroup.com/j/ss>. (дата обращения 15.04.2019).

КУЛЬТУРА КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

В современных социальных науках и философии значительное внимание уделяется вопросам, возникающим в результате изменения представлений о сущностных характеристиках социальных систем. Становление и развитие информационного общества приводит к необходимости изучения новых форм самоорганизации общества, например сетевых сообществ, представляющих собой динамичные, открытые системы. В результате изучения подобного рода объектов складывается сетевой подход, у истоков которого находятся такие исследователи как М. Грановеттер, Х. Уайт, Р. Бёрт, У. Пауэлл, Дж. Куклински, Б. Уэллман и др. М. Грановеттер публикует работы о сетевой организации рынка и тем самым, вместе с Х. Уайтом (в первую очередь речь идет о его статье «Откуда появляются рынки?»), разработавшим социально конструктивистскую структурную теорию, способствуют становлению новой экономической социологии. Ключевой работой, повлиявшей на развитие сетевого подхода, является книга М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», в которой автор описывает сетевой подход, сетевое взаимодействие и сетевые формы организаций.

Рассмотрим основополагающие принципы и методологические положения сетевого подхода. Базовыми понятиями любого сетевого исследования являются узел и связь. Следовательно, изучение отношений между узлами играет принципиально важную роль. Определяющими и наиболее значимыми оказываются такие параметры, как сила (количество взаимодействий) и вектор связей, т. е. их влияние. В зависимости от исследовательской позиции рассматриваются все прочие параметры связи. Для одних исследований направленность связи практически не имеет значения, для других – это очень существенно. Для некоторых подходов важнейшим показателем является плотность сети или, например, степень ее гомогенности.

В целом сеть представляет собой децентрализованную (распределенную) структуру, противоположную структуре иерархической, что

обуславливает существование различных конфигураций связей сетевых элементов. По этому признаку В.А. Белокрылова выделяет: 1) полицентричную сеть с множеством относительно самостоятельных кластеров, сегментов, у каждого из которых свой центр; 2) распределенную (полноматричную) сеть – это вид сети, у которой отсутствует какой бы то ни было центр, а все ее узлы непосредственно сообщаются друг с другом [1].

Онтологический статус сетевой структуры представляет собой противоречивое единство субстрата и внутреннего пространства, возникающего в результате происходящих сетевых взаимодействий и наполненного смыслами, значениями, символами. Белокрылова В.А. предполагает, что универсальный характер сетевых процессов (в том числе в киберпространстве) произведен от социально-онтологических трансформаций общества, а именно – нового уровня общественного воспроизводства, обмена и общения, который приходит в противоречие с иерархическими структурами и требует новых альтернативных форм социальной коммуникации [1].

Важнейшим фактором любых общественных изменений является культура, чутко реагирующая на все социальные преобразования, происходящие в обществе. Культура оказывает значительное воздействие на социальную жизнь, формируя и определяя многие общественные процессы.

В современных исследованиях культуры обнаруживаются следующие тенденции. Новый этап в ее изучении связывается с необходимостью отказа от прежних методологических установок, что является следствием изменений представлений об онтологии объектов исследования [5]. Сущность культуры рассматривается сквозь призму единства адаптационной и информационно-семантической функции. Кроме того, указывается необходимость установления критериев адаптированности человека в культурной среде исходя из характера современных социокультурных изменений [3]. Своеобразие бытия человека определяется главным образом тем, что *homo sapiens* и филогенетически, и онтогенетически формируется исключительно в «точке пересечения» разнокачественных и во многом противоположных друг другу миров и их проявлений [2, с. 7].

Адаптивный потенциал любой системы проявляется в существовании возможности переструктурирования связей между элементами, не теряя при этом собственного внутреннего качества, изоморфности,

специфичности, во внутренней готовности системы к установлению внешних связей без риска разрушения собственной целостности.

Предположим, что информация это следы, остающиеся в системах после любого взаимодействия. В таком случае целенаправленность человеческой деятельности и ее прогностические характеристики следует понимать как системную деятельность, направленную на создание устойчивых структур, необходимых для транслирования в пространстве и во времени алгоритмов поведения в ситуациях неполной информационной определенности. Следует заметить, что главная причина нашего качественного отличия от животных заключается в том, что человеческая популяция приспосабливается к текущим изменениям окружающей среды не только на генетическом уровне, но и на уровне культуры. В социуме, в адаптационных процессах, помимо генетики задействована культура, рассматриваемая как социальный механизм информационной взаимосвязи сразу трех состояний времени – прошлого, настоящего и будущего. Гипотетически можно представить человека как элемент сети, состоящего из человека, «самого себя» (узлов), но на разных временных отрезках, и тем самым вступающего в сетевое взаимодействие с «самим собой». Человек представляет собой элемент сети, распространенной как в пространстве, так и во времени, поскольку представляет собой форму существования материи и обладает всеми ее атрибутами. В пространстве человека можно рассматривать как включенного в полицентричную сеть. Во времени – в распределенную (полноматричную). Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов. Время выражает определенную последовательность объективного существования явлений, которые сменяют друг друга. Таким образом, человек действительно является «точкой пересечения», «узлом», вступающим во взаимодействие как с другими людьми, вещами, явлениями, процессами материальной и духовной культуры, так и с самим собой, существующим в прошлом, настоящем и будущем. Исходя из представления о том, что человек является элементом, присутствующим в двух типах сетей – полицентрической и полноматричной, можно предположить, что характер, способы адаптации в них будут отличаться. Дело в том, что адаптация человека в культуре носит характер конструирования человеком собственного жизненного пространства, задаваемого рамками ценностных приоритетов и смыслов данной конкретной культуры, существующих как в пространстве, так и во времени.

В полицентричных сетях или пространственных сетях адаптационные процессы требуют гибкости и пластичности. В них необходимо дифференцировать центральные и периферийные элементы, обеспечивающие непосредственно адаптацию. Развивающиеся системы требуют качественного изменения в центральных элементах, т. е. адаптивные процессы имеют направленность протекания во внутрь системы, от периферии к центру, тогда как процессы развития направлены от центра в сторону периферии. Так обеспечивается равновесие между целостностью системы и ее открытостью. Подавляющее, деструктивное влияние со стороны периферии (вызов) становится стимулом для развития, тем самым расширяя адаптационный потенциал системы развитием механизмов, приводящих к усилению адаптации (негативная адаптация).

Полноматричная сеть или временная сеть. В этих сетях содержание адаптационного процесса определяется спецификой субъектов адаптации, задающих направление его развития и характер протекающего взаимодействия. Интерпретация смыслов и поиск новых значений, заимствование и синтез идей становятся пространством приложения человеческой практики. Интерпретация становится главным механизмом адаптации в культуре.

Человек моделирует собственное жизненное пространство. Адаптивные процессы позволяют согласовывать реальность и модель реальности, обеспечивают чувство адекватности, надежности, стабильности в человеческом существовании. Они же позволяют интерпретировать официально признанную модель, порождая альтернативные представления о действительности. Альтернативные формы, обретая самостоятельный статус, вступают в противоречие с официально принятой моделью, образуя пространство диалога, возникает сетевое взаимодействие, то самое внутреннее пространство, наполненное значениями и смыслами.

Таким образом, адаптация человека носит целостный характер, включающий в себя корректировку и переструктурирование как внешних, так и внутренних отношений. Интенсивность сетевых взаимодействий определяет динамичность адаптационных процессов. Современная культура требует высокой интенсивности в них для того, чтобы сбалансировать, гармонизировать актуальные и потенциальные модулы человеческого бытия и является тем механизмом, который делает возможным изоморфное функционирование структур с разнородным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белокрылова В.А.* Сетевые структуры в социально-онтологическом пространстве современного общества // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст. Материалы международной научной конференции, г. Минск, 12–13 ноября 2009 г. – Минск: Право и экономика, 2010. – 762 с.
2. Модусы человеческого бытия: коллективная монография / под ред. В.В. Крюкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 164 с.
3. *Полторанина Г.В.* Теоретические аспекты культурной адаптации: диссертация... кандидата философских наук: 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2001. – 149 с.
4. *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003 // Экономическая социология. – 2003. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/radaev-v-v-sotsiologiya-rynkov-k-formirovaniyu-novogo-napravleniya-m-gu-vshe-2003> (дата обращения: 03.04.2019).
5. *Сергеев С.К.* Культура и творчество: о современной методологии исследования // Творчество и современность. – 2016. – № 1 (1). – С. 134–139.

**СИМВОЛЫ БАШКОРТОСТАНА
В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПОЗИЦИИ ГБУКИ РБ,
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РБ)**

В данной статье сделана попытка осмыслить место и значение первой в составе РСФСР Автономной Советской Башкирской Республики (с 1922 г. – АБССР, с 1936/37 гг. – БАССР, с 1992 г. – РБ), которая в 2019 году отмечает свой вековой рубеж, на основании анализа материальной культуры, предметов декоративно-прикладного искусства, отложившихся в конкретный исторический период в фондах Национального музея Республики Башкортостан. Наряду с этой практической задачей автор размышляет над природой символа, его ролью в культуре, идеологии, общественном сознании.

Основные выводы автора

Символы республики, в том числе государственные, рассматриваются в качестве самоидентификаторов, определяющих вектор развития. Новые символы Башкортостана, опирающиеся на культурно-историческую самобытность коренного народа Южного Урала, эффективны для развития внутреннего туризма. В остальных случаях сделанный акцент ограничивает их должностное консолидировать многонациональный народ республики значение.

В символах советского прошлого республики Башкортостан отразились ее достижения и надежды. Они, напротив, носили наднациональный характер. В их основе лежал классовый признак (рабочие, колхозники, интеллигенция) и разделение труда, что в конечном итоге было подчинено достижению единой для всей страны цели – построения общества развитого социализма.

Вопрос о том «нужны ли нам новые современные символы и какие?» остается открытым. Для этого они должны вызреть и проявиться в общественном сознании.

Проблема решается с привлечением философского и психоаналитического метода научного познания.

Природа символа такова, что с одной стороны он являет собой слепок, некое представление, укоренившееся в сознании человека (общества) по поводу какого-либо эмоционально значимого события, явления, имевшего место в прошлом, вследствие которого наделяется свойством влиять, вызывать эти эмоции, воспоминания в ходе их вторичного восприятия человеком (обществом).

Сувениры советского времени часто носили выраженную идейно-политическую направленность. Опыт идеологической борьбы в гражданской войне 1918–1920 гг. получил в них своеобразное продолжение [Рамазанова, 2018, с. 174–180]. Экспонаты советского раздела постоянной экспозиции Национального музея Республики Башкортостан в этом смысле не являются исключением. Помимо орудий труда *серпа и молота*, олицетворявших единство рабочих и крестьян во всем мире, советская символика включала идеограмму – *пятиконечную звезду*, образы «колыбели революции» *крейсер «Аврора»*, революционной Москвы – *мавзолей В.И. Ленина, Кремль, павильоны ВДНХ*; символы советского государства – *флаги (красное знамя) и гербы СССР, РСФСР, союзных и автономных республик*. Творение В. Мухиной и Б. Иофана «*Рабочий и колхозница*» занимает в этом ряду особое место. Известная композиция по определению Новой российской энциклопедии названа «идеалом и символом советской эпохи». По утверждению секретаря Б. Иофана И. Эйгеля, на создание шедевра мастера вдохновили античные прообразы – статуя «*Тираноборцы*» и скульптура «*Ника Самофракийская*».

Героический образ Родины-матери, впервые созданный художником И.М. Тоидзе в 1941 году, был монументализирован Е.В. Вучетичем к 20-летию Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мировая гегемония Советского Союза в послевоенные десятилетия дала новый мощный импульс для советского символизма, границы бытования которого впервые вышли за собственные и определялись картой социалистического лагеря.

Символы на гербах социалистических стран: *колос, молот* (Венгрия, до 1956 г.), *циркуль* (ГДР), *рис, звезда (у всех), серп, линии электропередач, ГЭС, шоссейная дорога, шестеренка, мавзолей* (КНР), *восходящее солнце, нефтяная вышка, факел* (СФРЮ), *всадник* (МНР)

Послевоенная плакатная графика в целях идеологической пропаганды нерушимой дружбы между трудящимися народами часто изображала *земной шар, рукопожатие, голубя мира*.

Удачный старт в освоении космоса вызвал глубокий эмоциональный подъем у населения Советского Союза – сформировались новые *космические* символы. Тема широко интерпретировалась художественными средствами и приемами от детских дворовых городков до монументальных стел.

Под влиянием длительного устойчивого хозяйственно-экономического уклада БАССР сформировались локальные символы, отождествляемые в сознании советских граждан с республикой. Это *контуры территории, пшеничный колос, нефтяная вышка, шестеренка, орудия труда, награды БАССР*. Последние – *ордена Ленина* (1935, 1957), *Октябрьской революции* (1969), *Дружбы народов* (1972), будучи артефактами советской государственной символики, в качестве изображений повсеместно встречаются на сувенирной продукции. Это фарфоровые изделия, предметы камнерезного искусства, макеты, широко представленные в советском разделе постоянной экспозиции музея. Изобразительные реплики уфимских и республиканских памятников монументального искусства (монумент Дружбы русского и башкирского народов, памятник героям Октябрьской революции и гражданской войны, памятник Салавату Юлаеву, монумент первооткрывателям башкирской нефти в г. Ишимбай и т. д.) также относятся к числу излюбленных приемов пропагандистской продукции того времени. Вариативные изображения символов представлены напольными вазами, настольными письменными приборами, статуэтками, сервизами, ширпотребом местного производства от электробигудей «Айгуль» и бритвы «Агидель» до холодильников «Юрюзань».

Однако несмотря на очевидные производственные достижения республики, в XX веке ни один из них не получил официального статуса – не был закреплён на гербе БАССР.

Значительные изменения в структуре общественного производства и потребления, произошедшие за последние три десятка лет, отразившись в общественном сознании, утвердились в символах современной республики, в том числе государственных.

Пробуждение самосознания народов России, обращение к своим истокам в 1990 – начале 2000-х гг. проявило из подсознательных глубин общества образ мифического *крылатого коня Акбузата* (символ международного союза общественных организаций «Всемирный курултай башкир»), исторический образ *Салавата Юлаева*, *пчелы* (торговый бренд «Башкирский мед»), *курая* – традиционного музыкального инструмента башкир, *башкирского орнамента*.

В экспозиции музея эти символы представлены сувенирами-подарками, поступившими от оргкомитета I–IV Всемирного курултая башкир.

Следствием закона «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» от 18 марта 2005 года № 162-з стала разработка и утверждение в 2006 году гербов муниципальных районов. Судя по частоте представленных на гербах так называемых «негеральдических фигур»: *всадник-джигит; Салават Юлаев* представлены в двух районах; *Мифический Конь Тулпар, Акбузат* – 17; *Сокол* – 10; *Куница* – 2; *Лось* – 2; *Сурок* – 2; *Волк* – 1; *Медведь* – 3; *Олень* – 1; *Белка* – 1; *Журавль* – 4; *Лебедь* – 2; *Голубь* – 4; *Тетерев* – 1; *Колос* – 11; *Дуб, желуди* – 1; *Соцветие курая* – 3; *Родник* – 1; *Солнце* – 1; *Нефтяной фонтан* – 2; *Водяное колесо* – 1; *Мельница* – 1; *Молот* – 1; *Гаечный ключ* – 1; *Книга* – 1; *Плуг* – 2; *Тамга* – 3; *Башкирский орнамент* – 4, большинство из них апеллируют к эпическому наследию предков башкир (*мифический конь Тулпар, Акбузат, всадник-джигит*), а также некогда богатому животному миру башкирской земли (*куница, сурок, волк, медведь, олень, белка, сокол, журавль, лебедь, голубь, тетерев*). Тема сельскохозяйственного труда (*колос, плуг, мельница, водяное колесо*) звучит в пятнадцати муниципальных районах, промышленности (*нефтяной фонтан, гаечный ключ, молот*) – в четырех.

Акбузат – крылатый белый конь из башкирских народных эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат». По древнебашкирским мифологическим представлениям кони пришли к людям из озера, которое и до настоящего времени называется Йылкы ськкан куль («озеро, из которого вышли лошади»), что находится в трех километрах от пещеры Шульган-таш (Капова пещера), в которой сохранился наскальный рисунок лошади позднего палеолита. Это представление перекликается с отрывком из сочинения «Метаморфозы» древнеримского поэта I века до н. э. Публия Овидия Назона, в котором есть описание поединка Персея с Медузой Горгоной. Вследствие усекновения головы из последней вышли дети от Посейдона – великан Хрисаор и крылатый конь Пегас.

На единство происхождения мифов народов мира указывал К.Г. Юнг, приводя в качестве примера в своем учении об архетипе (древнегреческое – «первообраз, оригинал, подлинник, образец») – структурном элементе коллективного бессознательного. Архетипы влияют на психическую деятельность через образы и тесно связанные с ними эмоции. Общим у инстинктов и архетипов является то, что это

врожденные психические структуры, часть человеческой биологии. Архетипы дают жизнь мифам, религиям и философским концепциям. В поздних работах швейцарского психиатра образы и эмоции объединяются термином «символы».

Еще одним примером обращения к истокам башкирского народа в поисках новых смыслов является туристский логотип республики Terra Bashkiria, над созданием которого трудилась уфимская брендинговая студия. В основе визуальной картинки лежит стилизованный (раскадрованный) фрагмент орнамента традиционного башкирского безворсового ковра.

Обратимся к мировому опыту использования архетипов в брендинге. Как это часто бывает с открытиями в области психологии человека, прикладное значение они получили именно в маркетинге.

В 2005 году в издательстве «Питер» вышел перевод книги последователей К.Г. Юнга Маргарет Марк и Кэрол Пирсон «Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов». По мысли авторов, более конкурентоспособны те фирмы, которые используют при построении своих брендов универсальные образы, восходящие в своей основе к архетипам. Они разделили человеческие потребности на две дихотомии: стабильность против мастерства и принадлежность против независимости. В соответствии с этим выделили четыре мотивационные категории:

- потребность в стабильности и контроле – Творец (LEGO, Apple), Заботливый (Nivea), Правитель (Mercedes-Benz, Audi, Rolex);
- потребность в принадлежности и обладании – Шут (Ben & Jerry's), Славный малый (IKEA, Levi's), Любовник (Bacardi);
- потребность в риске и мастерстве – Герой (BMW, Nike), Бунтарь (Linux, Harley-Davidson), Маг (Абсолют, Red Bull);
- потребность в независимости и самореализации – Простодушный (Coca-Cola), Искатель (Starbucks, Land Rover), Мудрец (Sony, Philips).

Значительны открытия гештальт-психологии в области когнитивных процессов, которые трактуются как различные способы переработки информации и также широко применяются на практике для создания запоминающихся изображений.

Основной постулат – человеческий разум перестает пользоваться логикой, когда дело касается визуального восприятия. Оптические иллюзии – один из примеров, доказывающих это.

Профессиональным дизайнерам известны принципы гештальт-психологии.

- Близость объектов. Расположенные недалеко друг от друга объекты подсознательно воспринимаются как объекты одной группы

- Сходство объектов. Объекты с общими элементами воспринимаются частью друг друга.

- Завершенность. Мы обычно связываем реально не связанные элементы в знакомые нам формы. Мозг стремится добавить недостающие звенья, хотя у него нет на это оснований. Естественно, мы объединяем элементы только в те формы, которые нам уже знакомы.

- Непрерывность. Мы предпочитаем интерпретировать визуальную информацию как непрерывную.

- Фигура-фон. Этот принцип объясняет, что фигура является визуальным элементом, который требует наименьших усилий для распознавания. Другими словами, это та часть изображения, которая выделяется больше всего. Остальная часть визуального ряда является фоном.

Еще один фактор, характеризующий продолжительность жизни символа, – человеческий. Человек во многом является продуктом той конкретной исторической среды, в которой он сформировался и реализует себя как социальное существо. Однако самый непродолжительный период времени 1/10 часть жизни – детство является определяющим. Таким образом, у каждого поколения собственные идеалы и пристрастия: герои, музыка, вкусы и т. п. Так как человек выступает не только как отдельный индивид (онтогенез), но и как представитель вида *Homo Sapiens* (филогенез), общечеловеческий опыт накапливается в ДНК, структурах мозга. Этим объясняется «живучесть» основных архетипов, образов, символов.

Человечество как единый организм все чаще становится объектом исследования современных течений в философии, психологии, антропологии, квантовой физике, нейрофизиологии.

Таким образом, вышеобозначенные категории имеют идеальную природу, материальными же их делает человек. Вопрос о том «нужны ли нам новые современные символы и какие?» остается открытым. Для этого они должны вырваться в общественном сознании, воплотиться в произведениях искусства и отложиться в фондах музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рамазанова Л.А.* Плакаты Гражданской войны в экспозиции Национального музея РБ//Археография южного Урала. Архивное наследие России. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан, 100-летию Государственной архивной службы России и 45-летию Южноуральской археографической комиссии. РАН. Уфа, 25 октября 2018 г./под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: Мир печати, 2018. – 280 с.
2. Архетип. – URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип>_ (дата обращения: 24.04. 2019).
3. Гештальт-психология URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/geshtalt-psihologiya> (дата обращения: 24.04. 2019).
4. *Kak sozdavalsya turistskij brend Terra Bashkiria* – URL: http://www.bashinform.ru/longread/terra_bashkiria/ (дата обращения: 22.04.2019).
5. *Марк М., Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.: ил. – (Серия «Маркетинг для профессионалов»). – URL:https://www.e-reading.club/bookreader.php/114473/Mark_Pirson_Geroii_i_buntar'_Sozдание_brenda_s_pomoshch'yu_arhetipov.pdf (дата обращения: 22.04.2019).
6. *Юнг К.Г.* и др. Человек и его символы. – М.: Медков С. Б., 2006. – С. 79.

МЕНТАЛЬНОСТЬ ТАЕЖНОГО ЖИТЕЛЯ КАК КОД РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.В. ЧЕСТНЯКОВА)

Писатель Серебряного века, художник, скульптор, фотограф, создатель деревенского театра и школьный учитель Ефим Честняков (Ефимий Васильевич Самойлов, 1874–1961) большую часть жизни провел в родной д. Шаблово Кологривского уезда / района Костромской губ. / обл., хотя образование получал и совершенствовал в с. Новое Ярославской губ., г. Санкт-Петербург и г. Казань, преподавал в с. Здемирово Костромской губ., с. Углец Кинешемского у. и г. Кострома. Однако помимо общероссийских маркеров в жизни и творчестве Честнякова ярко проявляются региональные маркеры: ведь он и его лирический (или сказочный) герой – жители лесной глубинки.

Долговременное проживание человека в определенной географической зоне подчиняет его характер климатическим и бытовым особенностям, накладывает отпечаток на его восприятие реальности. Россия, будучи самым большим по своей территории государством, располагается в разных географических широтах и имеет несколько климатических поясов. Жизнь Честнякова проходила в таежной зоне Европейской части России. Понятно, что условия быта жителей северной и южной полосы России сильно разнятся, формируя определенные различия в мировоззрении.

Уроженец юга России этнограф К. Завойко, оказавшись в лесистой Костромской губ., в 1917 г. рассуждал: «Мне кажется, что для того, чтобы искренно любить лес, любить настолько, чтобы предпочесть ему жизнь в более или менее культурных центрах, для этого нужно не только родиться в лесу, но и вырасти в нем. Только тот, по моему мнению, и может его искренно любить и помнить, и в полной мере восторгаться его своеобразными прелестями»¹. Честняков был как раз тем

¹ Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг.) // Этнографический сборник /Труды Костромского научного общества по изучению местного края. – Кострома: Тип. Риттер, 1917. – Вып. 8. – С. 3.

самым жителем лесной глубинки, который страстно любил родные леса, луга и болота. На южного жителя, по мнению К. Завойко, лес наводил ужас: «Попадая в Костромские леса, я сразу начинаю чувствовать, что я отрешился от внешнего мира, что я попал во власть иного мира, мне чуждого, как будто я где-то далеко, на самом краю света. В этих диких, глухих, сырых и туманных лесах я ощущаю себя, как будто не на нашей обыкновенной русской земле, а где-то в первобытных дебрях, в каком-то ином потустороннем мире. Гнетет тоска, щемит в груди. Оторванность и одиночество вызывают невыразимое чувство страха»¹.

Честняков же прекрасно понимал «язык леса» и в записной книжке отметил: «Слово леса – деревья; слово мира – дружба; мир – Вселенная <...>»².

Во второй половине XX века биологи провели споропыльцевой анализ и установили, что в далеком прошлом на территории нынешней Костромской области произрастали широколиственные леса с небольшим количеством ели. Однако с приходом в XI веке славянских племен на прежние финно-угорские земли такие леса были постепенно вырублены и уже в XVII–XVIII веках растительный покров полностью заменился на хвойные леса с мелколистными включениями³. Один из девственных участков елового леса, который не рубили люди в течение трех-четырех последних столетий, оказался как раз на «малой родине» Честнякова. Не случайно в 2006 г. был образован заповедник федерального значения «Кологривский лес» – ландшафтный участок коренных еловых лесов подзоны южной тайги, генетический резерват⁴, захватывающий четыре района Костромской области.

При жизни Честнякова, по данным за 1929 год, лесистость Кологривского района составляла 82 %: «Заготавлился в те годы круглый лес, березовое и фанерное сырье, балансы, которые сплавлялись по

¹ Там же.

² Центр народного творчества и туризма «Горница» (далее – «Горница»). Папка «Воспоминания о Ефиме Васильевиче Честнякове». *Носаль А.С.* Слово о «Художнике сказочных чудес» – Ефиме Васильевиче Честнякове (К 110-летию со дня рождения)». 25/XII–1984 г. Машинопись. Л. 7.

³ См.: *Природа Костромского края* / науч. ред. В.П. Лебедев. – Кострома: Культурно-просветительский издательский центр «Губернский дом», 1999. – С. 52.

⁴ Там же. – С. 41.

реке в плотях, а колотую осиновую клепку и дрова отправляли судами»¹. Как и в Средние века, индустриальная заготовка древесины в советский период истории изменила природный ландшафт и социальную среду Кологривского района и соседних районов: построены лесозаготовительные поселки, проложены узкоколейные железные дороги, приглашены на работу лесорубы и, как результат, в большом объеме вырублены столетние еловые леса (хотя лесовозы до сих пор вывозят ценную древесину через г. Кологрив).

Честняков предугадывал подобную ситуацию и в пьесе «Марк-устроитель» подчеркивал экологические задачи по сбережению природных богатств. Учителю А.Г. Громову он говорил о необходимости сохранения леса: «Красоту надо беречь. <...> Общество надо такое Охраны организовать. Штрафовать надо за необдуманное разрушение, за уничтожение и лесов, и зверей»². Честняков рассказывал о целесообразности постройки изб из обожженной глины вместо бревен, чтобы сохранить лес, причем для большей убедительности привлекал автобиографический образ героя: «А Назар думает строить глинобитный дом с водопроводом. Я давно говорил Счастливцеву <директору Кологривского педтехникума и депутату>, что надо использовать глину для построек. <...> Сколько бы они спасли от огня, от пожаров. Да и лес надо экономить, беречь»³. Фактически Честняков предлагал природный строительный материал, уже с давних пор широко использовавшийся в сооружении южнорусских хат.

В.Д. Нечаева, 1932 г. р., из д. Тóдино Кологривского р-на, вспоминала уважительные слова Честнякова по отношению к лесу и его дарам: «Любил про природу рассказывать. Как-то принес ветку сосны: “Понюхайте, таких духов не найти”»⁴. Г.В. Бурдина, 1929 г. р., из д. Суховерхово Кологривского р-на, рассказывала о том, как Честняков обращался к лесу за помощью всем людям в Великую Отечественную войну, вовлекая в сбор лесных даров ребятишек: «Бывало, собирал

¹ Смирнов С. 1929–2009 // Кологривский край. – 2009, 8 августа. – № 90. – С. 1.

² Громов А.Г. Воспоминания о Е.В. Честнякове // Честняков Е. Поэзия / Сост., вст. ст. Р.Е. Обухова. – М.: Компьютерный аудит, 1999. – С. 296.

³ Там же. – С. 313.

⁴ Пути в избáх. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. – С. 243.

мальчиков и говорил им, что надо помогать фронту. С подростками ходил собирать лекарственные растения, учил, показывал нужные растения, рассказывал об их пользе. И я с ним ходила за травками. Собранные растения он сам относил в Кологрив, сдавал в аптеку. Там ему предлагали деньги в оплату лекарственного сырья. Он никогда не брал, отказывался, сердился: «Это не моя работа, это дети собрали...»¹.

Учитель А.Г. Громов, вспоминал о том, как Честняков искал в лесу краски (пигмент) для своих картин, сравнивая собственную «малую родину» с Италией, причем не в пользу последней – именно из-за отсутствия в ней костромской тайги: «Раньше я сам добывал краски, тут. В природе все есть. И у нас есть. Только искать надо. В Италии там, может, больше, ярче. Ну, у нас не Италия. <...> Зато там нет того, что у нас. Нет у них таких морозов и вот такой синевы-маревы, лесов таких»².

Лес являл Честнякову эталон эстетической красоты, своеобразный инструмент постижения цветовой основы живописи, что было чрезвычайно важно для профессиональной деятельности художника. Он говорил об этом А.Г. Громову: «Зеленый, например, и синий цвета дают резкость, как отдельные деревья в лесу»³. Честняков мечтал «о том, как бы вот с Шабалы <с горы> написать всю лесную даль, картину», и говорил о бесконечности и «необъятности леса» (слова А.Г. Громова): «Не красота, а красотища у нас...»⁴.

Лес для Честнякова выступал значимым объектом социальной топовологии (как ни парадоксально это звучит), т. е. вектором направленности общественного интереса, местом сосредоточения сельскохозяйственной и коммунальной деятельности крестьян, ориентиром обустройства самого крестьянского жилья на лесной опушке, а также являлся персональным пространством (наряду с крестьянским подворьем во главе с домом и его хозяйственным интерьером, целиком изготовленными из лесного продукта – дерева). Освещение избы лучиной и отопливание дровами, огораживание огородов и всей деревни деревянным частоколом – это тоже использование лесной продукции.

¹ Там же. – С. 262.

² Громов А.Г. Воспоминания о Е.В. Честнякове // Честняков Е. Поэзия. – С. 308–309.

³ Там же. – С. 309.

⁴ Там же. – С. 314, 315.

Несмотря на фонетическую близость слов «дерево» и «деревня»», они происходят от разных корней, однако между ними имеется причинно-следственная связь. Этимологически «дерево» близко к литовскому *dervà* со значением ‘сосна’ и ряду однокоренных слов из индоевропейских (в том числе древних) языков с обозначением дерева, дуба, дубового леса, желудя, смолы; к этому семантическому ряду относятся «дрова»¹. «Деревня» восходит к праславянскому **дървня* / **дървна* с первоначальным значением ‘пашня’ и с дальнейшим ‘крестьянский двор или хутор с участком земли’, с родственными диалектизмами «рѹздерть» и «дор» – ‘корчевье, новь’². В Костромской области известны деревни Малый и Большой Дор Буйского р-на. Показательно, что маленькие деревушки с немногочисленным населением характерны для северной части России, а на юге более распространены многолюдные села.

Многие современные люди (особенно художники) видят в Честнякове своеобразного «гения места»; они полагают, что если бы не девственная природа Кологривского уезда с еловыми лесами и извилистыми речками, среди которой он вырос и которой всю жизнь любовался, то он не стал бы талантливым живописцем, писателем и философом Серебряного века. Здесь наблюдается стереотипное представление о том, будто уникальная природная среда непременно формирует не только особый склад характера, но и наделяет местного уроженца талантом. Однако бескрайние леса оказывались своего рода завесой, стояли непроходимой стеной, словно отгораживающей талантливого человека от всего остального мира. А.Г. Громов сетовал на нежелание костромских и ленинградских чиновников посетить Честнякова в такой лесной глухомани, чтобы оценить его художественный дар и пристроить картины в музей, когда художник уже ощущал преклонный возраст и мечтал подарить свои полотна народу: «Сдвинуться с места и проехать посмотреть в приунженские леса они не захотели»³.

Поведение Честнякова и его психология многим современникам казались тесно связанными с лесом, обусловленными жизнью писателя в лесном краю. А.Г. Громов видел истоки оригинального творчества

¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986. – С. 502, 539.

² Там же. – С. 501.

³ *Громов А.Г.* Воспоминания о Е.В. Честнякове // Честняков Е. Поэзия. – С. 318.

Честнякова и всей его неординарной личности в тесной связи с родным краем: «Самобытен и могуч был этот человек-художник, как и вся природа далеких таежных деревень в верховьях Унжи-реки, которая только весною и летом и дает знать, что она река, и довольно величавая, не заброшенная, не познанная и суровая, как и вся лесная сторона, по которой катит эта река свои воды, то отражая солнце да постоянную дымку над лесами, то суровость хмурых, мало исхоженных мест»¹. Однако сам Честняков не постулировал свою самобытность как жителя костромской глубинки в собственном творчестве, хотя жизнь в глухом лесном краю наложила на него отпечаток. Честняков незаметно оказывал влияние на процесс формирования локальной идентичности у других людей. Некоторыми своими привычками художник в какой-то мере напоминал мифического «хозяина леса». Например, умение неожиданно появляться как бы из ниоткуда, дудеть при этом в самодельный инструмент, сделанный из растения – все это как бы уравнивало Честнякова с лесным духом – лешим: «Когда мы поравнялись с кустами, он вдруг заиграл на дудочке. <...> А дудочка искусно выпевала мотив “По улице мостовой”»².

По сведениям К. Завойко, в Костромских лесах обитает леший, или черт лесной. Это большой мужчина, он «является иногда в саване и в новых лапотках»³, похож на фигуру ряженого – Смерть, осуществляющую связь между миром живых и мертвых. У Честнякова устрашающий персонаж, несмотря на его веселость, находится на дальнем плане на акварельном эскизе с условным названием «Город Всеобщего Благоденствия»: там он огромного роста, в белом одеянии, то ли с руками, то ли с коромыслом или каким-то подобным предметом вместо рук, то ли в шапке-ушанке, то ли просто с кудрями, в лаптях – появляется на праздничной ярмарочной площади среди торговых лавок с игрушками и играющих детей, он улыбается или кривит рот в усмешке, скаля зубы⁴. Подобная страшная мужская фигура оказывается центральной на полотне «Ряженные»: она в маске и опять же в белой бесформенной одежде и белом же головном покрове наподобие большого

¹ Там же. – С. 297.

² Громов А.Г. Воспоминания о Е.В. Честнякове // Пути в избах. – С. 77.

³ Завойко К. В костромских лесах по Ветлуге реке. Указ. изд. – С. 36.

⁴ Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – Кострома: Теза, 1995. – С. 93.

платка, босоногая, с каким-то инструментом в левой руке – с длинной рукоятью (косой?), она пришла в избу на святочные посиделки¹.

Уроженка д. Хапово Кологривского р-на А.В. Иванова вспоминала о ряженных, среди которых была фигура Смерти: «Ряженные ходили только в Святки. В нашей избе все большо бесетки-то были, она большая была. Ребят чужих приедет много. Плесня, гармошки в доме прямо здись. Наряжались Смертью, лупили. Покойника положили, а в роту-то гвось запишают. Вот таскают: “Простись с покойничком”. Все убежали в гобец спириинские»². На живописном полотне Честнякова «Наш фестиваль» изображен еще один необычный персонаж, но уже не в белой одежде: это ряженный в маске, с бородой, в заплатанной одежде и такой же войлочной шапке наподобие «гречневика», играющий на балалайке³. От этого ряженного (их зовут в Костромской губ. / обл. «наряжонками»⁴) не веет страхом, однако, по народным поверьям, он тоже осуществляет связь между мирами – земным и потусторонним.

Целый ряд маркеров родного таежного края заметен в литературных сочинениях Честнякова. К более отдаленным признакам воспеваемой родной лесистой стороны относятся следующие:

а) лесная тематика многих литературных произведений Честнякова;

б) введение в художественную канву сочинений особых персонажей – лесных птиц (тетерев, филин, ястреб, дятел, кукушка, свиристели и др.);

в) уподобление героев-людей птицам (Стафий – Тетеревиный Король);

г) особая поэтизация лесных, луговых цветов и других дикорастущих растений, выведение детских и женских персонажей с цветочными именами («Белая лилия Анелька», «Рассказать ли вам, дети-

¹ Там же. – С. 87; *Игнатъев В.Я., Трофимов Е.П.* Мир Ефима Честнякова. – М.: Молодая гвардия, 1988. – С. 96–97.

² «Горница», папка «Воспоминания о Ефиме Васильевиче Честнякове». А.В. Иванова, 1927 г. р., д. Хапово Кологривского р-на, запись Е.Н. Голубевой и Е.В. Лебедевой 28.01.1998. Л. 1.

³ *Игнатъев В.Я.* Ефим Васильевич Честняков. – С. 87, илл.; *Игнатъев В.Я., Трофимов Е.П.* Мир Ефима Честнякова. С. 138–139 – фрагмент илл. на развороте; Ефим Честняков. Новые открытия советских реставраторов / сост. С. Ямщиков. – М.: Советский художник, 1968. Б/с – фрагмент на передней обложке и полностью в кн.

⁴ Словарь русских народных говоров. – Вып. 20. – Л.: Наука, 1985. – С. 147.

цветики...»¹ целиком посвящены им; также имеется множество других сочинений про цветочки²);

д) изображение лесного пейзажа – иногда в метафорически переосмысленном виде («А над лесом ко Фрону // Пролетел крылат корабь»³ из стихотворной сказки «Федорок» и др.⁴).

Даже поговорки Честняков использовал такие, образность которых связана с лесом. Например, в письме к И.Е. Репину 25 апреля 1902 г. он писал: «Я так поздно пробился на эту дорогу; поэтому, не теряя ни минуты, не отвлекаясь ничем в сторону, нужно только учиться и учиться, чтобы не опоздать, успеть вовремя выступить: “Пропустя лето, в лес по малину не ходят”»⁵.

Важно отметить, что топоним Шаблово вместе с другими названиями населенных пунктов, с микропонимами и созданными Честняковым на их основе окказиональными топонимическими образованиями выступает маркером его «малой родины», которая уравнивается со всей Россией, с огромным русским миром и метонимически представляет его. Более того, Шаблово идеализируется и выступает идейным конструктом будущей счастливой России: в этом отношении особенно наглядна пьеса «<Марк-устроитель>» («Зная добрый путь начал...»)⁶ – с сюжетом-экскурсией по будущему новому конгломерату – деревне-городу. Одновременно деревня Шаблово сопоставляется с лучшими лесными государствами мира – Италией (см. выше) и Швейцарией.

По сообщениям современников Честнякова, Шаблово он именовал «Шабловской Швейцарией». Уроженец д. Шаблово В.П. Лебедев

¹ Честняков Е.В. Сказки, баллады, фантазии / сост. Р.Е. Обухов. – М.: Моск. учебники, 2012. – С. 55; Честняков Е. Поэзия. – С. 249.

² Пути в избах. – С. 189; Самоделова Е.А. Цветочные образы в творчестве С. А. Есенина и Е. В. Честнякова // Современное есениноведение. – Рязань, 2017. – № 1 (40). – С. 60–70.

³ Поэзия. – С. 212.

⁴ Самоделова Е.А. «Я одинокий, как в лесу»: концепт «лес» в жизни и творчестве Е.В. Честнякова // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре / отв. ред. А.И. Смирнова, И.Н. Райкова. – М.: МГПУ, 2017. – С. 51–61.

⁵ «Вот перед Вами русский...» Письма Е.В. Честнякова к И.Е. Репину / Вст. ст. подгот. текста и публ. В.А. Сапогова // Новый журнал. – СПб., 1993. – № 2. – С. 128.

⁶ Честняков Е. Поэзия. – С. 78–79.

написал в статье «Сделаем шаг к совершенству (Еще раз о Ефиме Васильевиче)» в 1997 г., процитировав привычное клише со слов художника: «Не зарастает народная тропа к Ефимову ключику. Это живописное место он называл “Шабловская Швейцария”»¹. Уроженка д. Вонюх (ныне д. Павлово) Кологривского р-на поведала о том, как она написала письмо Честнякову, в котором тоже упоминается придуманный символический топоним: «Фимко, я часто с тобой разговариваю, даже видела во сне, и вспоминаю, как мы раньше по нашему подболотью бегали и сидели на “Швейцарии шабловской”»². Уроженец д. Шаблово П.Е. Серов также вспомнил метафорическое именование Честняковым окрестностей родной деревни и кратко обосновал причину, которую он видел в особенностях ландшафта – почти горного: «Ефим звал “Русская Швейцария” – все было видно. (Княгинино – Чистешово – Щербетниково.)»³.

Можно предположить, что не только критерии необыкновенной красоты природы, горного рельефа с лесными пейзажами положены в основание такого географического сближения. В журнале «Солнышко», в котором Честняков в 1914–1915 гг. обнародовал свои художественные произведения, он мог прочитать две публикации о Швейцарии. В № 5 за 1913 г. в журнале «Солнышко» (в Бесплатном Приложении к нему – по сути, во вклейке) помещена гравюра и под ней текст про Швейцарию – с акцентом на красивые горы: «Трудно себе представить поразительную красоту Швейцарии, этой горной страны, занимающей по своим размерам очень небольшую часть Западной Европы. Прорезанные живописными долинами горы покрыты самыми разнообразными растениями»⁴.

В № 2 за 1914 г. журнала «Солнышко» опубликован очерк «В Швейцарии» Б. Раненского с фотографиями⁵. В очерке прославляются зарубежные крестьяне, которые сооружают «в швейцарской

¹ *Лебедев В.П.* Сделаем шаг к совершенству (Еще раз о Ефиме Васильевиче) // Кологривский край. – Кологрив, 1997, 26 июня, № 72 (10555).

² Пути в избах. – С. 228. – *А.В. Алевтина*, 1931 г. р., род. в д. Вонюх – письмо.

³ «Горница», папка «Воспоминания о Ефиме Васильевиче Честнякове». П.Е. Серов, 1922 г. р., уроженец д. Шаблово, жил в г. Кологрив, зап. Ф.А. Киселева 30.03.2004. Л. 2.

⁴ Солнышко. – СПб., 1913. – № 5 – Бесплатное Приложение, вклейка.

⁵ *Раненский Б.В.* В Швейцарии. Очерк // Солнышко. 1914. Февр. – № 2. – С. 67–87 – с фото.

деревне дома двухэтажные или трехэтажные, со многими постройками, светелками, узорными навесами, балконами, террасами» (вспомним двухэтажный дом-«овин» Честнякова, выстроенный по его проекту); «крестьянки не стирают дома, а по очереди пользуются общей прачечной»¹ (в Костромской области в деревнях и даже районных центрах у родников поставлены под навесами общественные колоды для стирки белья – такую колоду опоэтизировал Честняков в стихотворении «Войдете вы в часовенку когда...»²). В том же очерке Честнякову импонировало модное одеяние деревенских жительниц: «Все крестьянские женщины и девушки всегда хорошо одеты, хорошо причесаны, носят шляпы, даже в рабочую пору»³ (на картинах художника девочки-крестьянки часто изображены в шляпках). Сообщение о доступном многоступенчатом народном образовании в Швейцарии (включающем ясельное, всеобщее шестилетнее школьное обучение, бесплатные ремесленные и земледельческие курсы и др.), безусловно, привлекло внимание Честнякова: «Много также детских садов, то есть школ для детей лет 4-7. Там дети учатся, играя: рисуют, лепят, вырезают, клеят, делают игрушки, поют»⁴; сам художник 1 декабря 1920 г. открыл в д. Шаблово «детский сад» (он же «универсальная коллегия шабловского образования для всех возрастов») с подобной творческой программой.

Честняков исподволь формировал восприятие своего образа окружающими его людьми, основываясь на общем крестьянском локальном представлении о жителях лесного края как об особенных людях – мудрых и терпеливых, великих тружениках.

¹ Там же. – С. 70, 72.

² Честняков Е. Поэзия. – С. 44.

³ Раненский Б. В Швейцарии. Очерк. – С. 73.

⁴ Там же. – С. 74.

НЕЙРООБРАЗОВАНИЕ: ЗОНЫ ЭТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ¹

Развитие нейронаучного знания и соответствующих технологий в последние десятилетия значительно определяют характер социокультурных трансформаций, создавая новые возможности, проблемы и риски. Высокобюджетные и масштабные исследования мозга, которые, с одной стороны, опираются на достижения современных информационных технологий, с другой, способствуют их дальнейшему развитию, нашли свое воплощение в крупных социально-политических, экономических и инженерных проектах. Их реализация уже приносит свои теоретические и практические результаты, вызывая живой интерес и горячие дискуссии относительно гуманитарных и социальных последствий. Одним из таких глобальных проектов является нейрообразование, предполагающее внедрение нейротехнологий и нейронаучных знаний в образовательную сферу. Высокая аксиологическая значимость образования как сферы, призванной обеспечивать расширенное социокультурное воспроизводство, требует серьезного отношения к оценке возможностей, рисков и перспектив данного проекта.

Нейрообразование в современном научном, околонаучном и публицистическом дискурсе трактуется достаточно широко. Прежде всего, представляется важным различать нейрообразование, нейропедагогику и нейродидактику. Последние являются прикладными направлениями педагогики, опирающимися на теоретические выводы нейрофизиологии и дифференциальной психологии (G. Preiß, В.А.Москвин, Н.В. Москвина, А.С. Потапов, А.Л. Сиротюк, O. Houdé, S. Dehaene и др.). Педагогика как область знания, связанная с осмыслением целостной человеческой природы, основных идеалов, принципов и норм организации образовательного процесса, не должна отождествляться с собственно процессом целенаправленного управления формированием и развитием личности (процесс образования), а также институтами и механизмами, обеспечивающими этот процесс. Подобное отождествление придает

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Регулятивные возможности нейротетики в предупреждении дискриминации личности» № 17-29-02053.

отдельным образовательным проектам и политическим решениям в этой сфере статус научной авторитетности, делает их мало доступными для критики. А педагогика, в свою очередь, оказывается ангажированной интересами отдельных социальных групп и/или социальных институтов.

Именно такая ситуация складывается сегодня, когда под нейропедагогикой понимается комплексная образовательная система воспитания и обучения на основе достижений нейронаук, «высшая, современная ступень классической педагогики» [5, с. 9]. Здесь очевидна редукция представлений о человеке к идее многоуровневой нейросети, которую необходимо обучить. В такой трактовке нейропедагогика утрачивает свой изначально гуманистический потенциал, заключающийся в стремлении глубоко понимать процессы функционирования и развития психики, чтобы способствовать индивидуализации педагогического взаимодействия. Становясь «научным обоснованием» нейрообразовательных практик, таким образом понимаемая нейропедагогика открывает возможности для внедрения в образование «нейромифов», шарлатанства и откровенной эксплуатации упрощенных образов педагогически значимых процессов, на что указывают исследователи [3, 6, 7, 9, 19], а также для коммерциализации нейротехнологий в образовательной сфере [20]. На этом фоне понятны опасения в отношении нейрообразования как проекта в духе трансгуманистического улучшения человека [14, 15].

В данной статье ставятся следующие задачи: 1) обозначить основные трактовки нейрообразования в современном образовательном дискурсе; 2) выявить и дать общую содержательную характеристику зон этических и социальных рисков в нейрообразовании.

Нейрообразование – современный, связанный с успехами нейронаук и нейротехнологий образовательный тренд, под которым подразумевают: 1) популяризацию знаний, полученных в инновационных исследованиях нейробиологии; 2) подготовку специалистов в области нейротехнологий; 3) внедрение нейротехнологий в качестве дидактических, адаптационных методик, технических средств и нейрогаджетов в образовательный процесс; 4) бизнес-проект, использующий эффект новизны для формирования нового рыночного сектора; 5) реализацию трансгуманистического проекта будущего. Все эти трактовки имеют основание: такие тенденции существуют в современном образовании, в том числе в отечественном. В России продвижением данного тренда

занимаются отраслевой союз «НейроНет», созданный в рамках государственной программы Национальная технологическая инициатива (НТИ) и Ассоциация нейрообразования.

Технонаука, духу которой отвечает нейрообразование, поскольку оно в своих социально-значимых проектах реализует конвергенцию натуралистической и технологической парадигм, требует «новые дискурсы ответственности перед будущим» [10, с. 29]. В Европе эти вопросы решаются в рамках социальной оценки техники (Technology Assessment), формируя в последние годы особый концепт – «Ответственные исследования и инновации» (Responsible Research and Innovation) [2, с. 165]. Считаем, что обозначенные выше аспекты реализации проекта нейрообразования необходимо подвергать социальной, этической и широкой общественной экспертизе, не полагаясь на социальную ответственность и этическую компетентность людей, заинтересованных в коммерциализации новых знаний и технологий.

Этическая настороженность в отношении изменений, обусловленных внедрением нейронаучного знания и нейротехнологий, уже нашла свое выражение в нейроэтике, понимаемой как продолжение биоэтики в новой предметной области [4, 9]. Полагаем, что наработки в нейроэтике имеют эвристическую значимость для экспертной работы в отношении нейрообразования. В частности, анализ базовой этической проблематики в нейронауке, проделанный американскими исследователями Дж. Иллес и С. Бёрд, в сопоставлении с перспективами и задачами нейрообразования, каким оно представлено в современном дискурсе, позволяет обозначить зоны этических и социальных рисков (зон ценностной и нормативной неопределенности).

Популяризация нейронаучного знания и его представление широкой публике. Иллес и Бёрд справедливо отмечают, что нейронаучные знания связаны с пониманием человеческой «самости, субъектности и свободы воли, ответственности» [4, с. 11], поэтому имеют важнейшее мировоззренческое значение. Между тем научное знание не застраховано от ошибочных выводов и заблуждений, которые могут затем закрепляться в дискриминирующих практиках, формировать деструктивные (как для личности, так и для социума) установки. Если под властью научного дискурса вопросы о человеческой природе, его субъектности, свободе и ответственности из разряда дискуссионных перейдут в разряд идеологем, это серьезнейшим образом отразится на ценностных и нормативных представлениях, создавая множество

новых рисков. Учитывая общую редукционистскую тенденцию в современном социогуманитарном знании, можно прогнозировать, например, девальвацию терминальных ценностей, релятивизацию нормативных представлений, технократический подход к гуманитарным проблемам [14, 15, 18] и тому подобные деструктивные для общества последствия.

Кроме того, не следует игнорировать тот факт, что популяризация в принципе предполагает упрощение. Научное знание для обывателя превращается в набор образов, метафор и рецептов деятельности, освященных авторитетом науки. Здесь можно говорить о проблемных последствиях переноса нейронаучного знания в различные социально-значимые сферы, в том числе и в образование. Многие исследователи сегодня указывают на формирование нейромифов и их широкое использование в нейропедагогике и нейрообразовании [6, 9, 19]. Некорректное представление или интерпретация результатов нейронаучных исследований, представленная массовому потребителю, не только не формирует «правильного» представления о человеке, его обучении и воспитании, но является инструментом пропаганды тех идеологических конструкций, которые удобны и необходимы участникам рынка нейрообразовательных услуг и технологий. Вместо просвещенного человека мы получаем потребителя с новыми запросами. Все это требует высокой ответственности в популяризации нейронаучного знания и его представлении в общественном сознании.

Зоной высоких социальных и этических рисков является применение нейротехнологий в качестве дидактических, адаптационных методик, технических средств и нейрогаджетов в образовательном процессе. Анализируя программные заявления руководителя рыночной подгруппы «НейроОбразование» РГ НТИ «НейроНет» Евгения Плужника, можно обнаружить, что в России, например, уже к 2020 году предполагается внедрение «нейроинтерфейсов и технологий виртуальной и дополненной реальности в обучение», «использование гибридного интеллекта», «создание устройств для усиления памяти и анализа использования ресурсов мозга» [20]. А в проекте BASIS NEURO прямо заявлено: «Для улучшения качества обучения в образовательный процесс могут быть внедрены технологии мониторинга и нейростимулирования» [21]. Здесь сразу настораживают следующие идеи: создание и использование гибридного интеллекта, мониторинг мозговой деятельности, улучшение когнитивных процессов. Такие перспективы при современных технологических возможностях создают пул этических и

социальных проблем, связанных, например, со значимыми для современной цивилизации идеями конфиденциальности, автономии личности, идентичности, справедливости и т. п. [4, 11, 16, 17].

Но именно этот аспект нейрообразования наиболее перспективен для коммерциализации, поскольку эксплуатирует человеческие слабости, обещая большие возможности и перспективы без особого труда: усиление различных когнитивных функций и способностей, расширение возможностей восприятия и творческого потенциала [12, 13], свобода в «дизайне собственного Эго» [8]. Показательны и названия профессий будущего, представленные в Атласе новых профессий, разработанных Агентством стратегических инициатив (Сколково) в 2015 г.: тренер по майнд-фитнесу, разработчик инструментов обучения состояниям сознания, эксперт по «образу будущего» ребенка, дизайнер эмоций, продюсер смыслового поля [1]. Предполагает ли образ будущего, на который ориентируются авторы Атласа, ценность автономии личности, самоопределения, свободы? Какими этическими принципами будут руководствоваться представители таких профессий?

Требуется критический анализ обещаний и рисков применения нейротехнологий в образовании, оценка политических и экономических интересов участников этого рынка. Заявка на подготовку специалистов в данной сфере и программы обучения также должны подвергаться этической экспертизе.

В нейрообразовании как бизнес-проекте и социально-политическом проекте заложено несколько потенциально опасных идей. Первая: человек по своей природе является ущербным существом и нуждается в улучшении. Такая позиция предполагает возможность разделения людей на «улучшенных» и «не улучшенных», «перспективных» и «не перспективных» для улучшения. Идея «улучшения человека», с одной стороны, необходимая составляющая целого ряда педагогических систем, с другой – основа антигуманистических идеологий и практик. Где проходит граница, выводящая задачу «улучшения человека» за пределы собственно человечности? Следует также отметить, что в нейрообразовательных проектах нет отчетливого представления о целях и идеалах такого улучшения, хотя в качестве ориентира предлагается повышение производительности различных функционалов. Следовательно, здесь можно говорить о редуцировании человека к его функциональным характеристикам, а также о формировании мировоззренческих установок владения, подчинения, преобладания.

Вторая идея: улучшение человека на современном этапе возможно по пути технологизации, причем как на телесном, так и на психическом, и на ментальном уровне. Не затрачивая особых усилий, человек с помощью современных технологий может позволить себе такие возможности, которые ранее были недостижимы вообще, или же требовали много усилий и времени. Человек способен интенсивнее потреблять свои потенциальные возможности. Усилий меньше, а результат больше – перспектива заманчивая. Человек и его способности оказываются в зависимости от технологий и их производителей. Таким потребителем технологий, у которого представление о себе и своих возможностях связано с этими технологиями, легко манипулировать.

Третья идея: человек не является субъектом свободной воли и самополагания, он – лишь элемент в системе сложных детерминант, где максимум, что он может, это выбирать между различными стимулами и раздражителями. Следовательно, научно разработанная и технологически реализуемая иерархическая система стимулов и раздражителей позволит эффективно (где общезначимые критерии этой эффективности?) организовать социальную жизнедеятельность людей. Такие представления служат идейной основой тоталитарного общества. И они все больше набирают популярность в технократической культуре на фоне общей тенденции к натурализму.

Идеи, связанные с представлением о человеке и его будущем, реализуемые в образовательных практиках, довольно часто обладали этически опасным потенциалом. Но никогда речь не шла о таких высоких возможностях реализации этих идей, какие заявляются в нейрообразовании. Можно ли найти социальные регуляторы и отчетливые критерии, позволяющие предупреждать риски, обусловленные внедрением нейронауки в образовательную сферу?

Выводы. Внедрение нейронаучного знания и нейротехнологий в сферу образования является этически и социально рискованной тенденцией, поэтому должно подвергаться социальной, этической и широкой общественной экспертизе. Представляется, что в центре экспертного внимания должны оказаться вопросы: ответственное применение и распространение нового нейронаучного знания; оценка социальных и этических последствий использования нейротехнологий в образовательной сфере и коммодификации составляющих образовательного процесса; трансформация мировоззренческого содержания идеи «улучшения человека» в условиях технонауки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас новых профессий. Агентство стратегических инициатив. Сколково, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://future-prof.com/wp-content/uploads/2017/12/Atlas-novyh-professij.pdf> (дата обращения 09.02.2019).
2. *Грунвальд А.* 15 лет этике в области нанотехнологий: итоги развития / Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ): колл. монография / под ред. И.В. Черниковой. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 154–169.
3. *Дудко С.А.* Нейроисследования в педагогике развитых франкоязычных стран в контексте сравнительных исследований в сфере образования // Научные механизмы решения проблем инновационного развития. Международная научно-практическая конференция, Оренбург, ноябрь 2017. Ч. 3. – Уфа: ООО «ОМЕГА-САЙНС». – С. 68–72.
4. *Иллес Дж., Бёрд С.* Нейроэтика: этика нейронауки в современном контексте // Человек. – 2015. – № 6. – С. 5–20.
5. *Клемантович И.П., Леванова Е.А., Степанов В.Г.* Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний // Педагогика и психология образования. – 2016, – № 2. – С. 8–17.
6. *Костромина С.Н.* и др. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований / Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 4. – С. 61–70.
7. *Курдюмова И.М.* Использование нейронаук в образовании Великобритании: примеры верификации// Методологические ориентиры развития современной научно-дидактической мысли: сборник научных трудов Всероссийской сетевой научной конференции (21–29 ноября 2018 г.). – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2018. – С. 89–95.
8. *Метцингер Т.* Наука о мозге. Миф о своем Я. Тоннель Эго. – М.: АСТ, 2017. – 651 с.
9. *Первушина Н.А., Осетрин К.Е.* Нейропедагогика как выражение символизма биоэтики. Томский государственный педагогический университет, Томск // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2017. – № 2 (16).
10. *Середкина Е.В.* Ответственные инновации: конвергенция технонауки, социальной оценки техники и прикладной этики / Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ): колл. монография / под ред. И.В. Черниковой. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 28–41.
11. *Тищенко П.Д.* Россия 2045: котлован для аватара. Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция» // Вопросы философии, 2014. – № 8. – С. 181–186.

12. *Хоберман Дж.* 50 лет применения допинга и фармакологизация повседневной жизни. // Логос. – 2009. – № 6 (73). – С. 134–146.
13. *Холл С.* Виагра для мозга. // В мире науки, декабрь 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://neurobiology.ru/res/ResourceFile/12/FILE_FILENAME/2003-12-28.pdf (дата обращения 09.02.2019).
14. *Царева Г.* Нейронет – дорожная карта уничтожения человечества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shabdua.livejournal.com/4501141.html> (дата обращения 09.02.2019).
15. *Четверикова О.* Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. – М.: Книжный мир, 2018. – 384 с.
16. *Юдин Б.Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. – 2011. – Том V. – С. 102–118.
17. *Bonaci T. et al.* Securing the Exocortex: A Twenty-first Century Cybernetics Challenge. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://brl.ee.washington.edu/wp-content/uploads/2014/06/BRL_Wiener_2014_final_and_approved.pdf (дата обращения 09.02.2019).
18. *Fukuyama F.* Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Farrar, Straus and Giroux, 2002, 272 p.
19. Reverdy Catherine. Neurosciences et éducation: peut-on les marier? Источники в интернете – URL: <http://eduveille.hypotheses.org/5701>.
20. <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet/segmenty-i-proyekty/neuro-obrazovaniye>
21. https://basisneuro.com/BasisNeuro_whitepaper_v.1.0_ru.pdf.

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРЕЧЕННОСТИ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Техника и технический прогресс являются неотъемлемой частью современного мира. Неизбежность продолжения этого процесса ставит человечество перед проблемами, которые надо решать в контексте противоречивого взаимодействия человека и техники. В статье автор намеренно подчеркивает драматизм проблемы как «обреченности», которая, несмотря на элементы фатализма, предполагает активное вмешательство человека в научно-техническое развитие. Феномен обреченности в данном случае выступает как категорический императив, призванный «заставить» человека решать и смягчать негативные тенденции влияния техники на будущее общество.

В современном глобальном обществе продолжается процесс техногенеза. Начиная с 20 века наблюдается все бо́льшая связанность и зависимость человека от появляющихся новых технологий и технических новаций. Научно-технический прогресс порождает новые открытия в различных сферах науки и технологий. Они обогащают социально-культурную жизнь общества. Но эти проявления в то же время имеют противоречивый характер. Ведь с применением техники усиливается антропогенное воздействие на природную и общественную среду и не всегда положительным образом. Развитие техники порождает параллельный процесс социального регресса и элементов упадка и деградации социальной и природной среды. К. Маркс еще более ста лет назад проницательно заметил: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости» [2, с. 4]. Уже сейчас, в 21 веке, А. Гринфилд весьма реалистично подходит к прогнозной оценке постгуманистической идеологии, считает, что мы должны уметь разглядеть «предсказуемо низкие и слишком человеческие желания, включая желание извлекать прибыль из эксплуатации других и неприкрытую волю к власти и контролю» [1, с. 417]. В книге «Большой регресс: международные дебаты о духовной ситуации времени» Генрих Гей-

зельбергер приводит предсказание Ральфа Дарендорфа, что 21 век может превратиться в век авторитаризма [6]. Существуют, например, опасения того, что монополизация электронной информации со стороны государства может легко стать инструментом тотализации власти. [4, с. 14, 136].

Новые и противоречивые по своему проявлению технико-технологические новации порождают неизбежную обреченность человечества на драматическое взаимодействие с техносферой.

«Зачастую технологии находятся «в движении», вызывая как намеренные, так и непреднамеренные последствия» [5, с. 117]. С одной стороны, освоение новых технических достижений позволяет решать много частных проблем, но в то же время современные производственные технологии загрязняют окружающую природную среду и пока грозят человечеству экологической катастрофой. Феномен постоянно развивающихся транспортных коммуникаций влияет не только на природу, но и на социальные условия жизни людей.

Можно утверждать, что технологическая обреченность «техногенного» общества сопровождается двумя базовыми проблемами. Во-первых, – большинство негативных влияний техники на природу и общество объясняется тем, что сама техника *пока слишком неразвита*, чтобы *органично* вписаться в социоприродное пространство. Надежность и безопасность машин и технологий не абсолютна и оставляет желать много лучшего. Во-вторых, в системе техносциума центральной проблемой является человеческий фактор, от которого новая техника и технологии требуют нового научного мышления и развитого чувства ответственности.

От него, а также от профессионализма в значительной степени зависит надежность техники и качество ее функционирования. Однако «человеческие качества», уровень необходимого рационализма в современном мире еще отстают от скорости технического прогресса. Рациональность индивидов как социальных субъектов сопряжена с массой неразрешимых проблем. Слишком много причин и условий для отклоняющегося от рациональности поведения. Достаточно упомянуть хотя бы дерационализирующее влияние эмоционального состояния человека. Специалисты-психологи могут привести массу примеров таких отклонений. В техносфере в системах человек – машина именно по причине этих качеств человека выработаны методики и ритуалы тестирования, проверки состояния человека перед определенной

деятельностью, чтобы избежать катастроф и обеспечить безопасность (авиация, армия, атомная энергетика и т. д.). А в особо важных случаях на человека вообще не надеются и в технические системы встраиваются дублирующие двух-, трех-, четырехконтурные системы безопасности и более (например, в авиации, космонавтике, военной технике). В сфере «социума» такой подход еще только складывается, однако все отчетливее становится понимание необходимости проверки личных психологических, физических, управленческих качеств людей [3, с. 98], связанных со сложными и мощными техническими системами.

Следует подчеркнуть, что феномен технологической обреченности, включая все вытекающие из этого возможные следствия, вытекает из всего содержания научно-технического прогресса прошлого и настоящего.

Люди вынуждены создавать новую технику и технологии, чтобы обеспечивать благоприятные условия своего существования в природной и социальной среде. В то же время сама техника содержит в себе потенциал деструктивного влияния на природу и человека. Именно поэтому существует два течения, отражающих влияние техники на общество: оптимистическое и пессимистическое (катастрофическое). Очевидно, что оптимистическое течение склонно к утопизму и, следовательно, нереалистическому восприятию технического будущего человечества. По поводу пессимистического (катастрофического) направления существуют различные позиции. Так, Дж. Урри пишет об опасности «нового катастрофизма», который якобы порождает «фаталистическое отношение к будущему» [5, с. 85]. Однако мне представляется, что пессимистический и даже катастрофический подход, особенно в прогностической форме, содержит в себе больше конструктива, так как побуждает и мобилизует людей на **активное противодействие** негативным тенденциям в технологической обреченности человечества. Примечательно, что ссылаясь на Ричарда Слотера, Дж. Урри все же признает: «концепции антиутопий так же, как и концепции утопий, в определенной мере принимаются в качестве программ к действию, помогая реализовывать именно то будущее, которое мы себе представляем» [5].

Итак, содержательная сторона феномена технологической обреченности будущего человечества, будучи связанная не только с положительными, но и отрицательными сторонами, напрямую связана с человеческим фактором. Именно человек, с его непреодолимым

стремлением к *ничем неограниченному* техническому творчеству способен вызывать к жизни мощнейшие технико-технологические процессы, с которыми он не может справиться. Сюжеты научно-фантастических романов и фильмов вполне могут стать реальностью, если не обратить внимание на главную причину возможных в будущем технико-технологических катастроф – человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 424 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, т. 12, издание второе. – М.: 1958. – С. 4.
3. *Сивирин Б.С.* Феномен социальной перспективы (методологические основания социального прогноза и управления). – Новосибирск: Наука, 2002. 196 с.
4. *Турен А.* Возвращение человека действующего: очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
5. *Урри Дж.* Как выглядит будущее? – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.
6. *Heiselberger H.* Vorwort in «Die grosse Regression: Eine internationale Debatte ueber die geistige Situation der Zeit» Suhrkamp Verlag Berlin 2017. – 318 s.

О РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИГЛОТЕ-ТУРКМЕНЕ, НОСИВШЕМ ЕЩЕ И РУССКОЕ ОТЧЕСТВО

До начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. были созданы и дислоцированы в разных городах Туркменистана три национальные дивизии, а именно 18-я Туркменская кавалерийская, 1-я Туркменская горнострелковая и 72-я Туркменская стрелковая, в одной из которых служил комбригом Дж.Я. Халмурадов. Из общедоступной справочной литературы явствует, что сокращение «комбриг» в период с 22 сентября 1935 по 7 мая 1940 г. означало как должность командира бригады, так и персональное воинское звание лиц высшего командного состава Красной Армии. Комбриг соответствовал званию «бригадный генерал» в вооруженных силах других стран. Дж.Я. Халмурадов был после генерала Белой Армии, Главнокомандующего Закаспийским фронтом Ораз-сердара (1871–1929?), вторым туркменом, который удостоился такого высокого воинского звания.

Халмурадов Джума Яковлевич родился в самом начале XX века, в ноябре 1901 года (конкретный день его рождения в доступных исследователям документах не указан) в селе Акум-Дан-Ачи (правильнее по-туркменски: Акгумдэнажы, а никак не Ахунданацы, которое также представляет собой искаженную передачу туркменского оригинала) нынешнего Койтендагского этрапа Лебапского вилайета (бывший Чаршангинский район Чарджоуской области) Туркменистана. Сведения о том, что Джума Халмурадов родился в селе Ахунданацы Керкинского района [2, с. 337], также не соответствует действительности. Название его родного села Акгумдэнажы состоит из двух компонентов: Акгум – название местности, где расположено село; дэнажы – название одного из племен туркмен-арсаринцев. В последующем это наибольшее село присоединилось к близлежащему более крупному селу Акгумолам (акгум+олам). Туркмен-оламов считают потомками древних аланов.

Укажем также, что его личное имя Джума и фамилия Халмурадов (производная от имени его отца Халмурад) являются «чисто» туркменскими антропонимами, в вот его отчество Яковлевич требует отдельного объяснения. Дело в том, что рано осиротев, Джума в 1910–1912 гг.

вынужден был трудиться домашним работником у железнодорожника десятника – русского по имени Яков (туркмены обращались к нему, именовав его по-туркменски: Якуп-ага), который принял его как родного сына. Впервые русские приехали в те годы, чтобы в последующем построить в этих краях железную дорогу. Тогда Джума наряду с родным туркменским языком начал овладевать азами повседневной русской речи. Впоследствии Джума Халмурадов при заполнении личных документов начал указывать свое отчество как Яковлевич, хотя отчество как таковое у туркмен, как правило, не использовалось. Теперь на основе данных соответствующего интернет-сайта [3] кратко проанализируем его архивный послужной список в сравнении с данными из других источников. Джума Халмурадов с 1912 по 1918 г. работал сначала чернорабочим, затем стрелочником тогдашней станции Новая (Шахар) Бухарской железной дороги. В те годы и в последующем, работая в многонациональных трудовых коллективах и владея незаурядной природной способностью по владению языками, вскоре смог объясняться со своими сослуживцами не только на туркменском и русском языках, а еще и на таджикском, узбекском, казахском и татарском. С 1916 года начинает присутствовать на заседаниях социал-демократического кружка железнодорожников. В 1917 году вынужден два месяца находиться в Афганистане, опасаясь ареста за революционную деятельность. Вернулся и три месяца скрывался в районе г. Термез, но был выслежен и арестован. Приговорен к каторжным работам и в августе–октябре 1917 года сидел в тюрьме. В 1919 году вступает добровольцем в ряды РККА в качестве рядового артиллерийской батареи, затем становится командиром добровольческого взвода, с 1920 по февраль 1921 года участвует в боях с басмачами в Восточной Бухаре, занимая должность помощника командира кавалерийского эскадрона. В эти годы он овладевает еще персидским и турецким языками. Как известно, басмаческим движением в Бухаре руководил турецкий генерал Энвер-паша [22.11.1881–04.08.1922) [1, с. 9–11]. Член Коммунистической партии с 1919 года (по другим данным – с 1920 г.), Джума Халмурадов в 1920–1922 гг. работает председателем Климовского (Термезского), затем Кабодиенского уездных комитетов Компартии Туркестана (КПТ). Одновременно после работы повышает свою общую грамотность и профессиональный уровень, обучаясь в Термезе сначала в шестимесячной совпартшколе, затем на одногодичных общеобразовательных курсах. В 1922–1923 гг. – он ответственный (пер-

вый) секретарь Сурхан-Дарьинского окружкома РКСМ (г. Термез). Одновременно – заведующий агитационно-пропагандистским отделом Сурхан-Дарьинского окружкома КПТ. В 1923–1924 гг. становится ответственным (первым) секретарем Сурхан-Дарьинского окружкома КПТ. Одновременно (два месяца) и председатель окружного исполкома Советов. Жажда к знаниям приводит Дж.Я. Халмурадова в 1924 году в Ташкент, где он поступает в местное отделение Коммунистического университета трудящихся Востока (Ташкентский Комвуз). Являясь слушателем (студентом) Комвуза, он устраивается на работу преподавателем Среднеазиатской национальной военной школы (два года) и в то же время преподает историю ВКП(б) в подготовительном отделении Комвуза (один год). В 1924 году, когда Джума Халмурадов поступил в Ташкентский Комвуз, в новейшей истории среднеазиатских народов произошло судьбоносное событие – национально-территориальное размежевание в Средней Азии, в результате чего на территориях бывших Туркестанской АССР, Бухарской ССР и Хорезмской ССР были провозглашены Туркменская ССР и Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, которые добровольно вошли в состав СССР.

При установлении границы между вновь образованными республиками Термез и его окрестности перешли к Узбекской ССР, хотя там находилось несколько туркменских сел. Этим был выполнен тот основной пункт в создании союзной республики, в котором было предусмотрено, чтобы она обязательно имела границу с одним из иностранных государств. Более того, в результате этого ряд туркменских сел был оторван от основной территории Туркменской ССР и они остались во владении Таджикистана. Вопросы, возникающие у студента Дж.Я. Халмурадова в связи с вышеописанными обстоятельствами, долго не давали ему покоя. После окончания Комвуза пойти ли ему трудиться в прежние родные места или же принять настоятельное предложение руководителей Туркменской ССР и начинать работу пока в неизвестном ему Ашхабаде?

Наконец, в 1927 году, завершив учебу в Ташкенте, он принял окончательное решение и поехал в столицу Туркменистана. Работал ответственным инструктором (1927–1928 гг.), заместителем заведующего организационно-инструкторским отделом (1928–1929 гг.), заведующим агитационно-пропагандистским отделом и отделом культуры и пропаганды ленинизма (1929–1930 гг.) ЦК Компартии Туркменистана. Одновременно выполнял должности ответственных редакторов двух

печатных органов ЦК – газеты «Туркменистан» и журнала «Большевик». В течение целого года, с июля 1930 по июль 1931 г., – он ответственный редактор всех национальных изданий Туркменской ССР. Работая на руководящих должностях, возглавляя редакционные коллективы газет и журналов, в которых была сосредоточена тогдашняя интеллектуальная элита республики, Джума Халмурадов убедился в необходимости дальнейшего повышения своего профессионального уровня в центральных вузах страны. С этой целью он в 1931/1932 гг. обучается в Институте красной профессуры (г. Москва). Из общедоступной справочной литературы узнаем, что по состоянию на 1931 год существовало десять Институтов красной профессуры, одним из которых был Институт мирового хозяйства и мировой политики (впервые образован в 1925 году при Коммунистической академии). Дж. Халмурадов, обучаясь в данном институте, занимался изучением актуальных вопросов текущей конъюнктуры, истории и теории мировых экономических циклов и кризисов. Как известно, с 1931 года до его закрытия в 1947 году Институтом мирового хозяйства и мировой политики руководил всемирно известный ученый-экономист, академик Е.С. Варга (1879–1964). Через год, в 1932/1933 учебном году, Дж. Халмурадов поступает в аспирантуру Всесоюзного коммунистического института журналистики при ЦИК Союза ССР, который находился в ведении Комитета по заведыванию учебными учреждениями ЦИК Союза ССР [4]. В годы учебы в Москве усовершенствовал свои знания по письменным персидским и турецким языкам. С большой долей вероятности можно предположить, что за Дж.Я. Халмурадовым, владеющим наряду с родными туркменским и русским языками, еще персидским и турецким, а также некоторыми другими родственными им языками, в качестве объекта кандидатской диссертации закрепили тему, связанную с историей периодической печати на восточных языках. Здесь же отметим, что первым туркменом, который обучался в аспирантуре Восточного института (г. Ленинград) в конце двадцатых годов прошлого столетия, был А. Кульмухаммедов (1885–1931). Но ему не пришлось завершить свою кандидатскую диссертацию по литературе с успешной защитой, ибо он погиб 12 июля 1931 года в результате провокации, специально устроенной на советско-иранской границе. Он является автором ряда изданных монографий, статей и художественных произведений. Но преждевременная насильственная смерть прервала мечты и планы ученого. Им было подготовлено к изданию несколько книг, среди

которых были Абул-Гази Бахадур-хан. «Родословная туркмен» (текст по пяти спискам с предисловием и комментариями); Биографический словарь туркменских писателей (с древнейших времен до наших дней) [6, с. 55–57]. Настойчивая просьба руководства Туркменистана перед ЦК ВКП(б) направить представителей местной национальности из Москвы в Ашхабад в связи с острой нехваткой высококвалифицированных кадров в республике для назначения их на руководящие должности не позволила Дж.Я. Халмурадову долго заниматься наукой, и он с июня 1933 года начал заведовать распределительным отделом ЦК КП(б) Туркменистана. Учеба в Москве спасла Дж.Я. Халмурадова от неминуемой репрессии, настигшей в 1932–1933 гг. почти всех представителей туркменской творческой и научной интеллигенции (Какаджан и Бекги Бердиевы, Кумушали Бориев, Оразмаммет Вепаев, Сейитмурат Овезбаев и др.) [с. 14–20]. Учитывая ценный военный опыт, накопленный им в борьбе с басмачеством, с целью укрепления туркменской национальной дивизии опытными партийцами, командный состав направляет Дж.Я. Халмурадова на военную работу, присвоив ему при этом звание комбрига (командир бригады). Но через несколько лет после этого он не избежал всепожирающего пламени «большого террора».

Джуму Яковлевича Халмурадова арестовали в 1937 году. 28 марта 1938 года Сталин, Молотов, Каганович, Жданов и Ворошилов утвердили представленный НКВД СССР «Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда СССР по Туркменской ССР» (список № 67), рекомендуя Халмурадова и многих других к наказанию по первой категории, т. е. к высшей мере, расстрелу. В том же году он был расстрелян. Реабилитирован в числе других бывших туркменских деятелей после середины пятидесятих годов XX века. На стене здания Ашхабадской городской поликлиники № 9, которая находится в начале улицы, носящей имени Джумы Халмурадова, в свое время была установлена мемориальная доска (памятная плита). На ней наряду с его рельефным портретом были высечены слова: «Улица названа в память комбрига Халмурадова Джумы, видного государственного и политического деятеля Туркменистана, 1901–1938». В настоящее время почти все улицы Ашхабада не имеют названия, все они пронумерованы обычными цифрами. Бывшая улица Дж. Халмурадова давно стала просто 1985-й улицей и поэтому указанная памятная плита городскими властями была снята со стены поликлиники. Подведя краткий общий

итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что установившийся в стране в 30-е годы XX века режим, скрывая свои злодеяния под выдуманном предлогом борьбы за «всеобщее народное счастье», не считался с талантом и способностями отдельного человека, даже преданно служившего этому режиму. У Джумы Халмурадова нет «официальной» могилы, она неизвестна, ибо он также был казнен палачами существовавшего тогда режима, как тысячи и тысячи наших убиенных сограждан, но теперь обрел хотя бы такой, «условный», памятник, каким является настоящая статья о нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соегов М.* К вопросу о трудностях перевода собственноручных писем-сообщений оперативно-тактического характера // Языки в диалоге культур. Материалы II Международной научно-практической конференции (19–20 мая 2016 года). Часть I. – Уфа, 2016. – С. 9–11.
2. *Халмырадов Жума* // Түркмен Совет Энциклопедиясы, том 9. – Ашгабат: ТСЭ-ниң Баш редакциясы, 1987. – 514 с.
3. ЦентрАзия // URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1070185640> (дата обращения: 01.03.2019).
4. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/40068> (дата обращения: 02.03.2019).
5. *Söyegov M.* Sandarmoh'ta Şehit Olan Üç Türkmen Aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. – Kerkük, 2011. – S. 14–20.
6. *Söyegov M.* Türkmenistan'ın Enver Paşa'sı ve Fuat Köprülü'sü Abdülhekim Kulmuhammedov // Türk Edebiyatı Aylık Fikir ve Sanat Dergisi. Sayı: 411 Ocak. – Ankara, 2008. – S. 55–57.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

Глобализация, мощно поддержанная информационными атаками «прозрачности всего» и «скорости реакции», вынесла на повестку дня среди прочих проблему национального суверенитета России. Причина в том, что феноменом цифровизации в начале XXI века стала асимметрия информации – значительная часть современных государств смотрят на мир не «собственными глазами» [6].

Осознание на уровне государственной власти неполноценности, а значит, и уязвимости суверенитета экономического, спровоцировало запрос на формирование своей реальности на определенной территории, находящейся под юрисдикцией государства, т. е. возник запрос на интеллектуальный суверенитет.

В полный голос заговорили о примате приоритетов мышления над эффективностью, сетевым взаимодействием и научно-техническим прогрессом. Этику и просвещение призвали формировать ценностные приоритеты «нового сетевого мироустройства».

Идеал XX века «Свобода, равенство и братство» в XXI веке получил расширительный контекст, адаптированный под задачи сегодняшнего дня: свобода достижений как личных, так и общественных; свобода развития и саморазвития; совместное пользование и совместное участие; кооперация и взаимодействие; повсеместное развитие паритетных отношений [3].

Перед просветительскими структурами встала задача распространения и внедрения в обществе отношений, основанных на новой (паритетной, а не консенсусной) ответственности всех централизованных и децентрализованных сообществ, новой сетевой этики взаимности и диалога во всех сферах человеческой деятельности, новой сетевой нравственной культуры. Так как именно просвещение способно противостоять узкопрофильному, фрагментарному образованию. Просвещение разоблачает стандарты успеха и ценности экономики владения и присвоения, которые приводят к расслоению общества, к его разобщенности. Просвещение формирует общественное сознание и влияет на то, как мы понимаем «благо для человека» – сохранение своей среды жизни или накопление богатства и чрезмерное потребление.

Помимо просветительских задач, призванных решать проблему примата ценностей в общественном сознании, современная повестка озабочена состоянием научного суверенитета России [2]. Особо циничная расточительность страны к своим ресурсам, включая образованных, ориентированных на научный поиск людей, в последние десятилетия не позволила обеспечить преемственность российских научных школ и не сформировала научный корпус, который можно было бы считать «зрелым», с точки зрения этапа жизненного цикла, и способным представлять интеллектуальный суверенитет России. Тем не менее с 2007 года президент России В. Путин говорит о суверенитете как об условии выживания страны в существующем миропорядке, а в 2013 году на политическом форуме «Валдай» задача сформулирована однозначно и четко: «Суверенитет, самостоятельность, целостность России – безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить» [4]. В 2015 году на заседании Совета по науке, технологиям и образованию, говоря о конкуренции в научной сфере, В. Путин поднимает вопрос о научном и технологическом суверенитете, «чтобы внешние вызовы, какие-либо ограничения, попытки сдерживать Россию, а также слабость собственного научного потенциала не становились барьером для развития и нашего роста» [5]. В 2018 году президент РФ поддержал заявление, прозвучавшее в Госдуме о необходимости «отрыва от доллара», отметил необходимость «повышения» экономического суверенитета России, так как «монополия доллара ненадежна и опасна». И уже в 2019 году по итогам переговоров с главой Белоруссии А. Лукашенко, В. Путин в интервью журналистам заявил: «Полностью независимых государств в мире просто не существует». Часть своего суверенитета сознательно передала и Россия в Евразийский экономический союз, так как «такое взаимодействие помогает обеспечить больший уровень конкурентоспособности». Интерпретаций такого заявления множество, но автору оно кажется логичным, последовательным и стратегическим в свете поворота России на Восток. «Войти в Азию, оставаясь с Европой – это не только задача, но жизненная необходимость, условие сохранения стабильности и жизнеспособности страны на десятилетия, если не на века» [1]. Россия ознаменовала этот поворот серией грандиозных проектов по освоению Арктики, Дальнего Востока, трансграничного взаимодействия с Китаем и Монголией.

Специалисты по социальному проектированию озаботились проблемой создания интеллектуального пространства Севера, Дальневосточного региона и Евразии в целом. Создание интеллектуального пространства включает такие инструменты как интеллектуальный суверенитет стран-участниц, этноэкономики, интеллектуальный путь, интеллектуальное событие.

В рамках представленной статьи автором рассмотрено интеллектуальное событие и его роль в достижении поставленных целей.

В повседневной жизни событие воспринимается нами как значимое жизненное изменение (поведения, состояния личности, мировоззрения). А в социальном проектировании событийный подход применяют как технологию организации и управления жизненными процессами, образованием, поведением, социализацией. Отдельное событие включается в межсобытийные связи и формирует целостный процесс осознания жизни. Чем больше связей с событием, тем оно более значимо. Событийностью как инструментом воздействия на процесс осознания жизни можно (необходимо) управлять, создавая условия, максимально повышающие вероятность появления новых и желаемых программ и проектов у его участников. Учитывая тот факт, что содержание проектируемых событий, призванных изменить поведение участников, зависит от социокультурного кода заказчика и организатора, следует сказать о разнообразии существующих интеллектуальных сообществ, состоящих из представителей различных стран мира и предлагающих оригинальные форматы страновых интеллектуальных событий: TED (идеи, которые заслуживают общественного внимания) в США, INK talks (обмен передовыми идеями и вдохновляющими историями) в Индии, DX Summit (цифровая трансформация), UK CHALLENGE (лидерство и команда) в Англии, ScienceSlam (популяризация науки) в Германии. У этих интеллектуальных событий сформирована актуальная повестка, предлагающая живое обсуждение вокруг содержательных дискурсов, представлены позиции зрелых экспертных институтов, институтов развития, а также «социальных аниматоров» и людей, интересующихся определенной темой. И обязательно определена уникальная страновая позиция к вопросам мирового развития и общественной жизни. Интеллектуальные события имеют «медиа формат», – это не только события off line, это события, которые присутствуют и регулярно работают в медиа среде. Сегодня американская площадка TEDx зачастую воспринимается как «мерило качества в области содержа-

тельных выступлений» [7] и безусловный лидер с точки зрения доступности контента. Приемы, которые используют сегодня в интеллектуальных сообществах, – высмеивание стереотипов, провокационные интерпретации социальных норм – зачастую искажают ту реальность, которую отражает национальный суверенитет России. Перед интеллектуальным сообществом нашей страны стоит вопрос репрезентации российской позиции на глобальной интеллектуальной сцене посредством «событийности». России нужен свой национальный формат интеллектуального события, который сможет представлять российских спикеров глобальной интеллектуальной аудитории и продвигать идеи геополитичности России в евразийстве. «Событийность» или управление «событийным рядом» позволяет решать задачи национального суверенитета – научно, информационно отстаивая независимость внешнеполитического курса нашего государства и его верховенство во внутренних делах страны.

В 2013 году в России были отработаны особенности технологии организации российского события, которые оформились в уникальный подход INRU. В 2015 году был запущен проект INRU пилотной конференции совместно с правительством Красноярского края и Сибирским федеральным университетом.

Интеллектуальное событие INRU – это edutainment, «умное развивающее событие», «событие на отработку компетенций», «событие мотивационное» с использованием видео- и интернет-технологий, с упором на визуализацию и содержательный подход. Формат INRU предлагает в распоряжение каждого спикера всего 11 минут, что задает деловой темп мероприятия; выступления записываются на видео, что заставляет докладчиков концентрироваться на теме и аудитории; делегаты участвуют в дискуссиях, в обмене мнениями во время специальных перерывов для взаимодействия, в выработке решений и предложений. Формат INRU исключает режим формальных отчетов и не предлагает готового решения, а создает творческую среду для конструктивного диалога, в котором и спикеры, и делегаты должны быть услышаны, получить комплексный взгляд на проблему и выйти на паритетное решение, взаимовыгодный контракт, новые связи. Внедрение формата INRU на многих мероприятиях ГП «РЕСТЭК» свидетельствует о его жизнеспособности, однако остается острой проблема содержания мероприятий и создание его «медиа формата». Профессиональному, деловому или научному мировому сообществу нужно такое мероприятие,

которое будет способно стать ядром информационного поля в своей сфере, побьет рекорды цитируемости его спикеров в сетях и прессе.

Содержание событий выходит на первый план в социальном проектировании интеллектуального пространства России – важны спикеры – стратеги и вдохновители; делегаты, вовлеченные в заявленную повестку, эксперты; уникальный, исключительный контент; качество информации, подразумевающее актуальность, выявление и обоснование закономерностей бытия; нетворкинг и теплое общение. Спецификой российского интеллектуального события должна стать множественность точек зрения, а не одна точка зрения у всех. Собственная точка зрения позволяет создать уникальный контент, прецедент исследования и плодотворной дискуссии. Совместное действие в диалоге культур дает высокий интеллектуальный разряд.

Для определения интеллектуальных событий уместны метафоры «цветущая сложность» и «сообщающиеся сосуды».

Основные выводы

Национальный суверенитет – это многосоставная сущность, поддержание которой и укрепление зависят от мировоззрения нации, которое в свою очередь опирается на интеллектуальный суверенитет.

Удержание интеллектуального суверенитета в условиях информационной асимметрии бытия предполагает безопасность не только территорий, но и информационного пространства.

Мощным инструментом в проектировании информационного пространства, поддерживающего национальный интеллектуальный (и не только) суверенитет, является интеллектуальное событие.

Интеллектуальное событие, в отличие от традиционного, представляет собой площадку для диалога, на которой происходит борьба за внимание к новым идеям, научным школам, достижениям с целью влияния на поведение и изменение мира (мировоззрения). Здесь не предлагают готового решения для конкретной отрасли, а дискуссия и диалог, опирающиеся на универсальные (и междисциплинарные) аргументы, вносят свой вклад в проектируемый результат, предъявляют заинтересованному сообществу свою позицию. Содержание российских интеллектуальных событий и медиа формат остаются проблемными точками для индустрии событий РФ.

Развитие и активное продвижение российского интеллектуального события актуально в свете политических и экономических реалий – поворота России на Восток. *Ex Oriente Lux* (лат.), свет приходит с Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вперед к Великому океану-6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2018. – 65 с. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/21545/> (дата обращения 09.04.2019).
2. *Колин К.К.* Вызовы XXI века и стратегические приоритеты использования интеллектуального потенциала России. / Творчество и развитие общества в XXI веке: взгляд науки, философии и богословия. Сборник статей / Редакционная коллегия серии: В.Э. Багдасарян, А. Б. Ефимов, К.К. Колин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 378 с. – (Серия: Наука. Философия. Религия).
3. *Кочетов Э.Г.* Будущее. Мир в координатах новых пространственных форм. – М.: Эдитус, 2019. – 254 с.
4. Красные линии Владимира Путина, Президент России выступил на Валдайском форуме. 2013. / Российская газета – Неделя № 6192 (216) / Рубрика: Власть // URL: <https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html> (дата обращения 01.05.2019).
5. Путин: России нужен научно-технологический суверенитет. 2015. / Вести. RU/ Общество //URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2633620> (дата обращения 01.05.2019).
6. *Сологубова Г.С.* Составляющие цифровой трансформации: монография / Г. С. Сологубова. – М.: Юрайт, 2018. – 141 с. – (Серия: Актуальные монографии).
7. *Юркова А.* Зачем стране свое интеллектуальное событие. 2016 / Event LIVE // URL: https://event-live.ru/articles/dialogi/dialogi_272.html (дата обращения 15.04.2019).

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процесс глобализации, который прежде всего характеризуется предоставлением новых возможностей обмена и интеграции в различных сферах жизнедеятельности, в том числе речь идет об экономике, финансах, а также информационно-технических ресурсах, проявил очевидную необходимость сохранять и продвигать накопленный интеллектуальный и культурный опыт человечества и цивилизаций.

Особая роль здесь отводится укреплению взаимопонимания, осуществляемого через налаживание конструктивного взаимодействия, в которое вступают различные культуры, имеющие в свою очередь различные религии. Обеспечить социальную взаимосвязанность и устойчивое развитие можно только благодаря взаимопониманию и готовности вступать в диалог с другими этносами, принадлежащими иным культурам и придерживающимися определенных религиозных убеждений.

Межкультурный или межрелигиозный (меконфессиональный) диалог, выстраиваемый представителями различных этносов, оказывает положительное воздействие на совместные действия работающих вместе людей. Несмотря на достаточную степень изученности, интерес к проблеме диалога культур в поликультурном пространстве продолжает расти, что обусловлено прежде всего недостаточной осмысленностью ключевых моментов, позволяющих быть имманентно готовым к диалогическому общению.

Изменения социального характера, которые можно сегодня наблюдать в мире, предопределены имеющимся противоречием универсальных глобальных ценностей, а также возникающим стремлением у различных этносов сохранить собственную самобытность.

В условиях построения новых социальных связей можно наблюдать усиление первичной идентичности, проявление устойчивых элементов культурных моделей, которые по своей природе являются традиционалистскими (речь идет непосредственно о национальной культуре, а также религиозных ценностях, обычном праве и т. д.). Стоит отметить, что обращение к традиционалистским ценностям

расценивалось ранее как противостояние модернизации. Сегодня первичная идентичность становится все более важной и приобретает совершенно иные характеристики.

Можно наблюдать успешную трансформацию традиционных установок, которая осуществляется благодаря их переосмыслению и адаптации под новые реалии, для которых характерными являются такие новые качества, как открытость и нелинейность развития.

Когда мы говорим о традиционных установках, то чаще всего подразумеваются именно религиозные ценности, в которых находят отражение потребности людей к устойчивым этическим и нравственным ориентирам. Делая акцент на национальных чувствах и религиозных ценностях, человек тем самым демонстрирует себе и окружающим целостность собственного сознания и своей принадлежности традиционной общности. Однако прокламация определенных религиозных убеждений часто становится причиной агрессивного национализма и религиозного фундаментализма.

Именно религия является тем ключевым фактором, который играет ведущую роль в формировании и последующем определении идентичности. Более того, часто религия выступает в качестве связующего звена между различными цивилизациями, объединяя их, она выводит сознание представителей различных общностей далеко за пределы национальных границ.

Религия, которой всегда приходится сталкиваться лицом к лицу с развитием общества, попадает под влияние происходящих в этом обществе изменений. Об этом свидетельствуют процессы глобализации и их результаты.

Существующие мировые религии неправильно воспринимать как что-то данное и не подвластное изменениям. Безусловно, они являются феноменами как своего (имеется в виду время, когда эти религии появились и получили максимальное распространение), так и современного времени. Наряду с этим религии всегда отзывались на вызов времени и существующих реалий и, так или иначе, адаптировались к новым условиям. Религия в большей степени придерживается традиционных форм социальной жизни. Однако, как упоминалось выше, она может быть адаптирована под определенное время.

Именно поэтому возникает необходимость проанализировать возможные пути того, как религия, вписываясь в поликультурное пространство, может попасть в очаг конфликта. Иначе говоря, необходимо

понять, как религия может стать объединяющим, а не разрушающим фактором. Важно способствовать в реальной жизни налаживанию диалога между религиями, культурами и народами, которые живут и функционируют в условиях современного мира.

Необходимо обратиться непосредственно к самой религии, а точнее к формам духовного опыта, которые порождают адекватные изменения социальной практики и способствуют обозначению позиций, поддержание которых позволяет преодолеть кризис идентичности и при этом соединить эту самую идентичность с определенной рациональностью. О возникновении опасности можно говорить тогда, когда перемены в жизни происходят гораздо быстрее, чем люди успевают к ним адаптироваться. То есть, иначе говоря, события в целом значительно опережают осознание происходящего.

В современных условиях необходимо найти такое средство, которое способствует налаживанию межконфессионального диалога, с учетом идентичностей всех обществ и их особенностей. Для того чтобы найти это средство необходимо понять, как могут сосуществовать люди различных культур и конфессий. На сегодняшний день перед нами достаточно сложная и неоднозначная, полная противоречий картина межрелигиозных отношений.

Более того, для современной культуры характерно возникновение конфликтов на религиозной почве. Причиной тому служат прежде всего глобальные миграционные процессы, которые предполагают добавление к имеющимся ареалам межрелигиозных контактов, новых контактов.

«Наблюдается ускорение ритма истории, поскольку по насыщенности политическими, социальными, экономическими, технологическими преобразованиями каждый год в начале XXI века смело может быть приравнен к десятилетию в XIX веке, к столетию в средневековье и античности, к тысячелетию в глубокой древности» [2, с. 323–324]. Для современного мира характерным является такое явление как глобальная взаимная зависимость. Именно поэтому необходимо искать новый подход, для того чтобы наладить межконфессиональный диалог в этом культурном и религиозном разнообразии.

Множественная и динамичная идентичность, которая складывается в обществе, предусматривает четкое понимание того, какие различия являются допустимыми между разными общностями, насколько общности похожи между собой. Прежде чем признать множественную

самобытность, необходимо полностью трансформировать общественное сознание.

Отсюда возникает достаточно справедливый вопрос, можно ли трансформировать общественное сознание для того чтобы добиться глобального диалога между цивилизациями и культурами. Безусловно, религия выступает в качестве одной из основных границ, позволяющих отличать одну цивилизацию от другой. Однако не стоит забывать и о том, что даже придерживаясь одного вероучения, общностям часто достаточно трудно найти путь построения конструктивного диалога. Получается, что существует вероятность столкновения общностей и отдельно взятых цивилизаций.

Вместе с тем не стоит забывать и о том, что идет процесс установления тесных отношений между различными общностями, несмотря на расовую, религиозную и другие принадлежности. Построение межконфессионального диалога можно расценивать как императив, который предполагает концептуальную разработку и институциональное оформление. На теоретическом уровне разработано очень много подходов, которые позволяют выстроить этот самый диалог, например, Пауль Тиллих предлагает ценить религиозность другого, отстаивать собственные религиозные позиции, наличие общей основы и открытость для критики. При соблюдении этих условий можно, как утверждает автор, вести достаточно продуктивное взаимодействие [3].

Н.А. Великая убеждена в том, что одна религия должна не просто терпимо относиться к другой в процессе построения межконфессионального диалога в поликультурном пространстве, но также понимать и учитывать эти особенности в процессе взаимодействия [1].

Для выстраивания межконфессионального диалога в поликультурном пространстве необходимо, прежде всего, признать особенность другого общества или другой культуры. Попытаться понять эту культуру, ее особенности и внутренний уклад. Это в свою очередь способствует формированию чувства уважения к противоположной культуре или общности.

Конструктивно выстроенный диалог будет способствовать предотвращению тенденций взаимной нетерпимости и агрессивности, которые часто возникают в межконфессиональных отношениях.

Процесс глобализации является неотъемлемой частью современной жизни. Это обусловлено тем, что развитие различных сфер отдельно взятой общности (в том числе экономической, финансовой, политиче-

ской) предусматривает объединение и обмен опытом с другой общностью. Именно поэтому можно говорить о том, что мы живем в эпоху поликультурного пространства, в котором необходимо вести диалог между культурами, в том числе и межконфессионального характера.

Для построения диалога межконфессионального характера необходимо учитывать религиозный фактор, а именно отличительные особенности каждой общности, которая склоняется к подобному диалогу. Эти отличительные особенности должны приниматься, но при этом не должны утрачиваться собственные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Н.А. Диалог культур в поликультурном пространстве современной России: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Н.А. Великая; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. – Пятигорск, 2009. – 152 с.
2. Суханова Н.П. Современный образовательный процесс: интерактивность, саморазвитие, целостность // Человек: границы бытия: материалы международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 13–14 сентября 2018 г. / под науч. ред. С.А. Ан. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – С. 323–326.
3. Тиллих П. Систематическая теология. – Т. 3. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 415 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ВЫЖИВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

І. Проблемы земного и космического выживания человеческого сообщества

Человеческое сообщество планеты силою обстоятельств своего бытия в мире наделено *сложными миссиями биосферного, геополитического и космического выживания*. Ход процессов в земном и космическом мире установил вероятные сроки этих трех видов выживания Человека на планете и в галактике. В биосферном и геополитическом земном выживании людей эти сроки близки к границам отпущенного Человеку времени. Бездумный, тупой эгоизм в отношениях людей к биосфере, ресурсам планеты, к самим себе в геополитике закрывает людям пути в перспективу жизни следующих поколений людей. Экологический, экономический и геополитический эгоизм и честолюбие, запредельное потребительское производство, проблемы утилизации отходов должны быть взяты под контроль законодательных, исполнительных, правовых властей стран мира. Земное выживание планетного социума возможно лишь при утверждении в совместной геополитике стран *совместно согласованного, проблемно нацеленного разумного проектного начала*. В космическом, галактическом выживании отпущенные сроки длиннее. Но когда Солнце начнет поглощать ближайшие планеты, когда наступят следующие ледниковые периоды на Земле, что предсказывают астрофизики, мы не знаем. Солнце живет по своим законам и не думает о выживании людей в космосе. **Судьбы человечества в руках самих людей.** Для концентрации единой воли выживания планетарному социуму предстоит **возвысить нравственно-альтруистическую суть этой воли**. Это позволит заменить вечные геополитические раздоры на планете людей **интегрированной разумной геополитикой планетного и галактического выживания**. Беспечная бездеятельность или промедление в подготовке спасения человека планеты может привести к его гибели. Для выживания человечества нужно, чтобы каждый на планете людей был Человеком Разумным и Геокосмическим. *Именно сообщество таких Разумно Оду-*

хотворенных Геокосмических Личностей может выжить и достойно земного и космического выживания.

В этом смысле кардинально важен вопрос о том, *в какой роли и какую биосферную, геополитическую и галактическую миссию следует выполнить сообществу таких личностей, т. е. Коллективному Супер-человеку, в ходе решения проблемы земного и космического выживания человечества.*

Люди стоят перед фактом того, что в условиях биосферного рая **на нашей планете реально сосуществуют две цивилизации:** цивилизация эволюционного человечества и более продвинутая технологически цивилизация уфоноидов. Это две ветви единой гуманоидной цивилизации, генетически и технологически укорененной в *материнской системе планетной биосферы*, осуществляющей **курирующую рефлексию жизни** общей гуманоидной цивилизации посредством **Сверхразума Биосферы**. Похоже, что наша матушка, разумная биосфера, давно озабочена ролью спасительницы жизни биосферы и человечеств и создала для комплекса практических спасательных проектов *легион специальных гуманоидов-клонов* с их продвинутыми технологиями, способных решать текущие и перспективные задачи ее материнской спасительной миссии. Гуманоиды-клоны – это искусственные, технологически и информационно высокие гуманоидные модели, живущие по 600–800 лет, адаптированные к высоким перегрузкам НЛО, и по своему функциональному статусу они суть исполнители программной воли сверхразума биосферы. *Раз человечество существует и не уничтожено, значит это не враждебные пришельцы-захватчики с других планет, а наши добрые партнеры по программе спасительного земного и галактического выживания всего планетного живого комплекса: биосфера – гуманоидная цивилизация.* Эта оценка доброго, биосферно-гуманоидно родственного партнерства комплекса жизни планеты подтверждается фактом особого контакта американки Бетти Андрейссон с уфонавтами НЛО и с разумом биосферы. Именно так позиционировали себя гуманоиды с НЛО, возившие Бетти на контакт, и сам персонифицированный биосферный разум. При этом от биосферного разума ясно было выражено ожидание, что человеческая цивилизация должна эволюционировать в направлении формирования Человека Сверхдуховного. Видимо, именно такой человек, возможно, как-то модифицированный генетически, будет расселяться на других планетах в галактике. Дело Бетти до сегодняшнего времени оказывается

наиболее полно расследованным и документированным. Интересующихся отсылаем к подробному описанию этого контакта в литературе, приведенному в книге М. Карпенко «Вселенная разумная» [3, 107–115].

Похоже, что рефлектирующий и курирующий разум биосферы отводит Человеку Одухотворенному особую ключевую миссию в общей программе земного и космического выживания биосферно-социального живого комплекса планеты Земля. Материальные средства космической коммуникации в состоянии обеспечить передвижение в галактике со скоростью, составляющей лишь технологически возможную и безопасную часть скорости света. Это сильно ограничивает возможности практической реализации далекой космической экспансии и требует перехода к принципиально нематериальным технологиям и средствам космической коммуникации. Если не материальные, то **ключевую роль в далекой космической коммуникации могут сыграть лишь духовные технологии и средства коммуникации.** Сверхсветовые скорости космической коммуникации могут быть освоены только лишь при освоении духовных технологий и средств космической коммуникации. С освоением духовных технологий, их энергетики и технологических методов научно-технологической элитой человечества дело обстоит хуже некуда. **Здесь доминируют материалистические мировоззрение, наука и технологии.** Духовными энергетикой и технологическими методами занимаются разные энтузиасты: экстрасенсы, йоги, оккультисты, представители религии, что сообщает результатам исследований этого направления псевдонаучный характер. И это тоже неутешительно. Срочно необходимо сформировать в разных странах научные направления исследований *энергетики, свойств, технологических возможностей, методов, средств и их полезных применений духовного субстрата субстанции мира.* Биосферная и человеческая жизнь перенасыщена духовными технологиями бытия, которые пока что для науки остаются малопонятными и малоисследованными, если честно называть вещи своими именами. *И здесь ключевой помехой оказывается зашоренный материалистический подход в изучении мира.*

По тому, как позиционируют себя разные высокие гуманоиды, можно судить об их функциях в спасительной программе Разума Биосферы и о состоянии практической реализации этой программы. Примерно три вида гуманоидов занимаются на удаленных планетах подготовкой пригодных для гуманоидной жизни атмосферы, почвенного

покрова, растительного, животного, микроорганизменного мира. И они позиционируют себя на Земле как пришельцы с других планет. И это естественно. И есть гуманоиды, выполняющие функции курирования состояния биосферной жизни нашей планеты, текущие проблемы и риски жизни человеческой цивилизации. Это наши непосредственные соседи-партнеры от продвинутой ветви гуманоидной цивилизации планеты Земля. По всему видно, что программа космической экспансии гуманоидной цивилизации Земли, запущенная Сверхразумом Биосферы, давно работает в полную силу. Циркулирует уж совсем невероятная информация, что плазменные космические корабли посещают Солнце и погружаются в его глубины. Достаточно очевидно, что биосферный разум уже находит возможным предлагать людям свои технологии, работающие в летающих НЛО, организуя их «крушения» в разных участках планеты.

Современные риски и угрозы выживания человеческой цивилизации на нашей планете адекватно оценивать, формулировать в качестве осмысленных проблем и наметить способы решения этих проблем возможно лишь *в рамках общей и естественной онтологии* современной **синергетической парадигмы философии**, провозглашенной на форуме философов России и других стран в качестве преемницы философской парадигмы диалектического материализма. В статье предполагается выделить те наиболее значимые моменты учения о сущности мира, на основе которых откроется возможность осмысленно оценить общую комплексную проблемную ситуацию в деле земного и космического выживания человеческого сообщества на долгосрочную перспективу. Одну практически революционно значимую и уже решаемую проблему из этого проблемного комплекса выделим особо для формулировки ее философской, научной и инженерной сути, с тем чтобы наметить общие подходы к ее принципиальному решению и к постепенному технологическому освоению цивилизацией. Это проблема перехода также и на естественную энергетику в технологиях жизни вместо использования только искусственных энергетических двигателей в технологиях бытия людей. Естественная энергетика и естественные двигатели уже широко используются в технологиях параллельной продвинутой цивилизации, что бросается в глаза при наблюдении за способами перемещения НЛО.

Научно адекватное понимание сущности нашего мира – первое условие знания того, как адаптивно выживать в этом мире, что в нем позволено творить и что не позволено вытворять.

В проблеме сущности мира исходно значимы вопросы о *субстратной и процессуальной сущности мира*. Какие субстраты и как они связаны между собой в любом объекте мира? Какие базовые процессы мира и как они связаны между собой в процессуальном бытии любого объекта мира?

В современную эпоху бурного научного, технологического и социального прогресса стремительные фантастические перемены, захватывающие жизнь всех и каждого, принудительно меняют нашу психологию, переводя ее от состояния невозмутимой инертности к режиму постоянной учебы, овладения новыми технологиями и активного участия самих в творчестве новых технологий в области дела своей жизни. Фантастика становится обычной повседневностью. При этом смысловые экстраполяции между далекими и, казалось бы, чуждыми областями становятся взрывными источниками новых идей, проектов и технологий. Мне как специалисту-философу в области общей, естественной и социальной онтологии хочется дать толчок новому комплексному научно-технологическому тренду, связанному с радикальным обновлением двигательнотягловой основы большинства видов транспорта, с массовыми энергетическими и иными ресурсными сбережениями, с ослаблением экологического давления на природу. И что удивительно, само это новое научно-технологическое движение возможно лишь при условии понимания ряда открытых фундаментальных философских закономерностей, лежащих в основе основ общей сущности мира и улучшающих наше зрение в отношении видения новых технологических возможностей мира.

Суть проблемного смысла нового комплексного научно-технологического тренда в следующем. Планеты, звезды и галактики двигаются благодаря своим естественным энергетическим двигателям. На Земле естественные двигатели макротел подавлены планетной гравитацией. Поэтому люди пользуются разными искусственными двигателями. Уфаноиды создают НЛО, которые двигаются на Земле и в космосе с использованием естественных двигателей. Наука и технологии людей достаточно созрели для того, чтобы постепенно начать создавать и использовать воздушные, водные, железнодорожные, автомобильные, а в будущем и космические транспортные средства с естественными двигательными установками, энергосберегающими и экологически более чистыми, чем многие искусственные, применяемые сейчас. В США в

военное время нечаянно заставили военный корабль переместиться на естественной тяге из одного порта в другой, когда ученые и инженеры обрабатывали корабль электромагнитными полями, стремясь его не то размагнитить, не то придать ему невидимость. Значит, тем более в наше время продуманно и более предусмотрительно проблемой естественного двигателя для транспорта заниматься уже возможно.

Но для этого следует прояснить, как минимум, три обстоятельства.

(1) Научно-технологический принцип работы естественного двигателя, включая и принцип работы управляющих устройств таким двигателем. (2) Прояснить те сущностные моменты и законы в философской сущности мира, которые позволяют осознанно понимать принцип работы (1). (3) Биологическое и медицинское исследование проблемы: допустимые для человека перегрузки при использовании естественных двигателей на разных видах транспорта. Для прояснения проблемы (1) вначале следует разобраться в проблеме (2). Проблема (3) – вариативна. В одних случаях нет смысла для использования запредельных скоростей. В других случаях возможно использовать автопилотирование. Возможно, где-то и когда-то понадобятся услуги генетиков, биологов, специалистов искусственного интеллекта для создания подходящих клонов для космических кораблей на естественном двигателе. В статье будем заниматься проблемой (2), что откроет возможность дать принципиальную постановку проблемы (1).

II. Элементы из философского учения о сущности мира

В проблеме сущности мира исходно значимы вопросы о **субстратной и процессуальной сущности мира**. Какие субстраты и как они связаны между собой в любом объекте мира? Какие базовые процессы мира и как они связаны между собой в процессуальном бытии любого объекта мира? Вся современная философская онтология мира, включая комплекс вопросов о сущности мира, основательно и детально изложена в первом и втором издании работы автора данной статьи «Книга таинств, чудес и законов бытия. Современная общая, естественная и социальная онтология». – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 671 с. На нее нам придется ссылаться.

Философия и наука за свою историю открыли три субстрата (субстратных начала) мира. Это известные материя, дух, а также субстрат,

известный элеатам Пармениду и Зенону как неделимый и неподвижный континуум, и также Платону, который идею континуальности и спокойной инертности в диалоге «Тимей» приписал пространству как третьему субстрату в своей системе мира, наряду с материей и духом [5, с. 492–493]. Затем о третьем начале мира забыли. И лишь А. Эйнштейн в общей теории относительности воспроизвел пространство в качестве субстрата, имеющего неевклидову инерционную метрику, определяемую количеством материи в данной окрестности космоса. И снова субстратных начал стало три: материя, дух, инертное начало мира. Представления о пространстве в физике обычно исходили от математики: евклидово пространство (классическая физика), пространство Минковского (специальная теория относительности), неевклидово пространство Римана (общая теория относительности), как свидетельствует сам Эйнштейн [9, с. 404–406]. В современной философской онтологии **материя** – *это объективная, вещественная реальность*, сама по себе не имеющая массы, но приобретающая ее при взаимодействии с другими двумя субстратами субстанции. **Духовное начало** субстанции мира – *это неевещественная реальность*, заданная двумя ярусами: *объективным, неевещественным, силовым континуумом связности и неевещественным субстратом самой субъективно-смысловой ментальности*. **Инертное начало** субстанции мира – *это объективный, неевещественный инертный континуум*, имеющий сам по себе евклидову метрику, но которому тяготение наводит неевклидову метрику. Итак, вещественный субстрат в составе субстанции мира – это материя, а континуум связности, субъективный дух и инертное начало – это неевещественные субстраты-эфемериды в субстратном составе субстанции мира. Четыре субстрата трех начал мира неразрывно объединены в субстратном составе объектов мира *в эквивалентных пропорциях*. В современном учении о сущности мира это зафиксировано **принципом эквивалентности начал субстанции**. Поэтому каждый субстрат составляет 25 % от общего субстратного состава мира и его субстанции. При этом к субстрату материи относятся свет, невесомая, весомая, светлая и темная материя. По данным современной астрофизики и космологии, приведенным в книге Иэна Стюарта, полная масса-энергия *нормального вещества* включает в себя лишь 4,9 % от общего субстратного состава Вселенной [6, с. 450–452]. Эти данные отвергают чисто материалистический взгляд на мир. Процентное расхождение

данных астрофизики с прогнозом принципа эквивалентности объясняется разным субстратным пониманием понятий «материи» в философии и «вещества» в научной картине мира.

Наука и философия за свою историю открыли **три базовых процесса мира**, лежащих в основе всех процессов мира: *свободный хаос, системное развитие порядка и стабилизирующую энтропию*, которые совмещены в мировом целостном процессе и в целостном процессе любого субстратного объекта. Базовые процессы присущи как своим носителям основным субстратам мира: хаос – материи, системное развитие – духовному началу, энтропия-негэнтропия – инертному началу субстанции. **Базовые процессы мира – это вид внутреннего взаимодействия в основных субстратах мира** (в материи, континууме связности, инертном континууме). Каждый базовый процесс подчинен *закону своей калибровочной симметрии собственного движения*. Вопрос о калибровочной симметрии базовых процессов мира детально и обстоятельно изложен в уже названной работе автора «Книге таинств...» [7, с. 350–361], откуда мы кратко перенесем самое необходимое.

В философской и научной литературе не раз заходила речь о *базовом отталкивании и притяжении*, лежащих в основе системной организации мира. **Калибровочная симметрия движения материи, материального хаоса** – это *шаровая симметрия векторов отталкивания* в каждой точке материальной среды, дополненная *хаосом беспорядка ломаных траекторий* сталкивающихся материальных объектов. *Идеалом симметрии движения материи* было бы свободное инертное движение по прямым траекториям, когда материя не имеет массы, наводимой инерционными эффектами континуума инертности. Но в итоге это *нарушенная шаровая симметрия* собственным беспорядком и организованным порядком в отношении движения материи со стороны континуума связности, *что сообщает материи инерционную массу*. **Калибровочная симметрия материального хаоса носит дискретный характер** как в отношении деления субстрата самой материи, так и в отношении распределения предельно возможной скорости движения и ресурса энергии на трех ортогональных степенях свободы дискретного материального объекта. Поэтому векторы скорости движения материи и ресурсы энергии на ортогональных степенях свободы не могут сложиться и превзойти скорость света.

Внутреннее взаимодействие континуума связности (силового яруса духовного начала субстанции) обычно называют *притяжением*. **Калибровочная симметрия базового процесса системной организации** как вид движения в континууме связности – это в идеале **шаровая симметрия потенциала связного натяжения, ниспадающая от центра к периферии**, как в законе всемирного тяготения Ньютона или в законе Кулона в электростатике. Континуум связности для системной организации материи покрывает себя потенциальными ямами, буграми, барьерами разной формы: округлыми, трубчатыми, петельными, ярусными, облачно-туманными, сетевыми, уровневыми, общесредовыми и др., в которых как в потенциальных ловушках дискретная материя двигается по установленной симметрии потенциальных ям. В микромире и макромире – это распространенная симметрия левого-правого винтового движения материальных вращений, вихрей или симметрия всевозможных колебаний. *Притяжение и отталкивание потенциальных ям континуума связности* оказывается базовой универсальной формой связного взаимодействия, заложенной в суть известных фундаментальных взаимодействий: слабого, электромагнитного, сильного, гравитационного. Тяготение – это перекрывающееся взаимодействие потенциальных ям гравитации, создаваемых массами материи как зарядами тяготения. Общего усредненного фона тяготения не существует. Мировое тяготение – это ячеистая сеть связанных потенциальных ям гравитации. Трактовка тяготения в качестве силовой связи потенциальных ям материальных объектов подчеркивает истинный объективный **физический смысл гравитации**, соответствующий математической трактовке тяготения Эйнштейном в качестве искривленного пространства Римана.

Взаимодействие потенциальных ям в континууме связности используется духовным началом в качестве силовой, динамической системности в основе возведенного организованного порядка **системной сложности мира**. *Калибровочная симметрия процессов континуума связности* носит не дискретный, одномерный, как у материи, а *связный шаровой, трехмерный характер*, когда процессы одной плоскости индуцируют процессы-эквиваленты в другой плоскости, как в индуктивных процессах электромагнетизма. Но и в других процессах (как, например, в тяготении), где объекту свойственно целостное состояние от континуума связности, воздействие на любом направлении объекта увлекает в этот процесс весь связный объект. Правда, макроскопиче-

ские объекты могут иметь неоднородную, «рыхлую» связность, и законы их взаимодействий усложняются.

Наука в физике, химии стихийно натывается на закономерности калибровочной симметрии потенциальных ям континуума связности в фундаментальных взаимодействиях (слабом, электромагнитном, сильном, гравитационном). Было бы крайне полезно осознанно развить специальную теорию континуума связности, описывающую закономерности образования, свойства и законы взаимодействия разнообразных потенциальных ям. *Инерционный континуум инертного начала субстанции мира является носителем базового процесса стабилизирующей энтропии*, т. е. переходных процессов между равновесными состояниями статических инерционных сил, инерционными эффектами при нарушениях равновесий этих сил и переходами энтропии в новые равновесные состояния системы. **Калибровочная симметрия стабилизирующей энтропии** оказывается сочетанием *шаровой симметрии статических инерционных сил* потенциала инертности в равновесных зонах состояний систем и неравновесного потенциала инертности в *сети уравнивающих переходов* от энергетически более насыщенных состояний равновесия потенциала инертности к энергетически менее насыщенным равновесным его состояниям. В отличие от континуума связности, где доминирует *симметрия трехмерной целостности сил потенциала связного притяжения*, в континууме инертного начала господствует *симметрия трехмерной целостности сил потенциала инертности*. Инертный эффект на любом направлении объекта вовлекает в инертный процесс весь трехмерный инерционно целостный объект.

Процессы энтропии-негэнтропии инертного начала субстанции не самостоятельны, а оказываются прилипалами к деструктивному хаотическому процессу материи (тандем хаос – энтропия) и к конструктивному системному творчеству континуума связности (тандем системотворчество – негэнтропия). Если энтропия – это процесс скатывания с «энергетической горки» системы, связанный с деструктивными тратами запасенной энергии на бытийные нужды системы, то негэнтропия – это процесс структурирующего восхождения на «энергетическую горку» системы, связанный с запасанием энергии на будущие ее бытийные траты.

В отдельном системном объекте субстанции непременно присутствуют свои процессуально-субстратные эквивалентные доли из состава субстанции. Собственный островок континуума инертности в отношении точной бухгалтерии счета движения-энергии всех субстратов своей системы выполняет роль *внутренней абсолютной системы отсчета*. Реальные системы не знают о внешних системах отсчета специальной теории относительности, которыми пользуются физики.

Объединенная, комплексная калибровочная симметрия процессуально-субстратных начал субстанции в любом объекте составляет **суперсимметрию субстанции системного объекта**. Вопрос о комплексной суперсимметрии субстанции автором детально и обстоятельно рассматривался в его изданиях «Книги таинств...», однако в рамках струнно-осцилляторного подхода в рассмотрении микромира в разделе «Комплексная калибровочная симметрия квантовых микрообъектов» [8, с. 358–363]. Здесь мы высветим *более универсальный смысл этого вопроса*, имея в виду комплексную суперсимметрию самой субстанции как целостного единства процессуально-субстратных ее начал: материи, континуума связности и континуума инертности. Организация комплексной суперсимметрии субстанции того или иного системного объекта бывает разной в зависимости от того, *как распределен феномен запутанности-незапутанности* в комплексной калибровочной симметрии движения субстратов на ортогональных степенях свободы и на продольной и поперечной плоскостях динамической системности объекта. В комплексной суперсимметрии фотона имеет место сочетание чистой, незапутанной калибровочной симметрии движения материи со скоростью света на продольном направлении с комплексной, запутанной симметрией поперечных колебаний электромагнетизма, где присутствует запутанная калибровочная симметрия континуума связности и континуума инертности. В комплексной суперсимметрии объектов, движущихся медленнее световой скорости, симметрия процессуально-субстратных начал субстанции системного объекта является комплексной, запутанной как в продольном движении, так и в его поперечных внутренних процессах. Эта разница обнаруживается в том, что продольное движение фотона свободно от сил инерции континуума инертности. Фотон мгновенно стартует со скоростью света и не разрывается силами инерции, точно так же мгновенно финиширует на каком-либо объекте, не разрушая силами инерции

себя и принимающий объект. Другие же объекты при неравномерном движении в любом направлении сопровождаются действием инерционных сил континуума инертности.

В комплексной суперсимметрии субстанции системных объектов на объединенную калибровочную симметрию базовых процессов материи, континуума связности и континуума инертности системной эволюцией Вселенной наложена симметрия возникших фундаментальных взаимодействий: слабого, электромагнитного, сильного и гравитационного, – которая начинает доминировать в динамической системности движения субстанции.

И здесь прежде всего напрашивается вопрос о *месте калибровочной симметрии механического движения в комплексной суперсимметрии субстанции объекта*. Физики не выделяют механическое движение в особое фундаментальное взаимодействие среди остальных известных четырех. Механические силы не связывают, а дробят субстрат материи, т. е. это как бы и не продуктивное внешнее взаимодействие. **Но это вид внутреннего взаимодействия отталкивания внутри субстрата материи.** Количественные ресурсы механического движения заданы *«рулеткой скорости» механического движения*, расположенной в продольной плоскости движения системного объекта. Интервал скоростей внешнего механического движения объекта находится между состоянием покоя и движением со скоростью света, в зависимости от того, какая часть скорости движения как потенциального свернута внутри объекта, а какая его часть выведена во внешнее кинетическое движение.

В комплексной суперсимметрии субстрата-движения субстанции в системном объекте на Земле, где живут люди, совмещенной, запутанной является симметрия уровней квантовых микропроцессов, макроскопических и космических. На уровне квантового микромира гравитационное взаимодействие ничтожно мало и даже не квантуется квантованием Больцмана и Планка. Но здесь в запутанном комплексе действуют слабое, электромагнитное и сильное взаимодействие и механические процессы. В макромире на Земле доминируют механические, электромагнитные процессы и земное тяготение, а в космических масштабах доминирующим взаимодействием становится тяготение, совмещенное с механическим движением. Любое движение системного объекта на любом уровне системной организации мира – это всегда

динамический комплекс четырех субстратов и трех базовых процессов главных начал субстанции (материального, духовного, инертного).

Физик Ю.Г. Пейсахович в своем энциклопедическом издании «Классическая электродинамика» особо подчеркивает, что в уравнениях Максвелла присутствуют смыслы, описывающие потенциальную и вихревую, соленоидную составляющие электрических и магнитных полей соответственно [4, с. 20–21]. В философском плане это можно расшифровывать как иносказательное физическое указание на то, что *электромагнитное взаимодействие несет в себе элементы механических вращательных моментов движения материи и конфигураций потенциалов континуума связности*. На вращательную природу спинов фотонов, электронов, ядер, атомов, связанную с калибровочной симметрией в микромире, указывает в своей книге Стивен Габсер [1, с. 103–107].

Особая роль в задании колебательно-когерентной природы фундаментальных параметров объектов микромира принадлежит дотационному квантованию Больцмана отчасти организованного хаоса теплового колебательного движения в микромире, а также дотационному квантованию Планка организованного движения фундаментальных взаимодействий в микромире. Дотационное квантование микрообъектов надстроечной Вселенной исходит от энергетических ресурсов «плотного вакуума», от уровня темной сверхплотной субстанции. Истинный вакуум подобными энергетическими ресурсами не располагает. Квантовые микрообъекты – это двухуровневые образования, естественные процессы которых рассеивают их энергию на уровне виртуального вакуума, но дотационное квантование Планка которых выбрасывает их снова на уровень микромира, где они благодаря этому продолжают свои процессы фундаментальных взаимодействий. Вследствие этого «сохраняющиеся» параметры квантовых микрообъектов (энергия, масса, импульс, момент, заряд, магнитный момент) являются на самом деле периодическими в отношении энергетической насыщенности величинами. Думается, что энергетическая насыщенность микрообъекта при падении в энергетическую пропасть истинного вакуума все же не достигает нулевого значения, «нулевой точки». Так, в nanoисследованиях выявлено, что заряд электрона в минимуме состояния имеет дробное значение $1/3$.

III. Овладение естественными двигателями природы как технологическая проблема цивилизации

Этот вопрос крайне актуален в отношении разнообразных технологий на транспорте в других сферах жизни человеческой цивилизации.

В плане проблемы овладения человеком естественными двигателями для раскрутки «рулетки механических скоростей» важно то, что естественные двигатели механического движения присутствуют в макроскопических материалах изоляторов, проводников, полупроводников, сверхпроводников, магнетиков, диамагнетиков и других в качестве квантовых микроскопических феноменов: вращательных моментов спинов частиц, моментов атомов, молекул, их магнитных моментов, которые находятся в разной степени согласованности-рассогласованности своих ориентаций в собственных макроскопических материалах-носителях. Внутренние электрические заряды, токи, спины, механические и магнитные моменты частиц, ядер атомов, молекул с их взаимными ориентациями во всем материале доступны управляющему воздействию человека посредством целого набора методов технологий, которыми уже владеют специалисты-ученые и инженеры-конструкторы. Проблема создания естественного двигателя для макроскопических транспортных объектов заключается в том, чтобы **придать согласованную ориентацию внутренним вращательным моментам** материала-двигателя в продольную плоскость направления движения, что и должно привести к естественному его движению. Для этого нужен технологический метод управления согласованной ориентацией внутренних моментов движения микрообъектов в специально подобранных материалах. *Нужны и технологические механизмы управления скоростью и направлением движения.* Скорость движения на естественном двигателе может регулироваться разными способами: управлением степенью согласованности внутренних вращающихся моментов, подключением к тяге разных объемов материала-двигателя, созданием гравитационной невесомости способом уравнивающего обнуления эквивалентов электрической и магнитной инертной массы материала всего технического аппарата и другими.

Для технологий естественного движения исключительно важно понимание и использование обобщенного философского принципа эквивалентности, как закономерности бытия, позволяющей вводить запутанную-незапутанную связь калибровочной симметрии процессуально-субстратных начал в объединенной конфликтно-компромиссной

суперсимметрии субстанции. *Незапутанное движение* в отношении *инерционных сил континуума инертности* возможно вводить и в системах, движущихся со скоростями ниже скорости света. Философский принцип эквивалентности объясняет обнуление инерционных сил континуума инертности в ситуации уравнивания, обнуления каких-то процессуально-субстратных эквивалентов в суперсимметрии субстанции системного объекта. В суперсимметрии фотона оказываются уравновешенными ортогонально обособленные процессуальные эквиваленты на продольной и поперечной плоскостях движения. Это сообщает невесомость, неинертность продольному движению фотона. Уравнивание сил центробежных и центростремительных на околопланетной орбите движения космического объекта, т. е. уравнивание эквивалентов инертной и весомой массы объекта, создает состояние невесомости, незапутанности с инерционными силами континуума инертности. В земных условиях уравнивание энергии, сил, потенциалов эквивалентов электрической и магнитной индукции сообщает макроскопическому объекту гравитационную невесомость. Иначе, уравнивание, обнуление эквивалентов электрической и магнитной массы макрообъекта на Земле исключает его запутанную связь с инертным континуумом и его силами инерции. **Тяготеют массы как заряды гравитации, а когда массы обнулены, тело свободно от действия сил гравитации и сил инерции.**

Для лучшего, более тонкого понимания действия принципа (закона) эквивалентности в области субстратных и процессуальных отношений основных начал субстанции уточним смысл исходных категорий философии (и науки), относящихся к описанию *закономерностей процессуальной стороны бытия* субстратов мира. Самые универсальные качественные закономерные различия процессов основных субстратных начал субстанции (материи, духовного, инертного) описываются смыслом философской категории «*базовые процессы начал*» субстанции. Второе место в описании универсальных закономерных качественных различий процессов субстанции мира следует отдать смыслу философской категории «*универсальные взаимодействия субстратов*» субстанции мира. Это взаимодействия внутри и между субстратными началами субстанции. На третье место по степени универсальности качественных закономерных различий мировых процессов на более конкретном и вариабельном уровне выходит смысл философской категории «*универсальные формы движения*» субстанции мира.

Это струнно-осцилляторная, механическая, электромагнитная и гравитационная формы движения субстанции. Следующее место в отношении описания универсальности и вариабельности законов процессов мира следует отвести смыслу философской категории «уровневые и межуровневые процессы» в системной организации мира. Здесь найдут себе достойное место четыре фундаментальных взаимодействия, введенные в физику, которые относятся к процессуальным закономерностям этого рода, а также межуровневые процессы квантования Больцмана и Планка.

Мировая субстанция для создания в конфликтном мире своих субстратных начал компромиссно-гармонического порядка системной сложности повсеместно и эффективно использует безграничные возможности закона (принципа) эквивалентности. Все начала субстанции в гармоничной системной организации мира сбалансированно выражают свою процессуальную сущность бытия. Поэтому миру не угрожают крайности ни абсолютного разрушительного хаоса, ни энтропийная смерть Вселенной в состоянии абсолютного нуля температур (по третьему закону термодинамики), ни абсолютная системная заорганизованность, ни схлопывание в сингулярную точку от доминирования притяжения. Ключевые универсальные методы системной гармонизации субстанции – это образование во всех формах бытия процессуально конфликтных, конкурирующих эквивалентов, их уравнивающее спаривание в стабильные процессные тенденции или в стабильные модули для выстраивания фрактальной вариативной системности, для постепенного, эволюционного формирования выверенных форм бытия конфликтно-компромиссной, устойчиво гармоничной системной сложности мира.

В деле освоения для жизни цивилизации и, в частности на разных видах транспорта, технологий естественных двигателей и способов тонкого и надежного управления ими радикально важно философско-научное проникновение в многообразие тайн методов стабилизирующей гармонизации мировой субстанцией отношений между конфликтными бытийными эквивалентами. Работоспособными оказываются вариативные специализации общих методов природы в их всевозможных сочетаниях.

Все это дело новое, требующее обстоятельных и тонких научно-технологических исследований сначала над малыми конструкциями, а затем над все более крупными. Но дело стоящее. И проблема для

специалистов высокого класса уже решаемая. Главное – это верить, работать, создавать исследовательские школы специалистов, разумно вкладывать ресурсы, накапливать позитивные решения и опыт их полезного использования. Огромные территории России и ее протяженные транспортные коммуникации требуют активности страны в этом направлении. Обозримое геополитическое утверждение России требует от нее лидерства в освоении этого класса технологий.

Успешное освоение человеческой цивилизацией транспортных технологий космических полетов на естественных двигателях приведет к установлению разумных контактов и партнерских отношений с Разумом Биосферы и продвинутой цивилизацией андроидов в программе освоения иных жизненно доступных планет в нашей галактике в целях спасительной экспансии биосферной и социальной жизни планеты Земля. Естественно, эти контакты и отношения будут завязываться с успешными народами высокого экономического, технологического и культурного уровня, проявляющими добрый и миролюбивый нрав. Среди этих народов должна оказаться и Россия.

В научной литературе обсуждается вопрос о возможности перемещения в пространстве посредством создания *сети телепортации*. При этом предполагается, что в технологии телепортации будет задействован эффект мгновенной передачи информации с помощью схлопывания волновой функции квантовой механики [2, с. 157–168]. Это идеи на грани научной фантастики. Пускай не все, но хотя бы часть идей на грани научной фантастики находят реальные методы реализации и технологического применения. Современный прогресс социума фантастичен и для своего философского осмысления требует развития неординарной адекватной философии мира.

IV. Заключение

Современный научно-технологический прогресс открыл реальную возможность еще для одного прорывного тренда – перехода на транспорте и в иных сферах жизни цивилизации от искусственных двигателей к естественным двигателям. Где-то естественный двигатель может работать самостоятельно, а где-то в сочетании с искусственными двигателями. Революционное обновление двигательной тяги на разных видах транспорта несет в себе значительные энергетические и экологические преимущества. Фантастический прогресс современной цивилизации требует пересмотра нашего мировоззренческого видения мира,

где уже не работает традиционный добрый, но однобокий и все упрощающий материализм. В названных книгах автора дан вариант нового, научно адекватного понимания сущности мира и всей общей, естественной и социальной философской онтологии, где развито неточечное, системное рассмотрение микромира и основан инфинитный подход в трактовке проблем космологической эволюции всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габсер С.* Маленькая книга о большой теории струн. В поисках принципов устройства Вселенной. – СПб.: Питер, 2015. – С. 103–107.
2. *Дарлинг Д.* Телепортация. Прыжок в невозможное. – Москва: Эксмо, 2008. – С. 157–168.
3. *Карпенко М.* Universum Sapiens (Вселенная разумная). – М.: Мир географии, 1992. – С. 107–115.
4. *Пейсахович Ю. Г.* Классическая электродинамика. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – С. 20–21.
5. *Платон.* Сочинения в трех томах. – Т. 3(1). – М.: Мысль, 1971. – С. 492–493.
6. *Стюарт И.* Математика космоса. Как современная наука расшифровывает Вселенную. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – С. 450–452.
7. *Тимошенко И.Г.* Книга таинств, чудес и законов бытия. Современная общая, естественная и социальная онтология. – Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2017. – С. 350–361.
8. *Тимошенко И.Г.* Книга таинств, чудес и законов бытия. Современная общая, естественная и социальная онтология. 2-е изд., дополненное. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – С. 358–363.
9. *Эйнштейн Альберт.* Собрание научных трудов. – Т. 2. – М.: Наука, 1966. – С. 404–406.

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ: ГЕНЕЗИС, ОСОБЕННОСТИ, ЗНАЧЕНИЕ

Доктор философских наук Изыслав Яковлевич Копылов, в честь которого проводятся чтения, является представителем поколения ученых-фронтовиков, как А.В. Гулыга, Д.И. Дубровский, А.Я. Зись, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, В.Ж. Келле, И.А. Крывелев, М.А. Лифшиц, В.И. Мишин, И.С. Нарский, М.Ф. Овсянников, Т.И. Ойзерман и др. Война неизбежно встроена в социальную онтологию. Вызывает воодушевление, когда мыслитель с энтузиазмом штурмует не только теоретические вершины, но и Рейхстаг.

9 мая – это граница понимания различий между Россией и Западом. В то время, как здесь можно наблюдать народное единение, подъем духа и новостную сконцентрированность вокруг самого важного события новейшей истории России и мира, западные СМИ обходят Победу над фашизмом холодным молчанием [16].

России нужна национальная философия. Государство, которое отказывается поддерживать своих мыслителей, будет кормить чужих. Конечно, существует мнение, что с помощью отечественной философии нельзя решить ни одной философской проблемы. Вероятно. Однако вполне может быть, что философские проблемы, принципиально неразрешимы. На каждом этапе развития общества они переосмысливаются и переформулируются. Реверсия, трансгрессия, рифрейминг – это неизменные ходы философии. Философы приходят и уходят, а проблемы остаются. Люди приходят и уходят, а нация остается. Нам нужна национальная философия, чтобы оставаться. Философия нужна для того, чтобы решать жизненные вопросы безопасности государства, единства народа и адекватного мышления.

Развитие, деколонизация и рывок национального самосознания – это огромная тема. В данной статье я остановлюсь на стратегии социальной и политической философии действующего Президента В.В. Путина, который провозглашает принципы суверенности, безопасности и устойчивости [5]. Свою программу духовного обновления России он начал интуитивно, из своего нравственного воспитания, найдя впоследствии опору в национальной философии.

И.А. Ильин, малоизвестный к концу жизни, умерший в Цолликоне, пригороде Цюриха, в 1954 г., получил вторую жизнь придворного философа Кремля. Встав на сторону простых людей в годы терроризма и отключения сибирских городов от тепла и света, Путин смог воплотить ранний идеал Ильина о правовой жизни в России, защищенности от произвола. Воплотил он и поздний, о национальной диктатуре, одержав победу над олигархами и принудив их финансировать целостность холодного сырьевого государства. Он примирил ненависть Ильина к советскому государству, перезахоронив его останки в Донском монастыре и оставил без внимания его правые завихрения. Путин снимает тезис монархизма и антитезис радикального большевизма в синтезе консервативной идеологии [3]. Великий синтез традиции и демократии, консерватизма и прагматизма, авторитаризма и свободы претворяется в путинской философии национального самосохранения, где злу сопротивляются силою, а добро имеет кулаки. В своей управленческой практике он соединяет славянофильство, евразийство и свободу творчества Н. Бердяева. Суть философии Путина – занимать в служении родине все, что может пойти ей во благо. Поэтому его ранний питерский либерализм, который он впоследствии пересмотрит, – это тоже служение. Получается, что основной философский принцип Путина – это деятельное вовлечение приходящих возможностей для увеличения коллективного блага.

Не согласен с западными статьями о том, что философия Путина сформирована почвенничеством и антитехнологизмом «самого опасного философа в мире» [2]. Инновации и технологии занимают особое место в его мировоззрении, без них прорыв не мыслится. А.Г. Дугин так формулирует главные достижения Путина: восстановление независимости от либеральных западных идей, укрепление целостности государства, суверенное управление, самобытное развитие [10].

Встречается мнение, что правящая элита – это уходящее поколение, которое и ментально, и социокультурно устарело. Это вопрос мнения. Можно также сказать, что в сложном обществе руководитель созревает долго и сегодня Путин находится в лучшей форме. Более того, его уровень растет и индикатором этого являются не только публичные выступления и живые эфиры, но и динамика дел: Крым, Сирия, инфраструктура.

Самая большая адекватность России XX века – революция 1917 года, ибо партия большевиков через утопию шла наиболее реальным и

поэтому трагичным путем к модернизации. Монархизм Милюкова, народность эсеров и война меньшевиков не соответствовали историческому ходу страны.

Говоря о другом периоде развития государства, профессор Л.Ф. Шевцова, называя причины политического заката Б.Н. Ельцина, указывает в качестве одной из причин растущую неадекватность, неспособность делать релевантные оценки и принимать управленческие решения [19].

Сложному обществу нужны адекватные лидеры. Одной из особенностей усложнения реальности является борьба между желаемым и возможным. Глобальное общество в целом устремлено в созидание лучшего будущего, при этом каждый последующий достигнутый этап воспринимается следующим поколением как естественный.

Усложнение социального пространства-времени задает новые требования к национальным лидерам. Путин уже поднял планку флагманства на небывалую для России высоту. Отныне, чтобы соответствовать комплексным вызовам *modernity*, Президент должен совмещать в себе качества пахаря-воина или такого профессионального кентавра, который бы соединял в себе хладнокровие Евпатия Коловрата, сметливость старообрядцев-меценатов, практический ум Петра Столыпина, сибирскую закалку, кавказскую энергию и миролюбие Микулы Селяниновича.

Политическая коммуникация сегодня должна учитывать растущую цефализацию и обратную связь граждан. Ведь санкции США и Евросоюза против администрации и крупных финансистов – это удар по всей России, по всем коллективам, которыми руководят субъекты санирования. Западные благосостояния и потребительского самосознания в том, что граждане хотят постоянно большего и, напротив, не хотят нести коллективные расходы за индивидуальные ошибки политиков, оплачивать санкции против высокопоставленных чиновников.

Информационные ресурсы сегодня имеют не менее важное значение, чем экономические рычаги. Дальнейшее выживание и самобытное развитие России зависит от оснащенности и готовности к активному противостоянию в глобальной информационной войне, где средства поражения и цели не имеют привычного физического ущерба. Главные оппоненты России в информационной войне – Великобритания и США, а также их сателлиты: Польша, Грузия, Украина, прибалтийские страны. Ключевые игроки выделяют на воплощение антироссийских редакционных заданий миллиарды долларов. При этом основной

мишенью является В.В. Путин, как успешный лидер государства. В качестве боеприпасов используются инфоповоды – Крым, Донбасс, Катастрофа Boeing 777 в Донецкой области, дело Скрипалей и т. п. [14]

Политолог А.И. Фурсов обозначает гносеологическую ситуацию информационного противостояния термином «постправда»: «...когда для обвинения не нужны доказательства, для доказательств – аргументы. «Постправда» – это право сильного, т. е. контролирующего власть, деньги и информацию, объявлять «черное» «белым» – и наоборот, без всяких доказательств вынося приговоры неугодным (см.: «малайзийский боинг», «отравление Скрипалей», «химатака в Сирии», «вмешательство РФ в американские выборы», дело ВАДА и т. п.). Постправда – это один из способов ведения информационной войны в условиях монополии на глобальные СМИ» [18, с. 27].

Готовность к любым самым сложным и неудобным вопросам, открытость и принципиальность – это невиданные качества в истории российской политической коммуникации. Ни Брежнев, ни Горбачёв не проводили открытых talk show такого формата. В России и мире не так много политиков, которые готовы к прямым вопросам журналистов. Разговаривать с прессой и отвечать на неудобные вопросы – это очень сложный вызов современности. Это своего рода прозрачность и наблюдаемость для политика.

В мировом сообществе редко найдется такой политик, который бы так долго и профессионально отвечал на вопросы журналистов и населения в прямом эфире, как это делает Путин. Позиция очень правильная, так как это снимает определенную часть напряженности в обществе. Нужно объяснять людям, что то, что у нас есть, нужно ценить и уважать, а социальные противоречия можно решить лишь частично, но простых вопросов не бывает и президент не волшебник. Устойчивая социальная мифологема «долой хунту и будет порядок» опасна и не имеет перспективы.

Конференции Путина с журналистами длятся обычно по несколько часов, присутствует порядка 1500 репортеров, задают прямолинейные, жесткие, а порой провокационные, циничные, грубые, бестактные вопросы. В США, оплоте мировой демократии, в этом году президент Трамп не выдержал и лишил журналиста аккредитации в Белом доме [1]. Путин принимает правила игры современного социума и вступает в открытый бой духа и воли. В этом смысле он остался закаленным единоборцем,

чемпионом Ленинграда по дзюдо. Он не просто интеллектуал, который держит в голове множество деталей экономики и политики, налогообложения, машиностроения, нефтяной отрасли, экологии. Путин – энергичный ратоборец, стратег и тактик ближнего и дальнего боя. Казалось бы, трудно что-то противопоставить такой искренней позиции. Чу! Эксперты тщательно анализируют цифры, которыми так легко оперирует президент и находят их слишком оптимистичными, а порой и фантастическими [8]. Риск в таком формате общения заключается не только в том, что за тобой могут проверить, а еще и в том, что некоторые вопросы могут касаться секретных тем, и уклонение от темы будет тоже заметно, на что и обращает сразу же внимание оппозиция, как с вопросом про ЧВК «Вагнер» [6]. Показательно, что в этом провокационном вопросе тактика Президента заключалась в том, чтобы перевести ответ в формально правовое русло, а стратегия – в область информационной войны: «И, наконец, о трагедии, которую вы упомянули. Это, безусловно, трагедия. Погибли люди, у них есть семьи, близкие люди. И вообще, к сожалению, очень много трагедий связано с журналистами. Я думаю, мы никогда не должны забывать, в том числе и о журналистах, которые погибли на Юго-востоке Украины, попав под обстрел или те, на которых было совершено покушение, которых, фактически, расстреляли. Об этих не забывайте, пожалуйста, тоже», – подчеркнул президент» [7]. Иначе говоря, Путин парирует, «да я знаю, что Вы делаете, зарабатываете на защите людей, работающих против национальных интересов России, но есть и другие журналисты». Я не согласен, что он «высокомерно и грубо, манипулируя сознанием общественности, пытается скрыть следы преступления», что включение «дополнительного сюжета – примитивный обычный прием оперативника средней руки» [15]. Почему рифреминг должен быть исключен из политической риторики? Может быть, действительно, не ЧВК «Вагнер» расследовать, а убийства российских журналистов на Украине? Почему бы вопросы про погибших журналистов в ЦАР не задать тем, кто дал им такое редакционное задание? [13].

Оппозиционная риторика последнее время отталкивает, так как ничего оригинального она предложить не может, кроме дешевых штампов, вроде «флирт с населением», «шоу для домашней публики», «спектакль с дирижером» и хипстерского растаскивания на мемы и затирания власти в язвительном стебе.

Государство – это живой проект, который нуждается в постоянной поддержке. Государственность России – это необходимость выживания такой большой территории, населенной разными людьми с общей судьбой, порой счастливой, порой трагической. Столыпин говорил «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!». Сейчас это высказывание столь же актуально. Нужно воспроизводить эти 20-летние циклы снова и снова! Пусть даже в режиме ручного управления! И при этом готовить смену элит.

Андрей Бабицкий, журналист с уникальной судьбой, разместил очень точный публицистический материал в газете «Взгляд» под названием «Одиночество Путина», где личность Президента РФ раскрыта экзистенциально, как миссия, монашеский подвиг медиации социокультурной полифонии огромной страны [4]. На мой взгляд, это наиболее проникновенное понимание В.В. Путина, несмотря на всю многогранность и неисчерпаемость его личности.

Согласно одной из распространенных концепций происхождения государства, причина возникновения этого политического института заключается в завоевании, порабощении и силе. Трудно отрицать роль войны в процессе образования любого государства, однако сегодня этот политический институт невозможно поддерживать только с помощью насилия. Именно сегодня концепция общественного договора как никогда актуальна. Не что иное, как общественное согласие творит государство каждый раз заново. Можно говорить о новой российской корпоративности, когда философия государства В.В. Путина становится жизнью и делом политических и военных элит, интеллигенции и патриотической молодежи, философия, которую можно выразить в послании «Безопасность, труд, динамика, спорт, устремленность в будущее». Это эмерджентная Россия, чей имидж должен оставить далеко позади депрессивные образы немой, пьяной, жестокой, холопской тирании, отраженной в литературе XIX–XX вв.

Россия, устремленная в будущее – это русская стрела, реанимированный православно-космический-коммунистический проект. «Нам приходится конкурировать, во-первых, с американским проектом, который сейчас находится не в лучшей форме, но, имея за плечами опыт восхождения к мировой гегемонии, сохранил еще достаточно силы, чтобы попытаться уничтожить тех, кто будет оспаривать глобальное доминирование американской модели будущего» [12].

Мы не заметили, как Россия изменилась за 30 лет. При этом мы сами, наши регионы, изменились вместе с ней, приобрели новые свойства, новые возможности. И, несмотря на то что фундаментальные принципы остаются, – порядочность, дисциплина, уважение, благодарность, качество жизни, перспектива иметь достойную работу и разнообразие деятельности, – все это небывалые особенности новой России. Из опасных 90-х годов прошлого века мы перешли в фазу благоприятного устойчивого развития. Этого никогда бы не произошло, если бы у России не было национального лидера.

Философия Путина – философия объективности и многозадачности, исторического оптимизма и служения. Это мировоззрение, которое соответствует комплексному обществу. В сжатой форме ее можно назвать философией адекватности. Философия адекватности – это социально-философская программа, в отличие от концепции истинности, гносеологической. Адекватность – это синтез объективности, диалектики и многополярности; корреспонденция индивида, институтов и государства сложности разворачивания глобального и локального. Современный авторитарный капитализм («демократура», военная тимократия) – естественный и единственно возможный для России способ организации социальной жизни огромного государства [11, с. 284].

Скорость социальных процессов угрожает эффективности устойчивости. Соревнование становится самоцелью. Modernity – это конкуренция на всех клетках шахматной игры. Общество-тетрис. Каждая ячейка социального лифта мгновенно заполняется. В обществе скоростей мы мчимся по поверхности и отряд не заметит потери бойца.

Скорость – фундаментальное двигательное качество, поэтому к современной жизни нужно относиться как к спорту, спринтерско-марафонскому забегу. Не случайно сегодня в образовательной среде превалирует компетентностный подход. Парадокс паранепротиворечивой логики: приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте. Истина снова выторговывается, как во времена софистов, только ареной борьбы стал весь мир и его символом должен стать Янус – римское божество лимиальности и транзитивности, обычно изображаемое с двумя ликами, на прошлое и будущее [17].

Политэкономическая и правовая реальность современного общества световых скоростей представляет собой сложную синергетическую среду со множеством аттракторов и агентов влияния. Это делает невозможным соблюдение не только одинарных стандартов, но и

двойных, доводя их количество до янусовидности или ситуативности. В этих условиях исключительно возрастают требования адекватности политического лидера и институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. CNN reporter banned: Fox joins outcry after exclusion from White House event – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2018/jul/26/cnn-reporter-banned-trump-white-house-event-kaitlan-collins>.
2. *Ratner P.* The Most Dangerous Philosopher in the World – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigthink.com/paul-ratner/the-dangerous-philosopher-behind-putins-strategy-to-grow-russian-power-at-americas-expense>.
3. *Snyder T.* God Is a Russian – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reeces.maccmillan.yale.edu/news/timothy-snyder-god-russian>.
4. *Бабицкий А.* Одиночество Путина – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2018/1/17/903933.html>.
5. *Ельчанинофф М.* Философские корни путинской идеологии – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/archives/16674>.
6. «Вправе продавливать свои интересы в любой точке мира» – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.znak.com/2018-12-20/putin_otvetil_na_vopros_o_deyatelnosti_chvk_vagner_i_povare_prigozhine.
7. Вопрос «Новой газеты» Путину про повара Пригожина и ЧВК «Вагнер». Большая пресс-конференция 2018 – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=c7zper25en8>.
8. В ответах Путина на большой пресс-конференции насчитали 23 ошибки. Сайт Кремля поправил самые дикие – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/21dec2018/mistakes.html>.
9. «Все мои повара – сотрудники ФСО». Путина спросили о Пригожине и «ЧВК Вагнера» – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/29667351.html>.
10. *Дугин А.Г.* Путин ведет Россию прочь от Зла 1990-х – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/15948>.
11. *Ивин А.А.* Три русские революции в XX веке // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С. 283–285. С. 284.
12. *Карпов А.* Русская стрела. Политкультурология. Litres, 2018. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?isbn=504105374X>.
13. «Местные группировки»: Путин рассказал о том, что было в ЦАР – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2018/12/20/12102139.shtml?updated>.

14. *Мещерякова В.Г.* Новый виток информационной войны во время выборов президента России 2018 // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития: сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. посвященной 70-летию юбилею УГНТУ / под общ. ред. проф. Э.С. Гареева – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. – С. 303–306.

15. Опять циничное переворачивание ситуации с ног на голову! – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/shevchenkomax/2337439-echo>.

16. *Тимощук А.С.* Акция «Бессмертный полк» как спайка государственно-гражданской идентичности // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6–7 сентября 2018 г., посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. – С. 333–337.

17. *Тимощук А.С.* Двойные стандарты и истина в политико-правовой сфере (статья) печ. // Поиск истины в пространстве современной культуры: сборник научных статей. Вып. 3 / под ред. О.Д. Маслбоевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С. 194–197.

18. *Фурсов А.И.* Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов (на примере проблематики обсуждения на туринской встрече бильдербергского клуба 7–10 июня 2018 г.) // В сборнике: Моисеевские чтения: культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации, доклады и материалы Всероссийской научной конференции. – М.: СГУ, 2018. – С. 14–32.

19. *Шевцова Л.Ф.* От России Ельцина к России Путина // Современная Европа. – 2000. – № 4. – С. 20–32.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ БЫТИЕ

В рамках программы изучения сознания осуществляются настойчивые попытки свести этот феномен к функциональному обмену (Г. Райл, Д. Деннет) и снять дуализм тело – душа. В этой связи обращение к методологии феноменологии сохраняет свою актуальность, так как предоставляет большие возможности для интерпретации природы социокультурных объектов. Инструментальной в этом вопросе является концепция интенциональности, направленности, векторности сознания. В качестве основного качества сознания это понятие разрабатывал Э. Гуссерль, который заимствовал идею интенциональности у Ф. Brentano, который, в свою очередь, отыскивал интенциональность в архивах средневековой философии, где были предприняты попытки построить философию на одном лишь сознании, без предпосылок и противопоставления субъекта объекту.

Интенциональность позволила Э. Гуссерлю точнее определить специфику деятельности сознания, нежели это сделал Р. Декарт. Cogito Декарта сужает субъекта до гносеологического агента. Интенциональность Гуссерля целиком находится в области субъективного только одним вектором, другой вектор неизбежно устремлен на внеположенное. Гуссерль также не ограничивает субъективность познавательными актами. Мы можем сделать содержанием интенциональности и эмоционально-чувственную, волевою деятельность. В то время как cogito Декарта приводит к недоразумению: перестает ли субъект быть, если он не познает? В процессе субъективного бытия можно вычленить акты сознания, лишенные познания: сон, гипноз, аффекты, различные трансовые и измененные состояния сознания в культурах народов мира. Так, в йоге и в буддизме от практикующего требуется опустошение своего ума, прекращение любой мыслительной континуальности. По Декарту, такой человек перестает существовать, но по Гуссерлю, субъект направляет свое сознание на бескачественность. Не является ли это потерей интенциональности, так как один из векторов как бы зависает над пропастью? Здесь мы сталкиваемся с двумя аспектами интенциональности, а именно ее генеративностью (ноэма – предметное содержание интенционального отношения) и векторностью (ноэзис – пред-

метная направленность сознания, его процессуальность). Является ли интенциональность сознания чистым смыслопорождением или же это геометрически-лучевая функция? Скорее, два аспекта интенциональности находятся в отношении дополнительности и тем самым фундируют конституитивность культуры. Синтез нозмы и ноззиса определяет целостность сознания [5].

Не все нозмы обязательно существуют *aposteriori*. Индивидуальные смыслы могут генерироваться самим сознанием и затем уже распространяться на предметный мир. Интенциональность тогда превращается из стрелы в замкнутый круг, когда сознание делает содержанием его актов лишь собственный процесс рефлексии. Это есть достойное занятие сознания – переход к его до-модальности, непредвзятости. Так происходит счищение сознания от типизаций, шаблонов, схем. Интенциональный субъект – это бытие осознанности, но не осознанность предметности, как его понимает Д. Деннет, для которого интенциональность – это чувствительность мозга к обработке текущих сигналов. Деннет трактует интенциональность функционально, как актуализацию команд биологической системы, для того чтобы уйти от картезианского дуализма. Однако таким образом интенциональность подменяется бихейвиоризмом, а сознание – поведенческими реакциями. Вводя подобную интенциональность мы получаем блуждающую фокусировку сознания, шизофреническую конкуренцию нейронов.

Феноменологическая интенциональность также призвана снять картезианскую напряженность между субъектом и объектом. Сознание – это всегда сознание о чем-то, не бывает субъекта без объекта. И наоборот, объекты не могут быть независимы без субъектов. Интенциональность делает субъект и объект взаимозависимыми. Направленность сознания на объект привносит в познание объекта субъективные предпосылки, которыми пренебрегала классическая наука.

Категория интенциональности является концептуальной в онтологии Ингардена, которого занимает не только аналитическая идея векторности в интенциональности, а также его витализм, пульсация, потенциальность [4].

Ученик Гуссерля, Роман Ингарден, по сути, всю жизнь занимался социокультурной онтологией или феноменологией интенциональных предметностей, начиная с «Литературного произведения искусства» (1931), затем в «Споре о существовании мира» (1935–1961) и, наконец, в «Онтологии произведения искусства» (1962) [6].

Теория социокультурных объектов Ингардена позволяет уточнить онтологический статус таких произвольных объектов как произведения искусства, деньги, мода, политика и пр. Их свойства находятся в непрерывном уточнении, согласовании, негоциации и координации. Поэтому онтичность интенциональных коррелятов поминутно и неослабно сохраняется и подстраивается в процессе социальных интеракций [2].

После В. Татаркевича Ингарден стал вторым источником формирования феноменологической мысли в Польше. Свою первую статью в области феноменологии он написал и опубликовал в 1919 г. Ингардена, как и других молодых последователей Гуссерля, занимает вопрос о сущности вещей. Гуссерль полагал, что онтология делится на формальную и региональную (материальную). Общая формальная онтология – это априорная теория формальной структуры любого объекта. Она не связана с доменами бытия и распространяется на любые бытийные свойства (отношения части и целого, идентичность, атрибутивность и т. д.) Региональная онтология – это априорная теория бытия разных доменов. Она соотносится с разными науками о природе, обществе и специфична для каждого из них (например: причинность, зависимость и т. д.). И в том, и в другом случае теорию формальной структуры объектов задает феноменология, учение о чистом сознании.

В Картезианских размышлениях Гуссерль проводит мысль о том, что трансцендентальное эго есть источник всех значений трансцендентальных объектов. Значения и смыслы конструируются в сознании посредством перцептивных и интенциональных актов. Феноменология разбирает слои этих конструкторов, стремясь обнаружить сам трансцендентальный объект. Гуссерль не считает возможным существование реального мира помимо интенциональных актов сознания. Описание актов явления в сознании дает нам и видимость, и сущность.

Ингарден понимает онтологию как теорию необходимых априорных истин, в область которых входит сущность чистого сознания (*die Wesensanalyse des reinen Bewusstseins*). Гуссерль стремился определить феноменологию, как науку о сущности чистого сознания, но он не предлагал это назвать «онтологией». Для Гуссерля феноменология не могла быть частью онтологии. Напротив, онтология, как исследование объектов сознания могла войти единицей в феноменологию, как науку о сознании.

Это разногласие касается не только проблемы обозначения понятий. За этим стоит диссонанс в отношении того, что первично: трансцендентный феномен или процесс его конституирования [3, с. 55]. Ингарден представлял, что ясное понятие о вещах предваряет процесс конституирования, в то время как Гуссерль утверждал, что первичен процесс конституирования вещей. Этот подход стал известен как «трансцендентальный идеализм». Суть его сводится к тому, что реальный мир признается зависимым в сущности и существовании от сознания. Вне сознания о нем нельзя ничего сказать. Ингарден полагал, что Гуссерль намеренно выбрал платформу трансцендентального идеализма для реализации методологии трансцендентальной редукции (вынесение за скобки опосредованных суждений и выдвижение непосредственной связи между предметом и сознанием), т. е. он пошел на это с эпистемологической точки зрения, а не по онтологическим основаниям. Ингарден в принципе не согласен с тем, что изучение философии нужно начинать с гносеологии. Его смущают гносеологические парадоксы и тупики трансцендентального идеализма. Так, если мы допускаем, что трехмерные объекты внешнего мира достоверны, мы равноправно можем предположить, что наше восприятие их не является полным. Тогда любое восприятие их можно подвергнуть сомнению. Если феноменология ставит задачу быть строгой наукой, она не может полагаться на восприятие объектов.

Интенциональность у Ингардена – это «мерцание» сознания в третий мир, его путеводная направленность через мир культуры, мир художественных произведений. Мир творческих конструкторов появляется из-за нежелания человека жить просто в природе. Из-за изначальной неудовлетворенности человека построенный мир культуры трагичен и непрочен [7].

Экзистенциальность утверждений Ингардена наводит на мысль о том, что его человек оставляет не биосферу, а некую идеальную природу. Разлад как причина построения интенционального мира является существенной, но мало изученной стороной философской рефлексии Ингардена. Проблема посюсторонности человека, его затерянности в большей степени занимала Хайдеггера, но, как мы видим, Ингарден также не обошел вниманием психологическую напряженность интенциональных объектов. Заброшенность человека порождает творчество на пространстве возможного, проективность здесь-бытия [1, с. 22].

Роман Ингарден предложил онтологическую систему плюральности слоев бытия, которая помогает сформулировать новую модель коммуникации социальных агентов. Слоистая онтология в целом является более перспективной, по сравнению с одномерной, монадной онтологией, которая рассматривает бытие как агрегацию простых согласованных субстанций. Онтология Ингардена находится в ритме самых разнородных неклассических научных исследований: геометрия Н. Лобачевского, А. Мёбиуса; теория относительности А. Эйнштейна; принцип дополнительности Н. Бора; логика меняющихся объектов (конstellаций) Р. Бернштейн; теория самоорганизации (И. Пригожин, Г. Хакен); гипертекстуальность, ризоматичность постмодернизма. Особая ценность многослойности как концепта заключается во включении социокультурных объектов как одного из уровней реальности. Ярусность объектов культуры позволяет нам оценить их неоднозначность, сложность, потенциальность.

Особенность интенциональных объектов заключается в том, что они обязаны своей сущностью и существованием индивидуальному сознанию. Результаты изучения интенциональных объектов должны были быть использованы как аргументы против трансцендентального идеализма. Образы и герои литературного произведения призваны были сформировать базу данных интенциональных объектов. В дальнейшем Ингарден расширяет класс интенциональных объектов, включая в него не только произведения искусства, но и позитивное право, социальные, управленческие структуры.

Говоря об природе интенциональных объектов, не следует забывать, что их зависимость от сознания не перечеркивает физическую субстратность своих носителей. Книга, картина, икона, церковь, здание суда, национальный флаг и т. п. не перестают существовать как вещь, они лишь простирают свои дополнительные интенциональные параметры. На социокультурные объекты распространяются определенные социальные ожидания, чего нельзя сказать о материале, из которого они изготовлены. Если мы возьмем такую же ткань, как и на флаге, но не придадим ей социокультурного статуса, она не будет существовать как флаг. Таким образом, существование социокультурных объектов зависит не от одного сознания, а от согласия нескольких. Интенциональные объекты поддерживают свое существование intersubjectively за счет коммуникативного согласия, которое хранит параметры

целостности интенциональных объектов. Благодаря знаковым системам интенциональные объекты становятся публичными, доступными для ознакомления/оценки/изменения.

Интенциональные объекты имеют разную продолжительность жизни. Сколько было создано произведений искусства в каждую эпоху, однако в общественном сознании остаются единицы. Какие-то интенциональные объекты носят более устойчивый характер, например, идеалы истинности, равенства, свободы. Однако параметры этих объектов постоянно находятся в согласовании/корректировке специфических интересусубъективных умелътов (философские, правовые сообщества). Разные типы мировоззрений, с этой точки зрения, представляют собой коллективные формы идентификации смысловых объектов и самоидентификации участников смыслового обмена.

Феноменолог А. Шюц дал очень точное описание социокультурной реальности, назвав ее «мир, светящийся смыслом». Возможно, с подачи феноменологии смыслополагание сегодня понимается во множественном числе, говорят о «территории смыслов», «поиске новых смыслов в экономике». Смысл становится плюральным, парциальным и текучим.

Это одно из важнейших достижений философии, использование такого концепта как «смысл» во множественном числе. Общество действительно представляет собой гигантскую территорию смыслов, находящуюся в постоянной флуктуации, конкуренции и актуализации. Обыденное, дотеоретическое является пулом для выработки новых интенциональных социальных продуктов, поддерживающих стабильность коллективных миров: церковь, монархия, конституция, деньги и т. д. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покушаются на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

В дальнейшем П. Бергер расширил научные горизонты, заданные Гуссерлем, Ингарденом, Шюцем; обогатил культурными смыслами науки об обществе; предложил релевантные процедуры интерпретации

социальных порядков; осуществил дальнейшую интеграцию социального и культурного в феноменологическом дискурсе.

Бергер – придал импульс многим поколениям исследователей изучать с энтузиазмом и оптимизмом общество как живую духовную реальность. Его работы стали сплавом социокультурной феноменологии и секулярной теологии здравого смысла и консерватизма. Социальный конструкционизм – это не умаление и не тривиализация общественной жизни, а манифест коллективному творческому воображению. Идеи Бергера чрезвычайно эвристичны и более адекватны современной сложной социодинамике. Его социокультурная феноменология наиболее системно и точно описала индивидуальное и общественное бытие, во многом интегрировав достижения Гуссерля, Ингардена и Шюца, а концепция жизненного мира хорошо коррелирует с коммуникативным действием Ю. Хабермаса

Выводы. Категории социокультурной феноменологии (интенциональность, многослойность, конкретизация, жизненный мир, интерсубъективность, контекстуальность, конституитивность) заполняют онтологический провал между материальным и идеальным, когерентно репрезентируют многоуровневую и процессуальную структуру социокультурной реальности.

Методы социокультурной методологии – это выход к новой реалистической онтологии и общественной теории. На практике это помогает более зрело анализировать, прогнозировать процессы социокультурной динамики, а также принимать здравые управленческие решения. Несомненна практическая значимость социокультурной феноменологии для преподавания всех социально-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, и в особенности для культурологии, философии, эстетики, литературоведения, социологии.

Научным методом, позволяющим учитывать нелинейные процессы, рассматривать социальные нормы и социальные отклонения с позиции их: культурно-исторической обусловленности является социокультурная феноменология (Э. Гуссерль, Р. Ингарден, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман). Вопросы социальной онтологии успешно решаются в социокультурной феноменологии через категории интенциональности, конституитивности, контекстуальности и полидискурсивности.

Одной из важнейших категорий социокультурной феноменологии является многослойность бытия, которая напрямую связана со страте-

гией онтологического плюрализма, альтернативе монологизма. Именно онтологический плюрализм является основой социальной духовности и толерантности; необходимым компонентом свободы личности и общества. Многослойность бытия является онтологическим условием духовного измерения государственности.

Феноменология Р. Ингардена оказалась сложной системой в силу множества учтенных в ней аспектов, введения как структурных, так и процессуальных сторон объекта. С другой стороны, именно такое внимание ко всем топикам социокультурной реальности и делает учение Р. Ингардена перспективным не только в эстетике, теории культуры, но и в философии права. Если и возможен «третий путь» в философии, минуя тупики идеализма и материализма, который рассчитывал открыть Э. Гуссерль, то его наиболее реалистичное направление указал Р. Ингарден

В то время как феноменология Э. Гуссерля объясняет конституирование индивидуального «я», социальная феноменология его последователей работает с социокультурными системами, которые рассматриваются как процессуальные ценностно-смысловые кластеры (интерсубъективные умweltы). Эти коллективные формы идентификации смысловых объектов и самоидентификации участников смыслового обмена выступают публичными медиаторами обмена, актуализированной общественной формой пространства и времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ingarden R. Man and Value* / R. Ingarden. – Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 1984. – 184 p.

2. *Thomasson A.L. Ingarden and the Ontology of Cultural Objects* / A.L. Thomasson // *Existence, Culture, and Persons: The Ontology of Roman Ingarden* / ed by A. Chrudzimski. – Frankfurt: Ontos Verlag, 2005. – Pp. 115–136.

3. *Wachter D. Roman Ingarden's Ontology: Existential Dependence, Substances, Ideas, and Other Things Empiricists Do Not Like* // *Existence, Culture, and Persons: The Ontology of Roman Ingarden*. – Frankfurt: Ontos Verlag, 2005. – Pp. 55–82.

4. *Тимощук Е.А. Интенциональность и конкретизация как формы упорядочивания мира в феноменологии Р. Ингардена* // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Материалы Всерос. науч. конф 21–22 октября 2008 г. / редкол. А.П. Донченко,

А.А. Кузьмин, А.Г. Некита, С.А. Маленко; предисл. А.Г. Некита, С.А. Маленко; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. – С. 334–337.

5. Тимощук Е.А. Место интенциональности в феноменологии сознания // Вестник психофизиологии. – 2015. – № 1. – С. 113–116.

6. Тимощук Е.А. Онтологическая эстетика или эстетическая онтология Р. Ингардена? // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Ежегодник. – 2006. – № 7. – С. 288–293.

7. Тимощук Е.А. Интенциональность мира культуры и человека в феноменологии Р. Ингардена // Мировоззренческая парадигма в философии: современное взаимодействие философии и науки: сборник статей по материалам VIII Всероссийской межвузовской научной конференции. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010. – С. 81–82.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА С.Т. АКСАКОВА

Художественное творчество Сергея Тимофеевича Аксакова как предмет исследования мировоззрения русского человека давно находится в поле зрения не только литературоведов, но и философов. В то же время внимание исследователей сосредоточивалось преимущественно на общих вопросах жизни и творчества мастера, а также на проблемах идеологического подтекста его произведений и особенностях реализма писателя. Традиционно подчеркивалось участие С.Т. Аксакова в деятельности славянофилов. Однако тема мировоззрения и, в частности мировоззрения русского человека, отраженного в произведениях Аксакова, выявлена в литературоведении и философских исследованиях менее детально. Долгое время среди отечественных и зарубежных литературоведов бытует мнение, высказанное русскими литературными критиками еще в XIX веке, о том, что Аксаков совершенно не проявлял интереса к общественным движениям и партиям. Недавно американский исследователь творчества Аксакова славист А. Дёркин характеризовал произведения писателя как «пастораль в прозе», увидел в его творчестве «уход» от сложных социальных проблем современного писателю мира. Мы всецело полагаем, что к Аксакову эта точка зрения неприменима, но ошибочно и то, что писателя отождествляют с движением славянофилов. Несомненно, Аксаков критически относился к общественному устройству царской России XIX века, природу же воспринимал как основу совершенства и истины.

Отношение Аксакова к славянофильству нельзя назвать однозначным. Мы отмечали, что его дом был местом постоянных мировоззренческих дискуссий, в которые нередко оказывался вовлеченным и писатель. Аксакову была близка демонстрируемая славянофилами любовь к народу. Он предполагал, что они могут реально представлять его литературные интересы и защищать самобытность русской культуры. Больше всего Аксаков ценил в славянофилах их приверженность к национальным традициям, к русской старине, их уважение к народным обычаям. Сам писатель восторгался родной природой. Лирические отступления в «Семейной хронике» и других произведениях пропитаны

самозабвенной любовью к России. «Что за угодье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода такая чистая, что даже в омутах, сажени в две глубиною, можно было видеть на дне брошенную медную денежку! Местами росла густая урема из березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвешанная палевыми кистями его шишек; местами росла тучная высокая трава с бесчисленным множеством цветов» [1, т. 1, с. 79]. Но его эстетическим воззрениям было чуждо любое проявление грубого сектантства, ярого фанатизма, неумеренного показного поведения. Поэтому он сдержанно и даже с сочувствием относился к выдумкам Константина Аксакова, появлявшегося в обществе не иначе, как в зипуне и в мурмолке, с большой бородой. Это неуклюжее желание возродить национальное «русское платье», чем-то отличиться вызывало в московском обществе веселые пересуды. Когда в октябре 1845 года Шевырев сообщил об этом за границу Гоголю, то писатель с раздражением ответил: «Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и проч. ...Он просто дурачится, а между тем дурачество это неминуемо должно было случиться... Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, — так я думал с самого начала» [2, с. 537]. Константин стремился придать зипуну и мурмолке «принципиальное» значение, видя в них некий символ древнерусского благочестия и смирения. Он говорил, что «фрак может быть революционером, а зипун — никогда» и что «Россия должна скинуть фрак и надеть зипун — и внутренним и внешним образом». Цитированные строки показывают, что славянофилы в своем стремлении выразить исконно русское мировоззрение выдавали внешние проявления за символы внутренней духовности. Настоящее народное миропонимание подменялось искусственным, даже фальшивым, пониманием действительной жизни.

Именно эти умозрения славянофилов были чужды С.Т. Аксакову. Он с детства воспитывался в окружении нехитрого сельского быта и понимал законы крестьянского «космоса». Для него мировоззрение русского человека не пряталось во «внутреннем зипуне», но было существованием человека и природы в едином Соборе жизни, в единых богоданных языческих и христианских праздниках и буднях. Теоретическим формулировкам славянофилов и экстравагантным выходкам он не предавал серьезного значения. Он обладал мощным

художественным талантом и вообще не интересовался какими-либо теоретическими построениями. Реальная жизнь народа и проблема правдивого изображения действительности занимала его с эстетической точки зрения. В этом отношении Аксаков был близок прежде всего к А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю. В «Истории моего знакомства с Гоголем» Аксаков предполагает, но не утверждает благотворное влияние славянофильских идей на творчество Гоголя. В своих письмах и воспоминаниях он говорит о взглядах славянофилов как о «наших взглядах». Но значение высказываний такого рода не следует преувеличивать.

В обстановке идейной борьбы, которая развернулась между славянофилами и западниками, принято считать, что симпатии Аксакова склонялись к славянофилам. Именно с ними он был связан и личными дружественными отношениями, и определенной общностью настроений. Характерное для Аксакова неприятие революционных потрясений и вместе с тем постоянно свойственное ему как художнику чувство неудовлетворенности и в том числе многими явлениями современной действительности питало его симпатии к славянофилам. Не к идейному течению, а именно к славянофилам, т. е. к людям, с которыми он чувствовал духовную общность, но их теоретические построения он не считал для себя обязательными. Аксаков расходился с идеологами славянофильства по многим вопросам. Ему претили их догматизм и доктринерство. Он посмеивался над философическими увлечениями своего сына Константина, которые объяснял недостаточным знанием жизни. Аксаков указывал на полную неспособность славянофилов взглянуть на себя со стороны критически. Он всегда называл себя человеком совершенно чуждым всех направлений и любящим «прекрасные качества в людях, не смущаясь их убеждениями, если только они честные люди». Главное то, что очевидными были расхождения Аксакова со славянофилами в области эстетической, в оценке различных явлений современной русской литературы, например, творчества Тургенева, Гоголя, представителей «натуральной школы» в целом. Тем не менее он участвовал почти во всех славянофильских изданиях и публиковал в них отрывки из своих художественных произведений и критические заметки. Сотрудничество не предполагало, что писатель разделял с редакцией ее идеологическую позицию.

Основу эстетической теории славянофилов составлял тезис о том, что искусство есть средство примирения с жизнью. Отсюда вытекало и понимание главной задачи художника, обязанного в своем творчестве отражать мировоззрение русского человека в высшем идеальном проявлении, тем самым часто оторванным от истинной действительности. Подобная точка зрения вела к узости видения реальной жизни. «Идеальное» изображение жизни должно было содействовать примирению человека с действительностью. Под этим углом зрения славянофилы критиковали писателей «натуральной школы» за отсутствие в их произведениях титанических личностей. Славянофилы неизменно выступали против обличительного направления в современной русской литературе и звали к «примирающей красоте» художественного произведения.

И в своих театральных статьях и рецензиях 20-х годов и в поздних критических заметках, печатавшихся в 1857 году, Аксаков отстаивал искусство, глубоко и всесторонне отражающее жизнь. Ярким примером позиции писателя служат его «Семейная хроника» и другие произведения, в которых мировоззрение русского человека раскрывается через реальную действительную жизнь, в которой есть место и празднику, и «всякому дню» с его трудовыми заботами. На протяжении всей творческой жизни писателя неизменным оставалось его убеждение в том, что источником подлинного искусства является действительность и что святая обязанность художника – выразить ее правдиво, сурово, без «идеализации». Это свое эстетическое мировоззрение Аксаков подчеркивал многократно – и в письмах, и в беседах с друзьями, и в статьях. Художник, полагал Аксаков, должен следовать своему внутреннему движению мысли, своему стилю, берущему начало в творческом мировосприятии действительности.

Славянофилы, отвергая сатирическое направление в литературе, оказывались неожиданно союзниками своих же противников – либерально-западной группы А.В. Дружинина. Но, в отличие от этой группы, они не выступали как сторонники «чистого искусства».

И.В. Киреевский, и А.С. Хомяков, и К.С. Аксаков защищали мысль о том, что творчество художника, помимо идеалистических установок, должно иметь гражданскую направленность. Понятие общественного интереса они представляли как выражение посредством искусства славянофильских идей.

Многие художественные принципы «натуральной школы» были близки С.Т. Аксакову. Писатель по-своему следовал некоторым из них в своем индивидуальном стиле, раскрывая мировоззрение русского человека. Но Аксакову был чужд обличительный пафос произведений писателей этой «школы», он сам с отеческой любовью относился к своим героям. Поэтому в творчестве этих писателей его привлекало их мировосприятие, их непримиримое отношение к «идеальному» восприятию действительности, их умение трезво и правдиво оценивать ее явления, их здоровое стремление к простоте и к таким изобразительным средствам, с помощью которых достигалось достоверное ощущение живой жизни.

Натуральная школа изначально вооружилась жанром «физиологического очерка», нацеленного на объективный, точный, фактически достоверный социальный анализ современной действительности средствами литературы. Само слово «физиология» подразумевало соответственное ему понятие «общественного организма» и указывало на научный, причем естественнонаучный характер этого анализа. В условиях России того времени это означало, прежде всего, обличение социальных контрастов в городе и крепостного права в деревне, а в широком плане – несовершенств и «пороков» государственного устройства страны, самодержавной власти. Фантазия, вымысел в прозе, особенно в поэзии, за которые выступал ранее Белинский, как за условие художественности, теперь отторгались как «обман» читателя. И как естественный результат острота и злободневность очерков становились суррогатом художественности. Нельзя забывать, что произведение, передающее действительность через художественные образы, существует для решения совершенно особых эстетических задач.

Автор «Семейной хроники» отмечал, что заслуга писателей этой школы состоит в том, что они не украшали действительность, но воспроизводили жизнь в истине; а это, в свою очередь, содействовало тому, что литература приобрела значение в глазах общества, стала наиболее правдиво, без идеализации изображать характер русского человека и его мировоззрение. Сам писатель в своих воспоминаниях показывает события, как он неоднократно утверждал, имевшие место быть. Он ничего не придумывал, но мастерски владел искусством художественного изображения действительности. Творческий процесс,

результатом которого может стать литературное произведение (а может и не стать), есть процесс личностный и всегда выходит за рамки любой идеологии. В.В. Кожин, опираясь на воспоминания современников, отмечает, что «создавать свою “Хронику” Аксаков начал задолго до ее выхода в свет – не позднее 1820-х годов. Н.В. Гоголь, по воспоминаниям Ю.Ф. Самарина, “с напряженным вниманием, ...по целым вечерам вслушивался в рассказы Сергея Тимофеевича о за-волжской природе и тамошней жизни. Он упивался ими, и на лице его видно было такое глубокое наслаждение, которое он и сам не в состоянии был выразить словами”» [3, с. 96].

Аксаков не стремился обличать жизнь или придавать злободневность и остроту своим произведениям, а шел по пути эпического изображения крестьянского жизненного пространства и ценностей мировоззрения русского человека в едином Соборном сосуществовании. Это и делало его книги, по выражению М.М. Пришвина, богоданными.

Аксаков относился к изображаемым героям, к их единому, простому, патриархальному быту с теплою любовью, добродушно. Эти чувства незлобивого автора невольно передаются и читателю. Писатель не идеализирует свои персонажи, осуждает все дурное, но выражает осуждение в мягкой форме, сожалея о том, что было так, а не иначе. Вот эта-то сердечность, гуманность автора с точки зрения христианского мировоззрения особенно важна в воспитательном отношении. Немаловажно, что Аксаков самозабвенно любил и тонко чувствовал природу и обладал особенным талантом передавать чувства героев через живой мир природы. Ни одно природное явление не ускользает от зоркого его взгляда, все возбуждает его сочувствие. В его душевных, поэтических описаниях все живет и дышит и все стремится к освобождению из тесноты небытия для дыхания и жизни. Почувствованные им красоты природы он умеет возводить в ясное и светлое сознание нераздельного бытия окружающего мира и человека в нем. Слог Аксакова отличается чистотой, он ревниво оберегает свой родной язык от наплыва иностранных слов, на нем думает, радуется, чувствует и бережет как святыню. Он бежит от любого идеологического подтекста, потому что подлинное произведение всегда выше идеологии. Ничего лишнего в его речи, ничего вычурного, ничего напряженного и тяжелого – свобода и точность выражений одинаково замечательны.

В произведениях С.Т. Аксакова важное значение в воспитательном отношении имеет согревающее естественное чувство народности, народного русского духа, которому в его мировоззрении присуще стремление к цельности, к всеохватывающей жизненности, к высшим ценностям бытия как «живознания».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: в 4 т. / С.Т. Аксаков. – Москва: Художественная литература, 1955.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. / Н. В. Гоголь. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. VIII.
3. *Кожин В.В.* Победы и беды России / В.В. Кожин. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002.

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Представлено авторское видение по проблеме взаимодействия биологической и социальной составляющих в отношениях человека-представителя животного мира и социума как продукта особенностей его существования применительно к их проявлениям в политике и праве. Отмечается, что человечество на примере коммунистического мировоззрения убедилось в невозможности трансформации человека-млекопитающего в человека-идею, что позволяет более трезво оценивать перспективы человеческой цивилизации.

Ключевые слова: человек, социум, живой мир, идеология, капитализм, инстинкты, сознание.

Проблема взаимосвязи социального и биологического в бытии людей, как представляется, по своей значимости в небольшой степени уступает более общей проблеме, связанной с происхождением на Земле жизни как таковой. Длительное время (несколько десятков веков) человеческое сообщество удовлетворялось божественным происхождением всего живого. Совершенно очевидно, однако, что в настоящее время религиозная основа объяснения данного явления для общества в целом уже не является авторитетной и уступает место научной основе. При этом следует отметить, что религиозная гипотеза по-прежнему расценивается многими людьми как вполне серьезная, в частности сравнительно недавно патриарх всея Руси Кирилл сделал довольно амбициозное заявление о том, что теорию Большого взрыва невозможно объяснить в научных терминах, несмотря на все многолетние усилия ученого мира, соответственно сотворение жизни «навсегда останется чудом», и эту «божественную тайну» науке никогда не разгадать¹. В этом заявлении прозвучал нескрываемый элемент своеобразного

¹ «Ученые не опишут»: патриарх объяснил Вселенную // Газета. ру. 2019. 21 апреля // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/21_a_12314419.shtml / (дата обращения: 10.05.2019).

злорадства, уже получивший ответ ряда ученых, но мы не вступаем в дискуссию по этому поводу, поскольку нам здесь важнее подчеркнуть то, как мы полагаем, общепризнанное обстоятельство, что миропонимание имеет свою динамику в развитии, что является одним из ключевых положений при анализе связи человека как биологического существа и социума как продукта его особых качеств, выделяющих человека и всех других видов животного мира.

Об этом свидетельствует и развитие науки как одного из институтов человеческой цивилизации, в том числе в объяснении феномена социальных отношений (социума). Так, с первой половины XIX в. начались целенаправленные, системные исследования по этой проблематике, и прежде всего на стыке наук биологии и социологии, и стали формироваться социобиологические концепции, приоритет в которых делался на особенностях социальных отношений среди животных, а особенности поведения человека как высшего млекопитающего и его влияние на состояние социума отходили на второй план (здесь и далее термин «социум» относится только к человеческому сообществу), и такой приоритет, на наш взгляд, неоправданный, по сути, сохраняется до сих пор, что, собственно, является одним из мотивационных поводов для написания настоящих тезисов. Так, французский ученый А. Эспинас в результате своих изысканий делал вывод о том, что поведение множества особей социальных животных во многом объясняет психологический феномен толпы людей. В частности, стая птиц мгновенно распадается, если вдруг случается сбой в обычном режиме полета (например, появление воздушного хищника или выстрел из ружья). У людей панику может вызвать какое-либо «душевное движение», т. е. известие о чем-либо опасном (например, крик «пожар!»). На основании подобного рода рассуждений этот ученый даже выдвинул тезис о том, что, собственно, социология как наука выросла из зоологии (имея в виду ее раздел об ассоциациях между особями животного мира¹).

Конечно, в рассматриваемой сфере существенное значение имел и имеет по-прежнему дарвинизм, причем во второй половине XIX – начале XX вв. для многих мыслителей именно «теория биологической эволюции» была непосредственным основанием своих социологических

¹ Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии / перевод с фр. Ф. Павленкова. – СПб.: Тип. Е.А. Евдокимова, 1898. – С. 34.

теорий, где естественный отбор и борьба за существование рассматривались как главные факторы социальной жизни»¹. Мы полагаем, что эти факторы и сейчас должны рассматриваться в качестве таковых, на что ниже еще будет обращено внимание. Равным образом это касается наследственности и инстинктов, о которых подробно в 1902 г. писал Ч.Х. Кули, который в природе человека видел прежде всего совокупность бесформенных импульсов и способностей, передаваемых от поколения к поколению врожденным образом и формируемых во взаимодействии в первичных (семейных, соседских и т. п.) группах, что и создает основу социальных отношений в обществе².

Такого рода аспекты затрагивались в дальнейшем также в работах других социологов как зарубежных, так и русско-советских и постсоветских (Г. Тард, Ж. Дюркгейм, К. Лоренц, В. Эфроимсон, Э. Уилсон, М.Л. Бутовская, Ю.М. Спирин и др.), в которых роль биологического фактора отнюдь не считалась ведущей. И в целом в XX в. данная тематика в научном мире в целом стала терять свою актуальность, что, очевидно, можно объяснить взрывным продвижением естественных наук (в первую очередь физики и химии), развитием научно-технического прогресса в экономике, позволившим, в частности, создать условия для вывода проблемы обеспечения населения питанием из числа первоочередных и одновременно к реализации теории «общества потребления».

В этом же контексте нельзя не назвать коммунистическую идеологию, в феномен которой в свое время поверили, как в религию, миллионы людей, что, впрочем, не удивительно, учитывая, что цели коммунистического общества сами по себе были и остаются весьма привлекательными. Апофеоз преклонения перед коммунизмом наблюдался в нашей стране. В последней Программе КПСС (1961 г.)³, несмотря на достигнутые к тому времени научные достижения в биологии, генетике, психиатрии и других науках, показывавших довольно

¹ *Парфенов А.И.* Социальные отношения животных в свете социобиологии // *Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. – 2009. – Вып. 3. – С. 46.

² *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Перевод с англ. – М.: Идея-пресс, 2000. – С. 75–76.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII Съездом КПСС 18 октября 1961 г.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 93.

жесткую привязку человеческого сообщества к природе, человек будущего, т. е. член коммунистического общества, определялся как некий сверхразумный и сверхморальный член общества, который должен был трудиться «по способности» не иначе «как с наибольшей пользой для народа», а всевозможные блага, которые «польются полным потоком», получать «по потребности». При этом ввиду высочайшей сознательности людей будущего предполагалось такое оптимальное самоуправление, что необходимость в государственных и правовых институтах должна была отпасть ввиду ненужности инструментов принудительного регулирования и вообще каких-либо репрессивных мер; государство и право должны были отмереть, равно как и товарно-денежные отношения, поскольку предполагалась единственная форма собственности – общенародная, в рамках которой, в частности, личные подсобные хозяйства также исчезнут (примечательно, что термин «собственность» по отношению к отдельному человеку никаким образом не используется, т. е. в будущем, судя по Программе КПСС, не должно быть «личной собственности», но при этом «предметы личного потребления будут находиться в полном владении и распоряжении каждого члена общества»).

Одновременно предполагалось, что коммунистическое общество «поднимает на огромную высоту господство людей над природой, дает возможность все больше и полнее управлять ее стихийными силами», т. е., по сути, декларировалось дистанцирование человека будущего от «земли», и такой человек, как можно сделать вывод из теории коммунизма, должен был со своим высокоморальным сознанием воспарить над своей телесной сущностью, используя ее исключительно для всеобщего блага. Разумеется, мы здесь утрируем, но на это есть основания в виде известного изречения: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». В состоянии общественно-идеологической эйфории, которой были охвачены лидеры коммунистического движения и значительная часть граждан, мало кто обращал внимание на противоречие идеализированных программных постулатов, в самой Программе КПСС игнорировались мировые тенденции общественного развития, отсутствовали иные мотивы для «высокопроизводительного труда», кроме как труда, который должен был стать «первой жизненной потребностью» ради общественного блага, и т. д.

И довольно быстро (по историческим меркам) идея коммунизма стала меркнуть в сознании советских людей, поскольку социальная

составляющая человеческого сообщества (сознание) была явно переоценена. Это было видно еще в первые годы советской власти. Так, предполагалось, что в государстве трудящихся эти самые трудящиеся не будут совершать преступлений, поскольку в таком государстве нет предпосылок для преступности, и поэтому в программе большевистской партии было заложена цель заменить тюрьмы воспитательными учреждениями, а первый УК РСФСР 1922 г. имел самый низкий за всю историю системного уголовного права России срок наказания в виде лишения свободы (10 лет, а в проекте, который не прошел, было и вообще 5 лет). Но трудящиеся как совершали преступления, так и продолжали их совершать вопреки всяким теориям, и советской коммунистической власти пришлось усиливать наказание лишением свободы до 25 лет (затем на последнем гребне «идейно-программной волны» максимальный срок лишения свободы в УК РСФСР 1961 г. был снижен до 15 лет, а в настоящее время, как известно, возможно пожизненное лишение свободы). Да и введение НЭП фактически означало признание ошибочности появления сверхсоциума (коммунизма); на наш взгляд, и Ленин это очень быстро понял, явно недооценив животной сущности человека, в данном случае, если иметь в виду экономику, обывательский «загрязнительный» рефлекс (инстинкт).

Тем не менее революционный импульс был очень сильным, и в течение нескольких десятилетий советская власть пыталась реализовать коммунистическую идею. Но тщетно – грандиозный социальный эксперимент по трансформации человека-млекопитающего в человека-сознание (человека-идею) показал невозможность такой трансформации. Так, согласно программным установкам КПСС к 1980 г. предусматривалось, что «будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения ... в СССР будет в основном построено коммунистическое общество»¹. Наступил 1980 г. – и где же МТБ коммунизма, где изобилие? Вместо нее страна оказалась в глубоком застое, а через десять лет и вовсе развалилась.

При этом, как ни парадоксально, авторы Программы КПСС с удивительной точностью описали современное состояние российского общества – разумеется, помимо своей воли и имея в виду критику капиталистической системы тех лет (середина XX в.), которая, однако,

¹ Там же. – С. 96.

актуальна для современной России: «При капитализме основные и решающие средства производства принадлежат небольшому по численности, классу капиталистов и землевладельцев, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, лишенных средств производства и вынужденных ввиду этого продавать свою рабочую силу и своим трудом создавать доходы и богатства господствующих классов общества... Развитие крупного капиталистического производства – производства ради наживы, ради присвоения прибавочной стоимости – ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, к их тяжелой зависимости от капитала... Непрерывно усиливается эксплуатация рабочего класса, всех трудящихся, растет общественное неравенство, увеличивается расстояние между имущими и неимущими, растут страдания и бедствия миллионов»¹.

И применительно именно к капитализму в Программе КПСС был использован термин, привязывающий человека к животному миру («хищническая растрата производительных сил»); в этом же ряду и такие выражения, как «подавление громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов», «эксплуатация человека человеком», «антагонизм между нациями и государствами», «разорение мелких производителей», «военная сила» и т.п. Здесь впору напомнить отмеченные выше постулаты социобиологических теорий, которые находят подтверждение – мы видим, что практически любые социальные (цивилизационные) действия людей имеют в своих истоках животное начало (глава семьи или глава государства – вожак стаи; сильное государство подчиняет свой воле слабое государство – хищник поедает стоящего ниже в пищевой цепочке и т. д.).

Это, конечно, все не ново. Но нам представляется необходимым добавить, что к настоящему времени в общечеловеческом сознании уже имеется понимание (очевидно, не всегда осознаваемое и тем более не всегда высказываемое) о том, человеку как особому виду животного мира и человечеству как совокупности таковых присущ только один способ сосуществования – в виде так называемого капиталистического (буржуазного) государства. И в практике, собственно, во многом благодаря процессу глобализации, человек и человеческое сообщество к началу XXI в. приведены, наконец, к взаимному соответствию. Речь

¹ Там же. – С. 49.

идет о том, что на планете сформировался только один вид государства, а территориальное разделение в виде межгосударственных границ не меняет сути явления. Более того, эти «заборы» лишь подтверждают животную сущность человека (защита своей «обозначенной» территории, как известно, присуща социальным животным).

Другое дело, что человеческая жизнь протекает только свойственным человечеству способом. В государствах принимаются конституции (они похожи как близнецы во всех странах, что дает еще одно подтверждение единой человеческой сущности), утверждаются законы, определяющие правила поведения и создающие основы некоего относительного порядка. Это, однако, не мешает вступать в войны и заниматься взаимоуничтожением, во время которых человек наглядно проявляет свои звериные инстинкты (газовые камеры, мародерства, отдача покоренных городов на разграбление и насилие и т. д.), имеющие мало общего с благовыми картинками мирного сосуществования как периода подготовки к новым войнам. И вообще вся история человечества изучается прежде всего через историю войн — достаточно полистать любой учебник по истории, чтоб убедиться в том, что самые памятные даты связываются с военными победами, одни из самых почитаемых граждан — военачальники, т. е. искусство одних людей убивать других людей во имя интересов определенного территориального общества (государства) является наиболее важным и востребованным делом, которому в любом государстве уделяется первостепеннейшее внимание. А если иметь в виду, что в современном мире продолжается начатая гонка вооружений, то очевидно, что экстраполяция динамики дальнейшего развития показывает только один финал человечества. К этому следует добавить, что живой мир, развиваясь циклически, не знает исключений. Да и астрофизиками, похоже, убедительно доказана конечность существования земной цивилизации вместе с охлаждением нашего Светила.

Возникает закономерный вопрос: и что же из этого следует? Здесь, на наш взгляд, нужно в первую очередь понять, что человек — весьма относительный покоритель природы, ибо он сначала животное, а потом уже социальное существо. Соответственно нужно больше внимания уделять биологической составляющей социума, в частности, в большей мере, чем сейчас, охранять и ограничивать посягательства на природные ценности человека: жизнь, свобода, здоровье, половая неприкосновенность (и в этом контексте, на наш взгляд, от смертной

казни нет оснований отказываться). В условиях, когда конец человечества очевиден, самое рациональное для человеческого сообщества – максимально отдалить этот конец, так же, как любое живое существо стремится отдалить свою смерть, делая свою жизнь, если иметь в виду человека, наиболее содержательной.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Ученые не опишут»: патриарх объяснил Вселенную // Газета. ру. 2019. 21 апреля // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/21_a_12314419.shtml / (дата обращения: 10.05.2019).
2. *Эспинас А.* Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии / Перевод с фр. Ф. Павленкова. – СПб.: Тип. Е.А. Евдокимова, 1898. – 319 с.
3. *Парфенов А.И.* Социальные отношения животных в свете социобиологии // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2009. – Вып. 3. – С. 41–47.
4. *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2000. – 320 с.
5. Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII Съездом КПСС 18 октября 1961 г.). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 144 с.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Научно-технический вектор человеческого развития уже как минимум полвека не вызывает серьезных возражений даже в условиях его антисциентистской критики. *Познание и конструирование* явились неотъемлемым свойством природы человека, объективно доказавшим свое первенство перед остальными его способностями. Но лишь относительно недавно стало ясно, что изменение человека и среды его обитания целиком зависит от состояния науки и техники. Подобная рефлексия проявилась довольно поздно, ее выводы подготовил XIX в.: начало интенсивного изучения сущности науки пришлось на 30–40-е гг., а затем и техники (в частности технологии) в 70–80-х гг. Сначала английские, французские и немецкие ученые и философы – Джон Гершель, Уильям Уэвелл, Джон Стюарт Милль и Огюст Конт – целенаправленно своим объектом изучения сделали науку, впервые сформулировав сами понятия «наука» и «ученый», а затем – Эрнст Капп, Людвиг Нуаре, Альфред Эспинас и Фред Бон таким объектом избрали технику. В XX в. стремление человека изучить сферу своего существования, свое настоящее и будущее в ней только усилилось. Акцентируем внимание на *технике* – той действительности, которая наряду с наукой наилучшим образом выразила сущность человека: его цели и возможности. Но прежде чем говорить о человеке и его будущем в технической или часто с ней отождествляемой технологической реальности, нужно иметь представление об этой реальности, формирующей прежде всего условия, в которых он организует свою жизнь.

Следует оговориться, что сегодня теории техники еще нет. Это определяет характер ее изучения в настоящем, накладывая ограничение на возможности ее исследования: техника еще понимается либо эмпирически, либо интуитивно. Начиная со второй половины XX в. делаются успешные попытки математического описания отдельных частей и связей технической реальности (машин, механизмов, технологических циклов и т. д.) и моделирование с применением теории вероятности. Но как целое эта реальность еще остается неопределенной.

Техника оказалась сложнее, чем она представляется инженерам и ученым-техникам на уровне опыта и опирающегося на него здравого смысла, а также математической логики. Это и затрудняет возможность очертить границы техники, как в частном случае – понять, что представляет собой отдельный технический объект любой степени сложности как система, так и в общем смысле – что такое техническая реальность, объединяющая существующие технические объекты. Словом, есть *проблема демаркации* всего технического по отношению к нетехническому.

И тем не менее, по словам видного отечественного философа науки Олега Сергеевича Разумовского, что-то о технике мы все же знаем. Добавим к этому – иначе мы не могли бы ее создавать и применять. Очевидно и то, что специальными науками, а также на практике изучаются и применяются с разной степенью успешности по преимуществу ее *феномены*. Лучшим доказательством успешности и перспективности подобных усилий выразить природу техники является продолжающийся научно-технический прогресс и его результаты. Но было бы несправедливо говорить о том, что не делаются попытки узнать и *сущностные* стороны техники – ее **законы**. Интересны примеры по выявлению законов как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне, по которым существует техническая система любой сложности. Существует ряд более или менее строго выраженных эмпирических законов техники, замеченных в разное время западными инженерами и учеными.

Пожалуй, первым можно отметить *закон Ван Лоона*, сформулированный в 1929 г. нидерландским историком Хендриком Виллем Ван Лооном: «Степень технического развития всегда будет в обратном отношении к числу рабов, которые находятся в распоряжении страны». Чем меньше рабочих, тем больше уровень развития техники, что стало явным в 1811–1813 гг. (восстание луддитов в Англии), а тем более при современном развитии техники. Развитие вычислительной техники позволило выразить ряд принципов и законов. Например, *принцип Ландауэра*. Немецкий физик Рольф Ландауэр в 1961 г. заметил: «В любой вычислительной системе при потере (стирании) 1 бита информации выделяется теплота в количестве W джоулей» ($W = k_B T \ln 2$, где k_B – константа Больцмана, T – абсолютная температура вычислительной системы в кельвинах). Тепловые процессы в современных компьютерах показывают небезосновательность этого высказывания. В 1965 г.

был сформулирован (а затем в 1975 г. исправлен) *закон Мура*. Американский физикохимик и инженер, один из основателей электронной корпорации Intel, Гордон Мур, заметил, что количество транзисторов на кристалле интегральной схемы микропроцессора удваивается каждые два года. Этот закон стал принципом полупроводниковой отрасли, определив тенденцию создания все более совершенных полупроводниковых микросхем с минимальной себестоимостью. В свою очередь, *закон Свансона*, американского ученого, занимающегося электротехникой, основателя компании Sun Power Corporation по выпуску солнечных панелей (1985 г.), гласит: цена солнечных фотоэлементов снижается на 20 % после каждого удвоения совокупного объема. Швейцарский ученый, специалист по информатике в области программирования, Николаус Вирт, в 1995 г. сделал вывод из своих наблюдений за развитием компьютерной техники: улучшение программ компьютера еще не означает улучшение его работы. Подобный парадокс был назван *законом Вирта*. Можно упомянуть и *закон Маеса–Гарро*, сформулированный в 2007 г. американским футурологом Кевинном Келли: самые благоприятные прогнозы о будущих технологиях попадают в точку Маеса–Гарро – последнюю дату, когда предсказание может сбыться. За пределами этой точки развитие технологии настолько ускорится, что перестанет быть осознаваемым и прогнозируемым. Келли усмотрел в истории технологии сокращение промежутка времени между эволюционными событиями: технологическое развитие постоянно ускоряется.

Представленные законы касались отдельных проявлений технической реальности, главным образом, вычислительной техники, являясь редкими попытками предсказать ее развитие. Необходимы были усилия, чтобы открыть фундаментальные законы техники, уже понимаемой сегодня как система. Но на первом этапе это можно было сделать лишь интуитивным образом. Прежде всего, в 1974 г. отечественный ученый-техник Борис Иванович Кудрин ввел в научный обиход понятия «технетика», обозначавшее *науку о технической реальности*, и «техноценоз», характеризующее *сообщество технических изделий* (цеха, заводы, квартиры, города и т. д.). Он полагал, что ядром технетики являются пять сущностей, которые следует изучать – техника, технология, материал, продукция и отходы [1, с. 96–103]. А в 1979 г. отечественный инженер и изобретатель Генрих Саулович Альтшулер говорил о необходимости выявления законов *технических систем*, чтобы

построить программу эффективного решения изобретательских задач [2, с. 14]. Программа позволит упростить решение – свести задачи высшего уровня к задачам первого уровня. Без знания этих законов возможен лишь перебор вариантов решения изобретательских задач. Альтшулер полагал, что развитие технических систем, как и любых систем, подчиняется законам диалектики [там же, с. 13]. Он представлял техническую систему биологически – живой и изменяющейся, имеющей эволюционные стадии: детство (медленное развитие), возмужание и зрелость (быстро совершенствуется и применяется), старость (спад развития), а дальше движение в возможных направлениях – сохранение жизненных параметров или деградация и замена другой системой [там же, с. 71].

Альтшулер сформулировал ряд интуитивных законов технической системы. *Закон полноты частей системы*: система должна иметь части с минимальной работоспособностью. *Закон энергетической проводимости системы*: энергия должна проходить и преобразовываться по всем частям системы. *Закон согласования ритмики частей системы*: ритм работы всех частей системы должен быть согласован; системы с несогласованной ритмикой вытесняются более совершенными системами с согласованной ритмикой. *Закон увеличения степени идеальности системы*: техническая система должна стремиться к уменьшению своей массы, объема, энергопотребления и к увеличению своей производительности и быстродействия при сохранении всех своих функций. *Закон неравномерности развития частей системы*: части системы развиваются неравномерно, и чем сложнее система, тем они неравномернее развиваются. *Закон перехода в надсистему*: в конце своего развития система переходит в надсистему и становится ее частью. *Закон перехода с макроуровня на микроуровень*: развиваясь, система стремится перейти с макроуровня на микроуровень. *Закон увеличения управляемости систем*: развитие технической системы идет в направлении увеличения управляемости; неуправляемые технические системы стремятся быть управляемыми [там же, с. 72–74]. Интуитивные законы технической системы Альтшулера поддержал и использовал для разработки основ теории развития технических систем его ученик, ученый и изобретатель Саламатов Юрий Петрович [3]. Позже идеи Альтшулера поддерживал известный отечественный ученый-техник Суздальцев Анатолий Иванович, используя их для разработки и понимания основ инженерного творчества [4, с. 104–121].

В конце 80-х гг. XX в. попытки выявить законы техники предпринял другой ученый-техник Половинкин Александр Иванович, считавший, что законы, описывающие объекты техники, должны быть подобны законам природы, формулируемые естественными науками [5, с. 39–40]. Он полагал, что наука о законах техники только формируется, и поэтому можно лишь формулировать и обосновывать *гипотезы* об этих законах, думая в то же время о возможности выразить в этих гипотезах всю систему законов техники [там же, с. 109]. Им были выдвинуты гипотезы некоторых законов техники. *Закон прогрессивной эволюции техники*: для развития необходимо устранение главного дефекта и переход к максимальному значению параметров, к более рациональному решению и к рациональному принципу действия. *Закон соответствия между функцией и структурой*: каждый элемент должен иметь хотя бы одну определенную функцию, потеря функции ведет к ухудшению работы технического объекта. *Закон стадийного развития техники*: от обработки к обеспечению энергией обработки, а затем к управлению обработкой и планированию объема и качества продукции [там же, с. 125]. *Закон расширения множества потребностей-функций*: для удовлетворения новых потребностей возникает новая техника с новыми функциями, удовлетворяющими эти потребности. *Закон гомологических рядов*: технические объекты со схожими функциями и принципами действия имеют схожие конструктивные признаки [там же, с. 339–340].

Таким образом, приведенный краткий обзор фрагментарных попыток ученых-техников эмпирически или интуитивно определить законы техники, представляющей для человека сферу его существования, показывает начальную стадию ее теоретического изучения. Пока понимание технической реальности не соответствует ее природе, что порождает противоречие и проблему познания этой реальности. У представителей специальных наук существующий подход к изучению техники, понимаемой как система или как реальность, опирается по преимуществу либо на здравый смысл, либо на философию. Одновременно осуществляются отдельные интересные и успешные попытки рассмотреть технические объекты с помощью математики, особенно изучение вычислительной техники. Применяется методология кибернетики, теории систем и синергетики. Трудности возникают уже на стадии определения технической системы как таковой, не говоря о технической реальности. Пока успехи не столь значительные, как

хотелось бы. Все это создает проблемы для понимания настоящего и будущего человека в мало осознаваемой технической реальности. Поэтому можно было бы сделать предварительный вывод: *успех прогнозирования существования человека и его будущего в технической реальности прямо пропорционален знанию законов этой реальности.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрин Б.С. Онтология технической реальности // Философские науки. 2017. – № 6. – С. 96–103.
2. Альтишулер Г.С. Творчество как точная наука. – М.: Сов. радио, 1979. – 105 с.
3. Саламатов Ю.П. Система законов развития техники (основы теории развития технических систем). Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Красноярск: Institute of Innovative Design, 1996. – 136.
4. Суздальцев А.И. Основы инженерного творчества и патентоведения. В 2 частях. Часть 1. Основы инженерного творчества / А.И. Суздальцев. – Орел: ОрелГТУ, 2009. – 311 с.
5. Половинкин А.И. Основы инженерного творчества. – М.: Машиностроение, 1988. – 368 с.

ЛЕГКАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Легкая проблема сознания сводится к вопросу о том, как сознание функционирует и каковы его основные механизмы и паттерны. Эту проблему в отличие от онтологической проблемы сознания Д. Чалмерс называет легкой, но не потому, что она легко разрешается, а потому, что пути ее возможного разрешения представляются достаточно ясными в свете использования методов эмпирических наук, таких, например, как когнитивная психология, биофизика и нейрофизиология.

При этом следует заметить, что решение легкой проблемы сознания, связанной с тем, как оно работает, напрямую зависит от решения методологической проблемы сознания, заключающейся в том, как его можно исследовать, а последняя, в свою очередь, зависит от решения трудной проблемы сознания, обусловленной тем, как оно бытийствует. Действительно, если сознание представляет собой по своей онтологической сущности нечто физическое, то тогда и законы его функционирования можно раскрыть в рамках естественных наук (биологии, биохимии, биофизики, нейрофизиологии и т. д.). Если же сознание не сводится к чему-то физическому и представляет собой по своей онтологической сущности нечто метафизическое, то тогда и законы его функционирования лежат в иной онтологической плоскости и нуждаются в особых методах, не редуцируемых к набору естественнонаучных процедур, для своего раскрытия и исследования.

Но в любом случае независимо от того, стоим мы на идеалистических или материалистических позициях (или причисляем себя к сторонникам каких-нибудь промежуточных, нейтралистских, теорий), мы должны, стремясь разобраться в механизмах функционирования сознания, прежде всего понять, что именно оно делает, за какое поведение отвечает и какая работа психического аппарата становится совершенно невозможной на бессознательном уровне бытия.

И тут при внимательном рассмотрении поставленных задач мы должны признать, что сознание прибавляет к психическим актам нечто особенное и нередуцируемое. Действительно, можно говорить о восприятии, а можно – об осознании восприятия или осознанном восприятии, можно говорить о фантазировании, а можно – об осознании фан-

тазирования или осознанном фантазировании, можно говорить о мышлении, а можно – об осознании мышления или осознанном мышлении, можно говорить о воспоминании, а можно – об осознании воспоминания или осознанном воспоминании. И все это – разные психические акты, которые никак нельзя путать друг с другом, поскольку и восприятие, и фантазирование, и мышление, и воспоминание могут быть как сознательными, так и бессознательными процессами в рамках психического бытия человека.

Значит, исследование механизмов функционирования психики, т. е. исследование таких психических процессов, как, например, восприятие, фантазирование, мышление и воспоминание, вообще говоря, не тождественно исследованию функционирования сознания. И тогда возникает следующий закономерный вопрос: в чем же именно заключается специфика работы сознания, которая отличает его от других психических актов и образует собственную феноменальную сферу опыта? И если мы отвечаем на этот вопрос, утверждая, что сознание в действительности никакой существенной работы не совершает, что оно по своей онтологической природе пассивно и что всякую возможную работу в рамках психического опыта выполняет бессознательное, то тогда мы фактически признаём отсутствие вообще каких бы то ни было механизмов сознания, поскольку если нет активности, то нет и работы, а если нет работы, то нет и энергии, а если нет энергии, то бессмысленно говорить и о механизмах, которые, совершая определенно-го рода действия, безусловно, потребляют и производят какое-то количество энергии, а также генерируют нечто существенное, что имеет определенный вес в рамках психического опыта и оказывает определенное влияние как на внутренние психические процессы, так и на внешнее физическое окружение. Однако такой ответ в своем логическом завершении приводит нас к элиминативизму, ибо вполне логично заключить, что то, что никак себя не проявляет, т. е. не обладает никакой активностью, не содержит никакой энергии и не оказывает никакого влияния ни на сферу ментального, ни на сферу физического, должно быть признано не имеющим бытия, т. е. просто не существующим. Если же мы отвечаем на вышепоставленный вопрос, утверждая, что сознание само по себе производит определенного рода действия, что оно по своей онтологической природе активно и что бессознательное способно выполнить далеко не всякую возможную работу в рамках психического опыта, то тогда мы должны четко обрисовать, в чем же именно

заключается эта существенная работа сознания в отличие от прочих действий, которые могут быть произведены бессознательной сферой психики.

Понятно, что решение данной проблемы выходит за пределы компетенции таких наук, как, например, биофизика, нейрофизиология или когнитивная психология, ибо все то, что они исследуют, т. е. вся их собственно предметная область, не включает в себе ничего такого, посредством чего можно было бы отличить перцептивные акты от осознания этих перцептивных актов или мыслительные акты от осознания этих мыслительных актов. И биофизика, и нейрофизиология, и когнитивная психология, по сути, исследуют функции человеческой психики, и поэтому их методологическая база вполне укладывается в рамки функционалистской модели психического аппарата, которая не может провести четкую демаркационную линию между бессознательным и сознательным опытом, сохраняя за последним самостоятельную психическую активность. Отсюда можно сделать вывод, что любая попытка изучить механизмы сознания снаружи, опираясь на какие-то сопровождающие его феноменальное бытие процессы иного, несознательного, качества, обречены на провал. Следовательно, изучать сознание необходимо изнутри, опираясь на его имманентные качества, не редуцируемые по своей феноменальной природе к какой-то бессознательной функциональной подпорке. Поэтому исследование механизмов сознания должно носить не естественнонаучный, а феноменологический характер, ибо сознание само по себе как феномен окружающего мира доступно лишь тому познающему субъекту, который сам его непосредственно продуцирует, но никак не тем познающим субъектам, которые пытаются наблюдать его снаружи при помощи каких-то объективно-научных средств.

Далее необходимо ответить на следующий важный вопрос: что же такого существенного делает сознание и какую значимую функцию, не редуцируемую к бессознательным процессам, оно выполняет с феноменологической точки зрения? С учетом вышесказанного понятно, что сознание высвечивает какую-то область бессознательных процессов, надстраивая над ними собственно ментальное содержание, не редуцируемое по своему феноменальному составу к этим бессознательным процессам. Например, человеку может сниться, что он лежит на песчаном пляже под палящими лучами полуденного солнца и наблюдает, как несколько серфингистов покоряют бурные морские волны. Иссле-

дуя мозг этого человека, пока он спит, с помощью технически совершенной аппаратуры, мы обнаружим множество процессов нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического характера, но при этом, разумеется, не обнаружим ни песчаного пляжа, ни палящего солнца, ни морских волн, ни отчаянных серфингистов. Физическая основа сновидения, которая не осознается, порождает собственно ментальный опыт, который проявляется уже на сознательном уровне и по своему психическому содержанию не может быть полностью сведен к его физической основе. Поэтому за всяким осознаваемым ментальным переживанием скрывается объективно существующий нейрофизиологический код, который может быть трансформирован при определенных условиях в это субъективно проявляемое ментальное переживание подобно тому, как цифровому коду в памяти компьютера соответствует то или иное распределение цветных пикселей на экране монитора, складывающееся в какую-то наблюдаемую картинку. Следовательно, функция сознания как раз в том и заключается, чтобы переводить нейрофизиологический код, имеющий, в конечном счете, физическую природу, в ментальный образ, существующий уже лишь в рамках самого этого переводящего сознания. И тут, конечно, сразу же возникает вопрос, связанный с тем, зачем вообще переводить нейрофизиологический код в ментальный опыт, в то время как человеческая психика вполне могла бы функционировать лишь на уровне нейрофизиологического кода безо всякого приплюсовываемого к нему ментального опыта, что, как мы видели ранее, уже составляет существо не технической, а онтологической, или трудной, проблемы сознания.

Если же мы остаемся в рамках технической проблемы сознания, то перед нами возникает следующий вопрос: каким образом нейрофизиологический код, отвечающий за бессознательное функционирование психики человека, трансформируется в ментальный опыт, составляющий уже сферу сознательного бытия? Как, другими словами, если возвратиться к вышерассмотренному примеру, в сновидении совокупность нейрофизиологических и биохимических процессов преобразуется в феноменально наполненное визуальное восприятие серфингистов, аудиальное восприятие шума накатывающих волн и кинестетическое ощущение тепла палящего солнца?

И тут опять-таки возможны две противоположные точки зрения — одна идеалистическая, а другая материалистическая. Согласно идеалистической точке зрения ментальная сфера опыта — это самостоятельно

функционирующая онтологическая сфера, существующая независимо от работы нейронных сетей головного мозга человека. Поэтому сознание не порождается мозгом, а использует мозг как некое устройство, посредством которого оно может совершать определенного рода действия в окружающем материальном мире. И в этом смысле мозг подобен компьютеру, а сознание – оператору, который по своей онтологической природе отличается от компьютера и совершает на нем определенные действия, ограниченные возможностями самого этого компьютера.

Если же мы стоим на материалистических позициях, то в этом случае мы должны признать, что процесс осознания – это процесс трансформации одного материального кода в другой материальный код, или одной последовательности символов в другую последовательность символов, а вовсе даже не процесс преобразования материального кода во что-то совсем нематериальное. С первым, преобразуемым, кодом мы вроде бы разобрались и уяснили себе, что он представляет собой совокупность нейрофизиологических и биохимических структур. Но что представляет собой второй код, в который под действием механизмов сознания преобразуется первый?

На этот вопрос дает четкий ответ Д. Деннет, утверждая, что таким ментальным кодом является человеческий язык. Другими словами, сознание появляется там, где определенного рода изначально бессознательные процессы, имеющие в своей онтологической основе нейрофизиологическую и биохимическую природу, получают свою репрезентацию в языке, т. е. как-то называются и описываются в процессе человеческой речи. Поэтому сознание формируется только в языковой среде и принципиально не может развиваться там, где нет никакого языка. А поскольку развитие языка предполагает межличностную коммуникацию, то сознание имеет социальную природу и социальный генезис. При этом следует понимать, что язык, будучи упорядоченной системой символов, конвенционально связанных с определенными переживаниями или с другими символами, проявляется в речи как его динамическая составляющая, которая, в свою очередь, может существовать артикулированно (когда мы что-то членораздельно проговариваем либо вслух, либо про себя) или не артикулированно (когда мы лишь осознанно указываем на результат бессознательной работы психики в виде остенсивной фразы типа «Вот это! Вот оно! Это и есть то, что я имею в виду!»). С помощью не артикули-

рованной речи, в частности, можно объяснить существование феномена медитации, когда медитирующий, концентрируясь на каком-то выделенном объекте, все осознает, но при этом молчит как внешне, так и внутренне, за счет того, что такое осознанное молчание, по сути, и представляет собой не артикулированную внутреннюю речь.

Однако в этих рассуждениях заключается противоречие, обусловленное тем, что сама возможность существования не артикулированной речи ставит под сомнение гипотезу, которая утверждает, что сознание проявляется в момент преобразования нейрофизиологического кода в символы человеческого языка. Дело в том, что речь, какой бы она ни была, артикулированной или не артикулированной, предполагает сопоставление некоего опыта с набором определенных символов, и если при этом языковые символы не осознаются, то мы имеем дело с бессознательной речью, которая есть лишь реализация нейрофизиологического кода и которая поэтому не может породить никакого ментального опыта, а если языковые символы осознаются, то тогда мы используем артикулированную речь. Следовательно, либо не артикулированной речи вообще не существует, поскольку не артикулированная речь фактически означает неосознаваемое сознание, что, конечно же, является самопротиворечивым понятием, либо, признав, существование не артикулированной речи как осознание чего-то определенного во внеязыковой среде, мы должны признать и то, что сознание принципиально не сводится к лингвистической активности субъекта, ибо речь во всех ее возможных проявлениях, вообще говоря, может быть и бессознательной, т. е. может сводиться к реализации определенного набора нейрофизиологических программ и алгоритмов.

Таким образом, решение технической проблемы сознания связано с рядом серьезных трудностей, которые обуславливаются прежде всего тем, что если мы полагаем механизмы, управляющие работой сознания, в сфере нейрофизиологического бытия, то исчезает сам ментальный опыт как таковой, а если мы утверждаем, что механизмы сознания принципиально отличаются от механизмов, отвечающих за бессознательные процессы психики, то в этом случае сознание отрывается от своей физической основы и обретает некий самостоятельный онтологический статус, который, в частности, позволяет ему существовать во внетелесной форме, за счет чего наносится сокрушительный удар по базовым установкам материалистического мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 270 с.
2. *Деннет Д.* Виды психики. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
3. *Райл Г.* Понятие сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
4. *Прист С.* Теории сознания. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 288 с.
5. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23 апреля 2019 года в Новосибирском государственном техническом университете прошла Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Человек и его будущее в технологической реальности». Мероприятие проводилось в рамках Международного научно-практического форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения». В работе конференции приняли участие аспиранты и студенты 15 различных вузов России.

ВЛИЯНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА НА ЧЕЛОВЕКА

Александрова О.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Мазурова М.Р.

Современный мир все чаще использует понятие «информационное общество». Это связано с резким развитием ИТ сферы и большим погружением человека в компьютерную систему, точнее, в Интернет. Он становится неотъемлемой составляющей современного общества. В интернете люди проводят много времени, что сказывается на их мышлении, поведении, меняет ценности и образ жизни.

В XX веке происходят огромные перемены, связанные с развитием мира в эпоху научно-технического прогресса. В основе объективной реальности лежат уже не материальные объекты, а информация. Современное развитие информационно-коммуникативных технологий спровоцировало появления понятий «виртуальная реальность», «киберпространство», «сетевое общество». Что нашло отражение в научных исследованиях, посвященных проблеме влияния киберпространства на человека.

Для решения данной проблемы необходимо раскрыть содержание и сущность понятий «киберпространство» и «виртуальная реальность». Следует подчеркнуть, что понятие «электронной» виртуальной реаль-

ности описывал Айван Сазерлэнд в 1965 году, говоря о пространстве, не отличающемся от реального. Через 20 лет в науке вводится понятие «виртуальная реальность» – искусственный трехмерный мир (киберпространство), который воспринимается человеком. И в 1984 году в романе «Нейромант» писатель-фантаст Уильям Гибсон употребляет слово «киберпространство» в значении пространства, состоящего одновременно из нереальных образов и существующих объектов [1]. В настоящее время исследования специфики и функций киберпространства нашли отражения в работах Н.А. Носова, В.Ф. Жданова, Ф.И. Гиренко, Е.Е. Таратута и др.

Возникает проблема – тождественны ли понятия «киберпространство» и «виртуальная реальность». Киберпространство происходит от слов «кибернетика» и «пространство». При этом кибернетика – это наука об общих закономерностях управления и передачи информации в различных системах, а пространство является местом, где находится информация. Так киберпространство становится пространством информационных объектов и событий.

Мне представляется, что киберпространство, с одной стороны, можно определить как метафорическую абстракцию, «социальную» виртуальную реальность, с другой стороны, как компьютерно-техническую виртуальную реальность.

Киберпространство – это социотехническая система, включающая в себя не только блоки информации, но и людей, представленных редуцированно, как их проекции – вербальные сообщения разной степени истинности, порожденные ими тексты (реплики в чатах, публикации), реалистические или фантастические изображения.

Человеческий индивид сбрасывает «помеху материи» и предстает в нем бестелесным существом, рассматривая так и других участников коммуникации. В киберпространстве формируется внетелесный опыт, а индивид существует как виртуальное тело. В Интернете могут существовать его биография, счет в банке и другие «следы» с такими же виртуальными объектами. Все существует лишь на носителях памяти в банке данных и его собственном воображении, в воображении коллег, подключенных к Интернету. В киберпространстве легче выразить то, что при личном общении трудно психологически высказать, здесь же можно сохранить анонимность, исправить то, что в реальной жизни неисправимо. Так легко утратить способность к нормальному челове-

ческому общению, что часто является причиной бегства от реальности в виртуальный мир.

Таким образом, киберпространство является лишь модификацией виртуальной реальности, которая обладает своей спецификой и может быть представлено как общее и особенное.

К особенностям киберпространства можно отнести интерактивность, трехмерность или погружение, автономность и актуальность. Все это вводит человека в так называемый «виртуальный мир». Происходящее с ним далее можно рассмотреть как совокупность двух составляющих: процессы, оказывающие влияние на органы чувств и психику человека, и принятие самим человеком новой реальности. Социальная реальность замещается компьютерными симуляциями [2].

Связанные пространством, временем и общими интересами люди начинают действовать как слаженный механизм, приводя нас к выводу о том, что киберпространство – это, возможно, первый шаг к глобальной демократии. Открываются возможности в системе «власть–народ», где граждане могут получить обратную связь от государства, и наоборот. Становятся очевидным положительное влияние на сферу образования. Открытый доступ к множеству книг, лекций и других ресурсов информации. Происходит трансформации человеческого сознания, что и хорошо, и плохо. Компьютер становится продолжением личности, появляется возможная зависимость от киберпространства.

Унификация массового сознания, формирование стереотипов, манипуляции, дезинформация, анонимность повышают риск излишней привязанности. Меняется культура общения, реальная жизнь рискует быть смещена жизнью семантической. У людей с низкой самооценкой и склонных к депрессии наблюдается явление эскейпизма – стремлением к виртуальному состоянию, уход от действительности. В настоящее время существуют специалисты киберпсихологи, которые могут определить степень паталогичности (компьютерная зависимость, информационная перегрузка, киберотношения и др.).

Существует ряд проблем, которые важно решить для предотвращения негативного влияния виртуальной реальности на человека в целом и киберпространства в частности. Это зависит от эффективного развития технической стороны киберпространства, новых технологий. Цель современного человечества – сделать «виртуальный мир», «киберпространство» не только доступным, но и безопасным, использовать

преимущества киберпространства и минимизировать риски. Ведь если не начать заниматься этим вопросом сейчас, позже будет сложнее помочь человеку, находящемуся в киберпространстве, не быть отчужденным от объективной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гибсон У.* Нейромант: Фантаст.роман / пер. с англ. Е. Летова, М. Пчелинцева. – М.: Аст; СПб.: Terra Fantastica, 2000. – 317 с.
2. *Хуторной С.Н.* Киберпространство и становление сетевого общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 2013.

УХУДШЕНИЕ ЭКОЛОГИИ КАК ПРОБЛЕМА РЕГРЕССА ОБЩЕСТВА

Артемьева А.М.

Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Сивакова Е.В.

История человека берет свое начало около нескольких миллионов лет назад. Каждый этап его становления сопровождается эволюцией как физических и душевных качеств, так и мира, который его окружает. Расширение своих территорий и появление новых потребностей подвигло человека на создание новых орудий труда, сфер досуга и отдыха, полезных и ненужных изобретений в различных науках. В своей статье И.А. Гобозов говорит о том, что «человечество непрерывно совершенствуется и идет по пути социального прогресса. Это уникальный закон общества. Но отсюда вовсе не следует, что в его развитии не бывает регресса, никаких, так сказать, попятных движений...» [1, с. 40]. В настоящее время явление регресса стало обыденным и приемлемым, например, оно проявляется в деградации политических институтов, ограничении свобод и прав личности, примитивизации управленческих структур, сокращении или вымирании числа особей и сокращении ареала их обитания. С каждым годом появляется все большее количество причин, которые ухудшают состояние общества и природы.

Человек – часть природы. Но если изначально человек находился в идиллии с природой, заботился о ней, обожествлял, то сейчас он пытается быть ее «хозяином» и не замечает, как разрушительно на нее влияет, уничтожает. Для человека на первый план выходят материальные блага, для достижения которых он создает вредные для экологии изобретения, строит заводы, которые разрушают атмосферу вредными веществами, вырубает леса, вырабатывающие кислород. Но несмотря на безразличие человека на эту глобальную проблему, многие обеспокоены. Это способствует созданию международных организаций, которые направляют свою деятельность на борьбу с ухудшением природных условий, на ее обсуждение в новостях и научных кругах, а также агитацию общества к бережному отношению к окружающему миру.

Целью нашего исследования является выявление основных видов деятельности человека, которые будут способствовать улучшению состояния экологии.

Поставлены и решены следующие задачи.

1. Выявить значение понятия «регресс» и причины его возникновения.
2. Определить значение понятия «экология» и его роль в жизни человека.
3. Сформулировать необходимые для улучшения экологии основные виды деятельности.

Общество на протяжении всей своей истории развивалось неравномерно, но если раньше кризисы в той или иной сфере носили местный и локальный характер, то в наше время, в эпоху бесконечного информационного потока, происходит слияние экономического, политического и культурного пространства, поэтому сейчас кризис приобретает глобальный характер. Регресс является типом развития, для которого привычен переход от сложного к более упрощенному. В экологии регресс проявляется в уничтожении леса, истреблении животных и искусственном изменении ландшафта, а также в непрерывной добыче полезных ископаемых людьми на протяжении многих столетий. Человек не задумывается об изменении климата и будущем нашей планеты, экологическое состояние которой ухудшается с каждым днем.

Экология представляет собой среду, которая окружает человека, обуславливает условия существования человека, животных, растений в

определенной местности. Она напрямую влияет на здоровье человека, зависящее от образа жизни, питания, деятельности и среды обитания. Но главной проблемой для здоровья человека являются химические вещества, выбрасываемые в атмосферу и разрушающие ее, которыми обрабатываются сельскохозяйственные поля, и добавляемые в продукты для улучшения внешнего вида. Все эти действия, производимые людьми, приводят к отравлению как человеческого организма, так и всей планеты в целом.

В настоящее время люди все больше озабочены экологической ситуацией, что способствует появлению организаций, стремящихся защитить экологию. Они пропагандируют сортировать мусор, озеленять и облагораживать города, отказаться от автотранспорта в пользу прогулок пешком и на велосипедах, снижать потребление электроэнергии, экономить воду и многое другое.

Таким образом, именно человек может исправить сложившуюся экологическую ситуацию, которая ведет нашу планету к уничтожению. В подтверждение приведу вывод из статьи Т.В. Тимошенко: «Человек – необходимая часть триединства «Человек – Природа – Общество» [2, с. 190]. Так, при соблюдении условий, при которых гармонично сочетаются эти три составляющие и впоследствии становятся целым, может сформироваться новое экологическое мышление общества, способное сохранить нашу планету.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гобозов И.А.* Прогресс или регресс общества? // *Философия и общество*. – 2015. – № 3–4 (77). – С. 34–50.
2. *Тимошенко Т.В.* Экология и потребности человека // *Известия ЮФО. Технические науки*. – 2013. – № 9 (146). – С. 185–190.

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА (НА ПРИМЕРЕ КИБЕРПАНКА)

Ашурков Н.В., Каплей М.Ю.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Пронер Н.С.

Развитие робототехники и повышение мощности вычислительных машин уже столь же неизбежная перспектива, сколь и желаемая. Согласно закону Мура количество транзисторов на интегральных схемах удваивается каждые два года, а это значит, что совсем скоро мы получим вычислительные машины, которые не будут уступать человеческому мозгу, а спустя еще какое-то время они и вовсе превзойдут по способностям собственных создателей. Есть ли что-то, чего стоит опасаться человечеству в связи с развитием технологий и техники?

Так, киберпанк – это направление научной фантастики, демонстрирует дистопическое будущее человечества отражающее упадок культуры на фоне технологического прогресса. Например, в культовой картине Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» (1982 г.) повествуется о недалеком будущем человечества, в котором человекоподобные роботы плотно вошли в жизнь общества. Самую грязную и опасную работу выполняют именно они, однако данные биомеханические творения ничем не уступают ни в интеллекте, ни в физических возможностях своим создателям, а отдельные образцы и вовсе превосходят человека чуть ли не во всем. Несмотря на высокое развитие технологий и повсеместное использование роботов, людям не стало жить легче в новой среде, и даже, напротив, нам демонстрируется огромное количество бездомных и просто маргинальных личностей, чудовищное расслоение в обществе. «Хозяева жизни» живут в огромных дворцах на самом верху, все остальные – далеко ниже, а самые бесправные и вовсе на дне, где лишены даже солнечного света. Результаты труда роботов, которые призваны улучшить жизнь каждого, используются и присваиваются в обществе неравномерно.

В других творениях киберпанка можно увидеть и более страшные картины: распространенность биомеханических имплантов, сегрегация на основе наличия этих самых имплантов, т. е. противостояние

людей и «не вполне людей», использование имплантов для пропаганды «напрямую в мозг» и осуществления полного контроля над человеком и т. д.

Описанный сценарий развития культуры является не просто возможным, а наиболее вероятным.

Тема сегрегации не дает покоя человечеству на всем пути его развития (иногда де-юре, иногда де-факто). Если вспомнить XX век, то идеи разделения общества на «людей» и «не людей» были активно использованы в нацистской Германии. Нацисты, которые взялись рассуждать о том, кто «вполне человек», кто «не человек», а кто «сверхчеловек», лишая людей смысла жизни, т. е. «расчеловечивая» тех, кто попался им в руки, «расчеловечивали» и самих себя. Уже в данный момент господствующая на Земле формация – капитализм создала условия, когда большинство наемных работников, которые составляют основную массу населения планеты, отчуждены от результатов собственного труда. Эти результаты используются и присваиваются совершенно немногочисленной прослойкой общества, с целью умножения их собственного капитала. Люди погружены в «нечеловеческие» условия и перестают быть «в полной мере людьми» на то время, которое находятся на работе, т. е. пока их труд эксплуатируется. Но только это позволяет работнику продолжать собственное существование. Таким образом, уже сегодня девизом текущего дня стало «работай или умри».

Распространенность рутинной однообразной работы – причина массы самоубийств и психических расстройств, которой ранее человечество не знало. Это напрямую связано с тем, что люди проводят огромное время своей жизни в «расчеловеченном» состоянии, т. е. их жизни лишены смысла. Культура, являясь результатом общественного труда, отражает любые изменения в жизни общества. Однако в то же время она оказывает ответное влияние на его развитие. Массовое отчуждение людей от результатов собственного труда приводит к неизбежной деградации общества и кризису духовной культуры. Техника рассматривается как один из путей осуществления прогресса человечества, но прогресс не носит абсолютный характер. Обнаруживается противоречие между регрессом духовной культуры и прогрессом техники.

Таким образом, проблема представленная в киберпанке, есть следствие развития капитализма, когда интернациональный капитал,

поглощая людей и даже государства, пренебрегает любыми интересами, кроме своих собственных. Представители элит поступают как моралью, так и законом. Расслоение в обществе увеличивается, а среднее качество жизни неизменно падает. Обязательным следствием этого будут деградация общества и кризисы в экономике и культуре, и все это в свою очередь станет происходить на фоне и при поддержке развитых технологий будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владленова И.В.* Образ человека будущего: социально-философские исследования // *Future Human Image*. – 2012. – Т. 2. – С. 112–133.
2. *Дыдров А.А., Пеннер Р.В.* Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений) // *Вестник культуры и искусств*. – 2013. – № 1 (33). – С. 87–91.
3. *Ковалёв В.А.* К политологии постчеловека? Некоторые социально-политические перспективы и угрозы NBIC-конвергенции и «Трансгуманизма» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2012. – Т. 8. – №. 4. – С. 64–83.
4. *Огарков А.Н.* Кризис европейской культуры в произведениях киберпанка // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. – 2018. – № 4 (37). – С. 102–106.
5. *Хакимова О.Б.* Философский анализ перспектив человека в мире hi-tech // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 148.

НЕОБХОДИМОСТЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ И ПРОЕКТИРОВАНИИ БУДУЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

Банщиков А.В.

Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Иваненков С.П.

Современный мир сильно обеспокоен проблемами неравенства, связывая различные формы дискриминации (по гендеру, расе, сексуальной ориентации и пр.) с существованием общественной системы угнетения, что побуждает неравнодушных граждан становиться обще-

ственными активистами, так называемыми «Social Justice Warriors» (борцы за социальную справедливость). Основной идеей этого движения является равноправие, однако, на наш взгляд методы достижения этой высокой цели были выбраны не самые лучшие.

Говоря о борьбе за равные права, люди часто вспоминают такое движение как «феминизм». Однако феминизм никогда не боролся за равноправие, это движение исключительно за права женщин. Само слово «феминизм» происходит от латинского «femina» – женщина. Существует также движение за права мужчин, которое называется «маскулизм», от латинского «masculus» – мужчина. Правда о существовании борцов за мужские права мало кто знает, можно сказать, маскулизм находится в тени известности феминизма. Нам кажется, что оба эти движения так же, как и все «борцы за все хорошее против всего плохого», в сущности своей невротичны и содержат в себе ярко выраженную виктимность, а также садистические наклонности (так как каждый насильник в прошлом жертва), что лишь усугубляет человеческую отчужденность. Общественные движения подобные им, утверждающие наличие дискриминации по многим внешним характеристикам, дробят единое общество, искусственно создавая в нем конфликты и противоречия.

Невозможно быть жертвой, если на тебя никто не нападает. Ганс Йоахим Шнайдер выделяет, что в ряде случаев жертва формирует, воспитывает преступника и завершает его становление; она молчаливо соглашается стать жертвой; кооперируется с преступником и провоцирует его [3]. Жертва – это очень выгодная, манипулятивная позиция с пониженной ответственностью. Отсюда и садистическое [2] стремление в полном контроле, в поглощении и управлении другими. «Насилие – это любой способ поведения (простой или сложный, вербальный или невербальный), используемый для того, чтобы управлять мыслями, чувствами и поступками другого, против его желания, воли или убеждений, но с психологической (а часто и материальной) выгодой для насильника» [1, с. 33].

Само по себе несистемное восприятие общества делает людей максимально далекими друг от друга. И такие наиболее актуальные человеческие проблемы экзистенциального характера как смертность, смысл жизни и одиночество вне рамок системного похода просто не имеют решения ни в науке, ни в практике повседневной жизни.

Исходя из вышеизложенного, сегодня целесообразно было бы говорить об эгалитаризме (от латинского «egalite» – равенство), т. е. без привязки к конкретному полу, о человеке вообще. Во многом нам импонирует платоновская идея миритократии – власти достойных. Не важно, какого ты пола, главное – какой ты человек, какой ты специалист. То есть обращение от внешних характеристик, как правило, биологических, к внутренним – социальным.

Изучение социального содержания, сил и структур, организующих сегодня гендерную или любую другую борьбу, отстаивающих внешние различия, как нам представляется, является отвлечением внимания общественности от настоящей социальной борьбы за равенство, в том числе и от классовой борьбы, о наличии которой сегодня предпочитают не упоминать большинство исследователей, стоящих на позиции так называемых «общечеловеческих ценностей».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малкина-Пых И.Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2010. – 585 с.
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Эрих Фромм; [перевод с английского А. Александровой]. – М.: АСТ, 2018. – 286.
3. *Шнайдер Г.Й.* Криминология / пер. с нем. Ю.А. Неподаева; под ред. и с предисл. Л.О. Иванова. – М.: Прогресс. универс, 1994. – 501 с.

ТЕХНОПАРКИ – ДРАЙВЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Баринов Н.В.

Астраханский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Немчинова А.Л.

Актуальность проблемы. В начале XXI века стало ясно, что Россия находится в условиях относительно затяжного кризиса и отстает в экономическом развитии от других стран. Эффективный экономический рост в современном мире в первую очередь базируется на таких важнейших факторах, как наука и образование. В свою очередь, интегра-

ция науки, образования и экономики образует научно-образовательный комплекс, который оказывает значительное влияние на общество и государство [1]. Следуя опыту зарубежья, России необходимо развивать малый инновационный бизнес, который мобилен и чуток к изменениям. Сочетанием науки и инноваций занимается самая современная и прогрессирующая составляющая НОК – технопарки.

Объект исследования – технопарки России.

Предмет исследования – функционирование технопарков и его влияние на развитие экономики, образования и науки России.

Цель исследования – раскрытие механизма функционирования и развития технопарков России в современных условиях с учетом особенностей российской экономики, образования и науки; анализ функционирования технопарков в сферах науки, образования, инноваций и бизнеса, на уровнях государства и регионов, молодежи и научного общества, резидентов и инвесторов технопарков; формулирование основных достоинств и недостатков работы российских технопарков; раскрытие перспектив, связанных с социокультурным развитием и экономической модернизацией. В подтверждение каждого тезиса приводятся конкретные примеры технопарков различных регионов России.

Что же такое технопарк? Технопарк – инновационный научно-производственный комплекс, который создает благоприятную среду для развития малых и средних клиентских форм; включает в себя широкий спектр инновационных предприятий, которые находятся на различных этапах коммерциализации высоких технологий. Технопарки владеют предприятиями и территориями, выделяемыми под строительство офисных и производственных помещений, т. е. формируют разнообразную и насыщенную инновационную среду, представляют более широкий набор услуг по развитию наукоемкого предпринимательства [2].

Также важнейшими компонентами научно-образовательного комплекса являются детские и университетские технопарки.

В докладе рассматриваются прямые и обратные связи между технопарками и общественной системой. На данном этапе необходимо дать характеристику прямым и обратным связям между технопарками и общественной системой, в которую входят государство и регионы, резиденты и промышленные компании, молодежь и научное общество.

Функционирование технопарков на уровне государства и регионов. Для развития экономики с помощью высокотехнологического сектора необходимо уменьшить инновационный цикл – технопарк является

центром объединения ученых-технологов. Государство же должно создавать необходимые условия для протекания данного процесса.

Технопарки способствуют развитию экономики региона: стимулирование экономического роста, диверсификация местной экономики (делает ее устойчивее), развитие успешных компаний малого и среднего бизнеса. Технопарки также способствуют привлечению значительных зарубежных инвестиций и передовых технологий, а также увеличению доходов местного бюджета [3].

Заинтересованность потенциальных резидентов и промышленных компаний в создании технопарков. Технопарки осуществляют поддержку предпринимателей и их идей по направлениям: инновационное направление, экспертная поддержка, помощь в привлечении технологий и разработок на рынок, помощь в стратегии защиты интеллектуальной собственности.

Государство же обеспечивает значительные финансовые вливания и льготные условия ведения бизнеса: снижение/освобождение от подоходного налога, льготы при ведении капитального строительства, отсутствие обложения таможенной пошлиной импортированного оборудования и др. [4].

Промышленные предприятия, которые на собственном предприятии не имеют надлежащих условий для превращения идеи в инновационные технологии и их трансферта в экономику, получают возможность «сбрасывать» свои разработки в технопарк. Управляющие компании технопарков также имеют выгоду. А резиденты технопарков входят в число лучших инновационных компаний России [5].

Детские и университетские технопарки оказывают огромное влияние на молодежь и научное общество. Детские и университетские технопарки – особая модель дополнительного образования детей; комплексы, оснащенные высокотехнологичным оборудованием, целью которых является подготовка молодых высококвалифицированных инженерных кадров. Такие технопарки служат мостом между научно-исследовательской средой и промышленностью.

Выводы. В данном докладе выявлены и раскрыты выгодные для всех сторон прямые и обратные связи между технопарками и общественной системой, в которую входят государство и регионы, резиденты и промышленные компании, молодежь и научное общество. Раскрыта социальная значимость детских и университетских технопарков. Таким образом, технопарки способствуют развитию сразу трех важ-

нейших областей: науки, образования и бизнеса. При правильном подходе к развитию технопарков в России данная область станет самым эффективным современным выходом из социокультурного и экономического кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева И.Ю., Никитина Е.А.* Интеллектуальные технологии и представление знаний. – М.: Проспект, 2016. – 95 с. http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=443549
2. *Авдулов А.Н.* Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки / А.Н. Авдулов, А.М. Кулькин. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 148 с.
3. Четвертый ежегодный обзор «Технопарки России-2018» / Л.В. Данилов, А.Р. Валеева, И.В. Голубкин; Ассоциация кластеров и технопарков России. – М.: АКИТ РФ, 2018. – 52 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».
5. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по технопаркам. <https://www.gisip.ru>.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРИЧИНА БЕЗРАБОТИЦЫ

Бобрик А.И., Зобов Н.М.

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Лукьяненко Н.В.

В современном мире исследование искусственного интеллекта (далее ИИ) относится к наиболее динамично развивающейся области информационно-технического знания. С тех пор, когда в середине XX столетия американский ученый Джон Маккарти ввел в научный оборот данный термин, понимая под ним свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, отечественные и зарубежные исследователи начали изучать данное явление в различных аспектах его проявления в жизни социума [6].

Так, на данный момент мы можем наблюдать совершенствование и развитие ИИ, а также его внедрение в различные сферы жизни общества, такие как экономика и предпринимательство, образование, медицина, промышленность, культура и многие другие. Более подробно мы остановимся на сфере трудовой деятельности.

Данный процесс сильно повлиял не только на оптимизацию производства и развитие технических средств, но и на сокращение рабочих мест. Это привело к тому, что в современном мире стала чаще наблюдаться тенденция безработицы. Именно поэтому целью данной работы является изучение влияния ИИ на социум в трудовой сфере, а также определение способов оптимального использования ИИ на основе результатов теоретико-методологического исследования.

Теоретической основой стала теория отчуждения К. Маркса. Он исходил из того, что человек является социальным существом, а потому реализует себя в трудовой деятельности. Поэтому причиной отчуждения является общественное разделение труда, которое в дальнейшем образует неравенство среди людей, появляются имущие и неимущие классы, вследствие этого формируется человеческое отчуждение. Исходя из этого, следует вывод, что отчуждение является причиной потери рабочим смысла существования, так как он перестает видеть ценность в процессе и продуктах труда, в реализации его способностей и соответственно в себе и в других людях [2].

Однако остался невыясненным следующий вопрос: если же социум недоволен трудом, работает не в полную силу и в основном только ради дохода, то стоит ли оптимизировать труд и заменить рабочих машинами? Для решения поставленного вопроса проводится лонгитюдное эмпирическое исследование.

По данным зарубежной статьи «Безработица в эпоху ИИ» было определено, что в случае полной замены ИИ такой профессии, как водитель, безработными останутся 5 миллионов человек, так как они обычно не имеют высшего образования или других навыков, чтобы найти альтернативу своей работе. Во многих семьях водитель является основным источником доходов, а если 3/5 из 5 миллионов водителей содержат семью из четырех человек, то это будет означать, что безработица затронет жизни около 12 миллионов человек. Этот процесс будет иметь разрушительные последствия для семей и их детей без внешней социальной помощи от государства [1].

Процесс развития ИИ наблюдается и в России. По данным статистики Microsoft, 30 % российских руководителей активно внедряют ИИ, когда средний показатель по миру равен 22,3 % [3]. Также российские руководители заняли второе место по уровню положительного отношения к ИИ: 73 % директоров считают, что технология позитивно влияет на их управленческую деятельность, а 90 % из них выразили желание получить поддержку профессионалов, чтобы лучше и эффективнее работать с этой технологией, в мире же этот показатель составляет 67,3 % [4].

Для определения наиболее важных аспектов по внедрению ИИ в социальную реальность планируется осуществить анкетный опрос среди работающего и безработного населения, а также среди студентов факультета бизнес-информатики и по результатам опроса определить степень осведомленности социума о предмете ИИ, причинах его внедрения в сферу труда, преимуществах и недостатках этого процесса.

Подводя итог промежуточных результатов лонгитюдного исследования, можно сделать вывод, что на данный момент искусственный интеллект не является основной причиной безработицы, однако с каждым годом его влияние в трудовой сфере будет постепенно расти, а проблема внедрения выйдет на мировой уровень. На данный момент прогнозируется развитие будущего и выдвигаются предположения по оптимальному использованию ИИ, также ожидается появление новых незанятых социальных сфер, пригодных для развития и занятости социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grace Su Unemployment in the AI Age // AI Matters. – 2018. – № 4. – С. 35–41.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года / пер. с нем. – Marx-Engels-Gesamtausgabe, 1932. – С. 41–174.
3. Microsoft, официальный сайт. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/business-leaders-age-of-ai/>.
4. Искусственный интеллект (рынок России)[Электронный ресурс]. – URL:[http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_\(рынок_России\)](http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_(рынок_России))
5. Fifteen mind-blowing stats about artificial intelligence [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.adobe.com/insights/15-stats-about-artificial-intelligence.html>.
6. Маккарти Д. конференция в Дартмутском университете, 1956.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОКАЗАНИЯ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ)

Брыжинская А.А., Рязанова Д.С.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Научный руководитель д-р юрид. наук, профессор Худойкина Т.В.

В современном мире институт медиации набирает обороты не только в странах Европы, но и в России. Существование такого института, как медиация, позволяет снизить нагрузку на суды [5]. Внедрение медиативных процедур позволяет разрешать споры внесудебным способом, что является наиболее благоприятным для всех сторон конфликта [6]. С 1 января 2011 года вступил в силу первый в Российской Федерации нормативный правовой акт, регулирующий процедуру медиации – Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В пункте 2 статьи 2 данного законодательного акта законодатель определяет процедуру медиации как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [1].

Как показывает практика, медиативные процедуры сложны по своей сущности. Одной из самых трудоемких областей применения процедуры медиации является область здравоохранения, что связано с рядом специфических и организационных причин, затрагивающих правовую сферу [4, с. 9]. Это обусловлено тем, что медицинская деятельность сама по себе сложна как правовая категория, так как включает в себя разнообразный комплекс профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических мероприятий и профессиональную деятельность, связанную с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях [2, с. 2].

В последнее время споры между врачом и пациентом встречаются довольно часто. Это связано с тем, что медицинские работники ежедневно оказывают медицинскую помощь. Спор, возникший между пациентом и врачом, вытекает из-за неудовлетворения либо оказания некачественной медицинской помощи. На данный момент область здравоохранения все более приобретает коммерческий характер. Сейчас практически везде открываются частные клиники, но не у всех есть лицензия на осуществление данной деятельности. Стоматологические клиники чаще всего носят частный характер. По статистике в целом граждане больше обращаются в частные стоматологии, это обусловлено тем, что качество оказанных услуг отличается в лучшую сторону от государственных учреждений.

Конфликты, возникающие в медицинской деятельности, носят деструктивный характер. Это обусловлено тем, что спорящие стороны не признают возникшей проблемы и не идут на обсуждение. Подобные ситуации приводят к обострению конфликта.

Многие авторы, а именно О.Ю. Афанасьева, М.В. Кирпичников, Е.Н. Ярыгина, полагают, что в последнее время в связи с формированием рынка медицинских услуг потребитель (пациент) все громче заявляет о своих требованиях к качеству оказания медицинских услуг [3, с. 7]. Стоматология одной из первых испытала на себе влияние коммерческих отношений, возникающих между пациентом и медицинским учреждением. В настоящее время такого рода коммерческие отношения свойственны как частному сектору стоматологических услуг, так и государственному.

Главной задачей в области здравоохранения является урегулирование конфликтов с пациентами до судебного разбирательства. При возникновении претензий пациент прибегает к традиционному способу урегулирования спора. Пациент, не разобравшись в проблеме, обращается к судебному разбирательству, тем самым портит репутацию врача, а также утрату доверия в области здравоохранения. Трудности могут возникнуть и при разрешении спора в суде, где стороны не придут к компромиссу, в результате будут не удовлетворены решением. В таком случае целесообразно использовать альтернативный способ урегулирования конфликтов путем третьей стороны. Процедура медиации имеет конфиденциальный характер. Она не выходит за рамки общения врача, пациента и самого медиатора.

Процедура медиации может быть применена до обращения и после обращения в суд. Применение процедур медиации в урегулировании споров, касающихся области здравоохранения, наиболее эффективно позволяет разрешить разногласия между пациентом и врачом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
3. *Афанасьева О.Ю., Кирпичников М.В., Ярыгина Е.Н.* Возможности применения медиации как альтернативного способа урегулирования конфликтов в стоматологии // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 7–12.
4. *Помазкова С.И.* Проблемы применения процедур медиации при урегулировании и разрешении споров в сфере медицинской деятельности // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 9–12.
5. *Худойкина Т.В.* Разрешение правовых споров и конфликтов с помощью примирительных процедур // Мировой судья. – 2004. – № 4. – С. 17–19.
6. *Худойкина Т.В.* Перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах Российской Федерации // Регионология. – 2005. – № 4 (53). – С. 61–70.

ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО: ПАДЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ СИНГУЛЯРНОСТЬ

Ворсина Е.А.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
Научный руководитель: канд. филос. наук Черепанов И.В.

«Завтра будет сегодня». Именно такой цитатой можно описать тенденции развития общества, причем не только современные. Технологический прогресс с каждым днем экспоненциально ускоряется, наука

не стоит на месте. Еще 10 лет назад мы не могли детектировать гравитационные волны или бозон Хиггса, не знали, как создать полностью автономное искусственное сердце или биоробота, но сегодня все это – реальность. Прогресс будет ускоряться и это неизбежно. Человечеству грозит «падение» в технологическую сингулярность – теоретический момент времени, после которого технологии шагнут так далеко, что перестанут быть доступны пониманию людей.

Экстраполированный закон Мура (на самом деле это не совсем закон, а лишь эмпирическое наблюдение, сделанное Гордоном Муром, которое гласит, что количество транзисторов на кристалле интегральной схемы удваивается каждые 24 месяца, иначе говоря, мощность производимых процессоров увеличивается в 2 раза каждые 2 года) показывает, что это произойдет примерно в то время, когда вычислительную мощность компьютеров можно будет приравнять к способностям головного мозга человека. Искусственный интеллект будет получать задачу улучшить себя, сделать более совершенным. С каждой итерацией мощность интеллекта становится больше, ИИ начнет создавать механизмы, которые находятся за гранью нашего понимания. С этого момента научный прогресс будет полностью находиться в «руках» машин, и человечество никак не сможет это контролировать, предсказать поведение и развитие систем.

Однако даже лучшие компьютерные программы не умеют ставить себе цели и развиваться самостоятельно. Ученые же не до конца понимают, как работает человеческий мозг, и не умеют его моделировать. Поэтому мы не можем предсказать, когда все это случится и случится ли вообще.

Если рассмотреть ситуацию, в которой данное «падение» все же произойдет, то следует внести несколько поправок. Во-первых, закон Мура может перестать работать до того как произойдет сингулярность. Размеры транзисторов станут настолько крошечными, что достигнут предела. Появится необходимость в новых технологиях, которые будут развивать процессоры и дальше. В таком случае возможно, что на смену микропроцессорам может прийти что-то более совершенное, и тогда удвоение мощности будет происходить еще быстрее, вследствие чего сингулярность наступит раньше, чем мы думаем.

Во-вторых, искусственный интеллект никогда не сможет догнать и обогнать человеческий мозг без соответствующего программного обеспечения. В настоящий момент наука активно развивается в отрасли

искусственных нейронных сетей (сокр.: нейросети). Именно эта технология поможет создать такое ПО, которое в дальнейшем будет совершенствовать само себя.

Но во что же выльется технологическая сингулярность? Точного ответа на этот вопрос нельзя дать. Человечество может быть как модернизировано, так и уничтожено. В одном из вариантов развития событий возможно слияние человека и машины. Произойдет переход к постчеловеческому обществу, во время которого, по этическим соображениям, начнется быстрое социальное фрагментирование. Сложно сказать, к чему оно приведет: к революции со стороны тех, кто отказался от слияния, или к мирному сосуществованию. Ясно только то, что это будет абсолютно новая ступень эволюции, и уже сейчас можно задать вопрос: «Сможем ли мы назвать наших потомков людьми?».

С другой стороны, нейросети могут достичь такого уровня развития, что искусственный интеллект начнет вести себя непредсказуемо. Возможна девиация – простая ошибка, отклонение в программном коде, которое поменяет поведение машин в корне и может даже стереть человеческий род с лица Земли. Здесь возникает большое количество вопросов: как будет развиваться мораль у сознания, что мы не можем осмыслить? И будет ли она вообще? Появится ли у машин чувство свободы и желание самостоятельности? Возникнет ли у них личность, несмотря на то, что не было предпосылок к ней? Достоверных ответов на эти вопросы нет, а получить их без опыта вряд ли получится.

Во избежание катастрофы ИИ обязан быть настолько же совершенным, насколько и подконтрольным. Тогда будет гарантия лояльности со стороны машин, и им можно будет доверить развитие будущего без угрозы смерти. Постсингулярный мир полон загадок. Человечество уже находится на пути к нему, поэтому нужно быть готовыми как технологически, так и идеологически.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления // пер. с нем. – М.: Республика. – 1993. – 447 с.
2. *Vinge V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era // San Diego State University. – 1993. – 10 с.
3. *Козырева О.А.* Технологическая сингулярность и будущее человечества // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Новоси-

бирский национальный исследовательский государственный университет. – 2012. – № 10. – С. 237–239.

4. *Давыдов Н.С.* Технологическая сингулярность // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. Самарский государственный университет. – 2016. – № 1(8). – С. 98–101.

КРИЗИСНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ФОРМЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Горбунова Е.В.

Новосибирский государственный медицинский университет
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ,
вед. науч.сотр. Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

Изучая историю становления отношений между мужским и женским полом и то, как происходило постепенное расширение гендерных категорий, мы пришли к тому, что «гендер» стал мобильным, благодаря мало закреплённой правовой и этической практике. «Первой была Сапфо (славные старые денечки). Далее следовали вполне приемлемые для общества гомоэротизм классической Греции и гедонизм Рима. Затем, случайно пропустив два тысячелетия, – Форстер, Саквилль-Вест, Рэдклифф Хэлл, инверсия, цензура; затем феминизированные мужики («бабы»), мужеподобные женщины (бутч), педики, наркоманы, натуралки, живущие с гомиками, нарастание цензуры и шантажа, Ортон, наконец Стоунволл Инн (1969) и... – мы стали геями! Конечно, был и феминизм, и некоторые из нас стали лесбийскими феминистками и даже лесбийскими сепаратистками. Были и жалкое существование, и борьба, трансвеститы, лесбиянки, политики, полуполицейские публичные дома для геев с совершенно жуткими условиями жизни для проституток-мужчин. Был СПИД, который благодаря развернувшемуся жарким дискуссиям о многообразии сексуальных практик (как противоположность сексуальным идентичностям) породил квир-движение в Америке» [1, с. 111]. Столь откровенное изложение становления «квир-движения» отражает все то, что было заложено в наше сознание о том, что из себя представляют люди, испытывающие неудовлетворенность своим полом, то, что врачи именуют «половой дисфорией». Занимая пограничное состояние, в период трансформации или «перехода» эти

люди непременно окажутся в ситуации, когда не смогут быть поняты как представителями ЛГБТ сообщества, так и представителями «своего» пола, кроме того, отсутствие возможности трансдисциплинарного подхода к проблемам «транссексуализма» привело к тому, что решение о смене пола может быть неконтролируемым.

Таким образом, транссексуалы становятся субкультурным явлением, стирая границы, для представления обывателей, в чьих глазах не существует «иных» гендерных категорий. Оставаясь в «пограничном» состоянии до полной смены пола, войти в общество в «новом» образе, пусть и завершённом с точки зрения как физиологии так и психологии, становится невозможным. То, к чему стремится любой человек, это целостность, а фрагментарное, двойственное представление о себе не только тревожный симптом, но глубокое страдание. В конечном счете трансгендер должен стать тем гендером, каким он или она желает стать, «сотворение» нового целостного человека, способного начать новую жизнь или получить то, что было ранее недоступно. В реальности же мы сталкиваемся с тем, что трансгендерные люди с трудом «отрываются» от «прошлого», подчас примыкая к маргинальным общественным слоям, «новая» жизнь остается все такой же далекой и непостижимой.

Неполноценное правовое регулирование и самостоятельная смена пола путем медикаментозного воздействия на гормональный фон часто ведет к трагическим последствиям. Недостаточность или некорректность психиатрической и психологической помощи таким лицам нередко приводит к тому, что в категорию лиц, желающих сменить пол, попадают те, кто имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию или же в дополнение к этому психическое расстройство. «Выделяется пять установленных факторов, влияющих на последовательность осуществления всех трех этапов медицинской помощи лицам с половой дисфорией: 1) некоторые даже тщательно обследованные пациенты с казалось бы верифицированным диагнозом спонтанно изменяют свои стремления; 2) другие без медицинских вмешательств решают проблемы личностной и социальной адаптации; 3) третьи отказываются следовать данной этапности в процессе психотерапии; 4) некоторые клиники для пациентов с нарушениями половой идентичности часто сокращают штаты персонала и объем работы; 5) нет достоверных данных о дальнейшей судьбе тех лиц, которые отказались от прохождения всех трех этапов медицинской помощи» [2, с. 73].

Сейчас сквозь призму времени, находясь в бесконечном потоке информации, в бесконечных двойных трактовках все сложнее «вспомнить» то, каким был мир в эпоху «маскулинности». Такой мир, по всей вероятности, в будущем станет антиутопией, ибо «игра в гендер» ведет нас к тому, что возможность смены пола и «примерка» противоположной гендерной роли станет обыденностью. Мнимая свобода в гендерных ролях и сакраментальная фраза Симоны де Бовуар о том, что женщиной не рождаются, а становятся, стала отражением этой «гендерной свободы». Для западной культуры давно не в новинку такая «фрагментарность», «множественность», осознание тела как изменяемой субстанции. С одной стороны, это дает выход тем, кто не удовлетворен своим телом и тяготится этим, но это также и повод прибегнуть к изменению, примерить эту «множественность», и тем, кто просто находится в поиске своего «Я». Потеря «корней», идентичности, осознания себя в реальности – все это ведет к «болезни», от которой нет лекарства. «Поиск себя» или «уход от себя» – что станет лучшим, определит время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джагоз А. Введение в квир-теорию; пер. М. Кукарцевой / отв. ред. В.Е. Кашаев. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 111, с. 122–125.
2. Матевосян С.Н., Введенский Г.Е. Половая дисфория (клинико-феноменологические и лечебно-реабилитационные аспекты синдрома «отвергания» пола). – М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2012. – С. 75.

АГРОЭНЕРГЕТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Дюков Н.В.

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева
Научный руководитель: профессор Каверин А.В.

В последние четыре десятилетия ученые и специалисты очень серьезно обеспокоены неуклонным падением энергетической эффективности сельского хозяйства и резким увеличением удельного расхода

энергии на единицу получаемой продукции. Так, если по сравнению с началом XX века урожаи основных культур в передовых сельскохозяйственных странах возросли в 5–8 раз, то за последние десятилетия повышение урожайности в 2–3 раза сопровождалось ростом затрат на единицу продукции, энергии, получаемой из горючих ископаемых, в 10–15 и даже в 50 раз [1]. Энергетическая эффективность получения одной и той же сельскохозяйственной продукции со временем непрерывно падает. Если в начале XX века в США на одну затраченную калорию получали 2–3 калории урожая овса и пшеницы, 5–6 калорий урожая сорго и кукурузы, то в 1980-е гг. затраты энергии с учетом транспортировки и переработки там составляли уже 8–10 калорий на получение одной калории в урожае [2]. Похожие тенденции наблюдались и в сельском хозяйстве других стран. Например, в Польше в 1960 г. на 1 т зерновых единиц конечной продукции нетто затрачивалось энергии 2,06 ГДж, а в 1980 – 8,74 ГДж, или в 4,2 раза больше [Баян]. Во всех странах ЕС с 1960 по 1980 г. потребление энергии на 1 га возросло в среднем в 3 раза и было равно 16,95 ГДж/га [2], хотя известно, что затраты энергии в сельском хозяйстве в размере 15 ГДж/га – тот рубеж, за которым наблюдается вредная для среды цепь последствий [1]. Между тем при интенсивном земледелии в развитых странах уже в конце XX века затраты составляли от 15 до 20 ГДж/га, а в откормочном животноводстве (крупный рогатый скот) – даже 40 ГДж/га [1].

Падение энергетической эффективности было характерно и для сельского хозяйства бывшего СССР. Так, с 1960 по 1980 г. сбор зерновых здесь увеличился со 125,5 млн. т до 189,1 млн. т (в 1,5 раза), а энергетические затраты в расчете на 1 га возросли в 3,13 раза [2], т. е. на каждый процент прироста сельскохозяйственной продукции приходилось более чем двукратное превращение затрат энергии. Как известно, в сельском хозяйстве СССР в 1980-е годы использовалось 40–45 % дизельного топлива, 30–35 – бензина, до 50 – моторных масел, 7 % электроэнергии от общего их потребления в народном хозяйстве страны. Поэтому удвоение, а тем более утроение расхода горючего на нужды сельского хозяйства было и остается нереальным.

Выход из создавшегося положения лежит через экологизацию – проникновение экологической теории в науку и практику планирования и управления сельскохозяйственным производством. Теория экологического планирования в общем виде разработана Н. Ф. Реймерсом и изложена в ряде его публикаций [4]. А.В. Каверин как благодарный

ученик и единомышленник Н.Ф. Реймерса, продолжая дело учителя, разработал новую научную дисциплину – сельскохозяйственную экологию, главной целью которой является рационализация сельскохозяйственного природопользования [1]. К числу основных ее направлений относится экологизация планирования и управления аграрным природопользованием. Под экологическим планированием сельского хозяйства понимается, в первую очередь, экологическое земельное планирование (или расчет), разработка и установление форм, методов и ограничений использования земельных ресурсов. Экологическое планирование земельных ресурсов дополняет планировку земель и по содержанию совпадает с ландшафтным устройством.

Начиная с 1986 г. А.В. Каверин и его ученики обосновывали и последовательно предлагали проведение изменений эколого-экономической направленности в сельскохозяйственной отрасли Республики Мордовия. На результаты их исследований и рекомендации по эколого-экономической оптимизации структуры сельскохозяйственных земель обратило должное внимание руководство региона. В результате по инициативе ученых-агроэкологов начиная с 1990 г. площадь пашни начала заметно уменьшаться и к 2016 г. ее доля в структуре сельскохозяйственных угодий по сравнению с 1990 г. снизилась на 19,5 % (244,8 тыс. га низкопродуктивной пашни, непригодной для возделывания зерновых, бобовых и тем более пропашных культур, были переведены под пастбища и сенокосы) [3]. Одновременно внедрены почвозащитные севообороты, и в связи с этим площади посева многолетних трав увеличились в 1,86 раза, составив 31 % общей площади региона. Сельскохозяйственная продукция производится на меньших площадях и с меньшими затратами материальных и энергетических ресурсов. Освобожденные средства и энергетические ресурсы вложены в интенсификацию земледелия. Такая территориальная оптимизация повысила ряд важных показателей (урожайность сельскохозяйственных культур, водообеспеченность, энергоэффективность земледелия) в пределах 30–50 % и одновременно расширила рекреационные и отхождоусваивающие свойства региона приблизительно настолько же.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каверин А.В.* Экологические аспекты использования агроресурсного потенциала (на основе концепции сельскохозяйственной экологии). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – 220 с.

2. Каверин А.В. Экологическая валюта земледелия // Энергия: экономика, техника, экология. – 1985. – № 6. – С. 18–24.

3. Каверин А.В., Василькина Д.Н., Резаков Г.Р., Вдовин Е.С., Гераськин М.М. Сельскохозяйственная экология и опыт ее применения в практике земельного ландшафтного планирования в Республике Молдовия // Проблемы региональной экологии. – 2018. – № 5. – С. 180–186.

4. Реймерс Н.Ф. Экологическое планирование и прогнозирование в системе управления народным хозяйством // Проблемы взаимодействия общества и природы. Тез. докл. к теор. конф. – М., 1974. – С. 80–83.

ГЕНЕЗИС АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Жерनावков П.С.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: д-р экон. наук, доцент Буровцев В.В.

Транспортная отрасль является одним из стратегически важных направлений в развитии экономики государства. В первую очередь, транспорт обеспечивает целостность государства, позволяет формировать связующие звенья между участниками экономических отношений, которые способствуют перемещению ресурсов и капитала, позволяют освоить новые направления и территории. Тем не менее благодаря статусу стратегической отрасли перед государством стоит задача эффективного управления экономической средой транспортного комплекса.

Одним из секторов развития транспортной отрасли является создание благоприятной конкурентной среды среди участников рынка. Между тем создается положение, когда, с одной стороны, общество заинтересовано в формировании свода неких правил, которые будут гарантировать систематизацию предпринимательской деятельности, выход на рынок и поддержание конкурентной среды, а с другой стороны – безопасность самого общества. Но в плоскости балансирования этих двух интересов общества при организации нормативно-правовой базы и регламентированных процедур возникают административные

барьеры – совокупность определенных преград административного происхождения, в некотором смысле препятствующих предпринимательской деятельности. Под давлением технического и институционального прогресса совершенствовалась система отношений агрегированных субъектов и субъектов хозяйственной деятельности, а вместе с ней – и комплекс административных барьеров, возникающих в процессе трансформаций.

Актуальность тематики заключается в современных экономических тенденциях по повышению конкурентоспособности отечественного рынка транспортных услуг и повышению инвестиционной привлекательности транспортной инфраструктуры для снижения нагрузки государственных бюджетов. Ввиду этого требуется исследование сущности государственного управления на транспорте, причин формирования административных барьеров в экономической среде. В данной работе административные барьеры рассмотрены через призму генетического подхода историко-философской концепции управления, потому как всякое управление является системой, а всякая система имеет закономерности возникновения, распада, структуризации. Также это позволяет выявить тенденции в развитии государственного управления на транспорте, спрогнозировать результативность грядущих изменений, что позволит провести качественные административные трансформации.

Генезис (греч. *genesis*, от *gignomai* – рождать) по сути является определенной философской категорией, выражающей возникновение, происхождение, становление развивающегося явления. Первоначально генезис как категория применялся к представлениям о происхождении природы, бытия [1, с. 218]. Если же спроецировать содержание понятия «генезис» на причины формирования административных барьеров в государственном управлении предпринимательской деятельности, то возможно вывести следующее определение: генезис формирования административных барьеров предпринимательской деятельности – это природа возникновения препятствий административного характера, проявляющихся в ограничении возможностей входа на рынок транспортных услуг субъектов предпринимательства, обуславливающих исполнение необходимых требований, обозначенных государством.

Выбор генетического подхода в качестве детерминанты к изучению возникновения административных барьеров в государственном управлении обусловлен тем, что административные барьеры есть система по своей сути, а каждой системе свойственно зарождаться

(формироваться) и угасать (распадаться), поэтому генетический подход направлен на изучение системы с точки зрения ее развития во времени. Этот подход и определяет генезис – возникновение, происхождение и становление объекта как системы.

Исходя из анализа генезиса системы государственного управления на транспорте, следует отметить, что по мере развития общества и экономических отношений субъектов хозяйствования в системе транспортных услуг государство всячески структурировало институты, внедряющие правила, а также увеличивало управленческую систему в органах государственной власти на транспорте. Потому как ширились потребности общества в перевозках различными видами транспорта, увеличивалась длина магистралей автомобильного и железнодорожного транспорта, а также развивалось воздушное, внутреннее водное и морское сообщение, что требовало создания соответствующих контрольно-надзорных органов по каждому виду транспорта.

Также видится тенденция к разделению некогда единого органа государственной власти на транспорте на несколько либо отдельных, либо подведомственных нескольких органов государственной власти, каждый из которых отвечает за определенную сферу на транспорте. Например: Министерство транспорта РФ является разработчиком нормативно-правовой основы, регулирующей все отношения, возникающие на транспорте, подведомственные министерству; Федеральное агентство железнодорожного транспорта и Федеральная служба в сфере транспорта отвечают соответственно за предоставление государственных услуг и управление государственным имуществом, а также за контрольно-надзорную функцию и лицензирование видов экономической деятельности на транспорте. Такая диверсификация позволяет рассредоточить и упорядочить все сферы деятельности государственного управления на транспорте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия / гл. редактор Л.С. Шаумян. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 608 стр.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Завьялова А.В., Бурманов С.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук доцент М.П. Данилкова

Начало нового тысячелетия ознаменовалось новым этапом развития современного общества. Данный этап социального развития ученые определяют по-разному: век новых технологий, общество знания, постиндустриальное общество. Вместе с тем совершенно очевидно, что мы живем в эпоху господства информационных технологий, которые создают новую уникальную среду. В этих усложненных обстоятельствах человек вынужден адаптироваться к новой социальной реальности, которая, в свою очередь, изменяет цели и смыслы человеческого бытия.

Цель работы состоит в исследовании последствий воздействия технологических инноваций на социальное пространство современного общества.

Исходной точкой нашего анализа является доклад Р. Коэна на симпозиуме в ЮНЕСКО в ноябре 1980 г., в котором автор впервые обозначил проблему влияния технологического прогресса на общество [1]. Значимость его труда заключается в детальном изучении и критическом осмыслении закономерностей развития социальной среды от технологических революций на протяжении всей истории существования общественных отношений. По мнению Р. Коэна, многие социальные проблемы, создаваемые постоянно усиливающимся техническим прогрессом и представляющие серьезную угрозу для человечества, следует условно разделить на несколько групп, основные из которых идеологические, политические и социальные.

В рамках данной работы остановимся на социальных последствиях, детально исследованных в статье Р. Коэна «Социальные последствия современного технического прогресса». Важность обращения к социальным последствиям связана с тем, что научно-технические инновации представляют собой важнейший фактор, разрушающий традиционную культуру общества. Это происходит по ряду причин. Во-первых, научно-технический прогресс меняет отношение к рели-

гии и ее эстетическим нормам; во-вторых, он укрепляет в сознании людей такое понятие как «надежда на технику», что провоцирует формирование зависимости от гаджетов; в-третьих, технические инновации реформируют межличностные взаимодействия между индивидуумами, внедряясь во все сферы производства, изменяют структуры и технологии коммуникаций; в-четвертых, новые технологии реформируют в определенной степени отношение человека к культурным традициям: утрачивается их влияние на формирование ценностного отношения к миру. Кроме того, человек начинает воспринимать технику как «панацею» для решения простых задач, и наконец, последнее: научно-технологические новшества вносят существенные изменения в цели и задачи человеческой деятельности [2].

Исследования социальных последствий технического прогресса позволяют обнаружить закономерность: чем выше уровень технологического прогресса, тем очевиднее его влияние на социальную сферу общества. Именно с технологическим развитием связывают формирование массовой культуры. Например, здесь можно говорить о роли телевидения, ставшего мощным инструментом пропаганды и «зомбирования» населения.

По мнению Р. Коэна, такие изменения исключают духовную причастность к культуре, делая человека ее пассивным потребителем. Именно сегодня, в эпоху господства новейших информационных технологий, их необыкновенная способность проникать и насыщать всю сферу человеческого существования, выглядит беспрецедентной. Подобные явления требуют дополнительного исследования в силу их огромного воздействия на сознание человека. Необходим дифференцированный подход к современным процессам модернизации и вопросам ускорения разрешения проблем, касающихся стратегий социального развития.

Заключение. Таким образом, совершенно очевидно, что человек еще не в полной мере осознал воздействие достижений, поражений и угроз, которые свойственны техническому прогрессу на современном этапе развития. Среди множества различных технических альтернатив человечеству необходимо научиться предвидеть как опасности и риски, так и благоприятные сценарии развития, и находить более эффективные способы реализации моделей будущего в пользу следования подлинно человеческим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cohen R.S.* Social Implication of Recent Technological Innovations. – In: *Philosophy and Technology*. Ed. By P. Durbin, F. Rapp. Boston studies in the philosophy of science, Vol. 80, 1983.

2. *Коэн Р.* Социальные последствия современного технического прогресса / пер. с англ. В. Н. Порус. – Новая технократическая волна на Западе. – Сб. статей. – М., 1986 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 2010. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/63353>.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ: ВЛИЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Зверева Е.С., Маркакова С.А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ, ведущ.

науч. сотр. Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

Понятие «утопия» было введено Томасом Мором и стало аспектом деятельности многих философов. Утопические проекты обрели свою практическую реализацию в различных изобретениях с целью облегчения человеческой жизни. Ефремова Т.Ф. определяет утопизм как построение планов социального переустройства общества без учета реальной действительности, в полном отрыве от объективных закономерностей общественного развития [1].

Одним из проявлений утопической мысли по праву можно считать утопический социализм, который по-особому просматривал экономическую, социальную и иную структуры. Главной идеей социалистов-утопистов является мысль об общественной собственности и коллективном труде, где общество будет руководствоваться принципом распределения «по способностям» [2, с. 24]. С экономической точки зрения, данная идея крайне сложно выполнима. Но социалисты-утописты не уделяли особого внимания условиям и механизмам достижения данного общества, они лишь детально прописали, как оно в итоге должно выглядеть. Самое ценное, что сделали социал-утописты в своих трудах – критика буржуазного строя. В дальнейшем это поспособствовало просвещению рабочих [2, с. 25]. Так, Фурье видел противоречие между буржуазией и пролетариатом. Для Оуэна был ясен факт

эксплуатации рабочего класса. Но утописты совершенно не понимали, что классовая борьба – это движущая сила истории, и не видели всемирно-исторической роли рабочего класса [2, с. 28]. Утописты обращались к буржуазии с призывами перестроить мир, но проходили мимо рабочего движения. В этом проявляется аполитичность утопического социализма.

Еще одним проявлением утопической мысли является технологический утопизм. Технологический утопизм (утопизм техно) – идеология, согласно которой достижения в научно-технической сфере приведут к некоему утопическому идеалу, где все сферы жизнедеятельности направлены на благо и материальное благополучие всех граждан [3, с. 149].

Идея технологического утопизма появилась в XIX веке. К. Маркс считал, что научно-технические достижения избавят общество от монархии и власти христианской церкви, в результате чего наступит «царство свободы». Многие либералы, социалисты и радикалы того времени являлись сторонниками техно-утопизма. Они полагали, что переход к социализму, создание нового общества возможны в результате научно-технического прогресса. Наиболее яркими приверженцами утопизма техно являются Джозеф Пристли, Роберт Оуэн, Шарль Фурье, Анри де Сен-Симон, Эдвард Беллами, Герберт Уэллс и др.

Новый толчок в развитии техно-утопизм получил в конце XX века. Представители концепции технологического утопизма конца XX – начала XXI века считают политику устаревшей и негативно относятся к государственному регулированию. Их основная мысль заключается в том, что достижения в технологической сфере приведут к изменению человека в целом; произойдет падение традиционной иерархии; некоторые технологии (в частности интернет) станут причиной повышения личной свободы. Активными сторонниками современного утопизма являются Джордж Гилдер и Кевин Келли [4].

Принципы современного утопизма изложил Бернارد Джендрон.

1. В настоящее время мы наблюдаем научно-техническую революцию, которая значительно влияет на человечество.

2. В информационном обществе технологический рост будет стабилен и интенсифицирован.

3. В информационном обществе научно-технические достижения в конечном счете приведут к устранению экономического дефицита.

4. Исчезновение экономического дефицита ликвидирует все социальные проблемы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что утопический социализм сделал прогрессивные шаги в области образования малограмотного населения прошлого. Экономические идеи справедливы, но крайне идеализированы, поэтому трудновыполнимы или даже невозможны в исполнении. Технологический утопизм видит переход к идеальному обществу путем достижений в научно-технической сфере, где будут устранены все виды социальных зол.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (Дата обращения: 09.04.2019).
2. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2000–2008.
3. *Кальней М.С.* Утопические черты теории постиндустриального общества: тезисы доклада // ЭСГИ. – 2017. – № 4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utopicheskie-cherty-teorii-postindustrialnogo-obschestva-tezisy-doklada> (дата обращения: 13.04.2019).
4. Технологический утопизм [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.knowledgr.com/00233607/ТехнологическийУтопизм>.

КАКИМ БУДЕТ МИР БУДУЩЕГО?

Изотов А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Данилкова М.П.

Каким будет мир через несколько столетий? Этот вопрос издавна занимал человека. Сегодня он связан прежде всего с новейшими техническими достижениями. Многие ученые полагают, что технологии задают вектор развития человечества. Так, например, физик-теоретик М. Каку утверждает, что ключом к пониманию будущего «будут являться фундаментальные законы природы, новые изобретения, машины и методы лечения, созданные на их основе, определяют будущее нашей цивилизации на многие десятилетия» [1, с. 4]. Чем быстрее эти новшества войдут в социальный мир, тем успешнее и будет стратегия развития. Однако на деле все оказывается намного сложнее. Дело в

том, что на данный момент современное развитие новейших технологий для будущих поколений становится одной из важнейших проблем. Почему? Поиск ответа на данный вопрос является целью данной работы.

Итак, основу данного исследования составляет современное состояние техногенного мира, поскольку, как известно, настоящее определяет будущее. Рассматривая «государство будущего», мы не будем затрагивать политические составляющие государственного управления. Нас интересуют общие тенденции развития технологического характера, не зависящие от политической структуры общества. Другими словами, попробуем спрогнозировать, какие технологические перспективы ожидают человечество.

Достижения в области медицины, в частности в генной инженерии, позволяют нам предположить, что продолжительность жизни достигнет ста и более лет. Новые технологии NBIC (нано-, био-, инфо- и когнитивно-технологии) подразумевают собой создание искусственного интеллекта, в том числе и появление человека-киборга. Сам термин «киборг» введен М.Е. Клайнсом и Н. С. Клином в 1960 году, которые в своей статье «Cyborgs and space» писали: «Изменение функций человеческого тела для приспособления к инопланетной среде было бы более логично, чем создание земной среды в космосе...» [1, с. 26]. Киборгизация станет одной из основ будущего развития человечества.

В коммуникационной сфере также существуют новейшие информационные технологии, которые открывают беспрецедентные возможности для развития новых видов человеческой деятельности. Например, применение искусственного интеллекта сможет переносить сознание человека в любую часть земли. И, наконец, еще один, настораживающий момент. Он связан с управлением человеческой психикой и сознанием. Так, ряд ученых работают над механизмами и способами манипулирования человеческой психикой и возможностью контролирования поведения человека посредством вживления наночипов [2, с. 211].

Вышеприведенные технические новшества вызывают опасения научного сообщества в отношении выживания человечества в техногенном мире. В рамках данного исследования подчеркнем, что подобные технические трансформации подразумевают появление принципиально иной культуры, что, возможно, будет способствовать обострению конфликтов между государствами, разрушению диалога между культурами, столкновению различных ценностных систем.

Краткий экскурс в будущее позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, грядущее будущее будет безусловно очень технологически развитым, что позволит человечеству достичь новых вершин. Во-вторых, технические инновации кардинально изменят существование человечества, что может повлечь и негативные последствия: «чем стремительнее темп жизни, тем быстрее ускользает от нас современная окружающая обстановка и тем интенсивнее потенциальные проблемы реализуются» [3, с. 456]. Вместе с тем еще не поздно переосмыслить отношение человека к технике и техническому прогрессу, поскольку можно создать системы контроля и управления новейшими технологиями. Если этого не осуществить в самое ближайшее будущее, то человек окажется во власти техники, и это приведет к так называемому техническому апокалипсису.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каку М.* Физика будущего. 5-е изд.: пер. Альпина нон-фикшн. – М., 2017. – 280 с.
2. *Зелинский С.А.* Современные психотехнологии манипулирования. В 2 т. Т. 1, 2014. – 308 с.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2012. – 557 с.
4. *Clynes M.E., Kline N.S.* Cyborgs and space. Orangeburg. – N.Y.: Astronautics, 1960. – 76 с.

КАК ТЕХНОЛОГИИ МОГУТ ИЗМЕНИТЬ НАШЕ БУДУЩЕЕ

Кирюхина В.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Новоселов В.Г.

Новые технологии, которые окружают людей, довольно разнообразны в своем действии: некоторые приносят лишь пользу, другие – вред. Технологии будущего продолжают меняться и развиваться. Современные технологии могут изменить человечество и наше мироощущение. Под влиянием современных технологий меняется и сам человек в целом. Каждый человек ежедневно сталкивается с необхо-

димостью использовать современные технологии. От использования новейших технологий зависит и их значимость для окружающего нас мира, и какой эффект – положительный или отрицательный окажут на человечество грядущие будущие технологии.

На сегодняшний день выдвинуто большое количество гипотез о том, что же ждет человечество в будущем, какие новшества появятся, какое влияние они окажут на психическое и физическое здоровье человека. Недаром мы задаемся вопросом: что необходимо для того, чтобы выдержать натиск будущих технологий? Много лет назад интеллект человека во многом определялся его возможностью запоминать, но теперь большой объем информации есть в поисковых системах и базах данных. Поэтому очевидно, что технологии меняют интеллектуальные навыки людей.

В данный момент можно подчеркнуть изменения, которые стали заметны посредством влияния глобальной интернет-сети на наше восприятие реальности и логику мышления. Глобальная интернет-сеть открывает современному человеку дорогу в мир бесконечного потока знаний. С помощью этого потока человек расширяет границы своего познания и попадает в паутину как истинной, так и ложной информации. Во всяком случае человечество не научилось защищать достоверные источники информации от искажения фактов и не смогло запрограммировать на это компьютеры. Но положительные стороны развивающегося во всех направлениях виртуального мира очевидны. Так, общение, которое происходит в интернете, дает массу возможностей людям, находящимся за тысячи километров друг от друга; некоторым же оно помогает избавиться от чувства одиночества, в котором заперто большинство современной молодежи. Одно из самых значимых мест в образовании также занимает интернет. Он позволяет облегчить обучение современной молодежи и дает массу дополнительных возможностей, таких как дистанционное обучение, которое в ближайшем будущем достигнет своего пика технологичности и станет одним из лучших и удобных способов обучения; восприятие учебных материалов посредством флеш-карт памяти и загрузки информации в мозг – дальнейшее будущее, требующее большого прорыва в науке.

Но что же ждет человечество в области здравоохранения и медицины? Этим вопросом в настоящее время задаются все больше людей. Ученые предсказывают резкий прорыв в данном направлении, как никак эта тема затрагивает все человечество и его будущее. Выдвинуто много гипотез о создании таких приборов, как нательные датчики, следящие за здоровьем, которые будут автоматически передавать информацию врачам. На основе этих данных многие распространенные болезни можно будет распознавать прежде чем они перейдут в серьезную стадию; «Облака» с расшифровкой ДНК каждого человека, которые к 2025 году позволят врачам максимально быстро определять болезнь и наиболее оптимальный способ лечения; медицинская 3D-печать и биотехнологическая промышленность заново проектируют создание донорских органов; популярная в последнее время 3D-печать органов (печени, артерии и кости), так как пересаженные органы показали успешное приживление – это дало надежду человечеству на новые возможности улучшения и поддержания их здоровья и жизненных сил. Более того, по информации известных источников и ведущих лабораторий мира, новые органы сами развивали в себе сеть сосудов и капилляров. В этом году Harvard's Wyss Institute вплотную приблизился к созданию искусственной почки. И уже в ближайшем будущем врачи смогут напечатать замену для любого органа в нашем теле. Вместе с печатью живых органов развивается индустрия создания киборгов. В настоящее время автоматизированные протезы имеют только замещающий характер: миллионы пациентов носят имплантированные дефибрилляторы или кардиостимуляторы, роботизированные конечности, подключенные к нервной сети. Но потенциал развития данного направления гораздо выше, чем простое замещение. Поэтому через некоторое время людей ждет резкий скачок в данной области технологий, что несет за собой практически одни положительные события.

Что же произойдет в области очень востребованных в продаже товаров? По прогнозам ученых и разработчиков новых технологий появится «умные» технологии – голография и дополненная реальность. Дополненная реальность – это когда нереальные, виртуальные, объекты в восприятии пользователя становятся частью реальной окружаю-

шей картины мира. Сейчас, когда мы смотрим на товар на экране компьютера, цвет может не соответствовать действительности. Чем больше изображение товара окажется похожим на его реальный вид, тем выше будут продажи. Особенно это относится к дорогостоящим вещам, а именно автомобилям, ювелирным украшениям. Покупателей, бесспорно, привлечет возможность примерить товар или сесть в машину, если они практически не будут отличаться от настоящих. Поэтому возможности дополненной реальности позволят любому человеку увидеть все то, что находится на экране современных гаджетов. Также эта технология поможет дополнить окружающий нас «серый» мир дополнительными яркими красками, что, возможно, послужит улучшению психологического состояния человека в больших мегаполисах. В этом направлении станет возможно визуальное пространственное общение на расстоянии – люди смогут вести конференции, не выходя из дома, т. е. будет полное ощущение присутствия человека. Все это ждет нас в ближайшем будущем, которое уже медленно подходит к порогу современности.

Чем дальше мы смотрим в будущее и прогнозируем что-то новое, тем это что-то становится менее конкретным и тем больше напоминает научную или даже псевдонаучную фантастику. По мнению исследователей, за 50 лет весь мир, в том числе и научный, много раз сменит свое направление и изменится до неузнаваемости. Но с помощью этих вроде как несерьезных предположений, сделанных учеными, можно немного приоткрыть дверь и заглянуть, что же там будет. Конечно, технологии – не зло и не благо, а неотъемлемый элемент нашей жизни, который напрямую влияет на наши решения и способы действия, создавая то, что экономисты назвали бы *path dependence* – путем зависимости от предшествующих решений. Можно сделать вывод, что будущее науки и технологий лежит в руках всего человечества и, как говорил Э. Геккель: «Движение вперед – естественный закон, закон природы, и оно не может быть на более или менее длительное время подавлено силами человека, оружием тиранов или проклятием попов. Жизнь и развитие возможны только благодаря поступательному движению. Будущее принадлежит только прогрессу».

ОБРАЗ БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Кобобель И.В., Прокопов А.В.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Мазурова М.Р.

Прогресс в развитии человека нельзя представить без положительных и отрицательных сторон. В настоящее время технологический прогресс набирает обороты и как он повлияет на человека – неизвестно, об этом можно только догадываться, но совершенно ясно, что он отразится на его образе жизни, его интересах, образовании и моральных ценностях. В результате этого перед наукой появляется проблема исследования влияния научно-технического прогресса на личность будущего человека.

Цель нашего исследования – рассмотреть, как технологический процесс повлияет на базовые основания человека. Каким будет будущий человек, какие новые черты и свойства он приобретет под влиянием интенсивного развития науки и техники и их социальных последствий? Для анализа образа будущего человека мы остановимся на трех основных элементах, отражающих внутреннюю социальную структуру человека (личности):

- 1) виды деятельности;
- 2) интересы и потребности;
- 3) система ценностей.

Из-за быстрого развития науки и технологического процесса некоторые виды деятельности, специальности теряют востребованность. Это будет связано с тем, что машины заменят человеческие руки и справятся практически со всеми работами намного быстрее и эффективнее. Автоматизация многих процессов значительно удешевляет производство и одновременно увеличивает производительность любого процесса. Серьезными негативными последствиями этого станет потеря рабочих мест, рост безработицы, как следствие – обеднение населения и увеличение социальной напряженности в мире. Поэтому государству придется приложить много усилий для того, чтобы каждый мог овладеть актуальной профессией в будущем. Все эти социальные изменения окажут существенное влияние на человека. Скорее

всего, человек будущего будет реализовывать себя в профессиях, связанных с НТП (программисты, кураторы персональных данных, дизайнеры виртуальной реальности, онлайн-доктора) [1]. С другой стороны, в условиях автоматизации и роботизации у людей появится свободное время, которое может быть ориентировано на самообразование и саморазвитие личности. Но возникает вопрос: будет ли человек ориентирован на это, будет ли у него мотивация к саморазвитию? Это будет зависеть от того, насколько гармонично он будет развиваться, какие интересы и потребности будут для него приоритетными.

Нам представляется, что интересы и потребности будущего человека резко изменятся, это будет связано с развитием и последствиями научно-технического прогресса, интернета, современных средств массовой информации, развитием виртуальной реальности. Расширение информационного пространства безусловно скажется положительно на процессах формирования информационного мышления, человек будет ориентирован на быстрое усвоение текущей информации, но при этом можно предположить, что снизится способность анализировать, размышлять, логически мыслить; минимизируется потребность в саморазвитии и самореализации. Уже сейчас у людей появилась возможность обучаться дистанционно, но этим нововведением пользуются неактивно, поскольку эта система еще не отлажена и не все учебные заведения его используют. В процессе развития научно-технического прогресса у людей усилится стремление дистанционно включаться в систему образования, поскольку дистанционное образование получит широкое распространение в обществе, однако при таком обучении снижается возможность получения полной емкой информации, к тому же не всем профессиям можно обучаться дистанционно. Знания и компетенции, полученные дистанционно, не будут способствовать критическому мышлению. Чувственно-эмоциональные аспекты восприятия мира, явлений, процессов будут формироваться недостаточно.

В качестве саморазвития люди пользуются информацией, полученной из интернета, ведь он позволяет находить нужные данные за считанные секунды, но это в будущем может привести к серьезному ослаблению памяти человека, так как интернет позволяет снова и снова просматривать одно и то же, не тратя каких-либо усилий на поиск информации.

Также интернет позволяет людям активно общаться между собой в социальных сетях, это является позитивным моментом для находя-

щихся на большом расстоянии друг от друга; возможна оперативная передача информации между людьми. Но можно предположить, что общение через интернет будет оказывать негативное влияние на взаимодействие между людьми в обществе. Это влияние заключается в том, что человек будет с трудом выражать свои мысли, вследствие чего речь заметно ухудшится: станет невнятной, односложной, необразной. Предположительно, в будущем люди будут использовать интернет как свою внешнюю память, что неизбежно приведет к необратимым отрицательным последствиям человеческого мышления.

Большее внимание стоит уделить развитию виртуальной реальности, которое будет происходить до тех пор, пока она не станет практически неотличимой от настоящего мира, более того, по качеству опыта и функциональности она будет превосходить реальность. Вследствие чего человек будущего окажется зачастую не способным к развитию коммуникативных связей в реальном мире, будет отчужден от объективной действительности. И если эти процессы начнут формироваться в раннем детстве, то они могут стать необратимыми. Сегодня можно заметить маленьких детей в возрасте 3–4 лет, которые уже зависят от смартфонов и компьютеров, и нельзя сказать, что это приведет к чему-то хорошему. Родители этих детей даже не задумываются, к чему это может привести.

При определении сущности человека большую роль играет система ценностей. Именно она составляет основу духовного развития человека. Возникает вопрос: как под влиянием НТП изменится система ценностей будущего человека?

В процессе развития НТП приоритетными для человека будут материальные ценности, вследствие чего происходит расслоение общества. Вопросы духовных ценностей (самопожертвование, честь, добро, достоинство, взаимопомощь, семейные ценности) уйдут на второй план. В условиях рыночной экономики потребительского общества с ориентацией на финансово-экономический успех ценностными ориентирами для человека будут уровень материального благосостояния, индивидуальное предпринимательство, индивидуализм [2, с. 181].

Необратимым окажется процесс изменения семейных ценностей. Дети будут меньше любить своих родителей, чем люди нашего времени и прошлого; жалость, сострадание и любовь станут пережитком. Повысится планка скрытой и явной агрессивности.

Таким образом, человеком будущего может быть человек информационно насыщенный, много знающий, но не творческий и не широкообразованный; предприимчивый и успешный в определенных видах деятельности, но не способный содержательно заполнить свое свободное время, не ориентированный на самореализацию и саморазвитие, не мотивированный на духовное развитие, а ориентированный на удовлетворение материальных потребностей. У человека будущего, предпочитающего виртуальный мир, могут снизиться коммуникативные и адаптивные способности в реальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жанназарова Г.К., Талипова Р.Н.* Научно-технический прогресс – положительные и отрицательные стороны // Молодой ученый. – 2016. – № 21.1. – С. 16–19.
2. *Фромм Э.* Здоровое общество / Э. Фромм; пер. с англ. Т. Банкетовой. – Москва: АСТ МОСКВА, 2009. – 539 с.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕХНОГЕННОГО ПРОГРЕССА И НАЧАЛО ТЕХНОЗОЙСКОЙ ЭРЫ

Кудрин Б.И., Пушин С.Л.

Научный руководитель: д-р техн. наук, проф. Московского энергетического института; внештатный н.с. ИФ РАН; академик Российской экологической академии Кудрин Б.И.

Речь идет о вечном пути к техническому миру, начатый Номо sapiens. Эволюция: явление – преходящее в разные эпохи с возможностью перехода к технозойской эре. Техника подчиняет социум, осуществляя технологическое регулирование всего живого и мыслящего. Постановка вопроса не нова.

Утверждение Н. Винера о единстве информационных процессов в животном и машине [1] можно считать отправной точкой в появлении представлений о машине как самостоятельной потенциальной угрозе. Если Ж. Ламетри в духе детерминизма Декарта, но расходясь с ним в оценке чувственных восприятий, находил сходство человека и животных с машиной, то Н. Винер нашел обратное сходство. Стало возмож-

ным говорить о практическом создании машин, наделенных разумом. Сегодня в развившихся семиотических [4] технических системах все больше видится конкурент Человека, опасность, которой следует избегать. Стала очевидной техническая реальность, в которой действуют объективные законы развития, не зависящие ни от воли отдельного человека, ни от воли обособленных групп людей [2]. Наряду с геосферой и биосферой в обиход прочно входит термин «техносфера».

Что касается Новосибирска, своеобразной столицы Сибири, то Федеральные сетевые компании и собственная ГЭС обеспечивают город электрической энергией, включая Академгородок. Ранжируя регионы страны по электропотреблению, Новосибирск имел в 1990 г. рейтинг 20 из 78, потребил электрической энергии 11,5 млрд кВт · ч/год.

В 2015 г. город сохранил электропотребление 16,52 млрд кВт · ч [3], но переместился в рейтинге на 17-е место.

Следует отметить наличие в городе металлургического завода им. Кузьмина, для которого НЭТИ готовил специалистов с учетом особенностей завода, производящего листовой прокат для АвтоВАЗа, обеспечив производство проката в 1970 г. в объеме 1024 тыс. т [4]. Спад экономики страны снизил выпуск в 1990 г. до 973 тыс. т проката. На заводе одновременно решались вопросы экологической безопасности производства площадки в целом.

Переход к техозойской эре, неизбежной для современного производства, требует осмысления роли техники на заводе и осуществления технологического регулирования процессов. Здесь необходимо осознать роль сообщества изделий [5], где выбор и применение каждой электротехнической штуки заданного вида диктуется фундаментальным законом разнообразия установленного и эксплуатируемого. Так, основные показатели завода в 1985 г. составили: заявленный максимум P_m 54,5 МВт; число часов использования максимума 6581; количество двигателей 8324 средней мощностью 30,4 кВт. Производительность электротехнического персонала 481 МВт · ч.

Располагая приведенными данными, Университет может выполнить прогноз будущего технологической реальности и техники завода в целом как единой системы – ценоза, учитывая особенности каждого из цехов и подразделений завода. При осуществлении прогноза обязательно руководствоваться фундаментальным законом разнообразия, проявляющегося для каждой сущности и строго описываемого математическим аппаратом, восходящим к Колмогорову.

Человечество исчерпало себя? В чем заключается принципиально новая фаза развития? Напрашивается вывод, что в этот период появились новые технетические существа на основе полупроводниковых кристаллов – *техноиды*, занимающие ту же экологическую нишу, что и человек. Наступил новый этап эволюции – технозойская эра. Антропоцентристское представление об эволюции закончилось. Мы должны говорить о коэволюции вида *Homo Sapiens* и техники. Человек не создавал технику и среду обитания, а сосуществовал с искусственной средой эволюции технического мира, являясь для нее средством и черпая из нее материал для построения социума, человеческой культуры.

В заключение мы говорим о **трех** научных картинах мира: *физической* Ньютона–Максвелла; *биологической* Ламарка–Дарвина; *ценологической* (от *coenose, cénosis*) без среднего и с бесконечной дисперсией. Наконец, о **четвёртой** *технозойской* картине XXI века, которая (когда человек стал управлять пространством) присутствует везде. И это становится не преходящим, а вечным, ведущим, надо полагать, не к гибели человека, а к новому его биотехническому состоянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука. Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
2. Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина; Ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. Г.Л. Белкиной, С.Н. Корсакова. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 496 с.
3. *Кудрин Б.И.* Через тернии к общей и прикладной ценологии. Основы ценологии, технетики, электрики. Антология публикаций и интервью за 2016–1980 гг. Монография. – Вып. 57/30. Ценологические исследования. – М.: Технетика, 2016. – 550 с.
4. *Кудрин Б.И.* Информационный банк «Черметэлектро». – М.: Электрика, 1995. – 200 с.
5. *Пуцин С.Л.* Ценология это просто! / под общ. ред. проф. Б.И. Кудрина. – Вып. 45. Ценологические исследования. – М.: Технетика, 2010. – 68 с.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Лесс В.М., Салчак А.В.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Мазурова М.Р.

На протяжении всей человеческой истории система ценностей менялась с развитием науки и общества. Это связано с тем, что каждая эпоха определяет свои приоритеты и только универсальные общие человеческие постулаты остаются определяющими ориентирами для прогрессивного развития общества.

Говоря о сегодняшнем времени, следует отметить, что человечество переживает тотальную переоценку ценностей. Это связано с изменениями в укладе жизни современного общества, в том числе с научно-техническими процессами. Век интенсивного развития науки и техники влияет на социальную жизнь человека, его сознание, потребности, идеалы, его систему ценностей. Исходя из этого в современной науке, в частности в философской аксиологии, особую актуальность приобретают проблемы изменения нравственных ценностей в условиях научно-технического прогресса. Но прежде чем об этом рассуждать, необходимо разобраться в самом понятии «ценность».

Многообразие определений понятия «ценность» в философии подчеркивает его сложность и разносторонность. На наш взгляд, наиболее подходящим является следующее: система ценностей – это такие вещественные или идеальные образования, которые имеют жизненно важные значения либо для отдельного человека, либо для всего человечества; движущая сила деятельности; специфические социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное (отрицательное) значение для человека и общества [1]. Исходя из сказанного становится ясно, что структуру системы ценностей трудно классифицировать. Все зависит от основания (критерия) классификации. Выделяются этические, эстетические, религиозные ценности; духовные и материальные; индивидуальные, групповые, этнонациональные и общечеловеческие и т. д. [2]

Цель статьи – проанализировать проблемы ценностей в условиях НТП с ориентацией на Россию. За основу анализа мы возьмем три

основные группы нравственных ценностей: традиционные (национальная культура, обычаи, обряды, семья), базово-коммуникативные (уважение, безопасность, понимание, дисциплина, честь, научное развитие) и духовные ценности (добро, зло, любовь, ненависть, красота, благородство и т. д.).

В последнее время вышеперечисленные нравственные ориентиры подверглись существенным изменениям, в основном под влиянием научно-технического прогресса. Для того чтобы проанализировать влияние НТП на систему ценностей, необходимо выделить его особенности. При подробном рассмотрении наиболее развитых в современном мире западных стран выделяются следующие черты НТП: ускорение темпа развития, усложнение и подорожание научно-технических достижений, высокие требования к качественным характеристикам рабочей силы, роботизация и автоматизация производства, освобождение человека от физического труда, увеличение свободного времени человека, компьютеризация, формирование информационного пространства, а также востребованность научно-технического потенциала. Нетрудно заметить, что НТП охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека.

Все эти процессы затронули развитие современной России. Это особая страна с богатым историческим прошлым, сформировавшаяся под влиянием двух культур: Запада и Востока. В связи с этим проблема о приоритетных ценностных ориентирах в настоящее время определяется неоднозначно, с одной стороны, под влиянием НТП происходят изменения в системе ценностей, которые в большей степени ориентированы для Западной культуры. Прежде всего это укрепление индивидуализма, автономности, ускоренный ритм жизни, потребительское отношение к природе. С другой стороны, опосредованно остается влияние восточной культуры: консерватизм, развитие практических знаний, уважение к традициям и обычаям.

В разные исторические периоды в России важную роль играли традиционные ценности, именно они являлись основой духовного развития общества. Например, в условиях войны в России всегда защищали традиционные ценности: патриотизм, любовь к истории, чувство долга перед Родиной. В современных условиях научно-технического прогресса эти ценности не так явно проявляются, на первый план выходят

материальные ценности, власть, ориентация на индивидуализм и т. д. Позитивное влияние НТП делает человека более информационно ориентированным, позволяет намного проще получать знания, реализовывать свои цели, получать подробную информацию об окружающем мире. Однако следует отметить что на второй план отходит потребность в общении, забота об окружающих, направленность на реализацию общественных интересов. В России относительно недавно критериями успешности человека стали выделяться уровни дохода, масштабы недвижимости, предприимчивости и уровня жизни. Многие начали стремиться упростить свой быт, улучшить положение в обществе. Однако статус современного человека не всегда совпадает с критериями нравственности и духовности.

На наш взгляд, сейчас основными ценностями для молодого поколения являются технические новинки: гаджеты, автомобили, видеоигры и т. д. Для многих не просто важно приобрести эти вещи, они стремятся иметь при себе самые последние версии гаджетов. Ради уважения и признания окружающих молодежь готова тратить последние деньги на приобретение новой техники. И чем больше научных открытий делает мировая общественность, тем сильнее люди зависимы от этого. Но все же наибольшему воздействию НТП подвергаются дети, ведь именно в раннем возрасте закладываются моральные устои и ценности. Раньше они воспитывались родителями, которые учили их ценить природу, уважать старших, прививали им чувство ответственности.

Меняется базово-коммуникативная система ценностей. Сейчас же и дети, и родители больше общаются со своими гаджетами, чем друг с другом. Представители нынешнего поколения практически не развивают свои творческие потенции как личность и очень сильно подвержены влиянию общества. Научный прогресс добился огромного прорыва в видеоиндустрии. Дети проводят свое свободное время за компьютером, тем самым сокращая живое коммуникативное общение.

В связи с влиянием НТП можно утверждать, что система ценностей для российского общества дополнилась новой группой – современных ценностей. Эта группа будет пополняться и развиваться одновременно с развитием науки и промышленности. При этом традиционные и чело-

веческие моральные ориентиры подвергаются серьезному урону со стороны НТП. С одной стороны, если в его условиях будет преобладать конкуренция, рыночная экономика и глобализация, то, возможно, в будущем будет усилено влияние западной культуры. Это приведет к размыванию традиционных моральных ценностей. Таким образом, человек лишается образцов нравственного поведения. С другой стороны, метафизическое заимствование восточной культуры повлечет за собой застой в развитии государства на мировой арене. Единственно верным решением для России, на наш взгляд, является «золотая середина», диалектическое соединение в себе Востока и Запада. Это поможет добиться стабильного и эффективного развития науки и технической промышленности, при этом сохраняя и развивая традиционные моральные ценности народа.

Несомненно, каждому из нас понятно, что научно-технический прогресс невозможно остановить. Следовательно, мировоззрение человека всегда будет подвергаться влиянию различных факторов. Это значит, что в будущем людям следует развиваться не только в технической области, но и в духовно нравственной сфере. Молодое поколение необходимо воспитывать так, чтобы в условиях НТП уделялось большое внимание саморазвитию, самореализации, совершенствованию традиционных ценностей и нравственных принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в философию. История философии. Онтология. Антропология. Гносеология: учеб. пособие / под ред. д-ра филос. наук И.А. Асеевой. – Курск, 2012. – 347 с.
2. Социальная онтология России. Сборник научных статей по докладом XII Всероссийских Копыловских чтений / под ред. В.В. Крюкова, В.И. Игнатова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 243 с.
3. Модусы человеческого бытия: коллективная монография / под ред. В.В.Крюкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 164 с.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА КАК МЕТОД ПРЕДВИДЕНИЯ

Липодат В.А.

Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма

Научный руководитель: канд филол. наук, доцент Сивакова Е.В.

Статья посвящена возможным вариантам развития будущего, представленным в произведениях научной фантастики.

Стремление людей заглянуть в свое будущее и будущее человечества возросло с научно-техническим прогрессом. Поэтому большую актуальность в современном мире занимает прогнозирование и предвидение. Современные люди пытаются угадать, что будет модно, когда появится тот или иной необходимый предмет, когда можно будет путешествовать в пространстве и во времени. Мы постоянно следим за мировыми новостями, смотрим фантастические фильмы и пытаемся сами создать неизведанные предметы, которые увидели в фильме или прочитали в книге.

Научная фантастика является одним из основных предметов для предвидения будущего в научно-технических процессах. Этот жанр дает возможность фантазировать и придумывать нечто идеальное, совершенное, необходимое и обязательно новое или усовершенствованное. Воображение авторов, художников своего дела заставляет двигать общество, их идеями загораются инженеры, ученые и все специалисты своего дела. Научная фантастика ведет мир к эре роботов и техники, по этому вопросу возникает множество споров: хорошо это или плохо. Но тот факт, что об этом говорят, пишут, читают, смотрят, остается неизменным, людям это интересно.

В этой статье мы хотим выявить роль и влияние научной фантастики на создание будущего.

Научная фантастика – это вид художественной фантастики, который основан на реализации несуществующего. Он отличается наличием приемов моделирования и экстраполяции, строится на вымышленных научных технологиях и открытиях, тем не менее в вымысле присутствуют и реальные факты, которые могут быть доказательны для той или иной теории.

Предвидение использовали с древних времен, и это было практической деятельностью, оно существовало в виде пророчеств, предсказаний и носило мистическую, религиозную, иррациональную форму. В нынешнее время понятие о предвидении расширилось. Теперь эта деятельность считается теоретической и обязательно должна быть подкреплена фактами и аргументами. Научное предвидение – это новое знание, исходящее из статистических данных и основанное на объективных законах, которое по прогнозированию и предположению может или должно возникнуть в будущем. Только знание объективных законов действительности дает возможность видеть, как развиваются события в настоящем и будущем. Люди, которые отрицают объективный характер законов, тем самым отрицают возможность научного предвидения. Науки об обществе и природе дают множество примеров предвидения, причем с высоким процентом выполнимости. Потребность в предвидении возникла из необходимости управления обществом, торговлей, промышленностью, планированием экономических, политических и культурных мероприятий, организацией земледелия [1].

Научная фантастика имеет большое влияние на развитие технологий, в этом можно убедиться, прочитав несколько книг этого жанра прошлого или позапрошлого века или посмотрев фильмы. Интерактивное телевидение, плазменные панели, видеосвязь и многие другие предметы казались фантастикой, а сейчас невозможно представить свою жизнь без этого. Таким образом, современная научная фантастика показывает нам возможные варианты развития технологических процессов, воображение авторов стремительно уходит вперед, а наука с каждым годом догоняет и воплощает идеи, казавшиеся неосуществимыми.

Предвидение с помощью научной фантастики можно использовать и не сомневаться, что какой-то процент обязательно будет осуществлен. Даже за последние десятилетия появились технологии, которые всего за пару лет до этого были всего лишь фантазией, время исполнения прогнозов в области научной фантастики сокращается и в большинстве своем не поддается сомнению. Уже в наши дни появилась уверенность, что все возможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролова И.Т.* Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М., 1991. – С. 283.
2. *Нудельман Р.И.* Научная фантастика // БСЭ. 3-е изд. – Т. 17. – М., 1974. – С. 336.
3. *Чернышева Т.А.* Природа фантастики // Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 1985. – С. 44.

ИНЖЕНЕРНАЯ ЭТИКА КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИНЖЕНЕРА

Никитин К.А.

Поволжский государственный технологический университет,
Научный руководитель: канд. техн. наук, профессор Чемоданов А.Н.

Инженерная профессия в сравнении с профессией юриста, врача или университетского ученого – относительно молодая. В Европе, несмотря на весьма длительную историю самого инженерного дела, собственно «инженеры» как профессиональное сословие складывается лишь к концу XVIII века. В Соединенных Штатах Америки – еще позже – в начале XIX в. Политехническое высшее образование в Старом и Новом Свете окончательно сформируется в первой половине XIX в. Впрочем, в 1850 г. в США перепись населения показала, что на 10 000 жителей уже приходится один инженер. И наконец, к рубежу XX–XXI вв. их число вырастет более чем в сто раз. Сегодня же это – чрезвычайно распространенная специальность и одна из самых фундаментальных профессий, которая по-прежнему обеспечивает общественный прогресс во всем мире.

Безграничность Вселенной – неотъемлемая часть современного представления о мире. Космос всегда привлекал инженеров и ученых своим происхождением и дальнейшим существованием. Его изучением и познанием люди начали заниматься еще в древние времена, сначала просто наблюдая за звездным небом, а затем, в XX веке, благодаря технической эволюции человечество смогло выйти на новый уровень познаний о космосе. С середины XX века стремительно стала разви-

ваться космическая промышленность, а вместе с ней подготовка инженерных кадров. Процесс обучения специальностям космической отрасли долгое время представлял собой некий комплекс расчетных методик, направленный главным образом на получение конкретных результатов без проведения дополнительных исследований. По мере освоения космического пространства, а также с развитием научно-технического прогресса и общественного сознания росли требования к уровню образования подготавливаемых специалистов.

На сегодняшний день этап развития инженерной деятельности обусловлен организационным аспектом решения научно-технических задач, который возможен только путем вовлечения всего спектра гуманитарных и технических наук. Но в то же время в современных образовательных стандартах отсутствуют компетенции по этике.

В настоящее время способность применять знания, умения успешно действовать на основе практического опыта при решении поставленных задач только начинает формироваться. В современном обществе в понятие «инженерный профессионализм» входит не только освоение научных технических основ, но также и осознание целей, смыслов и задач инженерии в целом, поэтому важной задачей при подготовке специалистов является формирование в них этических основ, следование принципам инженерной этики.

Большое значение имеет само понимание социальной ответственности за преобразование окружающего мира. Инженерия оказывает прямое влияние на качество жизни для всех людей, поэтому в научных исследованиях должны осуждаться и считаться недопустимыми научная недобросовестность, нечестность, беспринципность, действия из эгоистичных побуждений. Инженеру при решении поставленной задачи необходимо осознавать социальную ответственность, уметь выделять не только технические, но и гражданские и этические аспекты.

Таким образом, можно сделать вывод, что инженерная этика – важная часть профессиональной образовательной культуры инженера.

Кодекс инженерной этики должен включать в себя следующие основные принципы:

- безопасность;
- здоровье;
- благополучие граждан;
- соблюдение своих профессиональных обязанностей;

- работа в своей сфере компетенции;
- публичные высказывания, исключительно в честной и объективной форме;
- своей работой повышать престижность своей профессии;
- исключить недобросовестную конкуренцию с другими инженерами и т. д.

Фактическая их реализация осуществляется на основе учета различности видов деятельности, но в основе каждого из них лежат фундаментальные этические принципы. Особенности этических кодексов определены в первую очередь различием выполняемых работ. Так, инженеры стараются обеспечить надежность и безопасность технических средств, экономисты стремятся к повышению конкурентоспособности фирм и т.п. [1, с. 237].

Преподавание курса инженерной этики в современном университете – основное средство формирования этической состоятельности специалиста. Он направлен на развитие у студентов этического мышления, освоение процедур моральной оценки действительности и рационального выбора с точки зрения идеально возможного. Он призван сформировать моральный облик личности, его отношение к труду и профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панина Г.В.* Инженерная этика: воспитание моральных компетенций / Г.В. Панина // *Вестник прикладной этики*. – 2013. – № 43. – С. 228–241.

КАРТИНА БУДУЩЕГО И СИНЕРГЕТИКА

Нестерова А.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент В.Г. Новоселов

Современная картина мира – это не то, что мы наблюдаем сегодня. Я думаю, что это путь получения знаний, который начался в древности. Это знания, опыт, доказательства, которые были получены человеком на протяжении всего времени. Знания, которые человек

синтезировал из различных областей, опираясь на последние научные достижения естествознания.

Человек всегда стремился к познанию этого мира, с чего все началось и чем все закончится. Шаг в неизвестность, освоение нетронутого, понимание неразгаданного – это то, что вызывает интерес человека.

В своей книги Стивен Хокинг писал: «Если бы мы достигли конечной точки, дух человеческий зачах бы и угас. Но я сомневаюсь, что мы когда-нибудь остановимся: если исследования и не станут глубже, их сложность неизбежно возрастет, и мы будем в самом центре расширяющегося горизонта возможностей».

Сейчас мы живем в мире, где наивысшей ценностью обладают информационные ресурсы, где нас окружает не природа, а «стекло технологий», и где мы чувствуем уже себя менее комфортно, если у нас нет в руках «мобильника». Но что нас ждет в мире, в котором уже цифровые технологии заняли особую нишу? Что ждет человека в будущем: цифровой ад или технологический рай? Или же технологии не окажут сильного влияния на нашу жизнь? Наверное, именно эти вопросы тревожат нынешнее поколение.

Крупнейшие открытия, совершенные в XIX–XX веках, внесли множество изменений в осознание, понимание и видение картины современного мира. Особую роль сыграли открытия о строении вещества, связи между энергией и веществом, теория относительности. В наши дни мы можем наблюдать, как тесно связаны между собой все отрасли естественной науки. Энергия и масса, волновые и корпускулярные движения, время и пространство, вещество и поле. Именно поэтому сейчас проходят работы по созданию «Единой теории».

Все это привело к развитию такого направления, как синергетика (или учение о самоорганизации). Она позволила не просто раскрыть механизмы всех процессов, которые происходят внутри, но и раскрыть мир самоорганизующихся процессов. Основной задачей синергетики является познание закономерностей и принципов, лежащих в самоорганизации в таких системах, как физическая, химическая, техническая, экономическая и социальная.

Процессы возникновения упорядоченных пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах, находящихся в неравновесных состояниях, а именно вблизи критических точек, понимаются в синергетике как самоорганизация. Это означает, что в этих точках

система под влиянием даже самых незначительных воздействий способна изменить свое состояние. Чаще всего это описывают как возникновение порядка или же напротив – хаоса. В этом случае хаос рассматривается как сверхсложная упорядоченность, которая существует неявно или потенциально в многообразии упорядоченности структур, т. е. в этих средах «при определенных условиях могут возникать макроскопические явления самоорганизации в виде ритмически изменяющихся во времени пространственных картин» (Г. Николис, И. Пригожин).

Таким образом, заслуга синергетики заключается в том, что она показывает, что процессы самоорганизации происходят в простейших системах неорганической природы. Высокий уровень самоорганизации имеют процессы более сложных систем. Главным же достижением синергетики можно назвать то, что она помогает взглянуть на природу как на мир, который находится в непрестанном процессе развития и эволюции.

Такое направление, как синергетика, полностью изменило мнение человека о будущем. Благодаря синергетике мы можем рассматривать будущее как процесс, который «временит настоящее» и хоть нечетко, но определяется прошлым. Можно сказать, что для синергетики будущее открывается в виде спектра возможностей, которые уже предопределены прошлым. Это некое поле возможностей может модернизироваться из-за изменений внутренних свойств среды.

Но главным качеством, которым человек должен обладать, чтобы использовать синергетику для определения будущего, – это уметь усматривать контекст готового в настоящем, а не прогнозировать будущее. Именно поэтому синергетика основывается на принципе цикличности: будущее определяется настоящим и прошлым. То есть этот принцип означает, что переход эволюционного потока к той или иной ветви следующего измерения во многом определяется настоящим состоянием системы.

До сегодняшнего дня люди изучали мир извне, т. е. отстраненно от самого процесса, не нарушая его протекание. Сейчас же картина мира создается изнутри: человек становится неотъемлемой частью изучаемого процесса. То есть синергетику можно понимать как некую площадку, которая способствует поиску чего-то неопределенного и однозначного в ожидающем нас будущем, способность увидеть элементы неограниченно отдаленного будущего в сегодняшних сложных эволю-

ционных структурах и благодаря этому обрести опору в непредсказуемости мира, который подвержен кризисам и неустойчивости.

Человек еще не полностью познал этот мир, многое до сей поры нам неизвестно и многое мы еще не способны узреть, но тем не менее перед нами раскрывается гипотетическая картина процесса самоорганизации материи от Большого Взрыва до наших дней, где материи присущ разум, вследствие чего она способна целенаправленно развиваться.

Таким образом картина будущего зависит от того, как человек изучит эволюционность мира в таких областях, как живая и неживая природа, социальное общество.

ПАРАДОКС ТЕСЕЯ ПРИ ПЕРЕНОСЕ СОЗНАНИЯ

Новоселов А. А.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: канд. пед. наук,

канд. техн. наук, доцент В.В. Вихман

Проблема корабля Тесея – парадокс, который можно сформулировать следующим образом: «Если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли объект тем же объектом?». Согласно греческому мифу, время от времени у корабля аргонавтов приходило в негодность по одной доске, которую каждый раз заменяли на протяжении множества лет, до тех пор, пока корабль не стал состоять из новых досок полностью.

В трансгуманизме одной из форм бессмертия является вариант, при котором личность человека оцифровывается на электронный носитель. Оцифровка личности может иметь два варианта: в одном из которых личность на живом носителе уничтожается в процессе загрузки, а в другом варианте личность на живом носителе продолжает жить. Оцифрованная личность может быть идентична оригинальному образцу, но также может стать значительно умнее за счет ускорения хода мыслей, быстрого доступа к большим объемам памяти, а также неограниченного количества нейронных связей.

Возникает вопрос: если, допустим, постепенно заменять живые части мозга человека кремниевыми аналогами на протяжении некоего

периода времени, то будет ли личность, которая уже не имеет органических частей, продолжать быть той же самой личностью? Если производить оцифровку личности при уничтожении живого носителя в процессе, то будет ли полученная цифровая личность той же самой? Если живой носитель останется жив и очнется после оцифровки на том же самом операционном столе все еще в живом теле, означает ли это, что его сознание не было перенесено? Если осталась лишь цифровая личность и потом она была скопирована несколько раз, какая из них будет настоящей личностью?

Появляется вопрос о том, что именно является эссенцией личности остающейся неизменной с протяжением времени. Является личность отдельно особенной из-за наличия души, наличия своей материальной формы или же достаточно наличия одинаковой памяти и хода процессов мыслей?

Оксфордский университет «Future of Humanity Institute» проводил эксперимент по эмуляции мозга [1], который является первым шагом в загрузке личности. Проект «OpenWorm» успешно показал оцифрованного червя (*Celegans*) в лего-роботе, который вел себя подобно изначальному червю [2]. Steve Hawking в 2013 году на премьере своего автобиографического фильма выдвинул предположение, что мозг подобен программе, и значит существует возможность загрузки сознания на цифровой носитель для возможности разумного существования после физической смерти, однако пока это за пределами наших текущих возможностей [3]. Susan Schneider в 2014 году сказала о том, что оцифрованные личности являются в лучшем случае только приближенными копиями в виде искусственных интеллектов [4]. Однако может быть, что личности как таковой на метафизическом уровне и не существует, так же как и думает Parfit в 1984 [5], а значит, и никаких вышеупомянутых проблем и не стоит? Одним из наиболее оптимистичных взглядов является взгляд Pete Mandik [6], в котором он предлагает считать существование разума абстрактным, и аналогично тому, что какая-либо книга, несмотря на тысячи бумажных копий, на самом деле существует абстрактно от своих копий, и тогда создание копий в пространстве будет открывать для копируемого разума лишь новую «дверь» для существования. Более подробно данная тема поднята в сборнике книг *The History of the Philosophy of Mind* в шестом томе *Philosophy of Mind in the Twentieth and Twenty-First Centuries* за авторством Rebecca Copenhaver, Christopher Shields в 2018 году [7].

Кто из исследователей прав, остается непонятным, так как каждая теория опирается на различные предположения о природе личности. В идеале необходимо проверить данное явление на практике, что невозможно при текущем технологическом уровне, но при этом возможно то, что разные способы оцифровки или телепортации личности могут отличаться по своему воздействию. Например, что если «перенос» личности в новый носитель будет возможен, только если будет, например, достигнут определенный процент точности при операции переноса, а до этого будет работать иначе?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sandberg A.* Whole Brain Emulation - a roadmap [Электронный ресурс] / A. Sandberg – Oxford: Oxford University, 2008. – 130 p. – Режим доступа: <https://www.fhi.ox.ac.uk/brain-emulation-roadmap-report.pdf>. – Загл. с экрана.
2. *Sarma G.* OpenWorm: overview and recent advances in integrative biological simulation of *Caenorhabditis elegans* [Электронный ресурс] / G. Sarma – San Francisco: Royal Society, 2018. – 16 p. – Режим доступа: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rstb.2017.0382>. – Загл. с экрана.
3. *Hawking S.* Stephen Hawking: brain could exist outside body [Электронный ресурс] / S. Hawking. – Cambridge: The Guardian, 2013. – 3 p. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2013/sep/21/stephen-hawking-brain-outside-body>. – Загл. с экрана.
4. *Corabi J.* The Metaphysics of Uploading [Электронный ресурс] / J. Corabi – New Jersey: Uploaded Minds, 2014. – 20 p. – Режим доступа: http://schneiderwebsite.com/Susan_Schneiders_Website/Research_files/The%20Metaphysics%20of%20Uploading%20.pdf. – Загл. с экрана.
5. *Parfit D.* Reasons and persons [Электронный ресурс] / D. Parfit – Oxford: Oxford University Press, 1984. – 24 p. – Режим доступа: https://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/17613_101712.pdf. – Загл. с экрана.
6. *Mandik P.* Metaphysical Daring as a Posthuman Survival Strategy [Электронный ресурс] / P. Mandik – New Jersey: Wiley Periodicals, Inc., 2015. – 144-157 p. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/misp.12040>. – Загл. с экрана.
7. *Kind A.* Philosophy of Mind in the Twentieth and Twenty-First Centuries: The History of the Philosophy of Mind, Volume 6 / A. Kind – London: Routledge, 2018. – 344 p.

ПАРАДОКС КОРАБЛЯ ТЕСЕЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Омельченко Е.В., Скоробогатова А.Е.

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ, ведущий
научный сотрудник Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

Один из греческих мифов, который пересказал философ Плутарх, рассказывает о корабле, на котором Тесей плыл в Афины с острова Крита. Данный корабль афиняне хранили очень долгое время и каждый год опускали на воду, чтобы священники добрались до Делоса. Но при каждом отправлении кораблю меняли доски, и постепенно они были полностью заменены. Философы стали размышлять о том, является ли этот корабль прежним, либо это совсем новый корабль, который не имеет никакого отношения к путешествию Тесея. Возникает вопрос: «Если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли объект тем же объектом и, если из старых материалов создать объект, будет ли он тем самым первоначальным объектом?» [1, с. 34].

Разгадка данного парадокса лежит лишь в том, как мы воспринимаем понятие «тот же». При разной формулировке вопроса получатся разные ответы.

Одно из решений данной загадки предложил Аристотель. Он говорил, что существует несколько критериев, которые описывают объект: форма, материал и суть вещи. Под сутью вещи он подразумевал, что «часть» принадлежит «целому», если соответствует своему предназначению в существовании и деятельности «целого». То есть, если заменить одну доску у корабля на тождественную доску, то это не изменит функций корабля, саму его идею, того, что корабль – это средство передвижения по воде. И тут даже не будет важно то, что доска внешне отличается по цвету от старой, ведь все в процессе жизни меняется. Ведь первоначальная доска тоже когда-то была новой, но со временем она сгнила. Так произойдет и со следующей. Согласно этой философии, корабль остался прежним, так как его суть не поменялась, лишь изменился износившийся материал [2].

А если в качестве объекта взять одушевленный предмет, например, человека и задать актуальный вопрос для современного мира: «Останется ли человек тем же самым, если заменить одну из частей его

тела?». И снова возвращаясь к Аристотелю, мы можем сказать, что это будет один и тот же человек. А если заглянуть в будущее, где возможно клонирование людей и пересадка мозга одного человека другому [3]? Останется ли человек, которому сделали операцию, прежним или станет совершенно другим, с другими воспоминаниями и мыслями? Это наводит на еще один вопрос: «Будет ли человек через пять лет тем же человеком?». Ведь человеческий организм постоянно меняется и в нем происходят различные процессы, не только на физическом уровне, например обновление клеток, но и постоянное изменение душевного состояния. Ведь мысли, убеждения, идеи постоянно меняются в процессе жизни человека, он уже думает по-другому, действует не так как прежде. Так можем ли мы говорить, что это один и тот же человек [4]?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейнман П.* Философия. Краткий курс / Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 264 с.
2. *Джастмэн.* Парадокс корабль Тесея с заменой деталей прежний? Электронный ресурс: <https://www.proza.ru/2009/06/25/968> [Дата обращения: 06.04.2019].
3. *Чернобровкина Е.П.* Дискурс и идентичность // Вестник БГУ. – 2018. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-identichnost> [Дата обращения: 11.04.2019].
4. *Шевченко А.А.* Дискурс идентичности: варианты и трансформации // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2006. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 28–32.

ИНТЕРНЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Петлюк Д.В.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель доцент Мальцева Е.А.

Одной из функций интернета является осуществление коммуникации в масштабах всего мира. В контексте глобализации интернет является несомненно самым действенным средством и даже источником этого процесса. Он связывает между собой различные слои общества, приобретает и накапливает, как всякое культурное явление, собствен-

ные характеристики, значительно влияет на модель поведения современных людей.

Важной характеристикой интернета является возможность формирования коммуникации людей в различных чатах, блогах, сообществах и т. д. Такое общение или хотя бы предполагаемая связь участников и пользователей интернет-площадок объединяет человечество в международном масштабе. Все больше людей становятся участниками групп в социальных сетях, трудно представить современного человека, не имеющего своей странички в интернете. Такой широчайший количественный и качественный охват людей, особый вид их взаимодействия приводит к существованию и активному развитию особой культуры интернет-коммуникации.

Одним из элементов культуры общения в социальных сетях стал интернет-сленг со своими неологизмами, устойчивыми конструкциями, терминами и актуальными фразами, к которым в том числе можно отнести популярное явление – «мем». Мем представляет собой изображение, кадр из фильма, жест, актуальную фразу из песни и т.п., несущее, как правило, юмористический смысл, который без труда узнается и понимается активными участниками интернет-взаимодействия в социальных сетях. Одной из особенностей многих элементов интернет-культуры, а в данном случае – мемов, является высокий уровень динамичности. Они быстро теряют актуальность, заменяясь другими в зависимости от актуальных тенденций в обществе. Одни из них вскоре надоедают аудитории, становятся «заезженными» и их использование считается «дурным тоном», показателем недостаточной просвещенности. Другие становятся своего рода «классикой жанра».

Кооперирование людей посредством интернета названо исследователями термином «умная толпа» («smartmob»). К данному феномену относят, как правило, взаимодействие интернет-пользователей с определенной целью, как, например, организация в социальных сетях протестных кампаний, движений и массовых акций, управление и координация которыми проходит также в социальных сетях. Когда подобная активность не преследует определенную цель и характеризуется как элемент развлечения, речь идет о «флешмобе». Подобные действия представляют собой разовую массовую встречу людей в общественном месте, сопровождающуюся реализацией определенного сценария (танец, инсценировка и т. д.), они быстро заканчиваются, и участники

флешмоба поспешно покидают место. Организация таких действий осуществляется через сообщества в сети интернет.

Подобного рода общения в сети могут организовываться в одной стране, но дальше идея может подхватываться и распространяться в масштабах мира. Одним из особенных явлений, проявляющихся на международном уровне, является «интернет-троллинг». Это, как правило, провокационные сообщения, преследующие цель внесения беспорядка в интернет-общение и вызывающие негативную реакцию широкой аудитории. Троллинг сопровождается сарказмом, агрессией, зачастую и оскорблениями. Исследователями подобная активность характеризуется как стремление к манипулированию эмоциями людей и в целом как аморальное поведение. Причинами широкого размаха троллинга является, безусловно, анонимность и следующая из нее вседозволенность в интернете.

Таким образом, сеть интернет, являясь элементом глобализации, характеризуется наличием ряда социокультурных феноменов, проявляющихся в международном масштабе. Рассмотренные в данной работе явления – лишь некоторые яркие примеры, демонстрирующие расширяющееся информационное пространство современного общества. Каждое из них достойно отдельного исследования в силу все усиливающегося влияния интернета на межкультурные коммуникации.

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ТАЛАНТА

Пирогов А.Е.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Мазурова М.Р.

Мы часто задаем себе вопросы: «В чем мои сильные и слабые стороны?», «В чем мой талант?», «Какие способности скрыты во мне?». Для человека очень важно знать ответы на эти вопросы, так как это касается его становления как личности. Раскрывая свои способности, мы тем самым делаем себя и окружающее нас общество лучше. В России данная проблема очень актуальна, так как современная система образования не может помочь человеку развиваться всесторонне. Наше общество стараются подогнать под определенные стандарты, без людей, которые готовы быть теми, кем они сами хотят. Данная проблема

может быть затронута абсолютно в любом обществе, так как талантливые люди нужны, ведь они и являются настоящими двигателями прогресса.

Проблемой таланта занимались еще с древних времен. Так, например, в Античное время (IV век до н. э. – II век н. э.) данную проблему рассматривали с двух сторон. Первое направление: талант это «дар свыше», который послан человеку, чтобы озарить путь к совершенству и величию. Сторонниками данной точки зрения были Платон, Сенека, Посидоний, также подобные взгляды разделял Демокрит. Второе направление заключалось в том, что воля человека свободна, он имеет полное право выбирать, к чему лежит душа, и развивать эти способности. Идеалом таких людей, максимально близко стоящих к божествам, считали мудрецов. Представителями данной точки зрения были Гераклит, Эпикур, а также Аристотель.

В Средние века (VI–XIII века), когда практически вся Европа была под влиянием католической церкви, где развитие научно-критического мышления отодвигалось на задний план, «одаренностью» считали врожденные способности, которые либо были даны человеку изначально, либо нет.

Особый интерес к проблеме гениальности и одаренности вновь вспыхнул в эпоху Возрождения (начало XIV – конец XVI века), когда в обществе установилась антропоцентрическая картина мира. Бурный всплеск талантов в искусстве, в познании мира. На свет появились такие гении как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Мишель Монтень, Вильям Шекспир и многие другие, достойные упоминания.

С наступлением эпохи Просвещения (XVIII век), в результате научно-технической революции, вопрос о гениальности человека как о божественном даре, посланном с небес, стал спорным. По мнению философов и ученых того времени (Дж. Локк, Ф. Хатчесон, Д. Дидро), люди рождаются все с одинаковыми способностями, а непосредственно жизненные обстоятельства делают нас разными. Одним словом, опыт, который мы получаем, формирует нас как личностей.

В современной науке исследованием таланта занимались Г. Гарднер [1], Г. Россоломо, В. Вундт, А. Бине, Т. Симон, О.Г. Ридецкая [2], И.М. Можилевская [3]. Под талантом понимают выдающиеся способности человека, проявляемые в определенной сфере деятельности, позволяющие на основе принятия нестандартных решений добиваться

высоких результатов. Можно сказать, что талант в первую очередь связан с результатом. Человека талантливого и человека, не раскрывшего свой потенциал, отличает итог, полученный в результате его деятельности. Таким образом, человека можно считать талантливым, если он обладает высоким уровнем развития специальных способностей, которые дают человеку возможность выполнить определенную сложную деятельность с оригинальным подходом, который отличается своей новизной.

Современные представления о природе таланта делятся на два основных лагеря. Одни считают, что талант это врожденное. Так, например, выдающийся английский ученый Ф. Гальтон в своей книге «Наследственность таланта, ее законы и последствия» доказывает экспериментальным путем, что выдающиеся способности – это наследственный фактор. Другие же считают, что гениальность – это приобретенное. Например, знаменитый французский психолог А. Бине, разработавший свою тестовую шкалу (IQ), отмечал высокую значимость влияния среды на одаренность человека, а именно воспитание, условия получения образования, уровень жизни, материальная обеспеченность родителей и другие факторы.

Дан ли талант нам с самого рождения? Или возможно мы сами раскрываем в себе особые способности? И кто помогает в этом?

Представим маленького ребенка, который только родился и начинает познавать этот мир. Его сознание пусто, а разум только начинает формироваться. Этот ребенок еще не знает о своих способностях, он еще не слышал о точных науках, он ни разу не видел музыкальные инструменты, он не играл в мяч, он не имеет представления о стихах и о том, как бьются те или иные рекорды, открываются новые элементы, выводятся новые формулы и запускаются ракеты. Кто первым открывает ребенку мир? Это его родители и близкое окружение, а также среда, в которой он растет и развивается. Ребенок учится, ошибается, набирает опыт, формирует у себя в голове картину происходящего. Родители закладывают фундамент, от которого строится и все остальное.

Приведу небольшой пример. Ласло Полгар, педагог из Венгрии, изучив истории жизни людей, которых принято считать талантливыми, утверждал, что великими становятся. У Ласло было три дочки – Жужа, София и Юдит. Он обучал девочек в домашних условиях. Дети великолепно освоили школьную программу, еще в детстве научились говорить на нескольких языках, а также превосходно играть в шахматы.

Старшая дочь стала чемпионкой мира, средняя была чемпионкой мира среди мальчиков, затем стала одной из сильнейших шахматисток мира. Но лучше всего получилось у младшей – Юдит. Она стала самым юным гроссмейстером (среди мужчин!), обновив рекорд великого Фишера. На протяжении долгих лет она входила в мужскую шахматную элиту, считаясь одним из лучших гроссмейстеров мира. В 1988 г. на женской шахматной олимпиаде три юные девочки заняли первое место, а лучшим игроком олимпиады стала Юдит, которой было всего 12 лет.

Результаты дочерей подтвердили правоту семьи Полгар. Конечно, успехи одной из них можно было бы считать совпадением, но как тогда объяснить то, что все три девочки стали победителями олимпиады в столь юном возрасте и все проявляли стремление и упорство в шахматах?

Анализируя пример, можно сделать вывод, что на раскрытие способностей девочек влияла их среда и окружение. Родители направляли все силы на воспитание детей, они прививали им стремление к знаниям, а также любовь к шахматам. Даны ли были эти способности им с самого детства? Была бы у детей какая-то тяга к этому, если бы у них были другие родители и они воспитывались в другой среде? А самое главное, стала бы младшая девочка самым юным гроссмейстером, если бы ни разу не видела шахматной доски? Я думаю, что нет. И такое можно отнести к каждому человеку, которого называют талантливым.

В каждом из нас скрыты безграничные возможности для развития и самореализации, всех нас в той или иной степени можно считать талантливыми и одаренными. К сожалению, на большинство людей оказывает огромное влияние их социальная среда. В частности, это родители, которые их воспитали и заложили основы восприятия картины происходящего, друзья и знакомые, с которыми они росли и развивались, а также место, в котором они родились и выросли. Все эти факторы влияют на формирование талантов и преобладающих способностей.

Подводя итог, хочу сделать вывод о том, что человек – это биосоциальное существо, и природа играет существенную роль в его развитии. Я считаю, что определяющими факторами развития человека в целом и его таланта в частности являются социальные условия. Следует отметить, что эти условия могут влиять как на раскрытие таланта в человеке, так и оказывать негативное влияние на его способности и возможности творческой самореализации.

Современной России необходимы молодые таланты, а также их энергия, которая может быть преобразована в новые открытия. Формированию и развитию талантливому поколению может способствовать создание специальных направлений подготовки, а также социальных механизмов, которые помогают раскрыть творческий потенциал человека и создать условия благоприятной среды, в которой каждый может быть тем, кем он хочет, и создать то, к чему лежит душа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Говард Гарднер*. Структура разума: теория множественного интеллекта. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 512 с.
2. *Ридецкая О.Г.* Психология одаренности: учебно-практическое пособие. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2010. – 374 с.
3. *Можилловская И.М.* История проблемы одаренности [Электронный ресурс] // Научно-теоретическая конференция «Проблемы одаренности учащихся»: материалы итогового контроля знаний слушателей базовых курсов учителей истории // Витебск: УО «ВОГ ИПК и ПРР и СО», 2008.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Пичелатова К.С., Сафронова Д.Д.

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ, ведущий
научный сотрудник Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

За последние 30 лет человечество пережило множество системных сдвигов, финансовых кризисов, а также технологических открытий. Потеря ориентации, перегрузка сознания человека – все это стало закономерной реакцией на сверхбыстрые изменения. Каково жить Человеку Экономическому в таких условиях и как это отражается на национальной экономике – рассмотрено в данной статье.

Целью данной работы является анализ зависимости психологической неустойчивости и развития экономики в эпоху перемен.

Тенденцию к ускорению темпов изменений в обществе выявил Элвин Тоффлер еще в 20 веке, а также он предсказал некоторые последствия, ставшие реалиями в нынешнем информационном обществе.

Можно привести некоторые актуальные примеры повреждений работы психики, которые вызваны частичным помутнением разума: чрезмерное потребление наркотических веществ, увеличение мистицизма, периодические вспышки вандализма и неспровоцированного насилия, нигилистическая позиция, безразличное отношение людей друг к другу. Избыточная стимуляция в психическом измерении приводит к повреждению на сенсорном, когнитивном и разрешающем уровне: культурный шок, информационные перегрузки и стресс принятия решений [2].

Один из первых – культурный шок. Это некое чувство одиночества, потери, усталости, изоляции, апатии в обществе. Следующая – информационная перегрузка, ослабляющая способность мыслить и являющаяся результатом увеличения объема информации и скорости ее ввода. На сегодняшний день люди ежедневно подвергаются непрерывной «информационной бомбежке». И, наконец, третий – это стресс принятия решений. Он представляет собой результат сверхвыбора и выражается в нежелании их принимать вообще, что отрицательно сказывается на экономической активности индивидуумов [3].

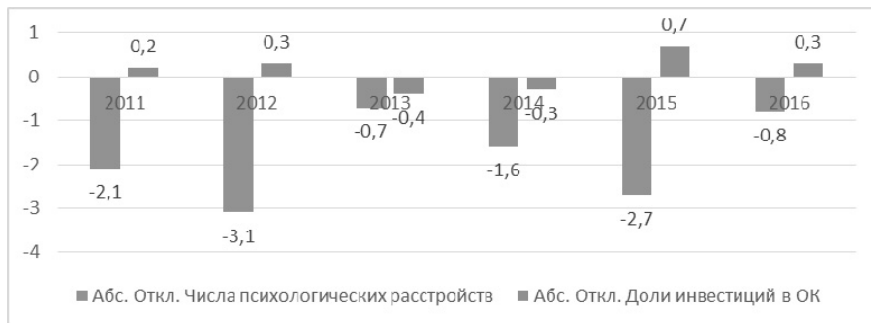
Экономическая активность субъектов в данных условиях существенно снижается, они не могут надеяться на долгосрочную перспективу, на первый план выдвигается получение быстрой прибыли, так как планирование в условиях изменчивой реальности становится с каждым разом труднее. Постепенно начинает терять свою значимость история акции, объясняющая, сколько она будет стоить в будущем [1]. Теперь стоимость гораздо важнее в реальном времени.

Отсутствие долгосрочных инвестиций негативно сказывается на развитии бизнеса, в особенности производственного. Инвестиционная активность сохраняется лишь в отраслях, имеющих устойчивый сбыт и относительно короткий срок окупаемости вложений, – производство продуктов питания, напитков, лекарств и некоторых других товаров, пользующихся повышенным спросом [Там же].

Текущий уровень инвестиций недостаточен для развития экономики страны и свидетельствует о ее кризисном состоянии.

Необходимо отметить, что объем инвестиций в основной капитал относительно ВВП в России отстает от достаточного объема, по оценке Всемирного банка, требуются дополнительные инвестиции в размере 1,1 % ВВП [Там же].

На рисунке можно увидеть тенденцию: когда число психологических расстройств снижается, растет доля инвестиций в основной капитал. Можно сделать вывод об обратной зависимости психологического напряжения в обществе и развития экономики.

Графический анализ связи психологических расстройств (тыс. чел.) и доли инвестиций в основной капитал (%)

Скорость изменений стремительно повышается, свидетелями чего мы являемся, следствием становится значительная нагрузка на психологическое здоровье и сознание человека. Это влечет за собой неустойчивое экономическое поведение и, как следствие, недостаточное развитие экономики. Необходимо смягчить темпы и методы политических, социальных, экономических изменений, оптимизировать финансовую нагрузку субъектов для необходимой их адаптации и эффективного управления экономическими ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А.А. Институциональная экономика для чайников: учебник – М.: Фэшн Пресс, 2011.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002.
3. Елкин И.В. Психоэкономика – наука XXI века, Электронный ресурс: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=724:non-violence-17 [Дата обращения: 05.04.2019].
4. Статистика психологических заболеваний в России 2010–2018 гг. Электронный ресурс: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/ [Дата обращения: 05.04.2019].

РЕКЛАМА ПО ФРЕЙДУ

Подольский В.А., Шмырина Н.А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ, ведущий
научный сотрудник Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

В условиях конкуренции активная рекламная деятельность компании является необходимым условием привлечения клиентов. Первые психологические научно-прикладные исследования в области рекламы начали проводиться на рубеже XIX–XX веков. Главной целью данной статьи является изучение влияния психоанализа на рекламную деятельность.

Современная реклама – это многоаспектное социально-психологическое явление, главная цель которого – побудить потребителя к приобретению товара или услуги. То, какой реклама предстает перед нами сегодня, во многом определено развитием психоаналитической теории. Основанием для этого утверждения является совпадение основных положений психоанализа с характеристикой современного видения продвижения товара и привлечения потребителей.

Основателем психоанализа, одного из пяти направлений мировой психологии, является австрийский ученый Зигмунд Фрейд. Принято выделять понятие психоанализа в теоретическом и практическом смысле. С точки зрения теории, которая активно используется в производстве рекламного продукта, психоанализ – это теория бессознательного. В практическом плане психоанализ представляет собой терапевтический метод лечения психических расстройств [3]. «Бессознательное» – это те глубоко спрятанные мысли, идеи, желания, которые сами мы не осознаем; это своеобразная идея о том, что «наша психика живет своей скрытой жизнью» [1]. Данная идея Фрейда о «бессознательном» начала использоваться маркетологами в середине XX века при появлении опасности перенасыщения рынка товарами. Это послужило установлению одной из главных рекламных уловок современности – продажа не товара, а человеческой потребности.

Применение идей психоанализа в продвижении товаров предопределило вектор развития современной концепции маркетинга. Использование методов прямого привлечения потребителей утратило свою актуальность, так как манипуляция сознанием и потребностями субъ-

екта имеет более значимое воздействие на его активность, нежели демонстрация свойств продукта. Слабое влияние последнего обуславливается незначительными отличиями свойств объектов рекламы, занимающих одну нишу рынка.

Так что в понятие «реклама по Фрейду» мы вкладываем уже не классическую передачу информации о свойствах и особенностях продукта, а его представление в определенном свете, интерпретацию некоторых его свойств под привлекательным для потребителя углом. Цель такой рекламы – манипуляция с бессознательным потребителя для навязывания ему определенных моделей поведения. А именно пробуждение к приобретению товара для удовлетворения не прямой, но скрытой, бессознательной потребности. Именно так в рекламе апельсинового сока напиток выступает не как средство для утоления жажды, а как атрибут «здорового образа жизни», который вы можете приобрести; покупка автомобиля не как средство передвижения, а как способ повысить свой статус в обществе, доказать свою успешность и т. д.

По Фрейду, наиболее сильным из инстинктов является сексуальная связь, или «либидо». Либидо – это проявление полового инстинкта, обостренного и неустанного сексуального влечения [1]. Данная идея также находит отражение в рекламе в виде использования различных сексуальных мотивов. Подобное воздействие можно выявить в рекламе с вербальной и сознательной (открытой) символикой, а также в рекламе с психоаналитическими символами сексуальной направленности. Особенностью данного подхода является минимальная информативность [2]. Успешность такой рекламы объясняется тем, что бессознательно люди постоянно испытывают неудовлетворенное половое влечение, стремление к преобладанию и власти, т. е. в соответствии с постулатами психоанализа З. Фрейда.

Частым примером использования гендерных стереотипов является и обыгрывание романтических отношений при демонстрации объекта рекламы. Для привлечения мужской и женской аудитории оказывается стимульное воздействие на инстинктивные стремления, например, на потребность казаться привлекательным. В оценке женской привлекательности для мужчин таковыми оказываются внешность, молодость и здоровье; для женщин важна демонстрация стереотипов «мужественности»: власти, силы, денег. Все эти представления активно эксплуатируются рекламой.

В заключение можно отметить, что идеи психоанализа оказали огромное влияние на производство рекламы, позволив увеличить воздействие посылы на сознание потребителя. Но при этом одной из главных проблем остается этический аспект, а именно правомерность вторжения в глубинные психические процессы и манипулятивный потенциал, которым она обладает. Это открывает широкие возможности для нарушения персональной, в том числе потребительской автономии личности и использования научных выводов психоанализа в коммерческих целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуревич П.С.* Психоанализ. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2015. – 479 с.
2. *Лебедев-Любимов А.Н.* Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
3. *Фрейд З.* Введение в психоанализ / пер. Г.В. Барышниковой. – М.: АСТ, 2014. – 544 с.

БИОМЕХАТРОНИКА И БУДУЩЕЕ

Потанина Е.А.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент В.Г. Новоселов

Технологические достижения в нашем мире шокируют, но мы не так близки к будущему, как это может казаться. Однако сама технология постоянно развивается – хорошо это или плохо? Да, сейчас человечество постепенно осваивает имплантацию чипов, заменяет потерянные конечности на кибернетические протезы, разрабатывает сверхсложные алгоритмы и совершенствует квантовые компьютеры. Даже искусственный интеллект в последнее время пишет музыку, придумывает сценарии к фильмам, диагностирует медицинские заболевания; нельзя забывать про самый популярный искусственный интеллект – ботов, которые просто охватили социальные сети! Иногда даже сложно отличить, кто сидит по ту сторону экрана: бот или живой человек. Почти все крупные организации в технических поддержках их используют.

Существует множество технологических проектов на сегодняшний день: электромобили, реактивные ранцы, энергетическая самодоста-

точность зданий и многие другие, но сейчас хочу сказать о биомехатронике. К слову, чтобы вы понимали о чем речь: биомехатроника – прикладная междисциплинарная наука, направленная на интеграцию биологии, механики и электроники. Она также охватывает области робототехники и нейронауки. Биомехатронные устройства охватывают широкий спектр применений от развития протезных конечностей до инженерных решений, касающихся дыхания, зрения и сердечно-сосудистой системы.

А еще конкретнее о киберпротезах. В наше время самое лучшее, что может позволить себе инвалид, потерявший, например, ногу от колена, – это прикрепленный к культe бедра вертикальный стержень с присоединенной внизу на шарнире горизонтальной планкой, заменяющей ступню. Проблема таких механических протезов в том, что человек вместо ноги получает механический упор, который усилием оставшихся мышц переносит в цикле шага. Киберпротез, оснащенный двигателями и аккумулятором, – это фактически самостоятельно шагающая нога. Плотнo присоединенный к культe протез не только будет требовать меньше усилий при ходьбе, но и сделает движение человека более естественным и удобным. При этом темп, размер шага и другие параметры движения могут быть подогнаны для конкретного пользователя.

Наука биомехатроника, объединившая в себе медицину и робототехнику, по праву считается одним из перспективнейших направлений развития высоких технологий. Хотя биомехатроника только начинает свое становление, ученым из разных стран мира уже удалось достичь многого в киберпротезировании. Правда, аугментация человека подразумевает не просто замену больного органа киберпротезом, а получение с его помощью сверхчеловеческих способностей (силы, ловкости и чувств).

Ученые из всех стран мира активно работают над развитием киберпротезов, сейчас можно заменить лишь некоторые потерянные части тела, например, руки, ноги и даже глаза. Но когда же будет возможно заменить органы на искусственные импланты?

Прочитав много статей в интернете, я поняла, что мы еще очень далеки от этого. Да, не спорю, есть стоящие проекты, которые дают результат, но остальная часть просто немыслима, ну или просто я такой скептик, что верю в это с трудом. Но все же я нашла пару удивительных разработок, которые усовершенствуются и появятся в ближайшем будущем.

Бионический глаз – искусственная зрительная система. Бионический глаз – это устройство, позволяющее слепым различать ряд визуальных объектов и компенсировать в определенном объеме отсутствие зрения. Хирурги имплантируют его в поврежденный глаз в качестве протеза сетчатки. Тем самым они дополняют искусственными фоторецепторами сохранившиеся в сетчатке неповрежденные нейроны. Здорово, не правда ли? С каждым годом биомедицинские технологии развиваются семимильными шагами. В данный момент собираются внедрять новый стандарт для системы искусственного зрения. Это матрица, каждая сторона которой будет содержать по 500 фотоэлементов (9 лет назад их было всего 16). Хотя, если провести аналогию с человеческим глазом, содержащим 120 млн палочек и 7 млн колбочек, то становится понятен потенциал дальнейшего роста. Стоит отметить, что информация передается в головной мозг через миллионы нервных окончаний, а потом их уже самостоятельно обрабатывает сетчатка.

К сожалению, самая распространенная проблема на сегодняшний день – это почки. Если у человека отказала почка, при современном состоянии медицины у него только два пути: или пересадка органа на донорский, или пожизненный диализ – сложная, дорогостоящая, довольно опасная процедура очистки крови от токсинов.

Но медицина не стоит на месте, поэтому сейчас ученые активно занимаются разработкой искусственных почек! Вероятно, совсем скоро можно будет заменить старые, «изношенные» почки или печень на новые, «свежие». Так что надежда на сокращение списка ожидающих трансплантации вполне реальна. Несколько лет назад итальянскими исследователями из Института фармакологии Марио Негри удалось создать альтернативу донорским почкам.

Да, жить с искусственными органами мы сможем существенно дольше. Но в любом случае, даже если заменим все органы, мы не станем бессмертными. Но зато это поможет дольше прожить людям с определенными проблемами, которые мешают им жить полноценно. Что может быть лучше? Надеюсь, в ближайшее время ученые достигнут нужного прогресса, а нам остается лишь ждать.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ANATOMAGE TABLE EDU 6.0.2» В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Прокофьев М.С.

Псковский государственный университет
Научные руководители: д-р мед. наук, профессор Случанко Е.И.,
старший преподаватель Мурашов О.В.

Анатомия человека – это наука, которая изучает форму и строение (морфологию) человеческого организма и исследует закономерности его развития под влиянием окружающей среды и выполняемых функций отдельно взятых органов (тканей, систем органов) [1, с. 14]. Твердое понимание нормальной анатомии и функции органа (и всего организма в целом) развивает у студентов способность распознавать особенности и взаимосвязи (возможно, патологические процессы), когда нормальные функции могут быть затронуты, при изменении морфологии, в результате развития дефектов, болезней или травм. Для студентов медицинских вузов изучение анатомии обеспечивает основу для критического мышления, рассуждений и навыков решения проблем, которые необходимы в клинической среде. Понимание анатомии может быть улучшено с помощью таких технологий, как системы визуализации анатомии [2, с. 1].

The Anatomage Table – одна из передовых технологий мнемонического обучения нового поколения, представляющее собой устройство – специальную модификацию персонального компьютера в металлическом корпусе на тележке (с возможностью передвижения, для легкой транспортировки), размером 220 см в длину, 70 см в ширину и 83 см в высоту, весом в 136 кг. Рабочий сенсорный дисплей диагональю – 84” (213 см) построен из двух FullHD мониторов производства Samsung, помещенных под закаленное стекло. За аппаратную часть отвечает специальная материнская плата с процессором Intel Core i7 и двумя видеокартами NVidia GeForce GTX1070. Работает стол на ОС Windows 7 от Microsoft со встроенным ПО (программным обеспечением) *Anatomage Table EDU* (текущая актуальная версия которого – 6.0.2) [3].

При изучении фундаментальных дисциплин остро стоит вопрос об оснащении вуза всей необходимой базой. Неоспоримо то, что для про-

дуктивного и объективного изучения строения человеческого организма требуются специальные инструменты и методики, такие как, например, трупные материалы, методические пособия (в их числе и книги, иллюстрации, и любые другие источники информации для самообучения студента). Сегодня, во времена стремительного роста компьютерных технологий, они успешно внедряются и в медицину. Одним из таких как раз является виртуальный анатомический стол. Он позволяет проводить практически те же манипуляции, которые мы могли бы сделать с реальным трупом (диссекция, удаление органов, антропометрия и др.), при этом ему подойдет любая просторная аудитория, где есть выход в интернет. Стоит отметить возможность подключения периферических устройств (проектор, мышь, клавиатура, что делает обращение со столом более удобным и продуктивным). Когда нужно рассказать большой объем материала, а время ограничено, на помощь приходит возможность подготовки заранее специальных надстроек – пресетов (предварительно установленные положения и режим отображения органов с уже вынесенными аннотациями) [4], которые позволяют в один клик выставить подготовленную визуализацию, даже с возможностью вывода на несколько экранов сразу через внешние мониторы для удобства и большего охвата слушателей.

Среди наиболее отличительных преимуществ «Анатомаж» перед реальным трупом – это:

- отсутствие запахов формальдегида и трупных разложений, которые могут отбить у студентов интерес к предмету;
- не требуется специально оборудованное помещение – секционный зал (специальное, хорошо проветриваемое, помещение, где необходима некоторая осторожность, при проведении занятий);
- возможность его интеграции в лекционные занятия.

В итоге мы имеем незаменимого помощника преподавателя и систему обеспечения студентов материалом для самоподготовки, которая лишена, по сути, недостатков использования настоящих трупов.

Конечно, у этой технологии есть недостатки, и они вполне очевидные. Так, в 2013 году в Австралийском государственном исследовательском университете им. Джона Кертина было проведено исследование, в котором анатомические столы были включены в крупный раздел изучения наук о здоровье, чтобы заменить трупные материалы. Студенты работали в группах по восемь человек за столом, в качестве одной из практик еженедельных семинаров, проводимых преподавателями.

По результату студенты и преподаватели прошли опрос, где поделились своими впечатлениями в ходе использования данной технологии. Преподаватели также внесли свой вклад в фокус-группы ($n = 16$), а все взаимодействие со столом было записано на камеру. Доля опрошенных для студентов составила 18 % ($n = 326$), а для преподавателей – 69 % ($n = 22$). Предварительный анализ показал, что большинство студентов нашли анатомические столы хорошими приспособлениями для широкого понимания масштабов и взаимосвязей органических структур, также им понравилась возможность поворачивать изображение, но они были менее впечатлены качеством графики и ограничениями для группового взаимодействия. Преподаватели чувствовали себя уверенно в использовании столов, но были разочарованы техническими проблемами, и мало кто считал, что они были хорошими инвестициями [5, с. 1–3]. Стоит упомянуть, что на момент исследования актуальной версией ПО (программного обеспечения) стола была *Anatomage Table EDU 2.0.0*.

В Псковском государственном университете также используется «Анатомаж» в обучении студентов и по опыту его использования можно смело сказать, что он полностью оправдал себя и показал целесообразность его приобретения. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что такое обучение способствует развитию универсального учебного действия (поиск и обработка информации) и достижению предметных результатов при изучении анатомии человека [6]. Преподаватели также крайне заинтересованы и увлечены возможностями его применения не только для изучения анатомии человека, но и при освоении гистологии. Также в базе инструментария имеется возможность просмотра тела в режиме КТ и послойно (в виде поперечно разрезанных слоев – томов, которые были созданы путем глубокой заморозки трупа и его последующего распила и оцифровки в виртуальную среду *Invivo*).

Таким образом, можно судить о том, что качество этой технологии напрямую зависит от технических возможностей ее реализации. Спустя шесть лет после этого исследования на смену второй версии пришла уже шестая (*Anatomage Table EDU 6.0.2*), где разработчики и инженеры в очередной раз подготовили ряд следующих новых возможностей и улучшений.

- Многократное улучшение качества и детализации текстур и декалей. Все они были проработаны заново, а с новым движком ренде-

ринга изображения – Invivo6, модели запускаются в 1,5–2 раза быстрее прежнего.

- Появилось новое женское макроскопическое тело, а также добавлены 10 новых областей для исследования.

- Новые инструменты опроса и самообучения. В памяти стола имеется более 1200 карточек с вопросами для самопроверки студентов и их тестирования преподавателем во время зачета или экзамена.

- Добавлена возможность просмотра точек начала и прикрепления мышц и сухожилий на всех скелетных структурах. Для этого нужно просто выбрать кость и нажать соответствующую кнопку в меню.

- Теперь также можно использовать инструмент, некое подобие эндоскопа и «пролететь» изнутри все полые структуры организма, включая суставы.

- Была расширена библиотека трупных материалов и база патологических случаев (их около 1500 на данный момент), воссозданных при помощи той же технологии – Invivo 6.

- При выделении различных органов и тканей теперь можно включить режим интерактивной гистологии.

- Также доработана система диссекции, она стала более интуитивно понятной. А интерфейс стола перестал быть нагроможденным, когда от обилия функций можно было потерять много времени на их повторный поиск. Теперь все более или менее рассортировано и скомпоновано в более минималистичном меню по краю и низу экрана. Вместе с этим появилась функция записи (или захвата) видео с экрана, что позволит в дальнейшем использовать их в лекциях [7].

Подводя итог, стоит отметить, что это передовое устройство позволяет работать не только студентам и преподавателям во время проведения практических занятий по анатомии, но также и в медицинских лечебно-профилактических учреждениях (для них имеются специальные модификации), ведь устройство позволяет считывать и воспроизводить данные сканирования КТ и МРТ и отправлять их в цифровое облако – Anatomage Cloud, тем самым способствуя информатизации сферы здравоохранения и централизации обработки результатов этих сканирований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Предмет анатомии. Анатомия как наука // Анатомия человека. – 12-е изд. – СПб.: Изд. дом СПбМАПО, 2004. – С. 14. – 720 с.
2. Custer Tanya M. and Michael Kim. "The Utilization of the Anatomage Virtual Dissection Table in the Education of Imaging Science Students" (2015). Journal Articles: Radiation Science Technology Education. Paper 1. – http://digitalcommons.unmc.edu/cahp_rste_articles/1.
3. Anatomage Inc. Anatomage Table Brochure // SM001 RevD 4/27/ 2016. [http://alabamamedicine.org/wp-content/uploads/2016/09/Anatomage TableBrochure.pdf](http://alabamamedicine.org/wp-content/uploads/2016/09/Anatomage_TableBrochure.pdf).
4. Anatomage Inc. Frequently Asked Questions // <https://www.anatomage.com/table-support/>.
5. Fyfe G., Fyfe S., Dye D., Crabb H. Use of Anatomage tables in a large first year core unit. In H. Carter, M. Gosper and J. Hedberg (Eds.), Electric Dreams. Proceedings ascilite 2013 Sydney. –2013. – P. 298–302.
6. Мурашов О.В., Постаногов Р.А., Прокофьев М.С. Использование анатомического стола «The Anatomage Table» для мнемонического обучения анатомии человека // Вестник Псковского государственного университета. Серия В348. «Естественные и физико-математические науки». – Вып. 12. – Псков: Псковский гос. ун-т, 2018. С. 19–22.
7. YouTube channel: Anatomage // Video: Anatomage Table 6. <https://youtu.be/F9MQURbmhfs>.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР В ПРОИЗВЕДЕНИИ РЭЯ БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»

Рамазашвили А.М.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель д-р филос. наук, проф. Н.И. Мартишина

Две самые главные функции философии – это попытка познать устройство мира и предугадать возможные пути его развития, будущее Земли и проживающих на ней людей. И в этом ей помогает фантастика. Это особый способ изображения мира в различных произведениях

художественной литературы, кино или изобразительного искусства, главной отличительной чертой которого является наличие фантастического допущения – фактора, который невозможен или не встречается в реальном мире. Из этого вытекает способность фантастики рассматривать мир и модифицировать реальность сквозь призму допущений, выводя описываемые ситуации к предельным вариантам. Творчески-каталитические возможности фантастики не могли не привлечь внимания философов, которые начали активно использовать подобные средства для тематизации разнообразных философских проблем. Зачастую философия и фантастика «переплетаются» друг с другом в конкретном произведении духовной культуры.

Еще в глубокой древности мыслители осознали тот факт, что человеческая жизнь представляет собой неконтролируемое путешествие во времени – постоянное движение в будущее – и начали создавать образы будущего через познание окружающего мира во всем его многообразии. Систематизированные философские представления о прошлом и значительно позднее о будущем, как о категориях, отличных от настоящего, были выработаны мышлением лишь в процессе длительного развития. Возможность предугадывать будущее с помощью фантастики заложена в самой идее фантастического допущения, основополагающего элемента фантастики. С помощью фантазии и исходя из тенденций реального мира писатели-фантасты делают допущения относительно возможного облика будущего.

Направлениями развития научной фантастики, моделирующей будущее, являются утопия и антиутопия. Утопия – это детальное описание идеальной культуры или общественного строя, картина альтернативной реальности, на основе которой происходит критика собственной современности с интеллектуальных и эмоциональных позиций. Антиутопия – противоположный жанр, описывающий такие варианты будущего, где будут реализованы негативные программы, ростки которых уже заложены в революционных и утопических доктринах, и предостерегающий от их построения. Фантастические допущения в этом случае дают возможность предвидеть опасные последствия существующего порядка или утопических иллюзий. Именно произведения данного жанра заставляют людей пересмотреть ценности и взгляды, задуматься о цели своей жизни, об устройстве мира в настоящее время и многих других важнейших философских вопросах.

Выдающийся американский писатель Рэй Брэдбери сумел в данном произведении создать абсолютно уникальный и фантастический мир будущего. Все действия романа происходят в тоталитарном обществе, в котором крайне жестоко борются с инакомыслием. Это вызвано тем, что произведение было написано в 1953 г. под впечатлением от эпохи маккартизма, т. е. «охоты на ведьм», когда либерально мыслящая интеллигенция преследовалась властями и существовала цензура. Вследствие этого можно уверенно утверждать, что данный роман имеет социально-философский подтекст. Помимо этого, на автора данного произведения оказало сильное впечатление сжигание в нацистской Германии книг, которые противоречили господствующей в то время фашистской идеологии, и он интерпретировал эту историю в своей работе.

В созданном Рэем Брэдбери мире важную роль играют пожарные — люди, призванные сжигать запрещенные книги и арестовывать их владельцев. То есть это не привычные нам всем в настоящее время пожарные, которые спасают людей при пожарах и тушат их дома, автор изображает их в совершенно другом, изуродованном виде. Книги в этом мире опасны, потому что они заставляют людей думать над всем, что происходит вокруг них и внутри общества. Именно по этой причине они находятся под запретом. Общество, не способное мыслить, легко управляемо правительством, вот почему в условиях тоталитарного режима литература запрещена законом, от чего она подлежит немедленному уничтожению пожарными.

Люди, описанные в антиутопии Рэя Брэдбери, получают информацию лишь с экранов своих телевизоров, заполонивших все стены домов, из шума радиоприемников и других распространителей удобоваримой и необходимой государству пропаганды. Они абсолютно утратили способность общаться между собой, поэтому могут лишь воспринимать ту информацию, которую им подают, без необходимости ее осмысления. Кроме того, среди жителей этого общества прослеживается общая тенденция на унификацию, предпочтение материальных благ вместо духовных и игнорирование реальных проблем. По мнению автора, это именно то будущее, которое нас ожидает, если мы продолжим так существовать: унифицированное, безличное, технологическое.

Главная из философских идей этого произведения — ценность исторической памяти, традиций и культуры. Будущее человечества невоз-

можно без опыта прошлых поколений, заключенных в важнейших источниках знаний и жизненного опыта – книгах. В обществе будущего, описанном Рэем Брэдбери, абсолютно обесцениваются моральные нормы и искусство, что ведет лишь к потребительскому обществу, не заинтересованном в настоящих, жизненно важных ценностях человечества. В мире, где запрещены книги, возможность сохранения всего этого теряется, что становится залогом полного регресса для общества. Помимо этого автор затрагивает тему личной ответственности человека за социальный выбор. Рэй Брэдбери убежден в том, что главная цель жизни человека намного шире, чем бездумное «плавание по течению». Она должна определяться каждым человеком самостоятельно, а не кем-либо свыше.

ЭТИЧЕН ЛИ НЕЙРОМАРКЕТИНГ?¹

Санина А.Е.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Интенсивное развитие нейротехнологий и нейронаучного знания приводит к возникновению новых исследовательских областей и социальных практик, этическое значение которых оказывается достаточно спорным. В 2002 году Э.Смидтс обозначил коммерческое применение нейробиологических знаний и технологии нейровизуализации мозга термином «нейромаркетинг». А в 2004 году в Хьюстоне состоялась первая конференция, посвященная нейромаркетингу [2]. Как исследовательская область, нейромаркетинг изучает природу выбора, закономерности принятия решений в потребительской сфере, эмоциональные и поведенческие реакции на различные маркетинговые приемы. Такого рода изыскания могут иметь различное применение. С одной стороны, они могут способствовать лучшему пониманию человеческой природы, скрытых поведенческих мотивов, формированию самоконтроля. С другой стороны, производители товаров и услуг получают в руки изощренный инструмент манипулирования выбором покупателя [1, 5].

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-02053 «Регулятивные возможности нейроэтики в предупреждении дискриминации личности».

И на данный момент это направление маркетинга развивается все больше: крупные компании открывают свои собственные исследовательские лаборатории нейромаркетинга, появляются различные курсы подготовки специалистов в этой области.

К философскому уровню проблем нейромаркетинга относятся методологические и этические вопросы. В данной работе рассматривается проблема этичности нейромаркетинга в оптике биоэтических принципов.

Биоэтика, являясь учением о нравственной стороне деятельности человека в медицине и биологии, уже имеет богатый опыт обсуждения и решения сложных этических вопросов, возникающих в связи с расширяющимися возможностями манипулирования человеческой природой [3]. Нейромаркетинг основан на нейробиологии, следовательно, может быть рассмотрен через призму уже существующих в биоэтике этических принципов.

Принцип «не навреди» приходит в биоэтику из медицины и подчеркивает уязвимость сложной системы «человек». Ведь нанести ему вред можно не только физически, но и психически и духовно. Причем следует иметь в виду не только краткосрочные, но и долгосрочные последствия. Нейромаркетинг, ориентированный на человека как потребителя, несет в себе потенциальную опасность вреда, поскольку не учитывает многомерной и противоречивой его природы. Вред может быть как ненамеренным, например, формирование зависимости в отношении какого-либо товара, так и осознанным, если усилиями нейромаркетолога покупатель вводится в заблуждение относительно потребительских свойств товара/услуги.

Принцип «делай благо». Для компаний нейромаркетинг является действительно ценным, так как он повышает продажи, формирует устойчивый круг потребителей и привлекает новых покупателей. Некоторые исследователи полагают, что нейромаркетинг позволяет повысить потребительские характеристики продукта или услуги, что может быть оценено как благо и для покупателя, и для производителя [4]. Однако известно, что компании часто используют нейромаркетинг не в интересах потребителя, а с целью получения максимальной прибыли [1]. И успешное продвижение товара на рынке вовсе не гарантирует его качества. Что может играть роль нравственного регулятора в позиции руководства компании при использовании результатов нейромаркетинговых исследований?

Принцип уважения автономии. Понятие автономии предполагает свободный ответственный выбор личности. Нейромаркетинг явно нарушает этот принцип, поскольку изначально направлен на ограничение автономии личности и выявление объективных механизмов, позволяющих это сделать. Однако отказ от данного принципа в социальной сфере рано или поздно приводит к деградации всего общества, поскольку уважение автономии – условие человеческих отношений.

Принцип справедливости очень ценен как социальный регулятор, но не имеет однозначных интерпретаций, в том числе и в биоэтике. Например, среди критериев справедливости могут фигурировать и «равенство», и «потребности», и «заслуги». Что касается нейромаркетинга, например, можно усомниться в справедливости того положения на рынке, когда прибыль определяется не качеством товаров и услуг, а усилиями высокооплачиваемых нейромаркетологов. Здесь отсутствует критерий «по заслугам». Использование данных исследований с целью манипулирования потребностями и выбором потребителя нарушает принцип равенства (манипулятор не в равной позиции с манипулируемым). Исследователи подчеркивают также возможность использования данных нейромаркетинговых исследований для дискриминирующих практик на потребительском рынке, поскольку они дают информацию о биологически предопределенных потребностях и предпочтениях [1].

Вывод. Нейромаркетинг – зона этических рисков. Он может выполнять социальные задачи: стать одним из регуляторов рынка и выводить качественную продукцию в лидеры, может влиять на формирование позитивных потребностей и запросов. Но при этом он может оказаться инструментом манипулирования, дестабилизации общества, эксплуатации неосознаваемых мотивов поведения. Поэтому данное направление исследований и социальных практик требует критического внимания. Во-первых, сам человек должен быть осведомлен о данных нейромаркетинговых исследований и готов к осознанному поведению в качестве потребителя. Возможно также формирование общественных механизмов противостояния манипулятивным практикам на потребительском рынке. Во-вторых, должна осуществляться этическая экспертиза нейромаркетинговых решений и практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ariely D., Berns G.S.* Neuromarketing: the hope and hype of neuroimaging in business // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2010. – Т. 11. – №. 4. – С. 284–292.
2. *Belden S.R. A.* Neuroeconomics and Neuromarketing. Practical Applications and Ethical Concerns // *Journal of Mind Theory*. – 2008. – С. 249–258.
3. Введение в биоэтику: учебное пособие / А.Я. Иванюшкин, В.Н. Игнатьев, Р.В. Коротких и др. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 381 с.
4. *Дули Р.* Нейромаркетинг. Как влиять на подсознание потребителя [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=604739&p=1> (дата обращения: 01.05.2019).
5. *Самоткан К.* Нейромаркетинг, или Как завладеть мозгом покупателя: [Электронный ресурс] / К. Самоткан // *TexTerra*. 2017. URL: <https://texterra.ru/blog/neuromarketing-ili-kak-zavladet-mozgom-pokupatelya.html> (дата обращения: 01.05.2019).

БИОМЕДИЦИНСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ БУДУЩЕГО

Соловьёва К.С.

Кировский государственный медицинский университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Михайлов А.Е.

Механицистский подход в антропологии, начатый Р. Декартом и продолженный Ж.О. де Ламетри в книге «Человек-машина» (1747 г.), сегодня получил широкое распространение в биомедицине. Биомедицинские инновации открывают новые возможности модификации человеческой природы, что вызывает восторг и энтузиазм у представителей трансгуманизма. Критики неконтролируемого или ложно ориентированного технического прогресса видят в нем угрозу наступления эры технологизированного варварства, где исчезнут ценности, придающие смысл человеческому существованию. Такой подход представлен пост(транс)модернизмом, который характеризуется как «идеология изживания человеком самого себя, объявившая о его конце во всех ипостасях, отражающая движение к новой, несоразмерной с природой *Genus homo*, когнитивной онтологии» [2]. В перспективе назревает угроза самоуничтожения человека. Но «ей предшествует, будет предшествовать человек, который еще мыслит, действует, хотя все больше

без рефлексии над тем, для чего, куда и к каким последствиям ведет то, что он делает. Он пока в уме, правда, уже “не в своем”. Без (о)сознания и понимания» [2]. Данная позиция выражает неприятие складывающейся под влиянием технологических (в том числе и биомедицинских) инноваций тенденции в развитии человечества. С утратой человеком способности адекватно осознавать различные аспекты и последствия собственной деятельности возникает ощущение фатальности происходящего. Его можно истолковать, как стремление заострить внимание на угрозах и рисках, связанных с техническим прогрессом, и предостеречь от извращенных его трактовок, ведущих к утрате человеческой идентичности и превращению в зомби [3, с. 69].

К формированию машинно-человеческого гибрида (киборгизации) можно отнести такие простые человеческие изобретения как очки, слуховые аппараты и протезы, которые с каждым годом становятся все более удобными и оснащены большим количеством разнообразных и необходимых функций. На смену привычным приходят более сложные устройства, помогающие преодолевать инвалидность. Создаются роботизированные руки, намного более сильные и более точные, чем у нормального человека, или ноги, которые позволяют бегать быстрее. Обычными становятся кохлеарные имплантаты, которые возвращают способность слышать глухим. Сегодня людям с заболеваниями сердца вживляют пейсмейкеры – приборы, воздействующие на ритм сердца. Стало возможным и механическое сердце. Сегодня учеными разработаны сердечные стимуляторы, которые питаются биотоками тела человека, возникающими от мышечного сокращения. Трансплантация почки является стандартом лечения терминальной стадии хронической болезни почек, обеспечивая высокую продолжительность жизни.

Новейшие достижения в современном мире в области трансплантологии позволяют все шире использовать трансплантацию органов и тканей для лечения различных заболеваний. Наряду с трансплантацией костного мозга, почки, печени и сердца стали применять трансплантацию тонкой кишки, доли и сегментов печени, легкого, костей, поджелудочной железы и клеток панкреатических островков, а также других органов и тканей. Принципиально новым направлением является создание и исследование биоподобных структур для клеточной и тканевой инженерии. Это биоинженерные конструкции, разработанные на основе нанотехнологий с использованием новейших биоискусствен-

ных материалов. Они предназначены для имплантации в поврежденные органы и ткани (суставов, роговицы глаза, кожи, периферических нервов и др.). Большое значение приобретает пересадка гормонально-активных клеток для восстановления утраченной функции.

Сегодня научились превращать жировую ткань в костную. Выращенная из жира кость не отторгается организмом, прорастает сосудами и быстро приживается. Также для формирования хрящевой ткани используют культуру мезенхимальных стромальных клеток из жировой ткани человека, из которой под воздействием индукционной хондрогенной среды образуются характерные трехмерные структуры или микросферы. Сочетание биоинженерных конструкций с клеточными технологиями лежит в основе создаваемой «биоискусственной печени».

Открываются перспективы в развитии нанотехнологий, а также регенеративной медицины с помощью создания или выращивания (в организме животных) человеческих органов с последующей трансплантацией без применения иммунодепрессантов. Сегодня в лабораториях успешно выращиваются ткани, которые будут способствовать замене больного органа на вновь выращенный из его же отобранных клеток. Данные открытия будут способствовать увеличению продолжительности жизни населения. В настоящее время разрабатываются технологии, которые позволяют выращивать зубы. За медициной будущего – выращивание органов непосредственно внутри человеческого организма.

Уже сейчас формируются под воздействием биомедицинских инновационных технологий тенденции в изменении человеческой природы у значительной части человечества. Важно, чтобы эти изменения не приводили к появлению новых форм «расчеловечивания», полностью вытесняющих традиционные гуманистические ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гомье С.В.* Трансплантология XXI века: высокие технологии в медицине и инновации в биомедицинской науке. – 2017. – № 19(3). – С. 10–32.
2. *Кутырёв В.А.* Здравствуйте, зомби // Вестник Российского философского общества. – 2015. – № 1 (73). – С. 63–67.
3. *Михайлов А.Е.* Мировоззренческая подготовка будущего врача // Вятский медицинский вестник. ФГБОУ ВО Кировский ГМУ Минздрава России. – 2017. – № 1 (53) – С. 67–70.

ТЕХНИЗАЦИЯ ДУХА И ДУШИ – ГИБЕЛЬ ДУХА И ДУШИ?

Соловьёва К.С., Сотников В.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Мазурова М.Р.

Двадцатый век принес серьезные изменения в культуре и социальной жизни: новые знания и технологии, другие нормы и стандарты, взгляды людей беспрестанно менялись. Все это происходило под влиянием многих факторов, и самый внушительный вклад в эти изменения внес научно-технический прогресс. Только в 1912 г. появляется первый телевизор, далее за ним идет рентгеновский аппарат, без которого мы уже не представляем современной медицины, а за несколько лет до него появляется авиатранспорт, самый быстрый и безопасный способ перемещения на данный момент. И вот XXI век: мы уже не можем представить свой день без маленького смартфона, лежащего у нас в кармане пальто или сумки. Да, скачки, если задуматься и взглянуть на временную ленту, немыслимые! Победоносное появление машины означает революцию, происходящую намного незаметней, чем Октябрьская или Французская, однако имеющую такие же и даже большие последствия.

Мы живем в XXI веке, и человек, даже редко выходящий на улицу, понимает, что техника начинает занимать господствующее положение в социуме. Без нее мы не можем сделать ни шагу, будь то шаг за необходимыми продуктами или банальный проезд на транспорте. Она прочно вошла в нашу жизнь, и нельзя сказать однозначно, хорошо это или плохо, поэтому рассматривать проблему необходимо с обеих сторон.

Стоит признать, что на данный момент машина начинает преобладать над человеком: она начинает его менять, и достаточно серьезно. Изначально человек – это существо, связанное с природой неразрывно, они существовали в вечном тандеме, пока не пришла машина и не начала нарушать ритм их совместной работы. Тем не менее жизнь без машины сейчас не отвечала бы всем требованиям современного человека, поэтому они нам нужны. Но что мы получаем взамен на все удобства?

В истории философии понятия духа и души не тождественны. Несмотря на разные подходы к пониманию этих понятий, общим является рассмотрение духа как высшего начала в человеке, выражающегося в любви, долге, творчестве и свободе. Под душой же понимается духовная субстанция, включающая внутренний чувственно-эмоциональный мир человека, его ценностные ориентиры.

Цель данной статьи – проанализировать, как технизация всех сторон жизни общества влияет на дух и душу человека, и возможно ли предотвратить негативные последствия.

Под влиянием технического прогресса происходит трансформация человека как личности: вся эта относительно устойчивая целостная система, годами утверждающаяся в нем, начинает меняться, ломаться, удаляться. Морально-волевые качества самых умных существ на планете начинают размываться и рассеиваться не без помощи современных гаджетов и тех действий, что нам позволяют осуществлять социальные сети и, соответственно, их анонимность. Раньше можно было только мечтать об анонимности и безнаказанности за совершаемые противоречащие нормам морали действия, а сейчас, в эру свободного и обособленного от государственного аппарата интернета, это становится вполне реальным. Социально-культурные качества человека деградируют, происходит обездушивание культуры как таковой. Чем больше влияние прогресса на среду обитания человека, тем более заметной становится ликвидация духовности: моральные ценности и традиции остаются позади быстрого течения событий, искусство уже не делает таких больших скачков, как в эпоху Возрождения. Происходит технизация духа, и сможем ли мы ее побороть или жить с ней в согласии – вопрос не из легких.

Помимо всех этих недостатков есть еще один, не менее важный – дегуманизация. Равноправие человека как материально-духовного существа по отношению к другому, природе и обществу нарушается, не оставляя шанса на восстановление без принятия обширных мер. То, что раньше отрицали, сейчас начинает набирать обороты, происходит сведение сущности человека к нечеловеческому и безличному, чему-то потустороннему, что нам чуждо, небытию. Техника дает человеку в руки мощное оружие, превосходство над локальными силами природы, но она не учит, как им пользоваться и в каких ситуациях его применять. Большая власть в руках дегуманизированных личностей – очень

страшное оружие, при использовании которого остаются последствия, которые никто не может исправить и повернуть вспять.

Может ли разум предотвратить негативные влияния развития техники на внутренний мир человека, сохранить свои рациональные и гуманистические черты? Ответ однозначный – да. Разум – одна из форм сознания, направленная на самое себя и понятийное содержание своего знания (Кант, Гегель). Разум выражает себя в принципах, идеях, идеалах. Эта высшая способность познания, направленная на выявление ценностей, связей, отношений между явлениями и процессами. Но здесь возникает проблема: человеческий разум слишком ограничен, слишком привязан к сиюминутной выгоде. Что остается делать человеку? Каждый человек должен делать выбор, прислушиваясь к голосу совести и действуя в соответствии с ней, неся ответственность за каждый свой поступок. Нужна гуманистическая рациональность [1, с. 85]. В этом случае рациональность становится средством осознания и понимания ответственности человека за свои поступки, за развитие тех или иных направлений научно-технического прогресса и его последствий. При развитии науки и техники, при выборе определенных целей и способов их достижений, необходимо учитывать нравственно-практическую составляющую человеческой духовности.

Прав Н. Бердяев, утверждая, что без техники невозможна культура, так как она возникла благодаря ей. Однако окончательная победа техники в культуре и вход в техническую эпоху могут привести культуру к ее кончине. Поэтому духовность и техника должны жить в органичной целостности, мы должны дополнять друг друга. Только при таких обстоятельствах возможно сохранить общественный прогресс.

Первое, что мы должны предпринять – это согласиться с тем, что появление техники во всех сферах жизни человека – это неизбежное событие, которое невозможно оставлять незамеченным. Также важно осознавать, что машина может не только навредить духу, но и придать ему свободу. Да, человек может перестать быть природным существом, но в этом могут быть и свои плюсы, о которых мы пока мало знаем, эти вопросы требуют подробного исследования.

Также я считаю, что решение проблем, обусловленных негативным влиянием техники на человека, с позиций рационального познания окажет существенное влияние на формирование личности и создание верных направлений в формировании моральных ценностей. Человек, принявший проблему и мыслящий над ее решением, способен ее решить.

В современном обществе молодому человеку особенно трудно решать задачу самоопределения, поскольку и само общество находится в таком же состоянии неопределенности. Подрастающее поколение увлекается техника с ее свободой и вседозволенностью, что пагубно сказывается на их дальнейшем мировоззрении и становлении личности. В силу своего неокрепшего ума они зачастую принимают неправильные вещи за правильные. Разумный контроль над формированием моральных ценностей на самых ранних этапах становления личности позволит предотвратить угрозу исчезновения морали и гуманизма в последующих поколениях.

Подводя итог, можно определить основные векторы, позволяющие избежать гибели души. Во-первых, стоит принимать действительность и не отрицать настоящие явления, во-вторых, нужно правильно реализовывать технологические процессы, чтобы они не могли пагубно влиять на внутреннее душевное состояние человека и его поведение в социуме. Все человечество должно нести ответственность за свои действия перед будущими поколениями.

ЛИТЕРАТУРА

Кирвель Ч.С., Кирвель О.Ч., Кузнецов Д.И. «Философия разума» и «философия сердца»: трудный путь к гармонии // Научно-технические ведомости СПб ГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 79–87.

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Тагирова Х.Р.

Дагестанский государственный университет
Научный руководитель: канд. психол. наук, доцент Сайбулаева Д.Г.

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме влияния отсутствия мотивации и цели на развитие личности человека. Выявляются основные причины равнодушия человека к самому себе. Особое внимание уделяется формированию экзистенциального отчаяния.

К высшим человеческим потребностям относится потребность в саморазвитии. В отечественной психологии саморазвитие понимается как сознательно осуществляемая деятельность, направленная личностью на обогащение своих собственных сил; как специфический процесс создания качественно нового в своем сознании, осуществляемый в соответствии с внутренними побуждениями. Многие ученые мыслители изучали процесс саморазвития и почти всегда опирались на свой личный опыт. К примеру, Фрейд никогда не скрывал, что остро переживал эдипов комплекс. Л.И. Анцыферова в своих трудах рассматривает саморазвитие как свойство высшего уровня развития личности, когда человек становится субъектом жизненного пути. Она считает, что у индивида, достигшего уровня субъекта, появляется способность «быть первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать проблемы собственной личности» [5].

Саморазвитие обладает собственной побудительной силой. По мнению В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева, «развитие для человека – это и цель, и ценность, а иногда – и смысл его жизни» [2]. Важно отметить то, что сама жизнь – это непрерывный процесс целеполагания, деятельности и поведения человека, в рамках которого осуществляется процесс осознанного самоизменения. Следовательно, человек уже с момента формирования личности становится субъектом своей жизнедеятельности. Еще в раннем детстве человек начинает ставить перед собой цели, соответствующие требованиям других.

Однако полноценным субъектом саморазвития человек становится в подростковом возрасте, так как в этот период происходят кардинальные изменения в самосознании. По мере взросления человек начинает осознанно ставить цели по самосовершенствованию. Как любая другая деятельность, саморазвитие имеет собственную подкрепляющую ее мотивацию. Такими мотивациями могут быть потребность в независимости, самореализация, профессиональное самоопределение, чувство ответственности, страдания и т. д. По мнению канадского биохимика Ганса Селье, отсутствие мотивации является душевной трагедией. Формирование, реализация и угасание мотива – все это значимые моменты в жизнедеятельности человека. То есть человек развивается как личность при осуществлении какой-либо деятельности и при достижении поставленных целей.

Однако в жизни часто встречаются моменты, когда человек не понимает, для чего он живет, и не знает, зачем ему вообще нужны цели. Такого человека можно сравнить с неуправляемой лодкой, которая плывет туда, куда ее несет течение. Неопределенность конечной точки этого движения может привести к непредвиденным обстоятельствам. Такая непредсказуемость и бесконтрольность становится невыносимым для эгоцентричного ума человека, вследствие чего формируется враждебность ко всему новому. В таком случае может появиться чувство собственной ненужности. Люди, лишившиеся жизненных целей, выбиваются из равновесия, полностью погружаются в себя, в свои переживания и страхи. Так развивается искаженное эгоизмом восприятие реальности. Погружаясь в себя, человек невольно попадает в бесконечный круговорот переживаний о будущем. В результате формируется постоянная личностная тревожность. Проживая каждый день бесцельно, люди оказались бы в такой экзистенциальной пустоте, что их разум воспринимал бы безделье как сущее наказание. В таком состоянии большинство людей погрязло бы в навязчивых размышлениях на совершенно ненужные темы. К примеру, безрезультатные рассуждения о жизни и смерти – о том, что все люди рождаются из неясной пустоты, а после смерти возвращаются в нее же. Идея смерти является как мотивом для саморазвития, так и причиной экзистенциального отчаяния. А экзистенциальное отчаяние принуждает человека жить прошлым, постоянно анализировать прошлые ошибки. Человек начинает тонуть в хаосе собственных мыслей. Он не замечает прекращения своего саморазвития. Итогом такого времяпровождения может быть проживание бессмысленной жизни.

Не каждый человек может вовремя осознать деградацию своей личности. И. Ялом писал о том, что, «пока человек не осознал, что сам сотворил собственную дисфорию, мотивация к изменениям отсутствует» [4]. Для духовного и интеллектуального роста необходимы дополнительные условия и специальные усилия самой личности. По мнению Э. Фромма, «для пробуждения к жизни эмоциональных и интеллектуальных способностей человека, для рождения его личности требуется продуктивная активность, то есть плодотворная деятельность» (прежде всего – внутренняя), самый важный плод которой – сама личность [3].

Человек, не занимающийся саморазвитием, совершает «преступление» против самого себя и несет за это «экзистенциальную вину». Размышляя над этим, И. Ялом приходит к мысли, что экзистенцио-

нальная вина тесно связана с возможностью. Когда эта возможность не реализована, человек испытывает экзистенциальную вину.

Экзистенциальная вина не является результатом выполненных действий, наоборот, она образуется ввиду тех обстоятельств, что привело к невыполнению действия. Осознание человеком своей ответственности перед собственной жизнью заставляет его учиться справляться с реальной виной, отвечая на вызов экзистенциальной вины. Размышляя над вышесказанным, можно сделать вывод о том, что цель играет важнейшую роль в саморазвитии личности. Наличие цели представляет собой именно тот фактор, которые толкает человека вперед, к поиску себя, приобретению новых навыков, способствует проявлению возможностей для развития личного потенциала и самоактуализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Больнов О.Ф.* Философия экзистенциализма. – СПб.: Лань, 1999. – С. 224.
2. *Слободчиков В. И., Исаев Е.И.* Основные ступени развития субъективности человека //Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе: учебное пособие для вузов. – М.: Школьная пресса, 2000. – С. 212–385.
3. *Фромм Э.* Человек для себя – М.: АСТ, 2018. – С. 320.
4. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М., 1999. – С. 313.
5. <https://docplayer.ru/72061844-Psihologiya-samorazvitiya.html>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Чепиго И.В., Некрасов Е.Е., Сабыралиев Б.С.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор НГУЭУ, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН Ерохина Е.А.

В условиях информационной раскрепощенности и быстро развивающегося мирового рынка человек получает свободу выбора. Он может пойти по любой дороге, которую ему предоставляет его положение в обществе. Но если эта дорога заканчивается обрывом и человек

не видит смысла в дальнейшем существовании, появляется такое явление как экзистенциальный кризис. Это явление не является новшеством нашей эпохи. Данный недуг поражал умы многих людей в прошлом, обычно во время эпидемий или войн. Но именно в наше время экзистенциальный кризис может проявляться у обычных людей, которые сбились с пути и не видят путеводной звезды.

Для понимания сути этого явления следует рассмотреть основы экзистенциальной философии, ознакомиться с понятием «экзистенция».

Говоря простыми словами, экзистенциализм – это прикладная философия, направленная на осмысление существования человека в этом мире и, следовательно, на решение проблем, которые возникают в процессе этого осмысления. В данной философской парадигме человек осознает сам себя как проект. И строит себя тоже сам, ведь человек определяется только своими собственными свободными действиями [1]. То есть человека и его природу определяют поступки, каждый выбор, который он делает, свободен. Полную ответственность за выбор несет сам человек и никто другой. В данной философии во главу ставится человек и его проблемы: морального выбора, свободы и ответственности [2].

Вы когданибудь задумывались, что есть люди, которые не любят выходные? Любая свободная минута для них не настолько важна, как для других, и скорее, принесет только боль и разочарование. В наше время человек освобожден от необходимости решать насущные вопросы выживания и у него появляется время, чтобы поставить перед собой самый важный вопрос, который не дает покоя великим умам уже многие тысячелетия. В чем смысл жизни человека, в чем смысл именно его жизни? Многие не задумываясь плывут по течению, не обращая внимания на эту дилемму, но есть те, кто считает свое существование, или по-латински *existentia*, неоправданным и не имеющим конкретных задач и целей. Это понятие впервые ввел предтеча экзистенциалистов датский философ XIX века Серен Кьеркегор, определив его как осознание внутреннего бытия человека в мире. Человек может обрести «экзистенцию» через осознанный выбор, переходя от «неподлинного», созерцательно-чувственного и ориентированного на внешний мир существования к постижению самого себя и собственной неповторимости. С каждым поколением число таких людей возрастает. Во многом это связано как с информационной раскрепощенностью, так и безостановочно возрастающей численностью населения. Также существует

еще много факторов, которые способствуют развитию экзистенциального кризиса, но вышеперечисленные – одни из основных.

Каждый человек хочет искренне верить, что его жизнь важна, но при этом, окинув свое существование взглядом со стороны, понимает, что на фоне бесконечного космоса, огромного количества людей на планете Земля его жизнь – песчинка в пустыне, единственное видимое предназначение которой – просто быть. Осознание этого факта редко приходит обычным людям, которые постоянно отвлечены повседневными заботами, сиюминутными удовольствиями и другими внешними факторами, которые «затуманивают» разум, не оставляя времени задуматься над смысложизненными вопросами. Бывает, что состояние «экзистенции» посещает человека в трудные моменты его жизни, когда приходит осознание, что все, чего он достиг, рушится в пропасть, когда присутствует прямая угроза жизни. Однако и повседневность с ее повторяющейся рутинной может поставить человека перед выбором: продолжать жить так, как сложилось по привычке или в корне изменить ее?

Почему же экзистенциальный кризис с точки зрения обыденного сознания воспринимается как болезнь, как острое критическое состояние, способное привести к деструкции? Такое состояние может иметь симптомы депрессии: человек изолирует себя от общества, подавляет естественные потребности, его существование можно сравнить с анабиозом. Для некоторых людей экзистенциальный кризис заканчивается букетом психических заболеваний и даже суицидом, потому что человек не готов принять то, что на самом деле до определенного момента прожил много лет без цели [3].

В заключение стоит отметить, что экзистенциальный кризис не является чем-то, что нуждается в психиатрическом лечении, хотя для некоторых людей таковое оказывается необходимым в силу индивидуальных причин. Человек должен пройти каждый критический этап своей жизни самостоятельно. Несомненно, учитывая безостановочное развитие технологий и рынка, жизнь человека с каждым десятилетием будет становиться все проще. Чем меньше потребностей человеку нужно будет удовлетворять своими силами, тем больше вероятность «заболеть» экзистенциальным кризисом. Чем менее человечество озабочено проблемой собственного выживания – тем более оно поставлено перед необходимостью определять смыслы своего дальнейшего развития. Это относится и к отдельным людям. В конце концов, про-

блема поиска смысла индивидуального существования, а шире – бытия человека как такового в мире – встает перед каждым. В противном случае человечество может повторить судьбу персонажей мультфильма «Валли», потерявших смысл жизни и проводящих ее в комфорте и безмятежности, что не может быть самодостаточной целью. В итоге потеря смысла жизни и развития может привести к деградации и упадку человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2015.
2. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2014.
3. *Кушова И.А.* Некоторые проблемы бытия современного человека и экзистенциализм, Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/nekotorye-problemy-bytiya-sovremennogo-cheloveka-i-ekzistentsializm>. – Дата обращения: 14.04.2019.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Шевяхова Е.А., Немчинова А.Л.

Астраханский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Немчинова А.Л.

Современный мир становится наднациональным, космополитическим миром без границ. И вместе с ростом возможностей, усилением конкуренции за внимание человека в перенасыщенной информацией глобальной среде возникает и нивелирование тех культур, которые не соответствуют упомянутым тенденциям. Основная задача данной работы – попытка разобраться в том, что же происходит с народной культурой и каково ее будущее.

Как страдает народная культура? Во-первых, ее богатое содержание, копившееся веками в прямом смысле, уничтожается либо выхолащивается. В некотором роде и в определенных ситуациях можно утверждать, что народная культура становится субкультурой. Во-вторых,

делая ставку на молодежь, производители культурных смыслов увлекают формой художественных произведений, уводя сознания от простого и понятного содержания, сводящегося по сути к маркетингу.

Заострим внимание на том, что происходит с нашей отечественной народной культурой на фоне тотального диктата западного кинематографа.

Во-первых, народная культура теряет свои корни. Уходящее поколение не передает свой опыт дальше, потому что он становится никому не нужен. Между культурными практиками возникает конкуренция, в которой побеждает более яркое и внешне притягательное для молодых.

Во-вторых, народная культура приобретает статус существующей не благодаря, а вопреки. То есть без государственной поддержки сама по себе она рискует просто прекратить свое существование в том виде, в каком мы ее привыкли воспринимать.

В-третьих, народная культура постепенно наполняется инородными симулякрами, то есть символами, терминами, которые не имеют с ней ничего общего. Происходит ее растворение на уровне содержания. Трансляция вековых национальных культурных ценностей прерывается.

В-четвертых, глобализация превращает почти любую культуру в инструмент маркетинга, в средство увеличения капитализации, обращенное к человеку как потребителю. Эта участь не обходит стороной и многие исконные культурные практики, существовавшие ранее вне связи с коммерцией. Как отмечает Л.В. Демина: «Традиционная народная культура является не только основой для духовного единства народа, но и культурно-образовательным институтом современной личности. Она сохраняет уникальное свойство в условиях современной жизни – в традиционной культуре нет творцов и потребителей» [1, с. 121].

Наконец, в-пятых, и это касается именно нашей многонациональной страны, россияне спланируют в значительной степени не власть или территория, а общий исторический опыт, лежащий в плоскости культуры. Такие объединяющие всех события, как, например, Великая отечественная война или полет Гагарина в космос, стали системообразующими для нашего народа. В итоге можно наблюдать, как происходит очень опасная подмена понятий и разрушение государственных основ: голливудские фильмы транслируют идею, что во второй мировой войне победили США, а покорение космоса – это заслуга НАСА.

Описанные выше пять пунктов сегодня, в 2019 году, составляют, по большому счету, актуальную повестку дня по осмыслению возможностей сохранения народной культуры. Мы, т. е. государство и общество, все граждане как носители культуры, пока до конца не осознаем того, что в культурном смысле происходит с нами прямо сейчас. А через 20 лет может оказаться уже слишком поздно, чтобы попытаться что-то изменить.

Разумеется, ситуация с культурой в стране не исправляется по распоряжению, а ценностные ориентации не меняются в соответствии с указом. Нужна планомерная, масштабная работа, которая бы соответствовала не только государственным интересам, но и потребностям самого народа. И здесь крайне важно понимать принципиальные различия между теми установками, которые транслируются глобализацией на весь мир, и теми основами, которые так важно не утратить сегодня народам России.

Как отмечает в своей работе А. П. Серов, что «согласно постмодернистской точке зрения структура культуры характеризуется плюрализмом, множественностью, децентрализацией, неопределенностью, фрагментарностью, прерывностью, изменчивостью, эклектизмом, мозаичностью. Здесь нет ни ядра, ни периферии» [2, с. 197]. Традиционная народная культура отличается почти полной противоположностью: 1) вместо плюрализма и децентрализации – наличие центра и периферии; 2) вместо множественности и неопределенности – констатация единственности и уникальности; 3) вместо фрагментарности и прерывности – цельность и последовательность; 4) вместо эклектики и мозаичности – гибкая живая структура.

Таким образом, наблюдающиеся в России попытки заимствования духовных ценностей современной западной культуры, в основе которой сегодня доминируют эгоизм, личный успех и материальное благополучие, являются чрезвычайно опасными для будущего нашей страны, так как разрушают не только национальное единство общества, но и самого человека как нравственную личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демина Л.В. Сохранение традиционной народной культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – С. 121–125.

2. *Серов А.П.* Социокультурное измерение глобализации: национальная культура в глобальном формате // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 206. – С. 197–204.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Щекотько В.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук доц. Данилкова М.П.

Идея общественного прогресса и стратегии будущего человечества находится в центре философского дискурса с давних времен. Выдающиеся умы человечества пытались построить модели общественных отношений, в которых человек смог бы раскрыть свой потенциал во всей своей полноте. Вместе с тем ни одна из известных моделей на сегодняшний день не была реализована. Однако научно-техническая революция, начавшаяся в прошлом столетии, приблизила человечество к прогрессу в области технических инноваций: нанотехнологии, генно-инженерия, новые информационные технологии. Это лишь отдельные штрихи к доказательству высокого уровня современного технического прогресса.

В то же время идея прогресса нуждается в серьезном переосмыслении, так как ситуация сегодняшнего мира ее в целом не подтверждает: если в некоторых областях он действительно наблюдается, то в других – идет регресс и даже архаизация. Наш мир по-прежнему полон противоречий и конфликтов – социальных, социокультурных, цивилизационных, пути и решения которых четко не определены. Цель исследования состоит в анализе социальных трансформаций с позиции идеи прогресса.

Итак, ряд ученых утверждают, что человеческая цивилизация прогрессирует, поскольку современные технологические инновации, включая атомные, субатомные и генетические – это признак все более совершенного человеческого разума. Другие ученые настаивают на возникновении новой антропологической реальности, указывающей на значительные трансформации самой природы человека. Последнее,

в свою очередь, свидетельствует о крайней неопределенности перспектив человека, и даже проблемах его безопасности.

На рубеже тысячелетий все более вырисовываются обстоятельства, заставляющие отнестись к идее о прогрессе с немалым скепсисом. На смену современному миру идет новое мироустройство, облик которого еще не ясен: «Процесс модернизации в фундаментальном смысле – в первоначальном и основном значении понятия – зашел в тупик. В мире же набирает силы иной процесс – чаще всего определяемый как “социальный постмодерн” – проявляющийся то как культурно-цивилизационная полифония, то как более или менее завуалированная демодернизация, а в экстремальном аспекте – как процесс неоархаизации мира» [2].

Действительно, новый мир меняет правила и вносит корректировки во все области человеческой деятельности. Наряженный поиск новых моделей социального устройства отчетливо указывает на наличие серьезных «титанических» сдвигов в социальном пространстве, которые, к сожалению, усиливают кризисные процессы и явления: манипулирование рынком, универсальная коммерциализация и максимизация прибыли, потребительство и накопительство, столкновение ценностных систем и многое другое.

Таким образом, появляются серьезные сомнения в том, что современная социальная реальность представляет собой среду, благоприятную для духовного роста человека и дальнейшей гуманизации мира. Похоже, все, о чем шла речь выше, указывает на то, что гарантированное восходящее развитие оказалось иллюзией и идеи могущества разума (разумности мироздания) и социального прогресса представляются несостоятельными. При этом требуют переосмысления не только сама идея прогресса, но и тесно связанные с ней понятия культурного прогресса. Возможен ли он в новых условиях?

Если понимать культуру как совокупность материальных и культурных ценностей, то совершенно очевидно, что новый техногенный мир уделяет недостаточно внимания для реализации человека как нравственно здоровой личности [3]. По мнению Э. Фромма, нынешние условия сопутствует злоупотреблению свободой: бездуховный в целом социум убивает культуру и искажает ранее сформировавшиеся гуманистические аспекты существования. Накопленный столетиями уровень культуры обесценивается, деградирует уровень духовности человека, свобода обесценивается. Современные условия формируют

человека-пользователя, человека-потребителя, его личностные качества также обесцениваются. В этих усложненных обстоятельствах человек вынужден, не обременяя себя высокими значениями и смыслами, конструировать свое бытие. И как итог, «...в век самых передовых технологий, личность находится в состоянии социальной и моральной изоляции и, как следствие, в глубоком одиночестве...» [1, с. 61]. Действительно, реальность современного общественного развития показывает далеко не радужные тенденции в сфере духовного развития: сегодняшнее состояние духовной жизни общества находится в условиях глубочайшего упадка.

Заключение. Таким образом, приходится констатировать, что в настоящий момент о социальном прогрессе говорить пока преждевременно. К сожалению, техническое могущество не способствует духовному развитию человека, наоборот, принижает значение человека. В современных условиях все более очевидным становится факт служения человека технике, а не наоборот. Техническая реальность все более захватывает и управляет человеческой деятельностью и человеческой сущностью, почти не оставляя пространства для духовного самосовершенствования, отсюда и вопрос о социальном прогрессе пока остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилкова М.П.* Человек в лабиринте ценностей // Идеи и идеалы, 2014. – № 3(21). – Т. 2. – С. 55–62.
2. *Некlessа А.И.* Глобальное сообщество. Изменение социальной и культурной парадигм. – М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.
3. *Фромм Э.* Здоровое общество / Э. Фромм; пер. с англ. Т. Банкетовой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 539 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Виватенко Сергей Валентинович, канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, г. Санкт-Петербург.

2. Вихман Виктория Викторовна, канд. техн. наук, канд. пед. наук, доцент кафедры философии НГТУ.

3. Гайкин Виктор Алексеевич, канд. истор. наук, ст. науч. сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, г. Владивосток.

4. Гербер Ольга Александровна, канд. истор. наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории, Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК).

5. Данилкова Марина Петровна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

6. Дмитриева Анна Игоревна, студентка гр. Ф-71 ФГО НГТУ.

7. Завьялова Наталия Ивановна, канд. филос. наук, доцент, член-корр. Академии гуманитарных наук.

8. Закиров Альфред Фаридович, канд. истор. наук, преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Казанского института культуры, г. Казань.

9. Зайцева Татьяна Ивановна, канд. филос. наук, доцент, кафедра истории и политологии НГТУ.

10. Игнатъев Владимир Игоревич, д-р филос. наук, профессор, кафедра СиМК НГТУ.

11. Крейк Альфред Иосифович, канд. соц. наук, доцент, кафедра СиМК НГТУ.

12. Кущенко Сергей Владимирович, д-р филос. наук, канд. истор. наук, доцент, зав. кафедрой истории и политологии НГТУ.

13. Левин Виталий Ильич, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза.

14. Мельник Виктор Мирославович, ассистент кафедры политологии философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, преподаватель кафедры философии и общественных наук Винницкого национального медицинского университета им. Н.И. Пирогова, главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории», г. Винница, Украина.

15. Мазурова Мария Рудольфовна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

16. Моргунов Георгий Вадимович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

17. Наумова Татьяна Владимировна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры безопасности полетов и жизнедеятельности ФГБОУ ВПО, Московский государственный технический университет гражданской авиации (МГТУ ГА), г. Москва.

18. Новоселов Виктор Геннадьевич, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

19. Пронер Нина Сергеевна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

20. Рамазанова Лариса Асгатовна, старший научный сотрудник Отдела истории, Государственное бюджетное учреждение культуры и искусства Республики Башкортостан, Национальный музей Республики Башкортостан, г. Уфа.

21. Ромм Марк Валерьевич, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии, декан ФГО НГТУ.

22. Сивиринов Борис Сергеевич д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и СМК ФГО НГТУ, профессор кафедры управления персоналом Сибирского института управления, филиала РАНХиГС.

23. Сиволап Татьяна Евгеньевна, канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, г. Санкт-Петербург.

24. Сандакова Людмила Борисовна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

25. Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана, Институт языка, литературы и нацио-

нальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан.

26. Сологубова Галина Сергеевна, канд. филос. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург.

27. Суханова Наталья Петровна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук ФГБОУ ВО, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ».

28. Сапеев Михаил Сергеевич, ФГБОУ ВО, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ».

29. Тимощук Алексей Станиславович, д-р филос. наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО ВЮИ ФСИН РФ), г. Владимир.

30. Тимощук Елена Андреевна, канд. филос. наук, ФГБОУ ВО, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Владимир.

31. Тимошенко Иван Георгиевич, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии НГТУ.

32. Угрюмов Владимир Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент кафедры филологии НГТУ.

33. Упоров Иван Владимирович, д-р истор. наук, канд. юр. наук, профессор, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар.

34. Черняков Алексей Адольфович, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения.

35. Черепанов Игорь Владимирович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

36. Шабалин М.А., теле-радиоведущий, автор программы «Вопреки», 49 канал, г. Новосибирск.

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей по докладам XIII Всероссийских Копыловских чтений

Под ред. М.В. Ромма, В.И. Игнатьева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *И.Е. Семенова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 11.11.2019. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 22,32. Печ. л. 24,0. Изд. № 163. Заказ № 1505
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20